

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Кафедра культурологии

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции

Минск, 7–8 апреля 2022 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2023

УДК 008(06)
ББК 74.045я431

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент *Т. Д. Рабец* (гл. ред.);
кандидат культурологии, доцент *Э. А. Усовская* (отв. ред.);
кандидат культурологии, доцент *И. В. Воробьева*;
старший преподаватель *Е. К. Сельченюк*

Рецензенты:
кандидат филологических наук, доцент *Е. Г. Алферова*;
кандидат культурологии, доцент *Т. М. Смоликова*

Национальные культуры в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. Д. Рабец (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-459-5.

Рассматриваются актуальные проблемы межкультурного взаимодействия в историческом, региональном, глобальном, социально-педагогическом, художественном, лингвистическом и других аспектах.

Адресовано студентам, преподавателям и всем, кто интересуется проблемами межкультурного взаимодействия.

Минимальные системные требования:
PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10/11; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Д. Рабец*

Подписано к использованию 28.03.2023. Объем 3,5 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Антропологические, педагогические и лингвистические аспекты межкультурного взаимодействия

Горбунова И. Б. , Панкова А. А. Музыкально-компьютерные технологии для организации системы дистанционного образования: проблемы, решения и перспективы	11
Дементьева Т. Г. Изучение «лингвистической» вежливости как фактор взаимодействия культур (на материале русского и китайского языков)	22
Зелезинская Н. С. Индивидуализм как философское и этическое основание современного подростково-молодежного романа	27
Миренкова Н. В. Формирование этнокультурной компетенции дошкольников в современных условиях	35
Крюковская И. В. Теоретико-практический базис организации дистанционного обучения в преподавании английского языка.....	40
Стефановская Е. И. (научный руководитель – С. А. Важник) К вопросу об употреблении лексемы «Виктория» в диахроническом аспекте	45
Рудакевич К. С. Ресурс <i>Learningapps.org</i> как средство оптимизации процесса формирования универсальных компетенций у студентов естественно-научных специальностей	52
Занько О. Л. Работа по патриотическому воспитанию в учреждении дошкольного образования	56
Хуан Фэй Трансформация образовательных моделей в контексте префигуративной культуры...	61
С. Тао Взаимосвязь социокультурной адаптации, копинга, социальной поддержки и психического здоровья у китайских студентов	67
Сунь Цзисинь Определение идентичности городских субкультур через призму культурных ценностей	73
Шевела Н. И. Формирование коллективной идентичности	77

АСТАФЬЕВА А. Д. Проблемы и особенности деловой межкультурной коммуникации	81
КАРПИЕВИЧ А. А. Культурная память в постколониальном дискурсе.....	85
САРАНЦЕВА М. Е. (Пост)субкультура: современные подходы к исследованию молодежных субкультур	90
ФРОЛОВА Н. Ю. Переосмысление гуманности современным дизайном.	96

Раздел 2. Мировая и национальная культуры в исторической и современной коммуникации

МУСТАФАЕВ А. Х. Межкультурные и междивизиационные отношения в контексте анализа ненасильственных методов	103
КОХАН Т. С. Творчасць Яна Чачота ў дыялогу культур	107
КРЫВАЛАП А. Д. Траічная канцэпцыя А. Лефеўра: ад мовы да прасторы.....	112
КАШКАН Т. А. Художественное своеобразие прозы Б. Шульца.....	116
КАРПИЕВИЧ В. А. Философско-религиозное осмысление огня в традиционной культуре безопасности белорусов.....	119
КРИШТАНОСОВА Е. А. Специфика межкультурных интеракций в современном белорусском пространстве	124
УСОВСКАЯ Э. А. Категория гипермодерна в культурных исследованиях.....	130
ТЕЛЮК Н. А. Оценка приоритетов современной эпохи студенческой молодежью	134
СЕЛЬЧЕНОК Е. К. Гностические топосы в философии Ф. Шеллинга.....	138
ВЕРБЕЛЬЧУК Н. А. Репрезентация концепта безумия М. Фуко в романе М. Этвуд «Она же Грейс»	143
СЮЕ ЛИНА Китайские традиционные праздники как культурное наследие Китая	149
ЛИ ВЭЙВЭЙ Конфуцианская символика в китайской межкультурной коммуникации.....	153

Мончак А. В. Отражение культуры повседневности шляхты и горожан в произведениях XVII в.....	158
Наймушина Е. И. Образ воды в традиционном родильном обряде белорусов	162
Янь Пэнфэй Интерпретация эстетики даосизма в музыкальном искусстве Китая	165
Лу Ся Традиционная музыкальная культура этносов Сычуани	170
Алексеев Я. А. Диалог культур в аллегорическом романе Р. Рао «Кот и Шекспир: сказание об Индии».....	173
Афанасьева Ю. А. «Следы на пыльной дороге» З. Н. Херстон: автобиография как способ означивания афроамериканской идентичности	179
Шнейдер П. В. Книга Даниэля как архетекст лирики Байрона («Видение Валтасара» и «Валтасару»)	184

Раздел 3. Современные креативные пространства и охрана культурного наследия

Сєбруковіч В. Ю. Сучасныя тэндэнцыі і перспектывы трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны ў медыяпрасторы беларускіх музеяў.....	189
Остапчик Т. К. Тенденции этнодизайна в современном культурном пространстве.....	196
Лю Янь Имплементация национального законодательства Китая в области защиты нематериального наследия	201
Краснова Е. Л. Культурное наследие в условиях цифровой трансформации.....	206
Гопиенко О. Е. Виртуальный мир как часть самопознания человека.....	210
Воробьёва И. В. Эффективные способы и каналы продвижения арт-выставок.....	213
Козябо В. С. Специфика субкультуры детства в фэшн-индустрии	223
Ли Чан Коммуникативное пространство и время современных фестивалей искусств	226

КИРИЧЕНКО Д. С. Феномен культурной медиации в современном обществе.....	230
Фу ЖАО Современная система подготовки специалистов в сфере музыкальной культурной индустрии Китая.....	235
Хуан Ичэн Анимация как сегмент киноиндустрии Китая.....	238
Цзя Ляльна Коммерциализация социально-культурной сферы Республики Беларусь и КНР	242
Сосновик А. Б. «Уход в лес» как стратегия эмансипации в постгуманизме	247
Сташкевич А. Б. Роля адукацый ў захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны	253

CONTENTS

Section 1. Anthropological, pedagogical and linguistic aspects of intercultural interaction

GORBUNOVA I. B., PANKOVA A. A. Music Computer Technologies for the Organization of Distance Education System: Problems, Solutions and Prospects.....	11
DEMENTIEVA T. G. A Study of «Linguistic» Politeness as a Factor of Cultural Interaction (By the Material of the Russian and Chinese Languages)	22
ZELEZINSKAYA N. S. Individualism as the Philosophical and Ethical Foundation of the Contemporary Young Adult Novel.....	27
MIRENKOVA N. V. Ethnocultural Competence Formation in Preschool Children in Modern Conditions.....	35
KRUKOUSKAYA I. V. Fundamentals of Theory and Practice in Organization of Distance Learning while Teaching English.....	40
STEFANOVSKAYA E. I. (<i>research supervisor</i> – S. A. VAZHNIK) The Functioning of the Lexeme “Виктория” from its Diachronic Perspective	45
ROUDAKEVICH K. S. <i>Learningapps.org</i> Resource as a Means of Optimizing the Process of Formation of Universal Competencies in Students of Natural Science Specialties	52

ZANKO O. L. Work on Patriotic Education in the Institution of Preschool Education	56
HUANG FEI Transformation of Educational Modles in the Context of Prifigurative Culture	61
TAO S. The Relationship between Socio-cultural Adaptation, Coping, Social Support and Mental Health in Chinese Students	67
SUN JIXIN Determining the Identity of Urban Subcultures Through the Prism of Cultural Values.....	73
SHEVELA N. I. The Formation of the Collective Identity	77
ASTAFEVA A. Problems and Features of Business Intercultural Communication	81
KARPIEVICH A. A. Cultural Memory in Postcolonial Discourse	85
SARANTSEVA M. E. (Post)subculture: Modern Approaches to Research Youth Subcultures.....	90
FROLOVA N. Y. Rethinking Humanity by Contemporary Design	96

**Section 2. World and national cultures in historical
and modern communication**

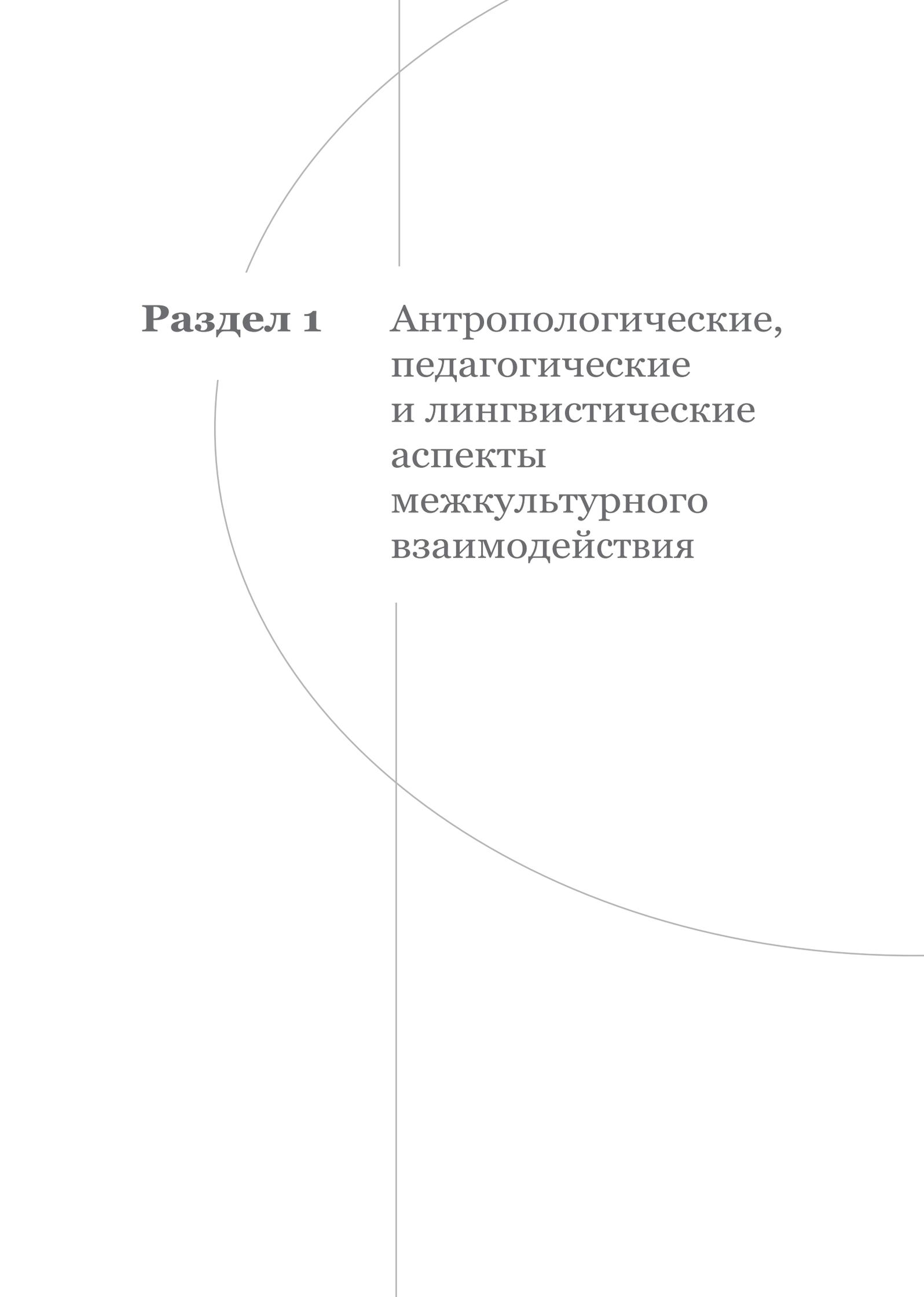
MUSTAFAEV A. KH. Intercultural and Intercivilization Relations in the Context of Analysis of Non-violent Methods	103
KOKHAN T. S. Jan Chechot's Creativity in the Dialogue of Cultures	107
KRIVOLAP A. D. Triple Concept H. Lefebvre's: from Language to Space	112
KASHKAN T. A. Artistic Originality of B. Schulz's Prose	116
KARPIEVICH V. A. Philosophical and Religious Comprehension of Fire in Traditional Safety Culture of Belarusians	119
KRISHTANOSOVA E. A. The Specificity of Intercultural Interactions in Modern Belarusian Space.....	124
USOVSKAYA E. A. Hypermodern Category in Cultural Studies	130

TSIALIUK N. A. Assessment of the Priorities of the Modern Era by the Student Youth.....	134
SELCHENOK E. K. Gnostic Topos in the Philosophy of F. Shelling	138
VERBELCHUK N. Representation of M. Foucault’s Concept of Madness in the Novel of M. Atwood «Alias Grace»	143
XUE LINA Chinese Traditional Festivals the Cultural Heritage of the Chinese Nation	149
LI WEIWEI Confucian Symbols in Chinese Intercultural Communication.....	153
MONCHAK V. Reflection of the Culture of Everyday of the Noble and Citizens in the Works of the 17th Century	158
E. I. NAIMUSHINA The Image of Water in the Traditional Maternity Rite of Belarusians	162
YAN PENGFEI Interpretation of the Aesthetics of Taoism in the Musical Art of China	165
LU XIA Traditional Musical Culture of the Sichuan Thnous.....	170
ALIAKSEYENKA Y. Cross-cultural Dialogue in in R. Rao’s Allegorical Novel «The Cat and Shakespeare: a Tale of india»	174
AFANASYEVA Y. A. Zora Neile Hurston’s «Dust Tracks on a Road»: Autobiography as a Way of Signifying African-american Identity	179
SCHNEIDER P. The Book of Daniel as the Archetext of Byron’s Lyrics («Vision of Belshazzar» and «to Belshazzar»).....	184

Section 3. Modern creative spaces and protection of cultural heritage

SEBRUKOVICH V. YU. Modern Trends and Prospects of Broadcasting Historical and Cultural Heritage in the Media Space of Belarusian Museums	189
OSTAPCHYK T. K. Ecodesign Trends in the Modern Cultural Space	196
LIU YAN Implementation of China’s National Legislation in the Field of Intangible Heritage Protection	201

KRASNOVA E. L. Cultural Heritage in the Conditions of Digital Transformations	206
GOPIENKO O. E. Virtual World as a Part of Human Self-recognition	210
VOROBYOVA I. V. Effective Ways and Channels for Promoting Art Exhibitions	213
KOZIABA V. S. The Specificity of Childhood Subculture in the Fashion Industry	223
LI CHANG Communicative Space and Time of Modern Art Festivals	226
KIRYCHENKA D. S. Phenomenon of Cultural Mediation in Modern Society.....	230
FU JAO Modern System of Training Specialists in the Sphere of the Music Cultural Industry of China.....	235
HUANG YI CHENG Animation as a Segment of the Film Industry in China	238
JIA LIANA Commercialization of the Socio-cultural Sphere of the Republic of Belarus and PRC.....	242
SOSNOVIK A. B. «The Forest Passage» as an Emancipatory Strategy in Posthumanism	247
STASHKEVICH A. B. The Role of Education in Safeguarding of Intangible Cultural Heritage	253

Раздел 1 Антропологические,
педагогические
и лингвистические
аспекты
межкультурного
взаимодействия

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

MUSIC COMPUTER TECHNOLOGIES FOR THE ORGANIZATION OF DISTANCE EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

И. Б. ГОРБУНОВА, А. А. ПАНКОВА
I. B. GORBUNOVA, A. A. PANKOVA

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Учебно-методическая лаборатория «Музыкально-компьютерные технологии»
наб. реки Мойки, 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gorbunovaib@herzen.spb.ru*

В статье рассматриваются особенности реализации музыкально-образовательного процесса в современных условиях использования дистанционных образовательных технологий в культуре и межкультурной коммуникации. Отмечается, что МКТ призваны сыграть значительную роль в процессе освоения, трансляции и сохранения музыкальной культуры народов мира, а также сохранения, развития и популяризации традиционного культурного наследия народов мира.

The article deals with the features of the musical and educational process and creativity in the modern conditions of e-learning implementation and the use of distance learning technologies in culture and intercultural communication. The authors come to the conclusion that the MCT can play a significant role in the process of mastering, broadcasting and preserving the musical culture of the peoples of the world.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; музыкальная педагогика; музыкально-компьютерные технологии; системы дистанционного образования.

Keywords: cross-cultural communication; music computer technologies; music pedagogy; remote technologies; e-learning.

Требования к результатам освоения программ высшего профессионального образования, безусловно, создают предпосылки для успешного формирования информационной компетентности (ИК) будущих учителей музыки. Однако, несмотря на существенную работу, проделанную педагогами-исследователями по информатизации российского музыкально-педагогического образования (разработку соответствующих учебно-методических пособий и образовательных программ, внедрение новых дисциплин, методов и способов обучения как элементов системы образования в вузе и т.д.), продолжает отмечаться необходимость совершенствования подготовки будущих учителей музыки в области информационных технологий (ИТ) в связи с недостаточной готовностью выпускников осуществлять полноценную музыкально-педагогическую деятельность в условиях функционирования высокотехнологичной информационной образовательной среды (ВТИОС), обусловленную отсутствием у них необходимого

уровня владения современными ИТ. Фрагментарность знаний в области информатики и ИТ и недостаточный уровень ИК не позволяют студентам-музыкантам в полной мере использовать преимущества современных методов и средств в профессиональной деятельности, что усугубляет проблему противоречия между высокой степенью востребованности в учителях музыки, свободно владеющих ИТ, музыкально-компьютерными технологиями (МКТ), а также методикой их применения, и острым дефицитом преподавательского состава, обладающего этими знаниями и умеющего использовать их на уроке музыки. Очевидно, что основные причины вышеуказанной проблемы кроются не в отдельных частных недостатках образовательного процесса, а имеют системный характер и обусловлены целым рядом обстоятельств:

1. *Отсутствие достаточного уровня знаний по информатике и ИТ*, получаемого в рамках довузовской подготовки, что обусловлено рядом причин:

- обучение в специализированных музыкальных школах и лицеях, профильных гуманитарных классах общеобразовательной школы, в которых значительно увеличено время, отводимое на профильные предметы, в ущерб обучению информатике и ИТ;
- поступление в вуз после получения среднего профессионального на базе основного общего образования, что нарушает непрерывность и преемственность процесса обучения информатике и ИТ;
- низкая мотивация будущих учителей музыки к повышению ИК, обусловленная отсутствием корреляции получаемых знаний с будущей профессиональной деятельностью.

В процессе подготовки будущих учителей музыки в вузе по дисциплинам в области ИТ программа, выстраиваемая на основе полученных ранее знаний, не имеет прочного основания и, следовательно, недостаточно эффективна. По мнению И. В. Роберт, «базовый курс подготовки педагогов должен включать направления подготовки, обеспечивающие инвариантную относительно специальности педагога составляющую его профессиональной подготовки в области ИКТ; обеспечивать соответствующее современному этапу информатизации образования освоение основных способов организации информационного взаимодействия и информационной деятельности с помощью средств ИКТ» [1, с. 302]. Прежде чем рассматривать проблему формирования ИК будущих учителей музыки в условиях педагогического вуза, необходимо решить задачу овладения ими требуемым для этого уровнем знаний в области ИТ. Данная задача решается, как правило, уже в вузе. Учитывая ограниченное число часов, отводимое на подготовку в области ИТ студентов-музыкантов, решить ее крайне сложно в связи с тем, что в рамках предметов, предназначенных для формирования ИК, будущие учителя музыки лишь восполняют недостаток школьных знаний.

2. *Отсутствие контекстно-ориентированного подхода в процессе обучения по дисциплинам предметной области ИТ* и, как следствие, низкая степень корреляции получаемых студентами-музыкантами знаний с будущей профессиональной деятельностью. Результаты интервьюирования профессорско-преподавательского состава педагогических вузов, дисциплины предметной области ИТ ведутся без учета профессиональных потребностей современных педагогов-музыкантов.

3. *Недостаточная разработанность методик обучения ИТ, ориентированных на формирование ИК будущих учителей музыки как неотъемлемой составляющей их профессиональной деятельности*. Имеющиеся учебные пособия, которые можно

использовать в преподавании ИТ будущим учителям музыки, в основном направлены на изучение конкретного программного обеспечения (ПО). Практически нет пособий, которые помогали бы работать над творческими проектами, отражая при этом интеграцию ИТ в профессиональную музыкальную деятельность, что подтверждается и результатами констатирующего педагогического эксперимента, согласно которым многие преподаватели музыки среди основных трудностей, препятствующих активному внедрению МКТ на уроках, чаще всего указывали на недостаточное количество методических материалов и незнание возможностей использования средств ИТ в музыкально-педагогической деятельности.

4. *Нарушение непрерывности процесса обучения ИТ в средних профессиональных и высших учебных заведениях* в целом, и МКТ – в частности. Так, например, подготовка в области ИТ, реализуемая на первом курсе (в рамках таких дисциплин, как «Информационные технологии» («Информационные технологии в образовании») и «Основы математической обработки информации»), осуществляется в педагогических вузах в процессе преподавания по единой программе для всех студентов (бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование»). Это является одной из причин отсутствия глубоких знаний и целостного восприятия студентами-музыкантами возможностей современной ВТИОС.

5. *Нарушение преемственности в построении дисциплин, относящихся к предметной области ИТ и МКТ, при подготовке будущих учителей музыки в средних профессиональных и высших учебных заведениях.* Формирование ИК в рамках, разрозненных по своему содержанию дисциплин с недостаточным уровнем преемственности излагаемого материала приводит к отсутствию целостного восприятия и осознания студентами возможностей современных ИТ в целом и МКТ - в частности [2; 3]. Иногда дисциплины предметной области МКТ заменяются содержащимися в других циклах учебного плана, что объясняется, прежде всего, отсутствием соответствующих методических материалов, а также преподавателей. Ситуация нередко усугубляется консервативным отношением музыкально-педагогического сообщества, в большинстве своем, получившего образование в те годы, когда ИТ и МКТ не являлись предметом рассмотрения традиционной системы образования.

Наличие данных обстоятельств указывает на необходимость преобразования процесса обучения ИТ будущих учителей музыки с целью формирования их ИК. Иными словами, должен быть выстроен и реализован четкий образовательный алгоритм подготовки квалифицированного учителя музыки, обладающего высоким уровнем ИК и способного применять широкие возможности ИТ и МКТ в творческой профессиональной деятельности. Хронологически продолжительность такого алгоритма выходит далеко за границы обучения в вузе, поскольку, даже начав профессиональную деятельность, учитель должен постоянно актуализировать свои знания и повышать квалификацию, особенно в условиях функционирования ВТИОС и систем дистанционного образования (СДО).

С целью формирования уровня ИК будущих учителей музыки, а также осознанного применения ими ИТ в целом и МКТ, в дальнейшей профессиональной деятельности, осуществляемой в условиях функционирования ВТИОС, целесообразно использовать контекстно-ориентированное построение процесса обучения ИТ. Такой процесс обучения может быть реализован в рамках междисциплинарного подхода, позволяющего гармонично сочетать дисциплины предметной области информатики и музыки.

Особой образовательной средой реализации данного подхода, возникшей на границе двух различных областей знания – информатики и музыки, – являются МКТ, позволяющие открыть новые возможности для творческого эксперимента, расширить познавательный кругозор обучаемого, использовать богатый педагогический инструментарий традиционного обучения музыке и широкие возможности музыкального компьютера, оптимизировать учебный процесс, сделать его высокохудожественным и высокотехнологичным, соответствующим требованиям современной образовательной среды [4].

Построение учебного процесса с применением МКТ позволяет освоить методику их использования в музыкально-педагогической деятельности, построенную, в том числе с использованием СДО Moodle. МКТ как профессионально ориентированная составляющая ИТ позволит в полной мере использовать преимущества контекстно-ориентированного построения процесса обучения ИТ учителей музыки на основе междисциплинарного подхода. Отмечается, что использование МКТ в учебном процессе повышает внимание и интерес студентов к учебному материалу, формируя позитивное отношение к работе с музыкальным компьютером и устойчивую положительную мотивацию к использованию МКТ в дальнейшей педагогической деятельности.

Учитывая «плодородность» информационной образовательной среды (ИОС), которую образуют МКТ, а также их высокую интегрирующую способность в отношении дисциплин предметной области ИТ и музыки, использование МКТ в процессе формирования ИК будущего учителя музыки является необходимым в условиях функционирования ВТИОС. Ранее нами были выделены следующие основные компоненты МКТ как образовательной творческой среды в условиях функционирования ИОС:

- музыкальный компьютер как основной элемент аппаратно-инструментальной базы новой образовательной творческой среды и программное обеспечение музыкально-компьютерного образовательного комплекса;
- методическая система и ее методологическая основа, позволяющие адекватно использовать МКТ на всех этапах и во всех направлениях музыкально-образовательного процесса, психолого-педагогические аспекты их применения;
- социально-культурный фактор интеллектуального и эмоционального развития личности [2].

При построении методики обучения ИТ будущих учителей музыки, базирующейся на применении МКТ как средства обучения и объекта изучения, учитывались выделенные компоненты и необходимость их интеграции в музыкально-образовательный процесс. «Важно учитывать, что музыкальный компьютер нельзя просто добавить к существующей дидактической системе. Необходимо осуществить его интеграцию с инфраструктурой образования с учетом исторических, психологических и методологических аспектов музыкально-образовательного процесса в целом [5].

Информационное общество постепенно трансформируется в smart-общество, в котором за счет технических средств и использования сервисов Интернета становятся возможными качественные изменения во взаимодействии субъектов этого общества, позволяющие существенно трансформировать как экономические, так и социальные аспекты жизни современного человека. Именно человек, который является центральным звеном smart-культуры, сегодня должен обладать более творческим и открытым мышлением, способным быстро и эффективно находить, и использовать информацию, взаимодействовать, обмениваться опытом. Также важнейшей задачей становится подготовка педагогических кадров, обладающих креативным потенциалом, умеющих работать и думать в условиях функционирования информационной образовательной среды.

Именно поэтому на сегодняшний день стремительно меняются не только средства и методы, используемые в образовательном процессе, но расширяется и сфера изучаемых объектов, появляются новые области знаний, а в вопросах, интересующих человечество уже тысячелетия (например, математика, астрономия, музыка и т.д.) открываются новые грани и даже целые направления, освоить и познать которые без использования ИТ не представляется возможным.

При этом также немислимо обеспечить соответствующий современным научным тенденциям темп развития системы образования без осознания роли информационных и дистанционных технологий (ДТ) в процессе обучения. Рассмотрим особенности использования ДТ в музыкальном образовательном процессе.

Роль дистанционного обучения в музыкальном образовании

Для реализации ДО недостаточно просто перевести имеющуюся информацию в цифровой вид и адаптировать традиционные методы ее передачи, необходимо кардинальное переосмысление педагогической парадигмы в целом.

Международной ассоциацией по использованию ИТ в образовании были сформулированы условия применения ИТ в обучении, которые также применимы и к реализации ДО.

1. Сохранение единых подходов к использованию ДО и программного обеспечения.
2. Целесообразность использования ДО.
3. Плановость использования ДО в рамках всего образовательного процесса в целом.
4. Разработанность политики по использованию ДО.
5. Достаточный уровень подготовки учителя в сфере использования ДО.
6. Наличие технической поддержки в образовательном учреждении.
7. Осознание руководителями необходимости использования ДО.
8. Наличие обратной связи с участниками образовательного процесса.

Р. Пуэнтедуро была разработана модель «SAMR» (Substitution, Augmentation, Modification, Redefinition) оценки качества использования ИТ в музыкально-образовательном процессе [6]. Данную модель целесообразно учитывать и в процессе реализации ДО. Модель состоит из 4 этапов, первые два из которых отражают традиционные подходы, а последующие ведут к появлению новой «цифровой» педагогики.

1. **Substitution – Подмена.** На первом этапе ИТ не привносят ничего принципиально нового в процесс обучения. Происходит только замена одного действия другим. Применительно к дистанционному обучению, на первом этапе, как правило, реализуется размещение аудио- или видеозаписей традиционных (очных) уроков и лекций без их адаптации к «удаленному» слушателю.

2. **Augmentation – Приращение.** На втором этапе использование СДО привносит новое качество в образовательный процесс. Так, например, основанная на модульном принципе система интерактивных лекций с использованием гиперссылок, мультимедийных материалов и интегрированных заданий для самоконтроля позволяет существенно менять как процесс обучения, так и его результат. Создание электронных библиотек открывает принципиально новые возможности поиска и обработки информации.

3. **Modification – Модификация.** На данном этапе происходит принципиальное изменение подхода к образовательному процессу и заметное смещение фокуса обучения с учителя на ученика. Задачи общие для всей группы, могут выполняться в цифровой

среде, используя СДО (например, Soundation), которые позволяют не только совместно создавать и редактировать материал, но и обмениваться мнениями всем участникам процесса. Также, меняются педагогические подходы, методический и учебный материал, меняется сама структура, форма и логика проведения занятий. Система автоматически отслеживает уровень подготовки и направленность предпочтений, обучающихся и предлагает соответствующий материал (упражнения, задания и т.д.). Также данные ресурсы предоставляют аналитические сервисы (сбор и анализ данных, расчет и визуализация статистики). Существенным является наличие обратной связи со всеми участниками ДО, реализуемой как в офлайн, так и в онлайн-режимах.

4. Redefinition – Переосмысление. На данном этапе решаются те задачи, которые нельзя решить без использования ИТ, которые привносят переосмысление педагогических подходов и в корне преобразуют процесс обучения. Участники ДО отчасти сами являются создателями своего курса, который может быть размещен в системах управления обучением (например, СДО Moodle), где обучающиеся самостоятельно могут открывать новые темы, размещать актуальный материал, делиться своим опытом. Преподаватель же выступает в качестве куратора процесса, который может в рамках изучения отдельных тем уступить роль учителя кому-либо из слушателей или внешнему эксперту.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДО В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

ДО становится все более популярной формой организации учебного процесса в различных областях знаний, в том числе и в музыкальном образовании. Разумеется, существует ряд особенностей, которые необходимо учитывать при организации такой формы обучения в сфере искусства. С чего же начать процесс проектирования онлайн-курса?

Этап 1. Цель создания онлайн-курса. Прежде, чем приступить к проектированию курса, необходимо определиться с целью его создания. Можно выделить следующие четыре основные цели:

1. Обучение аудитории. На сегодняшний день ДО в музыкальном образовании эффективно может использоваться только как один из элементов очного образовательного процесса. Это обусловлено спецификой подачи учебного материала и проверки овладения компетенциями в процессе музыкального образования. Тем не менее форма дистанционной поддержки очной дисциплины позволяет более успешно ее реализовать в образовательном процессе. Например, ДО существенно расширяют возможности использования дополнительного учебного материала. Таким материалом могут быть как сами лекции, так и вспомогательные видеофрагменты (спектаклей, концертов, интервью, семинаров и др.), электронные нотные библиотеки, аудиозаписи (в том числе и в MIDI-формате, который позволяет работать с нотным текстом в различных специализированных приложениях), программы-тренажеры и многое другое. Педагогам при использовании СДО необходимо учитывать, что применение новых форм подачи учебного материала меняет и методику обучения дисциплине. Кроме того, с помощью использования ДО легче решать организационные вопросы.

Следует отметить, что использование СДО позволит не только содержательно обогатить, разнообразить очные лекции, но и оптимально организовать самостоятельную работу обучающихся в условиях дефицита часов, предусмотренных программой для работы непосредственно с преподавателем. Кроме того, существенно возрастает продуктивность использования времени очных встреч за счет предварительного дистанционного изучения необходимого основного материала, автоматизации оценки и анализа усвоения при проведении контрольных мероприятий.

2. *Отбор потенциальных абитуриентов.* В условиях расширения возможностей абитуриентов по выбору вуза образовательные учреждения крайне заинтересованы в привлечении наиболее подготовленных и способных обучающихся. Одним из способов мотивации одаренной и активной молодежи является отбор в процессе ДО. В процессе изучения открытых онлайн-курсов и анализа данных по контрольным мероприятиям существует возможность определения наиболее активных обучающихся с наилучшими результатами, для которых могут быть созданы благоприятные условия при поступлении на очное обучение в вуз.

3. *Продвижение рейтинга образовательного учреждения.* Модернизация педагогического образования с целью обеспечения возможности использования в образовательном процессе современных ИТ (в том числе СДО, включая создание онлайн-курсов) позволит вузу активно участвовать в реализации ряда стратегических направлений развития образования в соответствии с государственной программой развития образования в России в 2018–2025 гг. Активное и массовое участие образовательных учреждений в данной программе позволит существенно продвинуться на пути удовлетворения растущей социальной потребности общества в качественном и современном образовании. Такая активность и вовлеченность в актуальные образовательные программы с использованием современных технических средств, безусловно, отразится на статусе вуза в национальных и международных рейтингах.

Следует отметить, что в случае использования ДО в процессе обучения будущих педагогов-музыкантов имеет место мультипликативный эффект, реализуемый в ходе дальнейшей профессиональной деятельности выпускников курса. Очевидно, что современные тенденции перехода на ДО позволяют с уверенностью говорить о востребованности таких курсов в дальнейшем.

После определения цели или нескольких целей создания онлайн-курса необходимо определиться с целевой аудиторией, ожидаемыми результатами и платформой для размещения учебного контента и организации образовательного процесса.

Этап 2. Создание учебно-методического контента курса. На данном этапе (исходя из поставленных целей и задач) разрабатывается программа онлайн-курса, формируется и адаптируется для дистанционного формата обучения учебный материал, творческие проекты и проверочные задания, продумывается форма и содержание самих видео лекций.

Этап 3. Съемка видеосюжетов. Прежде чем приступать к съемкам видеолекции, целесообразно сделать пробное видео, которое позволит предвосхитить многие проблемы. Например, станет понятно, насколько повествующий преподаватель органично смотрится в кадре и удерживает внимание зрителя, что в дальнейшем обусловит использование нескольких камер или необходимость включения в видеосюжет (на этапе монтажа) дополнительного материала.

Этап 4. Разработка проверочных мероприятий. Создание проверочных заданий, тестов, творческих проектов, прежде всего, должно быть обусловлено заявленными результатами обучения. На сегодняшний день нет идеального решения задачи объективной оценки уровня сформированных компетенций в сфере музыкального образования. Однако существуют эффективные формы проверки музыкальной подготовки слушателя.

Этап 5. Совершенствование онлайн-курса. В этап совершенствования и коррекции входят такие мероприятия, как изучение данных учебной аналитики, создание комментариев для пояснения трудных фрагментов курса, доработка учебного контента, исправление заданий (если потребуется) и др.

Создание онлайн-курсов и гибкое внедрение их в образовательный процесс позволит решить актуальную задачу подготовки кадров в сфере музыкального образования, обладающих потенциалом не только для участия в жизни современного smart-общества, но и для активного и креативного развития такого общества.

КРИТЕРИИ smart-ОБУЧЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Построение музыкального образовательного процесса с использованием ДО и сервисов Интернета предоставляет возможность приобретения профессиональных компетенций на основе системного многомерного видения и изучения дисциплин, с учетом непрерывного (онлайн) обновления содержания обучения. Поэтому, smart-обучение является одним из приоритетных направлений в музыкальном образовании, т. к. применение данной технологии позволяет отслеживать широкий круг источников информации, гибко и оперативно реагировать на произошедшие изменения как в изучаемой сфере, так и в самом объекте обучения. Именно активное изучение и анализ вектора интересов педагога-музыканта позволяют эффективно повышать его профессиональный уровень на протяжении всего периода активной деятельности.

Основные критерии, необходимые для формирования качественного smart-обучения в музыкально-образовательном процессе.

Доступность. Критерий *доступности* является одним из основных, т.к. обеспечивает взаимодействие между педагогом-музыкантом и информационной образовательной средой. Возможность активно взаимодействовать в виртуальном пространстве, быть в постоянном поиске новой информации, принимать участие в обсуждении актуальной проблемы и нахождении решений вне зависимости от времени и места обусловлено наличием «подключения» к виртуальному сообществу посредством сети Интернет. Также использование ИТ позволяет каждому развивать и реализовывать свой творческий, научный и профессиональный потенциал, в том числе для музыкантов с ограниченными возможностями.

Актуальность. Учебно-методический контент, сопровождающий smart-обучение, должен отвечать требованиям современного общества и быть актуальным, а также обладать новизной. Более того, такое обучение должно базироваться не только на актуальной информации, но и на знаниях опережающего характера, которые могут быть построены на предиктивных технологиях и технологиях анализа BigData.

Модульность. Подача учебного контента небольшими блоками, каждый из которых должен заканчиваться контрольным тестированием или практическим упражнением для закрепления материала, облегчает его усвоение, тем самым повышая мотивацию педагогов-музыкантов к обучению. В целом, на изучение каждого блока обучающийся должен потратить не более 15–20 минут. Такие блоки формируются в модули, которые, в свою очередь, заканчиваются итоговым тестированием и практической работой (творческим проектом). Следует отметить, что модули должны быть мобильны и, при необходимости, гибко «перестраиваться» в другие логические образовательные траектории, которые могут быть различны по форме предоставлению учебного контента, уровню его сложности и заключенной в них информации.

Наглядность, конкретность. Данные критерии реализуются за счет формирования учебно-методического контента, адаптированного для smart-обучения в музыкальном образовании. Так, например, основанная на модульном принципе система интерактивных лекций с использованием гиперссылок, мультимедийных материалов и интегрированных заданий для самоконтроля позволяет существенно менять как процесс обучения, так и его результат. Создание электронных библиотек и медиатек

открывают принципиально новые возможности поиска и обработки информации. Наглядность учебного материала предполагает максимальное разнообразие мультимедиа (аудио, видео, графика). Как правило, значительную часть учебно-методического контента занимает видеоматериал, формирование которого также необходимо осуществлять с учетом особенностей smart-обучения (т. е. используются технологии видеозахвата различных экранов, добавляются встроенные тесты, интерактивные элементы и субтитры на разных языках). Такой видеурок должен содержать в себе законченный элемент темы при этом по продолжительности не превышать 20 минут.

Уникальность. Необычная трактовка учебно-методического контента, качественная графика, дизайн, анимационные модели, интерактивные объекты, виртуальные модели, сопровождающие smart-обучение, а также наличие уникальных профессионально ориентированных упражнений, задач, тестов и творческих проектов делает образовательный процесс увлекательным, понятным, а курс – востребованным.

Персональность. Критерий персональности обеспечивает доступность и адаптированность как учебно-методического контента, так и образовательного процесса в целом для каждого педагога-музыканта. Необходимо создание сценария всех учебных мероприятий, которые должны увлекать, побуждать к творческой и научной деятельности. Очевидно, что все участники образовательного процесса имеют разный возраст, уровень образования, индивидуальные особенности восприятия и т. д. Smart-обучение позволяет сделать процесс обучения личностно-ориентированным. Учебный материал предоставляется в соответствии с заданными параметрами (по фиксированному графику или последовательно по мере освоения модулей). Система управления smart-обучением автоматически отслеживает уровень подготовки и направленность предпочтений, обучающихся и предлагает соответствующий материал (упражнения, задания, тесты на закрепления недостаточно качественно усвоенного материала и т. д.).

Социальность. Данный критерий предполагает самостоятельное конструирование обучающимися новых знаний и приобретения опыта в освоении способов действий. Появляется возможность равного взаимодействия всех участников обучения, сопоставление своих достижений с достижениями коллег. Коллективное (в фокус-группах) обсуждение работ и взаимооценивание мотивирует обучающихся, а общение с коллегами делает обучение комфортным и более информативным.

Кросс-платформенность. Соответствие данному критерию позволяет обеспечить независимость smart-обучения от разнообразия электронных устройств и программного обеспечения. Smart-обучение должно быть доступным как для стационарных компьютеров, так и для любых мобильных устройств. Также, доступность образовательных программ должна быть обеспечена вне зависимости от используемых операционных систем, их версий и технических платформ, используемых обучающимися устройств.

Технологии контроля в дистанционном музыкальном образовании

В условиях функционирования СДО меняются принципы, педагогические подходы, трансформируется методический и учебный материал, а также сама структура, форма и логика проведения занятий, что неизменно приводит к формированию новой сферы – *цифровой педагогики*. Однако проблема создания валидных, надежных форм контроля способных измерить уровень сформированных заявленных компетенций актуальна как для дистанционного, так и для очного музыкального образования.

Среди наиболее часто применяемых форм в СДО является система взаимного оценивания и тестирование. Среди достоинств системы взаимного оценивания можно отметить масштабность: такой метод способен провести оценивание большого количества

выполненных заданий, обмениваться опытом с другими участниками процесса обучения. Студенты не только размещают свои работы (исполнение музыкальных произведений), но и комментируют работы своих сокурсников. Также следует отметить, что одним из основополагающих недостатков данного метода является сомнительная объективность и недоверие к экспертам, в роли которых выступают сами студенты. С большой вероятностью, дистанционные курсы, использующие систему взаимного оценивания как основную, могут иметь низкий показатель (Retention Rate) курса.

Интерактивное тестирование также является одной из часто используемых форм контроля усвоения учебного материала, самым эффективным, совершенным и сложно организованным из которых является адаптивное тестирование. Это обусловлено их способностью максимально точно определить уровень подготовки испытуемого за более короткий срок по времени, т. к. процесс тестирования заканчивается в тот момент, когда достигается максимально возможная точность измерения. При этом следует отметить, что задания для каждого участника формируются индивидуально из предварительно созданной для этого базы, где новые вопросы переоцениваются после каждого шага и подбираются в зависимости от ответа на предыдущие. Однако, среди них нет программ, способных в удобной форме конструировать задания для проверки музыкального слуха, знаний теории музыки, исполнительских навыков и др., что так необходимо в системе музыкального образования. Данную проблему можно решить путем создания серии тестов-заданий (в рамках конкретной платформы ДО), которые помимо стандартных вопросов на знание теоретического материала будут включать и формы диагностики уровня развития музыкального слуха [5].

Существуют различные формы проверки музыкальной подготовки студентов, например: стандартные задания на закрепление теоретических знаний (с одним и более правильным ответом); задания на установление соответствия; задания на определение незнакомого звучащего фрагмента по предоставленным нотным текстам; задания на определение музыкального произведения по предоставленному аудио- или видеоматериалу; задания на составление музыкального фрагмента из предоставленных нотных «пазлов» (без предоставления аудио- или видеоматериала); задания на установление правильной последовательности нотных фрагментов по предоставленному аудио- или видеоматериалу; задания на фрагментарную или полную запись музыкального текста по услышанному аудио- или видеоматериалу; задания на определение частей музыкального произведения по предоставленным нотным фрагментам (главной партии, побочной партии, темы и т. д.); задания на выявление неточности в нотном тексте по предоставленному аудио- или видеоматериалу и др.

Соответствующие рассмотренным критериям инновационные и гибкие образовательные программы, а также формы контроля способны решить актуальную задачу подготовки кадров в сфере музыкального образования, обладающих потенциалом не только для участия в жизни современного smart-общества, но и для активного и креативного развития такого общества.

Использование учебных элементов СДО Moodle при организации контрольных мероприятий в музыкальном образовании позволяет не только предоставить учебный контент, но и реализовать полноценный образовательный процесс в целом, включая организацию контрольных мероприятий.

Как правило, любой учебный элемент (используемый в СДО Moodle) можно применить не только для предоставления контента, но и для проверки усвоенного учебного материала. На основе многолетнего опыта реализации ДО в сфере музыкального образования нами был выделен ряд наиболее эффективных контрольных инструментов

СДО Moodle для применения в музыкальном образовании: задание, тест, семинар, форум, лекция. Выбор производился с учетом особенностей организации учебного процесса в междисциплинарной сфере деятельности – МКТ, затрагивающей и развивающей возможности преподавания музыки и ИТ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Роберт И. В.* Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 336 с.
2. *Горбунова И. Б.* Музыкально-компьютерные технологии в системе современного музыкального воспитания и образования // Педагогика и психология, культура и искусство : мат-лы VII Междунар. научно-практ. конф. «Педагогика и психология, культура и искусство: проблемы общего и специального гуманитарного образования»; Мин-во образования и науки РФ; Мин-во культуры РБ; НОУ ВПО «Российский ун-т» (Рос НОУ) Климовский филиал ; УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (БГУКИ), кафедра хореографии. 2013. С. 7–12.
3. *Горбунова И. Б.* Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388–395.
4. *Горбунова И. Б.* Творческий проект в процессе обучения информатике студентов-музыкантов (в условиях педагогического вуза) // Вестник Иркутского гос. тех. ун-та. 2014. № 3 (86). С. 214–221.
5. *Gorbunova I., Pankova A.* Information Technologies for the Training of Teachers in the Creative Professions // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. St. Petersburg. 2022. С. 705–714.
6. *Панкова А. А.* Создание онлайн-курсов в условиях реализации музыкального образования // Современное музыкально образование – 2018: мат-лы XVII Междунар. научно-практ. конф. / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова / под общ. ред. И. Б. Горбуновой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. С. 329–333.

ИЗУЧЕНИЕ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ» ВЕЖЛИВОСТИ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

A STUDY OF «LINGUISTIC» POLITENESS AS A FACTOR OF CULTURAL INTERACTION (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Т. Г. ДЕМЕНТЬЕВА
T. G. DEMENTIEVA

*Минский государственный лингвистический университет
факультет иностранных языков для руководящих работников и специалистов
ул. Румянцева, 12, 220034, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tania-dementieva@rambler.ru*

ШУНЬЯО МУ
SHUNYAO MU

*Минский государственный лингвистический университет
переводческий факультет (иностранное отделение)
ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь
e-mail: 651542976651542976@qq.com*

В статье рассматривается категория «вежливости» как неотъемлемый компонент межкультурной коммуникативной компетенции. Соблюдение принципа вежливости при формальном и неформальном общении составляет важную лингвистическую и социальную характеристику речевого поведения. Изучение и знание «лингвистической» вежливости, норм речевого этикета являются важным фактором взаимодействия культур.

The article considers the category of «politeness» as an integral component of intercultural communicative competence. Compliance with the principle of politeness in formal and informal communication is an important linguistic and social characteristic of speech behavior. The study and knowledge of «linguistic» politeness, the norms of speech etiquette are an important factor in the interaction of cultures.

Ключевые слова: вежливость; межкультурная коммуникация; этикетные формулы; взаимодействие культур.

Key words: politeness; intercultural communication; etiquette formulas; interaction of cultures.

Вежливость является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции. Многие проблемы межкультурной коммуникации возникают именно из-за неумения собеседников продемонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами данного общества и конкретными ожиданиями партнера. Вежливость является национально-специфической категорией, которую сложно определить однозначно, особенно в межкультурном аспекте, поскольку понимание вежливости у разных народов различно [1, с. 10–11].

Возросший интерес к «лингвистической» вежливости указывает на важность этого вопроса в человеческих взаимоотношениях, в целом, и в межкультурном общении, в особенности. Нарушения в речевом поведении коммуникантов возникают тогда, ког-

да в соответствующей ситуации не используется этикетное выражение и при использовании стилистически неуместных языковых единиц, не подходящих для ситуации общения: стилистически нейтральных, повышенных, сниженных. Соблюдение принципа вежливости при формальном и неформальном общении составляет важную лингвистическую и социальную характеристику речевого поведения.

Современная лингвистика характеризуется большим интересом к прагматическим исследованиям языка и непосредственно категории «вежливости», так как ввиду расширения границ международного сотрудничества, с возрастанием роли межкультурной коммуникации, появляется необходимость знать и выполнять речевые стратегии, которые ведут к успешному процессу коммуникации. В этой связи возрастает научный интерес к национально-культурному аспекту исследования языка, к исследованию единиц языка и речи, отражающих явления, типичные для лингвокультурной общности носителей языка.

Нерешенным пока остается вопрос о статусе и месте определенных универсальных форм категории «вежливости» в разных культурных традициях, их возникновении и развитии. В этом плане особый интерес представляет сравнительно-сопоставительный анализ семантических связей категории «вежливости» в разных системных языках [2, с. 70]. Обращает на себя внимание и то, что данная проблематика практически не рассматривалась в сопоставительном аспекте в русском и китайском языках.

Культура Китая относится к восточному типу и поэтому специфична относительно русской культуры. Сказанное имеет отношение и к категории «вежливости», в том числе – к формулам речевого этикета, что неоднократно отмечалось многими исследователями.

С этикетными формулами приветствия неразрывно связаны **формы обращения**. Обращения играют важную роль в межличностном общении, они способствуют взаимодействию говорящего и адресата и помогают создать особое коммуникативное пространство. Система обращений китайского языка богата и многогранна, она имеет глубокие корни в древности. Обращение является важной частью социального этикета [3].

В русском языке мы выделяем следующий репертуар этикетных формул обращения: *мама, папа, Василий Иванович, господин, госпожа, товарищ, гражданин, парень, девушка, женщина, мужчина, дедушка, бабушка, коллега, доктор, профессор* и др. Также используют уменьшительно-ласкательные формы обращения. Например, мамочка, папочка, сынок, доченька и др. К сестре или к брату обращаются только по имени. Есть две формы обращений – на «ты» и на «вы». Обращение на «вы» используется только по отношению к старшим и вышестоящим по должности. Обычное обиходно-бытовое обращение – на «ты».

В китайском языке при обращении к мужчинам используют слово 先生 *xiansheng* (господин). Такое обращение применяется к тем, кто выше по статусу. Например: школьники, солдаты, продавцы обращаются так к учителям, офицерам, клиентам и т. д. Если известна фамилия собеседника, китайцы начинают с фамилии, затем следует слово «господин»: 王先生 *wang xiansheng* (Господин Ван). К женщинам в Китае принято обращаться как 太太 *taitai*. Данное слово обозначает группу частично синонимических слов: госпожа, тетушка, жена. Иероглиф 小姐 *xiaojie* может относиться как к женщине, так и девушке. К молодым девушкам принято обращаться 姑娘 *guniang*.

В китайском языке, как и в русском, присутствует градация обращения на менее вежливое 你 *ni* (ты) и более вежливое 您 *nin* (вы). Вежливое обращение к членам семьи значительно отличается в китайском и в русском языках. При обращении к родителям принято добавлять префикс 老 *lao*, который в самостоятельном виде переводится как

старый. Для уважительного обращения к отцу 爸爸 *baba* и матери 妈妈 *mata* этот префикс принято добавлять к первому слогу данных слов, что означает почтение. Например: 老爸 *laoba* · 老妈 *laoma*. Обращения мама и папа обязательны по отношению к родителям мужа или жены.

В китайской культуре наблюдается иерархия как в обществе, так и в семье. Существуют различные лексические средства выражения обращения к старшим и к младшим братьям: – 哥哥 *gege* (старший брат), 弟弟 *didi* (младший брат) – 姐姐 *jiejie* (старшая сестра), 妹妹 *meimei* (младшая сестра). К дедушкам и бабушкам по отцовской линии обращаются так: 爷爷 *yeue* (дедушка) · 奶奶 *nainai* (бабушка), по материнской же так: 老爷 *laoye* (дедушка), 姥姥 *laolao* (бабушка). Обращения «дедушка» и «бабушка» могут быть направлены не только к родным, но и к незнакомым пожилым людям. В обоих языках существуют обращения по роду деятельности, которые могут строиться с добавлением профессии совместно с фамилией в китайском языке, например, 王老师 – учитель Ван; в русском языке – без добавления фамилии, например, доктор, или обращаются к доктору, преподавателю, декану и др. по имени отчеству, например, Людмила Ивановна.

Приветствие является одним из важнейших ритуалов в общении. Для приветствия чаще всего используются такие этикетные формулы русского языка, как: *Здравствуй (те), привет, доброе утро/ день/ вечер* и др.

Ситуации речевого общения бывают формальные и неформальные. Существуют речевые акты, когда оба говорящих находятся в равных социальных ролях, такие ситуации мы будем называть равносоциальными, и когда говорящие находятся в неравных социальных ролях – неравносоциальными. В зависимости от уровня взаимоотношений в процессе речевого акта категория «вежливости» будет реализовываться тем или иным путем.

Примеры равносоциальных ситуаций мы находим в следующих этикетных формулах приветствия: *Здравствуй! Привет! Салют!* и др.; неравносоциальных ситуаций – в следующих формулах: *Добрый день! Рад(а) Вас видеть! Как я рад(а) Вас видеть! Добро пожаловать!* и др.

Представители китайской культуры приветствуют друг друга выражением 你好, что означает «тебе хорошо». Приветствующее вас лицо желает, чтобы все у вас было хорошо. Это выражение используется для приветствия людей младшего или равного вам возраста. Есть еще одна вариация этого приветствия 您好 *nihao* (вам хорошо). В первом иероглифе присутствует ключ 心 *xi* (сердце), из-за чего это выражение используется для приветствия старших и уважаемых людей. Универсальными же являются приветствия, связанные с временем суток: 早上好 *Zaoshanghao!* (С добрым утром), 下午好 *Xiawuhao!* (Добрый день), 晚上好 *Wanshanghao!* (Добрый вечер).

В Китае, когда муж приветствует жену или наоборот, говорят: 我来了 *Wolaile* (Я пришла) или спрашивают: 你来了吗 *Nilailema?* (Ты пришел?). Для приветствия с людьми разного социального положения китайцы используют другие формы приветствия, как, например, 老师好 *Laoshihao!* (Учитель, здравствуйте!). Подчиненные с начальниками здороваются так: 老板好 *Laobanhao* (Здравствуйте, босс). Культура приветствия близких людей у китайцев значительно отличается по сравнению с европейцами. Очень близкие друзья могут приветствовать друг друга заимствованной из английского языка формой «Hello!» (海! *Hi!*) Это относится к более современному поколению. С работающими людьми принято здороваться: 上班吗 *Shangbanma?* (Идешь на работу?), 下班了吗? *Xiabanlema?* (Возвращаешься с работы?), 工作忙? *Gongzuomangma?* (Как работа?), 近来怎么样? *Jinlaizenteyang?* (Как поживаете?), 身体好吗? *Shentihao?* (Как ваше здоровье?), 家里怎么样? .

А вот для приветствия с учащимися уже используют другие фразы: 学习忙吗? (Как учеба?), 上课吗 *Gushangkema?* (Идешь на занятия?), 下课了吗? *Xiakema?* (Возвращаешься с занятий?). Представители китайской культуры что видят, то и спрашивают, то есть видят, чем человек занят, и в связи с этим задают вопросы. Это считается у них знаком внимания к человеку. На подобные вопросы-приветствия принято отвечать простыми фразами: 很好 *Henhao* (очень хорошо), 好 *Hao* (хорошо), 还好 *Haihao* (не плохо), 还行 *Haixing* (нормально), 马马虎虎 *Matahuhu* (так себе) и др.

Очень много иностранцев, изучающие китайский язык при приветствии спрашивают: 你好? *Ni haoma?* (Как у тебя дела?). Обычно вопрос «Как у тебя дела?» китайцы заменяют подобным типом вопроса к людям, с которыми они состоят в различных взаимоотношениях. Например: коллеги по работе, начальник с подчиненными задают следующие вопросы: 最近工作好吗? *Zuijingongzuohaoma?* (Как идет работа в последнее время?), 工作好? *Gongzuohaoma?* (Как работа?). Начальник может сказать подчиненному 最近你工作得不错 *Zuijingongzuodebucuo*, что в дословном переводе означает «Последнее время работаешь не плохо». Соответственно у тех, кто занят обучением, спрашивают: 最近学习好吗? 学习好吗? *Zuijinxuexihaoma? Xuexihaoma?* (Как дела с учебой?).

Лексические средства выражения вежливости можно разделить на культуру-зависимые и культуру-независимые [4, с. 1–15]. Культуру-зависимая лексика при переносе из одной культуры в другую будет разрушать вежливый процесс коммуникации, будет грубой, неуместной и ошибочной в данной ситуации в другом языке, в силу различия культур. Эта лексика может находить эквиваленты в другом языке, но не нести ту же коннотацию и семантику, либо вообще не употребляться в идентичной ситуации в сопоставляемом языке. Также довольно часто культуру-зависимая лексика имеет несколько значений, будучи зависимой от контекста, как, например, китайское вежливое приветствие «*Ninchilema?*» («Вы ели?») может не быть таковым, а играть роль обычного вопроса, и данный лексический оборот не будет уже относиться к вежливой устойчивой лексике. Такое приветствие связано с историей и с традицией китайского народа. Давным-давно в Китае был страшный голод и кушать было нечего. В связи с этим сложилась традиция приветствовать друг друга таким образом, спрашивать, как у собеседника идут дела, кушал ли он. Если ответ был утвердительный, то и дома у него все было хорошо. Таким образом, рассматриваемая нами культуру-зависимая лексика контексто-зависима. В китайском языке можно выделить большее количество культуру-зависимой лексики, чем в русском.

Вежливость представляет собой важнейшую категорию коммуникативного сознания, она является основой, регулирующей коммуникативное поведение людей. Знание ее национальных специфических черт ведет к пониманию коммуникативного поведения народа и дает возможность избежать конфликта. Изучение «лингвистической» вежливости, норм речевого этикета является важным фактором взаимодействия культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ларина Т. В. Вежливость как предмет научного исследования // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. С. 10–22.
2. Бексултанова Г. А., Тыныбекова А. Т. Языковая репрезентация категории вежливости в китайском и кыргызском языках // Инновационные подходы

в современной науке: сб. ст. по мат-лам XXI Междунар. науч.-практ. конф. № 9(21). М.: Изд. «Интернаука», 2018. С. 69–73.

3. *Фаткуллина Ф. Г., Шуай У.* Структурно-семантическая характеристика обращений в китайском и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 4. Уфа: Башкирский гос. ун-т. С. 1155-1158. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskaya-harakteristika-obrascheniy-v-kitayskom-i-russkom-yazykah/viewer>. (Дата обращения: 17.03.2022).
4. *Глушкова С. Ю.* Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в английском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20; Татарский гос. гуманитарно-педагогический ун-т. Казань, 2011.

ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА

INDIVIDUALISM AS THE PHILOSOPHICAL AND ETHICAL FOUNDATION OF THE CONTEMPORARY YOUNG ADULT NOVEL

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ
N. S. ZELEZINSKAYA

*Белорусский государственный университет
ул. Ак. Курчатова, 5, 220045, Минск, Беларусь
e-mail: zelennew@tut.by*

В статье рассматривается жанр проблемного подростково-молодежного романа в философском и социокультурном контексте эпохи. Основное внимание уделяется зависимости эволюции героя подросткового романа от развития теории индивидуализма. Проблемный подростково-молодежный роман рассматривается как продукт культуры присутствия и культуры повседневности с их вниманием к размыванию бинарных оппозиций, проживанию момента, телесности и т.д. В статье выявляются типологические черты героя проблемного подростково-молодежного романа на материале произведений Дж. Фойера, Дж.-Дж. Мойес, Н. Хорнби, Дж. Пиколт, Дж. Грина, Дж. Эшера и др. Особое внимание уделяется мотиву коллективной и личной ответственности в рамках рассматриваемого жанра.

The article examines the genre of the problem young adult novel in the philosophical and socio-cultural context of the age. It discusses the connection between the evolution of the young adult hero and the development of Western individualism. The problem young adult novel is seen as a product of the culture of presence and everyday life with their attention to the blurring of binary oppositions, the living of the moment, corporeality, etc. The article reveals features of the hero of the problem young adult novel by J. Foyer, J.-J. Moyes, N. Hornby, J. Picoult, J. Green, J. Asher and others. Particular attention is paid to the motif of collective and personal responsibility within the genre.

Ключевые слова: проблемный подростково-молодежный роман; социальный роман; эмоциональность; культура присутствия; культура повседневности; самоидентификация; индивидуализм; эмпатия; принятие.

Key words: problem young adult novel; social novel; emotionality; culture of presence; everyday life; self-identification; individualism; empathy; acceptance.

Проблемный подростковый и молодежный роман является гибридом реалистического подросткового романа и социального проблемного романа. Его также можно классифицировать и как роман взросления. На первом этапе развития проблемного молодежного романа типичным героем является аутсайдер («Изгой» С. Э. Хинтон, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера). Героя не понимают семья и общество, он точно не паинька, не отличник, не послушный мальчик. Реальность в этих произведениях представлена как имманентно враждебная невзрослому человеку, другому по отношению к мейнстриму, но категоричного противопоставления герою нет, в отличие от категоричности бинарной оппозиции взрослые/подросток. Протагонист сливается с реальностью, рождается в ней и порождает ее: он так же жесток, как его мир. При этом автор стремится к объективности через представление

целого спектра современных проблем, не выделяя ни одну из них как основную: наркотики, выпивка, курение, криминальные улицы, неприкаянность подростков. Акцент в художественных произведениях делался на социальный контекст. Действительность изображалась как пагубное влияние на личность подростка.

Трагические события начала века, перевернувшие европейское и американское сознание, разочарование в постмодернистской эстетике и этике привели к смене философской парадигмы и литературной традиции. Семиотический подход к действительности, преобладавший в XX в., навязывал лишь одно из отражений как верное, выбирая его исходя из ценностной системы мейнстрима, и сегодня не является удовлетворительным. Не удовлетворительно и постмодернистское решение проблемы истины как отсутствие оной. Непосредственное восприятие реальности, свойственное метамодернистской чувствительности, создает множественные картины мира, следовательно, размывает дихотомии добро – зло, истина – ложь и т.п., поскольку все эти значения есть отражения реальности. Осознание несостоятельности теорий единственности истины и отсутствия истины означает преодоление искажений отражения, другими словами, стремление к повседневности как она есть. У повседневности нет единого значения, истины, есть здесь и сейчас, множественность, ощущение, проживание, восприятие. Интерпретации реальности как череды отражений, следовательно, череды разных значений обогащает дихотомию белого и черного новыми оттенками. Вследствие новой чувствительности культурная и литературная палитра становится более разнообразной и менее категоричной. Писатели выбросили постмодернистские линзы цинизма и иронии, освободились от языковой зависимости и приверженности значениям и интерпретациям и попытались передать присутствие человека в мире, полном добра и зла, потенциально опасного и одинаково беспощадного ко взрослым и к детям.

Типичный подростково-молодежный роман XXI в. фокусируется на здесь и сейчас: на одной, достаточно четко сформулированной проблеме, приложенной к жизни отдельного человека, чаще – юноши, подростка или даже ребенка. Конфликт в интересующем нас жанре рождается, когда повседневность – прекрасная и ужасная одновременно – сталкивает героя с критической для нашего общества проблемой. В новой философской парадигме выбор юного героя обладает большим потенциалом, поскольку снимает вопрос вины и ответственности и концентрируется на модусе совместимости героя с этим миром и выживании в нем. По той же причине герой должен быть обычным, таким, как все.

Подчеркнуто обычный герой, такой как ты или я, кажется полной противоположностью предыдущему типу аутсайдера, однако обычность выпячивается настолько, что герой в каком-то смысле тоже становится изгоем: его неамбициозность, незаметность часто не понимают и высмеивают окружающие в «Девятнадцати минутах» (*Nineteen Minutes*, 2007), «Бумажных городах» (*Paper Towns*, 2008) Джона Грина, «Дудочнике» (*Piper*, 2017) Джея Эшера, «Я до тебя» (*Me Before You*, 2012) Джо-Джо Мойес и др. Героиня последнего из перечисленных романов подчеркивает свою заурядность, противопоставляет себя умной сестре, признается в отсутствии хорошего образования, зарабатывает на жизнь неквалифицированным трудом и в 26 лет живет с родителями в скромном доме на две семьи в провинциальном городке. Луизу все устраивает: «Послушай... Ты же хочешь кем-то быть?» Но я не хотела» [1]. По нашему наблюдению, наибольшие шансы стать протагонистом молодежного романа (реалистического, проблемного в том числе) имеют два типа героя: самый обыкновенный из обыкновенных (такой выбор дает понять читателю, что все это могло бы случиться и с ним) либо человек со странностью, недостатком, серьезным изъяном или болезнью. Эта особенность часто

подается как достоинство или как возможность развить в себе некие положительные черты, которых нет у других. «Одна из причин, по которой я рад, что у меня синдром Аспергера, – мне не хватает воображения. Многие – учителя и школьные психологи, даже психиатры – считают это дефектом. Я же считаю отсутствие живого воображения счастьем. Логическое мышление не позволяет тратить время впустую на тревоги или надежды. Оно уберегает от разочарований. С другой стороны, воображение заставляет человека волноваться о том, чего в реальной жизни может никогда и не случиться» [2; пер. И. Паненко].

По сути дела, второй тип героя – это доведенный до крайности первый. В любом случае, герой проблемного молодежного романа подчеркнута неидеален, потому что он один из нас, а мы все неидеальны. Здесь наблюдается явный разрыв с «классическим» подростковым романом, «супермальчиками» и «супердевочками», способными в одиночку бороться со злом и побеждать его. Очевидно, что новый тип героя есть следствие переосознания бинарной оппозиции добро – зло и равно попытка современного гуманитарного знания переосмыслить субъекта в терминах децентрирования и индивидуализма. Индексы индивидуализма наиболее высоки для стран Западной Европы, особенно для стран англо-саксонской цивилизации (США, Великобритания)¹. Будучи продуктом этой цивилизации, проблемный подростково-молодежный роман сконцентрирован на индивидуальности и ее повседневности.

Джеймс Линдси начинает статью «Этическая ценность индивидуальности» следующим образом: «Отличительной чертой, особой ценностью человека является его индивидуальность. Ее нравственной природе присуща значимая самооценочность. Каждый человек, в определенном роде, представляет собой индивидуальность, но он не обладает истинной индивидуальности до тех пор, пока не обретет индивидуальность, а это удается, надо сказать, небольшому числу людей. Индивидуальность – это то, что действительно отличает человека от любого другого живого существа. Индивидуальность есть крайний неделимый элемент реальности» [3, р. 423]. Индивидуалистическое мировоззрение, разделяемое европейцами и американцами, представляет собой философское обоснование описанного нами выше героя: «Я прочел первую главу «Краткой истории времени», когда папа был еще жив, и у меня возникли за пределами тяжелых гири на сердце от того, как, в сущности, мало значит человеческая жизнь и как в сравнении со Вселенной и в сравнении с вечностью вообще не важно, что я существую. Когда в ту ночь папа укладывал меня спать, и мы обсуждали книгу, я спросил, знает ли он решение этой задачи. «Какой задачи?» – «Того, что наша жизнь так мало значит». Он сказал: «Ну, смотри: что будет, если самолет сбросит тебя посреди пустыни Сахара, и ты возьмешь пинцетом одну песчинку и сдвинешь ее на один миллиметр?» – «Вероятно, я умру от обезвоживания». Он сказал: «Я имею в виду, в тот момент, когда ты сдвинешь песчинку. Что это будет означать?» Я сказал: «Без понятия, а что?» Он сказал: «Подумай». Я подумал. «Ну, типа, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует?» – «Из чего следует, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует, что ты изменил Сахару». – «И что?» – «Что? А то, что Сахара – крупнейшая пустыня. Она существует десятки миллионов лет. А ты ее изменил!» – «Вот это да! – сказал я, садясь на кровати. – Я изменил Сахару». – «Из чего следует?» – сказал он. «Что? Ну, скажи». – «И я ведь не говорю о том, чтобы нарисовать «Мону Лизу» или найти лекарство от рака. Я говорю всего лишь о том, чтобы сдвинуть одну песчинку на один миллиметр». – «Ага?» – «Если бы ты этого не сделал,

¹ Хотя, в таблице распространения индивидуалистических ценностей в разных странах Ф. Тромпена-арса, на первом месте Израиль.

история человечества пошла бы по одному пути...» – «Угу?» – «Но ты это сделал, и поэтому...» Я встал во весь рост, указал пальцами на фальшивые звезды и крикнул: «Я изменил ход истории человечества!» – «Вот именно». – «Я изменил Вселенную!» – «Точно». – «Я Бог!» – «Ты атеист». – «Меня не существует!» Я плюхнулся обратно в кровать, к нему в охапку, и мы вместе раскололись» [4; пер. В. Арканова].

Для понимания жанра проблемного подростково-молодежного романа важнейшим вопросом является проблема соотношения индивидуального разума и коллективного сознания, особенно ввиду его генетической связи с социальным романом. Изоляция индивида от общества и рассмотрения в вакууме, как это было в философии и литературе XVIII в. («Робинзон Крузо» Д. Дефо), не может привести к релевантным результатам. Индивидуальность развивается во взаимодействии с обществом, но моральная ценность индивида не в том, что его достоинство и ценность видятся как характеристики члена общества. «Ни от общества, ни от государства, ни от внешней силы не может зависеть право индивидуальности на то, чтобы быть свободной, самосознательной личностью, способной реализовать личностные задачи и цели» [3, р. 425]. Сегодня европейская цивилизация стоит на той позиции, что хоть индивидуальности нужно общество, общество не может стать важнее индивидуальности, поскольку само состоит из индивидуальностей. Именно поэтому индивидуальность не может быть ограничена конкретным обществом даже будучи его единицей. Следовательно, смысл индивидуальности гораздо глубже, чем быть гражданином, индивидуальность стремится к тому, чтобы топос ее существования мыслился как вся планета Земля (отсюда, укорененность проблемного подростково-молодежного романа в индивидуализме объясняет внимание жанра к глобальным проблемам человечества: терактам, неизлечимым болезням, биоэтике и др.). Кроме того, если раньше герой должен был выбрать ответственность перед другими («Чума»), то сегодня он выбирает ответственность перед собой (возможно, перед собой и перед избранными другими, но никогда перед всеми другими). И если раньше правильный выбор – счастье и жизнь других (во множественном числе, несомненно), то сегодня правильный выбор – жизнь и счастье свое через Другого, а Другого – через свое.

Таким образом, художественная реальность, как и раньше, ставит героя перед выбором, но сегодняшней правильный выбор ассоциируется со способностью к самоидентификации. Без понимания себя и решения внутренних проблем внешний конфликт не может разрешиться. Следовательно, в структуре мотива социальной ответственности меняется объект.

Именно отказ от ответственности за всех и вся, от попыток вправить вывихнутый сустав XXI века позволяет остаться эмоционально устойчивым. Индивидуализм позволяет заменить невозможное на реальное, выполнимое. Принятие ужасов мира как имманентной данности позволяет сосредоточиться на построении своей маленькой безопасной вселенной. Одной из первых книг, раскрывающих индивидуалистическую философию подростка, является, несомненно, «О мальчике» Ника Хорнби. Автор очень четко проводит границу между крайним индивидуализмом, т.е. равнодушием, и коллективной ответственностью, т.е. индивидуальной безответственностью, и решительно настаивает на золотой середине: «Уилл посмотрел на странную группку людей, с которыми ему пришлось провести этот день, и попытался все разложить по полочкам. Все эти пересечения и связи! Он не мог не думать об этом. По натуре, даже под воздействием наркотиков, он не был склонен к мистическим переживаниям, но почему-то в данный момент он с ужасом понял, что испытывает нечто подобное: может быть, потому, что Маркус отошел от своей матери и направился к нему? Как бы то ни было, но его одолевали чувства весьма своеобразные. Кого-то из этих людей он не знал до сего дня, с кем-

то был знаком уже некоторое время, но все равно не мог сказать, что знает их хорошо. Но вот они оказались здесь: одна сжимает в руках картонную фигуру Курта Кобэйна, другой сидит в гипсе, третья плачет – и все они связаны друг с другом так причудливо, что, войди сейчас кто-нибудь посторонний, так ему сразу и не объяснишь. Уиллу еще не доводилось попадать в такую запутанную, беспорядочно растущую и хаотичную паутину; казалось даже, будто на мгновение ему приоткрылось, каково это – быть человеком. Не так уж и плохо: пожалуй, он не отказался бы даже посвятить свою жизнь тому, чтоб быть человеком» [5, р. 264; пер. Карины Чумаковой]. Эти рассуждения откликаются на современное состояние умов: современный европеец не воспринимает индивидуализм как гегелевскую чистую изоляцию (см. «Философия права»), но как ограничение малым кругом (см. «Демократия в Америке»).

Героем с равной степенью вероятности может стать и рассказчик, и его друг, но чаще всего – оба, тогда в фокусе – отношения между двумя подростками. Произведение, таким образом, сосредоточено не только на конкретной индивидуальности, но на ближнем круге, на одном-двух значимых близких, неважно, являются ли они первоначально родственниками или друзьями, насколько они вообще знакомы в начале повествования, важно, что ближний круг включает в себя Я и Другого, при этом инаковость каждого не воспринимается как чуждая и/или враждебная: «Ты единственный, в ком я не сомневаюсь, Оскар» [4]. Акцент на отношения между Я и Другим позволяет передать повседневность как проходящий момент, как отражение и впечатление и отойти от мышления в терминологии данности и конечности.

Такая включенность индивида (*embeddedness*, термин Ш. Шварца) в группу сегодня вовсе не означает потерю индивидуалистического мировоззрения. Поэтому не стоит всерьез заикливаться на категоричных утверждениях типа того, что «индивидуализм убивает среду, где встречаются Я и Другой, где они обмениваются не только мнениями, но и заботами друг о друге» [6, р. 173]. Скорее, наоборот, включенность индивидуума означает более узкий спектр ответственности, сосредоточенность на малом, на самом важном, на том, что тебе по плечу, и воспринимается как выход из загнанного сознания глобальной катастрофы XX века.

Действительно, подростковая литература не претендует на обладание тайным знанием, на уникальность формы и содержания и не стремится объять необъятное: мотив коллективной ответственности остался не востребуемым в XXI в., в то время как индивидуалистическое сознание спасает героев-подростков, в буквальном смысле помогает им выжить, как, например, позволяет не сойти с ума шестилетнему Оскару, потерявшему отца в результате теракта. Джонатан Фойер в романе «Жутко громко и запредельно близко» выводит две сюжетные линии. Мальчик находит в кабинете отца ключ и разворачивает компанию по поиску замка к этому ключу, и параллельно развивается рассказ о Холокосте через воспоминания бабушки и письма дедушки, а также придушенные, рваные воспоминания Оскара о событиях 11 сентября. Холокост и теракт представлены как параллельные витки развития истории человечества – глобальные события, сметающие человеческие жизни на своем пути. Судьба Оскара есть повторение судьбы дедушки, а личный мир Оскара рискует стать отражением покалеченной психики старого еврея-эмигранта. Молчание, самоповреждение, ночные кошмары – дед и внук понимают друг друга без слов с первой встречи. Опыт обоих позиционирует коллективное как страшное, индивидуальное – как безопасное. Единственным шансом мальчика сохранить вменяемость и не потерять связь с этим миром (что деду не удалось) становится мелкая и никому не нужная задача – поиск замка к ключу. Оскар знает, что он не вернет отца, но каждодневный труд (найти адреса всех Блэков в Нью-Йорке, выйти из дома,

говорить с незнакомыми, ездить одному в транспорте) шаг за шагом адаптирует его к социуму. При этом социум не сливается в единообразную массу, а снова представлен как множество отдельных личностей и отношений между ними. К каждому встреченному человеку Оскару приходится подбирать свой ключ, чтобы продвинуться в поисках. Таким образом, ключ из папиной вазы становится метафорой подлинного понимания между Я и Другим. Если же воспринимать повседневность как множество Других, то появляется возможность жить в такой реальности, а это значит, и в той части реальности, где смерть, теракт и все остальные ужасы мира.

Наблюдаемые трансформации в образе героя-подростка дублируют этапы становления европейского общества, отражают демократические ценности и прочно связаны с культурой присутствия. Выбор героя с особенностями является также следствием децентрации – размывания мейнстрима, смещения внимания на периферию как норму (в отличие от постмодернистского внимания к периферии как к маргинальному). показывает стремление писателей к изображению многообразия персонажей по ряду признаков. Дж. Л. Поли, автор популярной серии «Поколение Икара», при обсуждении будущей экранизации первого из своих романов указывает, что главное для нее – сохранение национального разнообразия персонажей в фильме: «Семь героев в «Полете» – это белый, черный, маори, китаец и представители двух рас: европеоид-афроамериканец и европеоид-латиноамериканец. Я надеюсь, любой кастинг-директор отнесется к этому с уважением. По поводу этого аспекта романа – разнообразия героев – я получила наибольшее количество положительных отзывов от подростков»² [7].

Еще чаще приятие многообразия более чем открыто выражают герои-подростки. Шестилетний Оскар в «Жутко громко и запредельно близко», когда размышляет, с какими людьми ему придется взаимодействовать при поиске замка, уверяет: «У меня были еще правила: не быть сексистом, или расистом, или гомофобом, или плаксой, не дискриминировать против пожилых, инвалидов и дегенераторов и не обманывать без повода, чем я занимался постоянно» [4].

Реализация принципа многообразия через образ героя тесно связана с другой тенденцией современной теории индивидуализма – отказом от ограниченной трактовки индивидуальности по интеллектуальным параметрам и включением тела как объекта саморефлексии, самопознания, самоидентификации (физической, гендерной, сексуальной). В условиях культуры повседневности важно осознавать, что тело способно дать ощущение реальности вне готовых значений, но непосредственно. В романе такое понимание индивидуализма приводит к доминированию эмотивного пространства над денотативным, интуиции над доводами рассудка, вниманием к телесному, мистическому, к детальному изображению эмоций и физиологических реакций, к чувствительности героев к своей гендерной и сексуальной самоидентификации, к распространению образов бисексуала, неизлечимо больного, аутиста и т.д.

Многие элементы поэтики подростково-молодежного романа также объясняются укорененностью жанра в культурно-философской парадигме современности. Так, типичный прием смены точки зрения обеспечивает многоголосие и диалогизм, необходимые для реализации принципа многообразия. «Выявление интересубъективности как категории возможно только в том случае, когда нарратив позволяет расслышать разные голоса или смена голосов» [8, p. 282]. В свою очередь, повествование от первого лица

² The seven characters in the Flight are white, black, Māori, biracial (African American/white and Hispanic/white), and Chinese. I'd hope any casting agent would respect that. It's one of the most common aspects on which I get positive feedback from teen readers – the diversity

в том случае, когда этим лицом является юный герой от 11 до 17 лет, по своей природе ненадежно. Ненадежность нарратора часто сознательно усиливается автором через мотивы лжи, иллюзии, невинности, через прием венаходимости героя, что также способствует неоднозначному восприятию реальности, созданию многовекторной картины мира, размытости истины, некатегоричности суждения.

Из индивидуалистической философии вытекают, собственно, все аксиологические ценности янг эдалта: эмпатия, принятие, амбивалентность суждений. Данное этическое поле подростково-молодежного романа формируется писателями осознанно. Ярким примером такого романа можно назвать «Крайне нелогичное поведение» (*Highly Illogical Behavior*, 2017) Дж. К. Уейли, где автор попытался переплюнуть коллег по цеху и закрутить сюжет сразу на нескольких популярных мотивах. Старшеклассница ради поступления в престижный медицинский колледж решает написать эссе о своем опыте лечения социально дезадаптированного сверстника. Ради поставленной цели она приходит в дом бывшего одноклассника, который давно перешел на домашнее обучение из-за панических атак. Агорафобия не позволяет ему выйти на лужайку перед домом, и Лизу он поначалу тоже сторониться, дверь же открывает по настоянию мамы, искренне считающей, что ее сын интересен девушке сам по себе. Ситуацию осложняет бойфренд Кларк, которому Лиза постыдилась рассказать об истинной цели своих визитов к Соломону. Сцены ревности и нежелание расставаться с популярным капитаном команды по регби перед выпускным вызывают Лизу на откровенность. Они начинают посещать Соломона вдвоем. Несмотря на полное отсутствие опыта в общении с социально дезадаптированными личностями старшеклассникам удается добиться успеха: Сол начинает выходить во двор, плавать в бассейне и даже влюбляется в... Кларка. Преодолеть все сложившиеся противоречия троице помогает способность поставить себя на место другого, искренне сопереживать и прощать. Роман заканчивается пусть не традиционно и ожидаемо, но определенно хэпизндом, провозглашая эмпатию как основную ценность янгэдалта [9]. С одной стороны, «крайне нелогичное поведение» не вызывает сильных эмоций у читателя, а скорее ощущение «сделанности», клишированности. Тем не менее, успех этого романа у юных читателей симптоматичен: поднятые темы и изображенные характеры кажутся им вполне жизненными. «На примере вымышленных героев читатели могут задуматься о множественности точек зрения и проникнуть в сущность того нового мира, с которым им отныне придется считаться. Они могут подумать, что они бы почувствовали или как бы они поступили в определенной ситуации, и проявили бы эмпатию к герою. Современная реалистическая литература не чурается проблем, с которыми сталкиваются молодые взрослые», – объясняет популярность подобных романов специалист по литературе для подростков Джулия Эклешар [10].

Таким образом, индивидуализм сегодняшнего янгэдалта не равносителен эгоизму, ведущему к эскапизму, но, наоборот, через переживание присутствия обеспечивает связь с повседневностью. Каждый из упомянутых выше или процитированных романов: «Жутко громко и чрезвычайно близко», «О мальчике», «Я до тебя», «Бумажные города», «Дудочник», «Тринадцать причин почему», «Наше будущее», «Крайне нелогичное поведение», «Ненависть, которую ты порождаешь», «Девятнадцать минут», «Ангел для сестры» – и многие другие проблемные подростково-молодежные романы подчеркивают ценность отдельной жизни и личных целей, самостоятельность и уникальность, эмпатию и ответственность за близкий круг при общем понимании крайней хрупкости и бренности бытия.

Ввиду того, что в аксиологический фокус подростковых романов осознанно попадают ценность отдельной жизни, уважение особенностей, утверждение уникальности лич-

ности, часто происходит заострение этих аксиологических смыслов и гиперболизация неидеальности, негероичности героя. Авторы часто наделяют юношей и девушек редкими и неизлечимыми болезнями, психической неуравновешенностью, физическими недостатками, нетрадиционной сексуальной ориентацией, чтобы утвердить гендерное, этническое, культурное, сословное, национальное, любое другое разнообразие и равноправие в этом разнообразии.

Очевидно, что в критические моменты развития человечества влияние индивидуализма ослабевает. С одной стороны, смена культурных парадигм сама по себе неизбежно связана с выходом из зоны комфорта, с другой стороны, индивидуализм предполагает ответственность. Большинство людей не в силах принять двойной вызов и склонно следовать коллективным решениям. Согласно социопсихологическим исследованиям, даже идиоцентрики, для которых на первом месте стоят собственные убеждения, чувства и эмоции в противовес взаимоотношениям с другими людьми, в ситуации опасности активизируют коллективистские предпочтения. В момент перехода свобод становится неизмеримо больше, но свобода, которую предоставляет индивидуализм, двойственна: она включает в себе и причину паники, фобий, чувства незащищенности, и ключ к спасению. В данном историческом моменте неизбежно сплочение отдельных индивидуумов вокруг коллективных ценностей (тех или иных). Поскольку проблемный подростково-молодежный роман замешан на индивидуалистическом мировоззрении, в 2022 г. можно говорить о том, что влияние этого жанра, по меньшей мере, уменьшится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Moyes J.* Me Before You. London: Penguin, 2012.
2. *Picoult J.* House Rules. Hodder & Stoughton, 2010. 532 p. URL: <https://booksbooks.com/house-rules-pdf-jodi-picoult.html> (дата обращения: 02.04.2022).
3. *Lindsay James.* «The Ethical Value of Individuality». International Journal of Ethics. vol. 30. No. 4. 1920. pp. 423–449. URL: www.jstor.org/stable/2377132. Accessed 26 June 2021 (дата обращения: 05.04.2022).
4. *Foer, J.* Extremely Loud and Incredibly Close. Boston: Mariner Books, 2013.
5. *Hornby, N.* About a Boy / N. Hornby. Penguin books, 1998.
6. *Пастушкова О. В.* Гуманизм и индивидуализм // Вестник Воронежского государственного технического университета. Выпуск 7. № 6. 2011. С. 172–175.
7. *Kenzie M. J., Interview. K. L. Pawley* talks about Air Born, the first in a new YA series. URL: <https://www.nzbooklovers.co.nz/post/interview-j-l-pawley-talks-about-air-born-the-first-in-a-new-ya-series> (дата обращения: 05.04.2022).
8. *Hartley-Kroeger F.* Silent Speech: Narration, Gender and Intersubjectivity in Two Young Adult Novels. Children's Literature in education. Vol. 42. Issue 4. P. 276–288.
9. *Whaley J. C.* Highly Illogical Behavior. Dial Books, 2016.
10. *Eccleshar J.* Teenage fiction. Realism, romances, contemporary problem novels // Children's Literature; ed. By J. Eccleshar. URL: <https://schoolbag.info/literature/children/139.html> (дата обращения: 20.01.2022).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДОШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ETHNOCULTURAL COMPETENCE FORMATION IN PRESCHOOL CHILDREN IN MODERN CONDITIONS

Н. В. МИРЕНКОВА

N. V. MIRENKOVA

*Государственное учреждение образования «Ясли-сад №37 г. Могилёва»
ул. Чехова, д.10, 212030, Могилев, Республика Беларусь
e-mail: mirenkova80@mail.ru*

В статье рассматриваются основные формы и методы работы воспитателей по формированию этнокультурной компетенции дошкольников. Определено значение формирования этнокультурной компетенции с дошкольного возраста.

The article deals with the main forms and methods of work on ethnocultural competence formation in preschool children. The importance of ethnocultural competence formation in children since preschool age has been determined.

Ключевые слова: этнокультура; компетенции; традиции; культура; образовательный процесс.

Key words: ethnic culture; competence; traditions; culture; education process.

В условиях всевозрастающей глобализации общества происходит решение этнонациональных проблем, имеющих судьбоносное значение для единства и целостности Республики Беларусь. В существенной степени это зависит от системы образования как действенного института этнической социализации. В настоящее время актуальным направлением воспитания является формирование у ребёнка дошкольного возраста этнического самосознания, интереса к национальной культуре и традициям.

В Республике Беларусь живут представители разных национальностей. Очень важно с детства научить ребенка понимать, что люди должны жить в мире и согласии; донести до него то, что каждый народ имеет свои корни: язык, историю, традиции, обычаи, культуру. Необходимо научить подрастающее поколение наряду с развитием собственной национальной культуры понимать и ценить своеобразие других культур, воспитывать в духе мира и уважения других народов.

Этнокультурная компетентность – это не просто представление об истории и культуре других наций и народностей, это признание этнокультурного разнообразия нормой, обусловленной самой природой человеческого бытия.

Дошкольный возраст, как известно, характеризуется интенсивным вхождением в социальный мир, формированием у детей начальных представлений о себе и обществе, чувствительностью и любознательностью. С учётом этого можно сделать вывод о благоприятных перспективах и актуальности формирования у дошкольников этнокультурной осведомлённости. Поэтому к главным компонентам формирования этнокультурной компетентности является создание условий для:

- целостного развития личности ребенка через приобщение его к традиционной народной культуре;
- воспитания и уважения к культуре межнационального общения, толерантности, умения взаимодействовать с окружающим миром, а также создание педагогических условий формирования этнокультурных компетенций у детей дошкольного возраста.

Формирование этнокультурной компетентности предполагает введение ребенка изначально в родную для него, а затем и иные культуры. Именно родная культура должна стать неотъемлемой частью души ребенка, началом, порождающим личность.

Приобщение детей дошкольного возраста к национальной культуре – актуальный педагогический вопрос современности. Каждый народ не просто хранит исторически сложившиеся традиции и особенности, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить исторического национального лица и самобытности. Национальная культура становится для ребенка первым шагом в освоении богатств мировой культуры, общечеловеческих ценностей, в формировании собственной личностной культуры. Приобщение к традициям народа особенно значимо в дошкольные годы.

Целью этнокультурного воспитания в дошкольном возрасте является приобщение детей к культуре своего народа; развитие национального самосознания; воспитание доброжелательного отношения к представителям разных этнических групп.

Вся система работы включает в себя поэтапное, постепенное воспитание и развитие ребенка на традициях белорусской и русской культур. Основная работа педагогов должна быть направлена на формирование у детей дошкольного возраста «базиса культуры» на основе ознакомления с бытом и жизнью родного народа, его характером, присущими ему нравственными ценностями, традициями, особенностями культуры, умении сравнивать культуры различных народов. Степень новизны заключается в вовлечение детей в разнообразные формы деятельности, которые проходят через все образовательные области, образовательные развивающие ситуации; через интеграцию различных видов деятельности. Поэтому система работы включает разнообразные формы организации обучения:

- интеграция различных видов деятельности на основе единого содержания. При организации образовательного процесса воспитатель дошкольного образования, как правило, одновременно решает задачи из разных образовательных областей. Так, например, обсуждая жизнь «республик-соседей», педагог на основе наглядных представлений знакомит дошкольников с гербами и флагами этих республик, с их природными особенностями, с основными занятиями людей, их некоторыми традициями, побуждает сравнивать белорусские и русские сказки, игры, народные песни и устное народное творчество других народов, находить общее и различное;
- использование мультимедийных средств обучения. Презентации на темы: «Минск – столица Республики», «Мой Могилев», «Игра-путешествие», «Это мы должны знать», «Сказка о толерантности» и др. Применение компьютерной техники позволяет сделать образовательную деятельность привлекательной и по-настоящему современной, расширяет возможности предъявления учебной информации, способно усилить мотивацию ребенка. Игровые компоненты, включенные в мультимедиа программы, активизируют познавательную деятельность дошкольников и улучшают усвоение материала;

- беседы. «Я в многонациональной семье»: говорим, что на территории Республики Беларусь проживают многочисленные народы: белорусы, русские, украинцы, поляки, армяне, чеченцы и другие национальности; «Наши праздники»: День города, «Знаменитые имена в стране и мире», подробно останавливаемся на белорусском этносе;
- развлечения и праздники с этнокультурной и государственной тематикой: знакомство детей с народными традициями, заучивание пословиц, поговорок, закличек, организация детских фольклорных и обрядовых праздников и развлечений, посвящённые национальным традициям белорусского народа («Моя республика», «День белорусского национального костюма», «Каляды», «Масленница» и др.). Развлечения и праздники с этнокультурной и государственной тематикой дают детям колоссальный эмоциональный заряд, а это обостряет наблюдательность и восприятие, обогащает чувственный опыт, и, следовательно, формирует неподдельный интерес к этнокультурным явлениям;
- фольклорные концерты и театрализованные представления. Дошкольники с интересом смотрят и инсценируют народные сказки («Лёгкі хлеб», «Не сілай, а розумам», «Хроменькая уточка», «Крылатый, Мохнатый да Масленый», «У солнышка в гостях» и др.);
- целевые прогулки по близлежащим улицам, экскурсии в общественные места нашего города: краеведческий музей, библиотеки города, посещение выставок и других культурных объектов имеют большое значение в области приобщения детей к историческому наследию родного края, способствуют не только расширению знаний о местном окружении, но и приобретению новых сведений о реалиях других этнических миров, об особенностях уклада жизни, культуры народов.

Использование разнообразных форм этнокультурного компонента позволяет воспитательно-образовательный процесс более эффективным и продуктивным, способствует лучшему усвоению материала.

Наиболее эффективные методы, которые применяются в процессе работы по реализации этнокультурного компонента, – это:

- метод моделирования и реконструкции;
- метод проектов;
- метод воспитывающих ситуаций.

В образовательной деятельности по формированию этнического самосознания у детей дошкольного возраста используются и традиционные методы:

- наглядные методы. В их число входит наблюдение и просмотр познавательных фильмов, картинок, демонстрация различных моделей. Данная группа методов позволяет сформировать в сознании ребенка определенные яркие и устойчивые образы. Практика работы с дошкольниками показывает, что они легко становятся узнаваемыми и формируют у детей вполне конкретные представления об окружающей действительности;
- практические методы. К ним по праву относят игру, моделирование и проведение самых элементарных опытов и экспериментов. Эта группа методов позволяет закрепить имеющиеся знания и обогатиться новыми, во время игры дети учатся строить простые логические цепочки. Кроме того, практические методы позволяют активно формировать ценностные ориентиры дошкольника;

- словесные методы. Конечно же, это рассказы воспитателя, беседы с детьми, чтение литературы с этнокультурным содержанием, рассказы самих детей. Использование данных методов позволяет формировать гуманное и эмоционально положительное отношение к окружающей действительности.

Основные методы и приёмы активизации процесса формирования этнокультурной компетенции дошкольников: игровые методы и приёмы (игры: «Старинное – не старинное», «Чем мы похожи?», «Особенности быта народов Беларуси и России», игры-беседы «Нам нужны различия», игры – путешествия «Беларусь – моя Родина», игры-экскурсии «Лавка сувениров» и т.д.; игровые приемы: сюрпризные моменты, разыгрывание ролей); сравнение; вопросы; метод моделирования и конструирования; заполнение карты мира символами; метод проектов («Я и мой Могилев», «Родословная моей семьи», «Минск – столица моей Родины» и т.д.).

Приоритет в работе с дошкольниками отдается игровым методам обучения, поддерживающим постоянный интерес к образовательной деятельности и стимулирующим познавательную активность детей. Использование разнообразных методов и приёмов, включение детей в активную познавательную деятельность, делают совместную образовательную деятельность интересной, насыщенной. Педагоги не дают детям готовых ответов, дошкольники сами, путём проб и ошибок, делают нужные выводы, находят правильные ответы.

Безусловно, гуманное отношение к людям разных национальностей создается у ребенка в первую очередь под влиянием родителей и педагогов, т.е. взрослых, которые находятся рядом с ним. Особенно это актуально в наши дни, когда среди какой-то части взрослого населения возникают противостояния по данным проблемам. Поэтому одним из важных педагогических условий формирования этнокультурной компетентности дошкольников является активное включение родителей в эту деятельность. Удачно зарекомендовали себя такие формы работы, как:

- родительские собрания, на которых активно обсуждают вопросы этнокультурного образования и воспитания детей («Любимые народные игры детей», «Родные сказки»);
- консультации для родителей («Белорусские народные традиции в воспитании детей», «Семейное чтение», «Как смастерить народную игрушку со своим малышом» «Прогулки с мамой и папой по родному городу»);
- совместное творчество детей, родителей и педагогов (выставки совместных работ родителей с детьми «Мой Могилёв», «Золотая осень», «Новогодняя игрушка своими руками» и др.);
- участие родителей во всех праздниках и развлечениях с этнокультурной тематикой;
- предоставление родителями альбомов с фотографиями, предметов быта и искусства для создания мини-музея семейных коллекций в групповой комнате.

Все формы работы способствуют вовлечению родителей в этнокультурный образовательный процесс, включающий физическое, эмоциональное, духовно-нравственное воспитание детей на основе традиций народной культуры.

Как показывает опыт, формируя этнокультурную компетентность дошкольников, мы делаем акцент на приобщение их к красоте и добру, на желание видеть неповторимость родной культуры, природы, участвовать в их сохранении и приумножении. К концу дошкольного периода ребенок должен знать, что нашу страну населяют люди разных

национальностей, у каждого народа есть свой язык, обычаи и традиции, искусство и архитектура, каждый народ талантлив и богат умельцами, музыкантами, художниками.

В настоящее время данная работа очень актуальна и особенно трудна, требует большого такта и терпения, так как в молодых семьях вопросы этнокультурного воспитания не считаются важными и зачастую вызывают лишь недоумение. Поэтому мы должны подойти к этой проблеме вместе. И только общими усилиями мы добьемся определенного результата.

Формирования этнокультурной компетенции детей дошкольного возраста – ответственная и сложная задача, решение которой в дошкольном возрасте только начинается. Планомерная, систематическая работа, использование разнообразных средств воспитания, общие усилия педагогов дошкольных групп и семьи, ответственность взрослых за свои слова и поступки могут дать положительные результаты и стать основой для дальнейшей работы по этнокультурному воспитанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бабьшина Т. Ф.* Формирование личности ребенка старшего дошкольного возраста в процессе ознакомления с национальной культурой: дис. канд. пед. наук Т. Ф. Бабьшина. Екатеринбург, 2001.
2. *Волков Г. Н.* Этнопедагогизация целостного учебно-воспитательного процесса. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001.
3. *Мой край завецца Беларуссю: дапаможнік для педагогаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне дашкольнай адукацыі.* Мазыр: ТАА ВД «Белы Вецер», 2006.

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ БАЗИС ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

FUNDAMENTALS OF THEORY AND PRACTICE IN ORGANIZATION OF DISTANCE LEARNING WHILE TEACHING ENGLISH

И. В. КРЮКОВСКАЯ
I. V. KRUKOUSKAYA

*Юридический колледж Белорусского государственного университета
ул. Комсомольская, 21, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: infobox6@gmail.com*

Статья посвящена проблемам дистанционного обучения. В статье рассматриваются вопросы, отражающие особенности отбора материалов для дистанционного обучения иностранным языкам с учётом специфики предмета «Иностранный язык», а также особенности организации учебного процесса в дистанционной форме. В статье обозначена проблема чёткого понимания, какие дидактические задачи можно решать с помощью современных информационно-коммуникационных технологий и цифровых устройств в учебном процессе. Автор рассматривает интернет-ресурсы как одну из возможностей увеличения объёма речевого общения на иностранном языке в очной и дистанционной формах обучения.

The article is devoted to problems of distance education. The article considers the issues reflecting the characteristics of the content selection of teaching foreign languages for remote course taking into account the specifics of the subject «Foreign language», and also the peculiarities of organization of educational process in distant form. This article highlights the problem of clear understanding, what didactic, pedagogical problems can be solved with the help of modern information-communication technologies and digital devices in educational process. The author considers Internet resources and technologies as one of the opportunities to increase the amount of verbal communication in a foreign language in full-time and distance learning.

Ключевые слова: дистанционное обучение; электронное обучение; иностранный язык; интернет-ресурс.

Keywords: distance learning; e-learning; foreign language; Internet-resource.

Современные парадигмы обучения иностранным языкам отражают основные черты современной системы образования. Рассмотрим дистанционное обучение как одно из актуальных направлений модернизации образования, а также особенности дистанционного обучения иностранным языкам. Роль иностранного языка как средства межкультурной коммуникации заметно возрастает в современных условиях социально-экономического и политического развития Беларуси. Компьютерные технологии, интернет-ресурсы, цифровые устройства, дистанционное обучение всё интенсивнее применяются в системе образования.

Уточним суть понятий «дистанционное обучение», «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии». Е. С. Полат рассматривает дистанционное обучение и как форму, и как одну из составляющих всей системы образования. «Дистанционное обучение – это форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся, и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие

учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфичными средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность» [1, с. 3].

Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку, информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников [2, с.38]. Наша позиция основана на теоретических разработках дистанционного обучения. Выбор модели зависит от целей обучения и от условий, при которых возможно осуществлять обучение в дистанционной форме. В зависимости от используемой модели обучения меняется деятельность педагога. Специфика каждой модели дистанционного учебного процесса обуславливает отбор и структурирование содержания обучения, методов, организационных форм и средств обучения. В настоящее время все обозначенные модели дистанционного обучения наблюдаются в практике образования как за рубежом, так и в нашей стране. Обратимся к обучению иностранным языкам в современной информационно-образовательной среде. Оно имеет свои особенности, которые обусловлены спецификой предмета «Иностранный язык». Специфика предмета «Иностранный язык», прежде всего, связана с тем, что ведущим компонентом содержания обучения иностранному языку являются не основы наук, а способы деятельности – обучение различным видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению и письму. Академик Л.В. Щерба указывает на то, что обучение иностранному языку есть обучение некой деятельности и специфика предмета состоит в овладении речью, общением, в формировании речемыслительной деятельности [3, с. 11].

Рассмотрим возможности дистанционного обучения различным видам деятельности:

чтение. При дистанционном обучении чтению каждому обучающемуся нужно предоставить возможность читать и упражняться в этом виде деятельности. Если целью обучения является обучение правилам чтения, учебный справочник в печатном или в электронном виде должен содержать в себе правила чтения букв и буквосочетаний, упражнения на применение этих правил при чтении отдельных слов, предложений. Если же целью обучения является обучение навыкам понимания при чтении иноязычной литературы, то здесь должны быть продуманы варианты контроля уровня понимания. Это могут быть тесты, ответы на вопросы, пересказ и многие другие задания. При дистанционном обучении чтению обучаемый должен следовать руководствам, заранее разработанным преподавателем, записывать вопросы, которые затем следует задать преподавателю, отвечать на вопросы, содержащиеся в руководстве, выполнять контрольные задания. Для дистанционного обучения чтению иноязычной литературы подходят кейс-технология и сетевая технология. Также можно использовать телеконференцию для лучшей организации связи с преподавателем, для связи с преподавателем или для общения обучаемых между собой можно использовать электронную почту, чат или электронную доску объявлений;

аудирование. В последнее время наряду с аудиосредствами для обучения аудированию используются и видеозаписи, которые содержат экстралингвистические и контекстные ключи к пониманию, а также показывают важные для понимания визуальные

элементы. Возможность остановки и повторного прослушивания или просмотра позволяет обучаемому лучше понять аудиоматериал. Компьютер с его мультимедийной комплектацией играет большую роль в процессе обучения пониманию иноязычной речи на слух в системе дистанционного обучения. Процесс обучения пониманию иноязычной речи на слух в системе дистанционного обучения требует дорогостоящего оборудования: хороших видеокарт, веб-камер, микрофона и др. При наличии всего этого и при правильном методическом и дидактическом сопровождении обучение аудированию дает отличный результат;

письменная речь и говорение. Обучение говорению и письменной речи (следует заметить, что письменная речь – это та же устная, только изложенная на бумажных или электронных носителях) происходит путем осуществления общения между обучаемым, группой и преподавателем. Обучение письменной речи может осуществляться при помощи электронной почты, чатов, синхронной коммуникации. Обучение же устной речи в системе дистанционного обучения может осуществляться только во время телеконференций. В процессе коммуникации, обучаемые пользуются всеми видами деятельности: пониманием иноязычного текста и навыками письма (общение посредством письменной речи); аудированием и навыками говорения (общение посредством устной речи) [4, с. 126].

Ни одному виду деятельности нельзя научить, не обращая внимания на три аспекта обучения иностранному языку:

лексику. Обучение лексике происходит при помощи учебника (или его электронного варианта), электронных приложений к нему, разработанных упражнений и заданий для самоконтроля и контроля. Весь процесс курирует преподаватель. Для обучения данному аспекту иностранного языка подходят кейс-технология и сетевая технология;

грамматику. При обучении грамматике нужно обязательно предоставить обучаемым доступ к различным словарям, учебникам, грамматическим справочникам, а также к постоянно пополняющимся источникам дидактической языковой информации. Здесь также станут уместными кейс-технология и сетевая технология. Для обсуждения употребления грамматического явления могут использоваться все средства коммуникации между обучаемыми и преподавателями;

фонетику. Обучение фонетике делится на теоретические и практический этапы. Теоретический этап содержит краткие теоретические сведения. Практический этап заключается в отработке произношения, интонации, скорости речи. В последнее время появился ряд технологий, позволяющих обучать фонетике в системе дистанционного образования. Однако, следует отметить, что наиболее плодотворным будет обучение практической фонетике при непосредственной коммуникации с преподавателем, когда он слышит, как обучаемый произносит слова, и может его поправить. Речь идет о телеили аудиоконференции online. Предлагаем некоторые упражнения на развитие грамматических навыков аудирования (из опыта работы):

- прослушайте предложение и назовите подлежащее и сказуемое;
- прослушайте предложение и укажите границу между главным и придаточным (придаточными);
- прослушайте предложение и назовите элементы, которые постепенно к нему добавляются (длина предложения постепенно увеличивается);
- назовите из прослушанных предложений номера тех из них, в которых встречается одно и то же грамматическое явление;
- прослушайте предложения, в которых редуцируются грамматические формы, восстановите их по контексту;

- определите разницу между предложениями, имеющими одинаковое лексическое оформление и различные грамматические конструкции;
- прослушайте несколько минитекстов, содержащих незнакомое грамматическое явление, постарайтесь определить его значение и пр.

Например, методика и технология использования программы *Skype* для проведения дистанционного урока позволяет видеть собеседника, а при проведении аудиоконференции можно добавлять количество участников. В *Skype* мы можем пересылать друг другу прикрепленные файлы, например, задания к занятию. Таким образом, можно проводить групповое занятие. У данной программы еще есть плюс – одному участнику можно предоставить свой экран во время занятия. Преподаватель может использовать дидактические материалы, иллюстрации, карты, видео- и аудиосюжеты, выделив цветом, шрифтом, то есть при применении специальных технологий стираются различия между обучением в очной и дистанционной форме.

Основной формой реализации образовательных программ с использованием дистанционных образовательных технологий является занятия *online*. Проведение таких занятий осуществляется с помощью электронных средств связи (*Skype*) и средств образовательного ресурса, созданного на основе системы дистанционного обучения *Moodle* (среда, предназначенная для создания дистанционных курсов), который представляет собой комплект дидактических материалов к занятию [5, с. 15]. В этом случае можно использовать такие виды деятельности, как:

- ознакомление учащихся с наиболее сложным грамматическим материалом, формирование ориентировки и первичное его закрепление (формирование навыка);
- ознакомление и первичное закрепление лексического материала;
- формирование интеллектуальных умений критического мышления (работы с текстом на разных носителях: умение выделять главные мысли, умение анализировать, обобщать, оценивать информацию);
- дискуссии;
- ролевые игры;
- защита проектов.

Разумеется, автономной, самостоятельной деятельности учащихся в дистанционной форме также уделяется значительное место.

К дистанционной форме в виде домашних заданий, самостоятельной работы по индивидуальным планам можно отнести (из опыта работы):

- формирование и совершенствование необходимых лексических, грамматических навыков, умений письменной речи, аудирования, чтения на основе автономной индивидуальной и групповой деятельности учащихся в сети;
- гибкая система консультаций учащихся со стороны преподавателя в процессе работы над проектом, над различными видами письменных творческих работ, дискуссий;
- участие в международных телекоммуникационных проектах.

Особое внимание следует уделять межкультурному общению. Услуги интернета это позволяют. В дистанционной форме так же, как и в очном обучении, используются группы сотрудничества. Для обсуждения тех или иных вопросов, которые в дальнейшем выносятся на общее обсуждение, используется форум. Такие форумы в настоящее время предусмотрены практически во всех оболочках. Желательно, чтобы аналогичные форумы были для каждой группы сотрудничества. Тогда каждая группа сама могла бы

решать, какие вопросы они обсуждают по электронной почте, а какие в своем форуме. Конечно, большую пользу в таком общении оказывает и чат (конференция *online*). Программы чата также размещаются в современных оболочках, или можно воспользоваться любым чатом, находящимся в свободном доступе в интернете. Все дидактически полезные ресурсы интернета при этом могут использоваться в полном объеме.

Таким образом, общение может идти на уровне малых групп сотрудничества, всей группы на общем форуме или в чате, а также в сетевых сообществах, организуясь по собственным интересам. Полезно использовать и конференции *offline*, которые размещаются на отдельной веб-странице. Они удобны для проектной деятельности, дискуссий, обсуждения спорных вопросов. Для проектной деятельности в сети предусмотрены специальные технологии – веб-квесты (*web-quest* – <http://webquest.sdsu.ed> – сайт, разработанный Берни Доджем, <http://www.webquest.org> – это целый портал веб-квестов) [6, с. 11]. На этих сайтах предлагаются проблемы для проектной работы, предлагается вся процессуальная часть проектной деятельности.

Существуют разные модели дистанционного обучения, и организация обучения в дистанционной форме строится по-разному в зависимости от используемой модели. Кроме того, поскольку это система обучения, то важно иметь в виду особенности используемой концепции обучения, которая обуславливает отбор и структурирование содержания обучения, отбор методов, организационных форм, средств обучения.

В заключение следует отметить, что при грамотной разработке дидактической и технической сторон дистанционного обучения иностранным языкам, при регулярном и профессиональном сопровождении обучаемых в течение всего курса, при высокой мотивации слушателей и наличии всех необходимых технических средств обучения и электронных образовательных ресурсов дистанционное обучение иностранным языкам может составить конкуренцию традиционным формам обучения, так как оно при помощи всех своих средств помогает обучить слушателей всем видам речевой деятельности и сформировать у них коммуникативную компетентность, что является главной целью обучения иностранным языкам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Полат Е. С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Иностр. яз. в шк. 1998. №5. С. 6–11.
2. Зайченко Т. П. Основы дистанционного обучения: Теоретико-практический базис: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.
3. Щерба Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики: учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет; СПб ГУ; М.: Издат-ий центр «Академия», 2003.
4. Полат Е. С. Теория и практика дистанционного обучения: учеб. пособие. М.: Издат-ий центр «Академия», 2004.
5. Владимирова Л. П. Проблемы интеграции формального и неформального образования в условиях единой информационно-образовательной среды // Открытое образование. 2013. № 5 (100). С. 13–18.
6. Тавгень И. А. Анализ ресурсов и дидактических средств, используемых в технологиях дистанционного обучения // Народная асвета. – 2002. №7. С. 9–12.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕКСЕМЫ «ВИКТОРИЯ» В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE FUNCTIONING OF THE LEXEME 'ВИКТОРИЯ' FROM ITS DIACHRONIC PERSPECTIVE

Е. И. СТЕФАНОВСКАЯ

E. I. STEFANOVSKAYA

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – С. А. ВАЖНИК

RESEARCH SUPERVISOR – S. A. VAZHNİK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: stefanovskayak@gmail.com*

В статье рассматривается функционирование лексемы «виктория» в русском языке в диахроническом аспекте. Проводится статистический анализ фиксации лексемы в разных дискурсивных пространствах на разных исторических этапах. Формируется каталог коллокационных пар с изучаемой лексемой.

The article considers the functioning of the Russian lexeme 'виктория' from its diachronic perspective. A statistical analysis of the lexeme fixation in different discourses within different historical periods is carried out. A set of collocations with the lexeme studied is made up.

Ключевые слова: виктория; победа; коллокация; диахронический аспект; спортивный дискурс.

Key words: victory; collocation; diachronic perspective; sports discourse.

Концепт «победа» является одним из ключевых в дискурсивных образцах, характеризующихся высокой степенью агональности (спортивный, военный, политический, протестный, исторический и пр.). В русском языке одним из способов его выражения, наряду с самой лексемой «победа», является слово «виктория». Подобная тенденция наблюдается и в ряде других языков (англ. *victory*, исп. *victoria*, итал. *vittoria*, лат. *victoria*, люкс. *victoire*, нем. *Viktoria*, порт. *vitória*, рум. *victorie*, франц. *victoire*), что объясняется отсылкой к древнеримской мифологии, в которой Виктория (изначально Вика Пота) была богиней победы.

Стоит отметить тот факт, что на настоящий момент лексема «виктория» не включена в русскоязычные словари сочетаемости. Таким образом, представленный в публикации каталог коллокационных пар с изучаемой лексемой может послужить материалом для статьи о ней в подобного рода словарях, что, очевидно, и обуславливает актуальность, а также теоретическую и практическую значимость данного лингвоисследования.

В Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) первое упоминание слова «виктория» в значении «победа» обнаруживается в «Дневных записках» (1682–1709 гг.) И. А. Желябужского – одном из самых ранних памятников дневникового жанра в России:

(1) *И так чрез милость Божию **преславную викторию** наши получили, что на месте неприятелей положено с 5000 человек шведов да с 1000 поляков и волохов <...> [1].*

(2) *И о сей у нас неслыханной новине воздаем мы должное благодарение победодателю Богу, а вас, и господ министров, и всех наших с сею **викториею поздравляем** [1].*

(3) *Объявляю вам о зело **превеликой и нечаемой виктории**, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил, с малых войск наших кровию, таковым образом [1].*

В конце XVII – начале XVIII вв. данная лексема активно используется в «Гистории Свейской войны» (1698–1721 гг.), повествующей об эпохе преобразований Петра Великого, важнейших военных, политических, экономических, исторических событиях государства в период Северной войны:

(4) *<...> ежели б нам тогда над шведами **виктория досталась**, будучи в таком неускустве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую б беду после нас оное щастие вринуть могло [1].*

(5) *То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неускусными **сыскать викторию** [1].*

(6) *И притом командиры тоя партии, которые **викторию получили** <...>, учинены кавалерами ордена святого Андрея [1].*

(7) *И помощью Божию наши неприятеля сломили и **полную викторию получили** [1].*

(8) *И достальныя пушки и обоз взяли и **совершенную викторию получили** [1].*

(9) *В 29 день <...> было благодарение Богу за полученную **преславную викторию** на боевом месте при троекратной пушечной и мушкетной стрельбе [1].*

(10) *И тако оные с помощью Божию отбиты и, ежели бы за ними хотя мало следовали, то б **полную викторию** получить могли [1].*

Обращает на себя внимание вариативность коллокаций с исследуемой лексемой в данном тексте: *виктория досталась, получить викторию, сыскать викторию, полная виктория, совершенная виктория, преславная виктория* и пр.

На протяжении 18 в. слово «виктория» продолжает употребляться исключительно в военно-исторических контекстах:

(11) *И тако, милостию всевышнего, **совершенная виктория** <...> против гордого неприятеля чрез его царского величества славное оружие и персональной храброй и мудрой привод **одержана** <...> («Обстоятельная реляция» о Полтавской битве (1709)) [1].*

(12) *Вспомяни **преславную викторию Полтавскую**, идеже в самом страшном огни и шляпу на главе твоей неприятельская прошла пуля <...> (митрополит Стефан (Яворский). Моисей Российский... (1711)) [1].*

(13) *Велико было бы, аще бы кто прошел легким странствием, то что ж есть **викториями** исполнити (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича (1716)) [1].*

(14) *Аще бо не всю **викторию**, то по не **великую викторию** часть ветрам **восписать** подобает <...> (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулиа 27 дня полученной (1720)) [1].*

(15) *За сию **викторию** бомбардирский капитан, индриган Менциков **зделаны кавалерами** ордена св. Андрея (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785–1786)) [1].*

Нельзя не зафиксировать и факт отсутствия употреблений данного слова в НКРЯ на протяжении ряда периодов: с 1720 по 1785 гг. и с 1786 по 1833 гг. В первой половине

XIX в. контекст употребления исследуемой лексемы также ограничивался текстами военно-исторической направленности:

(16) Чара круговая обошла приятельский круг уже три раза, сперва за здоровье живых, потом за упокой убиенных и наконец **за викторию**. (И. И. Лажечников. Последний Новик (1833)) [1].

(17) <...> нынче никто не скажет, что он ходил стрелять из фузеи или что мы под Малым Ярославцем **одержали** над французами **знаменитую викторию**. (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)) [1].

Однако уже во второй трети XIX в. «виктория» начинает внедряться в новые дискурсы – например, в художественный:

(18) <...> я самодовольно возвратился в комнату с намерением привести свою особу в горизонтальное положение и достойно **отпраздновать одержанную викторию**. (Т. Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали (1855–1858)) [1].

(19) По слабости человеческой плоти не может человек со всеми сразу бороться, а должен одного из них на свою сторону перетянуть, тогда можно **добиться виктории** и освобождения отчизны. (М. П. Старицкий. Молодость Мазепы // «Московский листок», 1898) [1].

Возвращение к тематическим истокам употребления происходит в первой половине XX в.:

(20) Шведы под Нарвою над нашим войском **викторию получили** <...> (П. И. Ковалевский. Петр Великий и его гений (1900–1910)) [1].

(21) Столица торжественно стала **праздновать** первую над пруссаками **викторию**. (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1-2 (1934–1939)) [1].

(22) Что же, всего одна эскадра шведская **викторию не определит!** (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)) [1].

В 1960-х гг. в лингвомоду возвращается тенденция функционирования «виктории» в художественном дискурсе:

(23) Ей и только ей обязан я **викторией** своей», – сказал он, показывая на Диану. (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Гадкие лебеди (1967)) [1].

(24) Слова у него удивительные: **«сыскать викторию!»**, «спастись трудилась», «побежал великим скоком» или вот «оголоженная дорога» <...> (Сергей Залыгин. Комиссия (1976)) [1].

Во второй половине XX в. исследуемая лексема постепенно теряет свою актуальность (7 употреблений с 1951 по 2000 гг.; для сравнения – 14 употреблений с 1900 по 1950 гг.). Вероятно, именно это послужило причиной для добавления пометки «устар.» в словарях, как, например, в Большом словаре русских поговорок [2, стр. 87].

В начале 2000-х гг. лексема возвращается в язык с новым контекстным набором: политический, спортивный, медийный, медицинский, кинематографический, музыкальный дискурсы:

(25) **Творцами славной виктории** стали ныне два отставных генерала – Анте Готовине и Рахим Адеми <...> (Михеев Владимир. Судят ли национальных героев? // Труд-7, 2001.07.12) [1].

(26) **Историческую викторию** по русскому обычаю надо было **отметить** <...> (Сборную России побил градом // Комсомольская правда, 2002.05.21) [1].

(27) Полковник Юрасов **одержал блистательную викторию** и войдет в историю как победитель битвы при Сортирах. (Ярослав КОРОБАТОВ. Ярославские омовцы мочили спартачей в сортире // Комсомольская правда, 2002.07.24) [1].

(28) Два года назад Михаил Иванович, **одержав** в ходе девятилетней войны с астой **ощутимую викторию**, вернулся в столицу <...> (Павлючик Леонид. Михаил Пуговкин: кольшусь вместе с природой // Труд-7, 2003.07.10) [1].

(29) А уже в самой Венеции «Возвращение» **одержало** просто-таки **фантастическую викторию**. (Павлючик Леонид. «Возвращение» с триумфом // Труд-7, 2003.12.25) [1].

(30) После **виктории** Димы Бирана в конкурсе «Евровидение» <...> (Егоров С. Полузащитник сборной России Игорь Семшов: Я – не замена Аршавину! // Советский спорт, 2008.05.31) [1].

Количественное распределение использования лексемы «виктория» в разные временные промежутки отражает Рисунок 1.

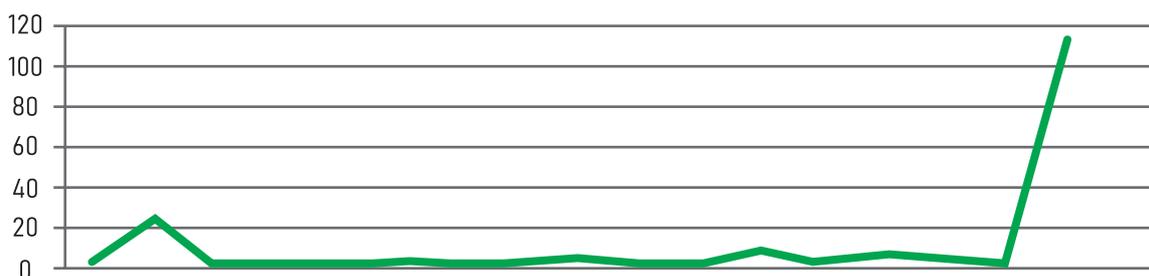

Рис. 1. График фиксации слова «виктория» в НКРЯ

Именно в начале третьего тысячелетия лексема «виктория» активно внедряется в спортивную риторiku и год за годом набирает популярность, постепенно вытесняя другие контексты. Количественное распределение использования лексемы «виктория» в спортивной сфере в разные годы в период с 2001 по 2019 гг. отражает график ниже.

Рис. 2. График фиксации слова «виктория» в спортивной сфере с 2001 по 2019 гг. (НКРЯ)

Анализ функционирования слова «виктория» в НКРЯ в период с 1682 по 2019 гг. позволил выявить следующие коллокационные модели с данной лексемой:

- **модель Adj/ Participia + N:** Полтавская виктория (7 раз), преславная виктория (6 раз), полная виктория (4 раза), морская виктория (3 раза), славная виктория (3 раза), совершенная виктория (2 раза), одержанная виктория (2 раза), великая виктория (2 раза), военная виктория (2 раза), безоговорочная виктория, блистательная виктория, громкая виктория, запечатленная виктория, знаменитая виктория, знатная виктория, крупная виктория, неслыханная виктория, неубедительная виктория, нечаемая виктория, оцутимая виктория, полученная виктория, потрясающая виктория, превеликая виктория, убедительная виктория, фантастическая виктория, Гангутская виктория, «крымская виктория»;
- **модель V + N:** получить викторию (10 раз), одержать викторию (9 раз), даровать викторию к-л. (2 раза), сыскать викторию (2 раза), аннулировать викторию, гласить викторию, добиться виктории, закончиться викторией, любоваться викторией, обеспечить викторию, одерживать викторию, определить викторию, отмечать викторию, отпраздновать викторию, поделить викторию, праздновать викторию, праздновать викторию над, принести викторию, провозгласить викторию, учинить викторию, хвастать викторией;
- **модель N + V:** виктория досталась (2 раза);
- **иные глагольные модели:** поздравлять с викторией (2 раза), благодарить за викторию, быть обязанным викторией, заплатить за викторию, поздравить с викторией, рассчитывать на викторию, пожаловать за викторию из ... в ..., сделать кавалером за викторию;
- **модель N + Prep:** виктория над к-л. (6 раз);
- **модель N + Prep + N:** виктория в конкурсе, виктория за викторией, виктория в борьбе с, факторы для виктории;
- **другие случаи:** с викторией! (3 раза) (коммуникема), творец виктории, создание виктории.

Обзор НКРЯ позволил выделить следующие коллокации со словом «виктория» в спортивной сфере за период с 2001 по 2019 гг.:

- **модель Adj/ Participia + N:** волевая виктория (3 раза), долгожданная виктория (2 раза), домашняя виктория (2 раза), историческая виктория (2 раза), очередная виктория (2 раза), феерическая виктория (2 раза), блистательная виктория, былинная виктория, важнейшая виктория, заслуженная виктория, индивидуальная виктория, красивая виктория, крупная виктория, кубковая виктория, нынешняя виктория, полная виктория, тренерская виктория, четвертьфинальная виктория;
- **модель V + N:** одержать викторию (7 раз), отпраздновать викторию (7 раз), добиться виктории (4 раза), одержать ... викторию кряду (3 раза), праздновать викторию (3 раза), принести викторию (2 раза), радоваться виктории (2 раза), вспоминать викторию, вспомнить викторию, встретить викторию, вырвать викторию, дарить викторию, заслуживать виктории, одерживать викторию, одержать викторию над, отмечать викторию, отметить викторию, оформить викторию, оформить ... викторию подряд, подарить викторию, посвятить викторию к-л., предвидеть викторию, сотворить викторию, упустить викторию;

- **модель N + V:** *виктория удавалась, виктория последовала;*
- **иные глагольные модели:** *отходить от виктории, отвечать викторией на викторию, одержать викторию в турнире, привезти викторию из гостей;*
- **модель N + Prep:** *виктория над к-л. (6 раз);*
- **модель N + Prep + N:** *виктория в кармане, виктория в финале, виктория на чемпионате;*
- **другие случаи:** *виктория значится на счету, воспоминания о виктории, надежды на викторию, план виктории, стоимость виктории, шествие к виктории, салют в честь виктории.*

Дополнительный анализ спортивных материалов (интервью, репортажей, комментариев), транслируемых или опубликованных на русском языке (как на территории РФ, так и на территории РБ) за период 2016-2019 гг. и не вошедших в НКРЯ, позволяет дополнить данную коллокационную базу следующими примерами:

- **модель Adj/ Participia + N:** *гостевая виктория, закономерная виктория, минимальная виктория, разгромная виктория, сенсационная виктория, спортивная виктория, тяжёлая виктория, эффектная виктория;*
- **модель V + N:** *добыть викторию, получить викторию, получить викторию над;*
- **другие случаи:** *преградить путь к виктории.*

В рамках данного исследования уместным видится привести несколько примеров обыгрывания самой лексемы «виктория» и коллокаций, в состав которых она входит. Так, например, в заголовке статьи газеты «Коммерсант» за 2018 год имеет место игра слов, основанная на коллокации «одержать викторию» и названии футбольной команды «Виктория»:

(31) *«Армейцы не одержали «Викторию»». (ЦСКА сыграл вничью с «Викторией» в матче Лиги чемпионов // Коммерсант, 2018.09.19) [1].*

А в статье о теннисе издания «РБК Дейли» за 2013 год игра слов строится на полисемии слова «виктория» (женское имя и синоним победы):

(32) *И на подаче Кириленко Виктория добилась-таки виктории в четвертьфинале. (Николай Чегорский. Осталась только Шарапова // РБК Дейли, 2013.06.06) [1].*

Сложно отрицать тот факт, что язык является отражением социокультурной и политико-экономической реальности общества, в рамках которого он функционирует. Именно поэтому многие языковые тенденции появляются под влиянием тенденций культурных, политических, экономических, военных. Так, например, отчетливо обнаруживается активная эксплуатация лексемы «виктория» в военно-историческом контексте в период частых войн (последняя треть XVII – начало XVIII вв., первая половина XX в.) (см. таблицу «Количественное распределение фиксации слова «виктория» в разных контекстах с 1682 по 2019 гг. (НКРЯ)»), в политическом – в период распада СССР и после него, когда геополитическая картина мира значительно изменилась и сфера политики стала важнейшей темой новостного пространства (конец XX – начало XXI вв.), в спортивном – в начале XXI в., когда спорт стал рассматриваться не только как социальный институт, но и как социокультурный феномен, междисциплинарный концепт и даже политический инструмент. Разумеется, предлагаемые нами толкования не претендуют на статус единственно верных, однако нам видится, что в той или иной мере указанные лингвистические и нелингвистические тенденции и события переплетаются и оказывают взаимное влияние.

**Количественное распределение фиксации слова «виктория»
в разных контекстах с 1682 по 2019 гг. (НКРЯ)**

Годы/ Тематика	Военно- истори- ческая	Полити- ческая	Спортив- ная	Литера- турная	Культурная (кино и музыка)	Медийная (социо- эконом.)	Медицин- ская
1682-1700	16	-	-	-	-	-	-
1701-1720	10	-	-	-	-	-	-
1721-1740	-	-	-	-	-	-	-
1741-1760	-	-	-	-	-	-	-
1761-1780	-	-	-	-	-	-	-
1781-1800	1	-	-	-	-	-	-
1801-1820	-	-	-	-	-	-	-
1821-1840	1	-	-	-	-	-	-
1841-1860	3	-	-	1	-	-	-
1861-1880	1	-	-	-	-	-	-
1881-1900	1	-	-	1	-	-	-
1901-1920	7	-	-	-	-	-	-
1921-1940	3	-	-	-	-	-	-
1941-1960	5	-	-	1	-	-	-
1961-1980	-	-	-	4	-	-	-
1981-2000	2	1	-	-	-	-	-
2001-2019	10	9	82	3	2	5	1

Таким образом, результаты диахронического анализа функционирования лексемы «виктория» в различных дискурсивных полях на разных этапах ее существования в русском языке не могут не наводить на мысль о том, что языковые тенденции, равно как и исторические, политические и культурные, цикличны, а значит, циклична не только история, но и язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

РЕСУРС *LEARNINGAPPS.ORG* КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

LEARNINGAPPS.ORG RESOURCE AS A MEANS OF OPTIMIZING THE PROCESS OF FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCIES IN STUDENTS OF NATURAL SCIENCE SPECIALTIES

К. С. РУДАКЕВИЧ
K. S. ROUDAKEVICH

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: kristina.ru@tut.by*

В статье рассматривается ресурс *LearningApps.org*, созданный в образовательных целях в помощь преподавателям и студентам, включая виды заданий и способы его использования. Рассматриваются универсальные компетенции и способ их проработки в процессе обучения студентов естественно-научных специальностей.

The article discusses the resource *LearningApps.org*, created for educational purposes to help teachers and students, including the types of tasks on the website and how to use it. Universal competencies and the way of their development in the process of teaching students of natural science specialties are considered.

Ключевые слова: универсальные компетенции; ресурс *LearningApps.org*; средства обучения; естественно-научные специальности.

Keywords: universal competencies; *LearningApps.org* resource; means of education; natural sciences.

Сегодня ученых, работодателей и преподавателей вузов все больше интересуют вопросы поиска путей повышения конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда. В частности, такой неотъемлемый процесс в современном мире, как интернационализация образования способствует повышению уровня языковой подготовки, что делает будущих специалистов более подготовленными к условиям рынка труда. В связи с постоянными изменениями социальных запросов и запросов рынка труда современный рынок труда вынужден базироваться на конкурентоспособности молодых специалистов, в связи с чем возникает необходимость овладевать всеми необходимыми навыками, а также обладать способностью их приобретать. Следовательно, для образования очень важно соответствовать запросам современного общества, а также вырабатывать навыки, способствующие дальнейшему успеху в жизни будущих специалистов, студентов естественно-научных специальностей.

В настоящее время различные страны и вузы придерживаются так называемых универсальных компетенций, благодаря которым выпускники вузов, как языковых, так

и неязыковых, могут успешно осуществлять свою деятельность, а также профессионально общаться на иностранном языке.

В целом, в различных странах и регионах, а также в университетах, организациях и на экономических форумах можно найти свои списки базовых универсальных компетенций, которыми должны обладать выпускники вузов для успешного осуществления своей профессиональной деятельности. В целом, их можно выделить в четыре основные группы:

1. когнитивные / познавательные и метакогнитивные компетенции;
2. компетенции коммуникации и социального взаимодействия;
3. личностные компетенции;
4. ИКТ-компетенции [1].

Для формирования когнитивных и метакогнитивных компетенций за основу можно взять *принцип сознательности обучения*, предполагающий сознательное отношение студентов естественно-научных специальностей во время занятий по обучению иностранному языку, а также методику преподавания, развивающую у студентов самостоятельность и творческий подход к обучению, формирующую потребности в самообразовании и самовоспитании. Также стоит отметить *личностно-деятельностный подход* в процессе обучения иностранному языку, который предусматривает развитие когнитивных и метакогнитивных компетенций студентов. Говоря о технологиях, следует упомянуть *технология проблемного обучения*, которая способствует развитию когнитивных и метакогнитивных компетенций у студентов естественно-научных специальностей [1].

Следует упомянуть тот факт, что на сегодняшний день уделяется особое внимание развитию у студентов естественно-научных специальностей коммуникационных навыков. В целом, коммуникативной методике посвящено множество видов активностей, в том числе интерактивного обучения, такие как дискуссии, кейсы, обучающие игры (ролевые игры, имитации, деловые игры), разработки проектов, тренинги.

Формирование *личностных компетенций* на занятиях по иностранному языку формируются благодаря использованию возможностей, заложенных в самом содержании данной дисциплины, например, при работе с аутентичными иноязычными текстами. Также, благодаря большому количеству программных средств и разработанным на их основе технологиям обучения, обеспечивается формирование *ИКТ-компетенции*, как в аудитории, так и вне её на занятиях по иностранному языку в вузе. Сегодня преподаватель иностранного языка в современном неязыковом вузе должен ставить задачу целенаправленного формирования у студентов естественно-научных специальностей универсальных компетенций, представленных выше, которые будут способствовать достойной конкуренции будущих специалистов на рынке труда. Для этого не обойтись без современных технологий в виде вспомогательных средств обучения [2].

В настоящее время существует множество различных средств обучения: технологии/ресурсы/приемы для организации управляемой учебно-познавательной деятельности студентов. Можно использовать различные средства обучения как для работы в аудитории, так и для работы онлайн. Все они в той или иной степени ориентированы на формирование различных универсальных компетенций обучающихся. Одним из таких средств является ресурс *LearningApps.org*.

Ресурс *LearningApps.org* – это бесплатная платформа, созданная в образовательных целях в помощь преподавателям и студентам. Может использоваться в процессе преподавания в аудитории либо в качестве самостоятельного обучения с помощью интерак-

тивных модулей. Предлагаемый конструктор и шаблоны дают возможность пользователям использовать имеющиеся модули, модифицировать их и создавать новые модули.

Сервис *LearningApps.org* обладает следующими инструментами, позволяющими преподавателю готовить качественные электронные материалы, а также дистанционно общаться со студентами и коллегами: *Notebook* (Блокнот), *Pinboard* («Доска объявлений»), *QikPad* – онлайн-редактор, *Mindmap* (Ментальная карта), Аудио-/видео контент, Календарь, Сетка приложений (приложение для создания коллекции из нескольких упражнений), Чат [3].

Данный ресурс позволяет организовать групповую работу в сервисе, также предоставляет возможности для образовательной деятельности. Преподаватель может создавать задания, направленные на решение конкретных задач и проработку определённых универсальных компетенций в своей предметной области. Сайт можно использовать для закрепления теории посредством практических задач, можно проводить различные конкурсы, соревнования между обучающимися в режиме онлайн, таким образом побуждая к активной познавательной деятельности. Кроме того, *LearningApps.org* удобен в создании и редактировании заданий в режиме онлайн с использованием различных шаблонов, применением интерактивных заданий. На сайте можно создать аккаунт для своих студентов, таким образом собрав их в группу и предоставив коллекцию упражнений для выполнения. К тому же, готовые упражнения легко встраиваются в блоги и сайты, их можно использовать и при работе офлайн.

Шаблоны сервиса *LearningApps.org* дают возможность предлагать следующие упражнения:

1. Упражнения на выбор: Викторина, Викторина с выбором правильного ответа, Выделить слова, «Кто хочет стать миллионером?», Слова из букв;
2. Упражнения на распределение: Игра «Парочки» (*Pair Game*, Парная игра), Классификация (Шаблоны 1,2), Найти на карте, Найти пару, Пазл «Угадай-ка», Соответствия в сетке (*Matchinggrid*), Сортировка картинок, Таблица соответствия (*Matchingmatrix*);
3. Упражнения на последовательность: Расставить по порядку, Хронологическая линейка;
4. Упражнения на заполнение: Викторина с вводом текста (*Quizwithtextinput*), Виселица, заполнить пропуски, Кроссворд;
5. Онлайн-игры: Многопользовательская викторина (*Multi-User-Quiz*), «Где находится это?», Папка *Challenge* (Вызов), Скачки (*Horsereading*) [3].

Готовыми упражнениями можно поделиться разными способами, в частности, через указание адреса в Интернете; указание адреса полной картинки; вставки фрейма на свой сайт (в данном случае генерируется код, который нужно вставить в режиме HTML на сайт или в блог; при этом приложение будет работать автоматически на странице вашего сайта); скачивание приложения в виде ZIP-архива и загрузку на вашу LMS как SCORM-контент; скачивание приложения как *iBookAuthorWidget*; скачивание исходного кода этого приложения, как ZIP-файл (в содержимое не включены только источники); рекомендацию по электронной почте (*e-mail*); отправку в *Twitter*; публикацию в *Facebook*; сохранение в *delicio.us*; публикацию на платформе *MySpace*; сохранение в закладках в *Google-Bookmarks*; публикацию в *pinterest.com*; сохранение в закладках *Mister-wong*; использование QR-кода – содержит ссылку на упражнение. Можно скачать его как графический файл и вставлять, например, в презентацию. QR-коды считываются с помощью специальной программы, можно использовать мобильные устройства [3].

Таким образом, следует отметить, что ресурс *LearningApps.org* является довольно разнообразным и позволяет создавать различные задания и формировать различные навыки и универсальные компетенции студентов. Ресурс можно использовать как при работе в аудитории, так и дома как средство для проработки профессиональной лексики, материалов, при работе с профессиональными текстами и проверке понимания, при переводах предложений, а также при проверке терминов. Что касается использования ресурса для работы со студентами естественно-научных специальностей, то на нем хорошо прорабатываются термины и понятия, различные процессы, также можно задействовать викторины и игры для повышения соревновательного духа учащихся на занятии. В качестве домашних заданий можно использовать упражнения, направленные на повторение тем. При этом соблюдается развитие универсальных компетенций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давиденко Е. С., Байдикова Н. Л. Формирование у студентов универсальных компетенций в процессе обучения иностранному языку [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-u-studentov-universalnyh-kompetentsiy-v-protseste-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Миханова О. П. Формирование и развитие универсальных компетенций студентов вуза в процессе обучения иностранному языку: на примере неязыковых специальностей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-i-razvitie-universalnyh-kompetencij-studentov-vuza-v-processe.html> (дата обращения: 24.04.2022).
3. Гайдаржи, А. А., Двинянинова Е. А., Корниенко И. С., Шарьтова С. В. LearningApps [Электронный ресурс]. URL: <https://nic-snail.ru/pedagogu/mediateka/learningapps> (дата обращения: 26.04.2022).

РАБОТА ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

WORK ON PATRIOTIC EDUCATION IN THE INSTITUTION OF PRESCHOOL EDUCATION

О. Л. ЗАНЬКО

O. L. ZANKO

*Государственное учреждение образование «Ясли-сад № 37 г. Могилева»
ул. Чехова, 10, 212020, Могилев, Республика Беларусь
e-mail: zankooksana717@gmail.com*

В статье рассматривается вопрос о формировании национального самосознания и интереса к культуре, традициям, истории Беларуси детей дошкольного возраста в работе посредством патриотического воспитания при осуществлении разнообразных видов деятельности через эффективные формы, методы и приемы работы с детьми.

The article deals with the formation of national identity and interest in the culture, traditions, history of Belarus of preschool children in the work of patriotic education in various activities through effective forms, methods and techniques.

Ключевые слова: культурология; патриотическое воспитание; дошкольный возраст.

Keywords: culturalstudies; patrioticeducation; preschoolage.

Сегодня, к сожалению, мы наблюдаем обострение во всем мире социальных, политических, религиозных и многих других проблем. И в сложившейся ситуации именно культура может повлиять на противостояние агрессии и конфликтов в современном обществе. Особую роль играет социальная функция культуры, поэтому ее изучение в рамках отдельной науки в сфере образования является совершенно необходимым.

Несмотря на современный век высоких технологий и коммуникаций, мы не должны забывать про свою родину, историю, культуру и традиции своего народа. С детства человек должен гордиться своей национальной принадлежностью, любить свою Родину, знать родной язык, интересоваться культурой, историей своего народа.

Дошкольный возраст – это самый важный период становления личности, когда формируются представления о человеке, обществе, культуре. Исходя из этого, необходимо в этот период развивать у дошкольников чувство любви к родной стране, городу, улице, чувство и уважительное отношение к культурным ценностям родного края. В дошкольном возрасте формируются основные качества личности, поэтому важно пропитать восприимчивую, нежную душу ребенка возвышенными человеческими ценностями, зародить интерес к истории, культуре, традициям Беларуси.

Патриотическое воспитание – целенаправленный процесс воздействия на личность с целью формирования патриотизма, как качества, проявляющегося в любви и уважению к своей Родине, культуре и ценностям своего народа. Перед воспитателем дошкольного образования в соответствии с учебной программой стоит задача формирования гражданственности и национального самосознания, патриотических чувств, нравственной, эстетической и экологической культуры посредством приобщения дошкольников к родному языку, основам истории, культуре своей Родины. Решая задачи патриоти-

ческого воспитания и осуществляя отбор содержания этого процесса, каждый педагог должен строить свою педагогическую работу в соответствии с местными условиями и возрастными особенностями детей.

Вся система работы включает в себя поэтапное, постепенное воспитание и развитие дошкольника на традициях белорусской культуры. Главная задача педагога направлена на формирование у детей дошкольного возраста «базиса культуры» на основе ознакомления с бытом и жизнью родного народа, его характером, присущими ему нравственными ценностями, традициями, особенностями культуры, умения сравнивать культуры различных народов. Работа в учреждении дошкольного образования планируется в специально организованной деятельности через разнообразные образовательные области: «Ребенок и общество», «Развіццё беларускага маўлення і маўленчых зносін», «Изобразительное искусство», «Музыкальное искусство», «Физическая культура».

Воспитание чувства патриотизма у детей дошкольного возраста – кропотливая работа, которая должна вестись систематически, планомерно, во всех возрастных группах, при осуществлении разных видов деятельности.

Направления работы в учреждении дошкольного образования по патриотическому воспитанию могут быть конкретизированы следующим тематическим содержанием:

1. История Беларуси: возникновение и развитие. У дошкольников формируется представление:

- о географических особенностях родного края, климата, природы Беларуси;
- о родном языке и его ценности для белорусского народа;
- об архитектуре;
- о семье, стране: о жизни предков; родословной; памятных места города и столицы; событиях Великой отечественной войны, защитниках отечества;
- о названии Республики Беларусь и её столицы;
- о содружестве с другими государствами.

2. Символы Беларуси. Формируются представления:

- о символах Беларуси: герб, флаг и гимн; Государственном гимне Республики Беларусь;
- о природных символах Республики Беларусь: сосна, зубр, аист, цветки льна, клевера, василька и др.

3. Достопримечательности Беларуси. Формируются представления:

- об исторических памятниках;
- об архитектурных сооружениях: памятники, музеи, театры, библиотеки, стадионы, мосты;
- о природных богатствах;
- об отраслях производства, промышленности, сельского хозяйства;
- о национальной кухне.

4. Государственные и народные праздники. Формируются представления:

- о государственных праздниках Республики Беларусь: День конституции, День единения народов Беларуси и России, День Победы, День Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь, День Независимости Республики Беларусь;
- о народных праздниках: рождество, коляды, Масленица, Пасха, радуница, Благовещение, Купалле, Дожинки, День памяти.

5. Люди, прославившие Беларусь. Формируются представления:

- о защитниках отечества;
- об исторических личностях;
- о достижениях людей Республики Беларусь в труде, спорте, науке, искусстве.

6. Народные промыслы и искусство. Формируются представления:

- о народных промыслах: ткачество, гончарство и т.д.;
- о декоративно-прикладном искусстве: ткачество, вышивка, художественное украшение рушников; изделия из соломы, льна, глины, изделия из дерева, лозы, бересты;
- об изобразительном искусстве: скульптура, живопись, графика, фотоискусство.

7. Белорусское народное творчество. Формируются представления:

- о белорусском народном фольклоре: колыбельные, потешки, поговорки, сказки, легенды, басни и т.д.;
- о белорусской народной музыке и танцах, инструментах (жалейка, лира и др.);
- о народных детских играх; народных праздниках;
- о народных национальных костюмах.

В специально организованной деятельности по формированию национального самосознания и интереса к культуре воспитатель дошкольного образования для достижения максимального эффекта и результата может использовать разнообразные методы и приемы работы с детьми. Например, в рамках образовательной области «Ребенок и общество» для того, чтобы заинтересовать детей, используется сюрпризный момент: в гости приходит кукла Янина, или в детский сад пришла посылка. Можно использовать загадку или чтение стихотворения про то, о чем будет занятие. Воспитателем дошкольного образования можно быть запланирована беседа на заданную тему про родину, традиции, семью и т.д. Также, может быть создана проблемная ситуация: сравнить гербы разных стран, флаги, костюмы, кухню. Одним из самых активных и эффективных приемов – это игра. Через игру дети знакомятся и закрепляют необходимый материал очень легко и непринужденно: «спрашиваю – отвечай», «закрой глаза и представь», «загляни в конверт», «сложи из частей», «Закончи предложение», «Сложи по порядку», «Сложи герб», «Назови правильно» и др. Можно использовать викторины на заданную тему.

В образовательной области «Развіццё беларускага маўлення і маўленчых зносін» воспитатель дошкольного образования знакомит детей с богатством белорусского языка, с красотой и мелодичностью белорусского языка, учит правильно проговаривать белорусские слова.

В рамках образовательной области «Художественная литература» запланировано знакомство с белорусскими поговорками, пословицами, малыми формами белорусского фольклора, произведениями белорусских авторов, через которые дети узнают о традициях, обрядах, истории белорусского народа.

В образовательной области «Музыкальное искусство» дети знакомятся с музыкальными произведениями белорусских авторов, народными песнями, танцами, музыкальными инструментами и их национальными особенностями.

В рамках образовательной области «Изобразительное искусство» воспитатели знакомят детей с особенностями народных промыслов: ткачеством, гончарством и т.д.; с декоративно-прикладным искусством: вышивкой, художественным украшением рушников; изделиями из соломы, льна, глины, изделиями из дерева, лозы, бересты. Дети

изучают национальные особенности скульптуры, живописи, графики. Большая работа направлена на формирование навыков рисования белорусских узоров, на знакомство с картинами отечественных авторов.

Современный мир невозможно себе представить без интерактивных технологий. Возможности, предоставляемые сетевыми электронными ресурсами, позволяют решить ряд задач, актуальных для воспитателей дошкольного образования. Информационно-интерактивные технологии позволяют не только обеспечить ребенка большим количеством готовых, строго отобранных, соответствующим образом организованных знаний, но и развивать их интеллектуальные и творческие способности.

В учреждении дошкольного образования с целью патриотического воспитания можно использовать разнообразные средства интерактивных технологий, например:

1. **компьютер.** Возможности компьютера позволяют увеличить объем предполагаемого для ознакомления материала;
2. **мультимедийный проектор.** Мультимедийные презентации позволяют представить обучающий и развивающий материал как систему ярких опорных образов;
3. **интерактивная доска.** Интерактивная доска значительно расширяет возможности предъявления информации, позволяет усилить мотивацию ребенка.

В образовательной области «Физическая культура» руководитель физического воспитания совместно с воспитателем дошкольного образования знакомят детей с народными играми. Как известно, у каждого народа есть свои самобытные игры, которые отражают национальный характер. Игры белорусского народа связаны с бытом, трудовой деятельностью людей, природой, которая их окружает. Изначально они выполняли культовые функции, но со временем утратили связь с обрядами и превратились в забаву. Отличительной особенностью народных игр является их образность, которая пробуждает фантазию детей.

Игра – это жизненно важная потребность ребёнка, познающего мир. В основном белорусские народные игры – это подвижные игры. Одни из них имеют определённые нормы, словесное оформление, что делает их драматизированным действием. Другие – со строгим распределением ролей каждого участника, в которых слова являются сигналом к некому действию. Есть игры-хороводы с сочетанием мелодии, слов, движений, что содействует воспитанию интереса к белорусскому народному творчеству, к родному языку. Дошкольники легко их запоминают и с большим желанием играют. Кроме того, через ролевые игры дети знакомятся с традициями в семье, с культурой поведения в обществе, формируется умение уважать труд любого человека. С помощью дидактических и настольно печатных игр дошкольники знакомятся и закрепляют материал по заданной теме. Через игровую деятельность в общении с дошкольниками воспитателем могут быть запланированы беседы, рассказы об истории белорусского народа, его традициях и культуре, его национальных праздниках, культурных деятелях.

Одним из средств патриотического воспитания детей является художественная литература. Важно, чтобы её чтение и обсуждение повышали детскую мыслительную активность. Этому помогают приемы сравнения (труд в колхозе раньше и теперь, счеты и компьютеры и т.д.), вопросы, индивидуальные задания. Можно предложить найти ответ на проблемные вопросы в иллюстрациях, спросить у родителей и т.д. Нужно формировать у дошкольников умение самостоятельно анализировать увиденное, делать обобщения, выводы.

Кроме того, нельзя не забывать про воспитательную роль произведений устного народного творчества, которые не только формируют любовь к традициям своего народа, но и способствуют развитию личности в духе патриотизма. У каждого народа свои сказки, и все они передаются от поколения к поколению основные нравственные ценности: добро, дружбу, взаимопомощь, трудолюбие. В фольклорных произведениях мы наблюдаем национальную самобытность народа, богатый материал для воспитания любви к Родине.

В драматизации на фольклорной основе дошкольники узнают об обычаях и традициях, о гостеприимстве белорусского народа. Всё это обыгрывается, переживается детьми, быстро и легко усваивается. Дети запоминают крылатые выражения, пословицы, поговорки, прибаутки, меткие выражения.

В учреждении дошкольного образования часто проводятся фольклорные праздники, посвящённые национальным традициям: «Моя Республика Беларусь», «Дажынкi», «Купалле», «День письменности», «Кірмаш» и другие. Такие мероприятия дают детям колоссальный эмоциональный заряд, а это обостряет наблюдательность и восприятие, обогащает чувственный опыт, и, следовательно, формирует неподдельный интерес к этнокультурным явлениям, расширяет представления о народной культуре и богатстве родного языка.

С целью патриотического воспитания воспитатель дошкольного образования может также использовать такие формы работы, как: целевые прогулки по близлежащим улицам, экскурсии в общественные места нашего города: краеведческий музей, библиотеки города, посещение выставок и других культурных объектов, которые имеют большое значение в области приобщения детей к историческому наследию родного края, способствуют не только расширению знаний о местном окружении, но и приобретению новых сведений о реалиях других этнических миров, об особенностях уклада жизни, культуры народов.

С целью приобщения воспитанников к белорусским народным традициям в группах детского сада часто создаются уголки белорусской культуры. В них размещена информация о родной стране, есть глобус, карта Беларуси, элементы народного творчества, дидактические, развивающие, настольно-печатные игры по патриотическому воспитанию, атрибуты для сюжетно-ролевых игр, картотека пословиц и поговорок, книги на белорусском языке и т.д.

Таким образом, следует отметить, что работа по формированию национального самосознания, приобщению дошкольников к основам истории и культуры своей Родины в учреждении дошкольного образования ведется во всех направлениях воспитательной деятельности с использованием разнообразных методов и приемов работы с детьми.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕФИГУРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL MODLES IN THE CONTEXT OF PRIFIGURATIVE CULTURE

ХУАН ФЭЙ
HUANG FEI

*Белорусский государственный университет
Факультет социальных и культурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, г. Минск, Республика Беларусь
электронная почта: frihuang@gmail.com*

В этой статье проведен анализ префигуративной культуры и текущей ситуации в индустрии образования, исследуются отношения между поколениями в современном обществе и изменения в способах передачи культурных знаний, чтобы исследовать будущую тенденцию трансформации модели образования. В будущем направление трансформации модели образования заключается в улучшении коммуникации между преподавателями и учащимися, а также в эффективном использовании информационных технологий для построения открытой системы образования и устойчивой системы передачи знаний.

The future society will be a new, open and sustainable society. The education industry, as the core of the knowledge delivery method, is bound to undergo a paradigm shift. In this paper, we analyze the Prefigurative culture and the current situation of the education industry, study the intergenerational relationship in modern society and the changes in the way of cultural knowledge transmission, so as to explore the future trend of education model transformation. In the future, the direction of education model transformation is to enhance communication between teachers and students, and to effectively use information technology to build an open education system and a sustainable knowledge transfer system.

Ключевые слова: префигуративная культура; образовательная модель; цифровое образование; образовательная трансформация.

Keywords: prefigurative culture; educational model; digital education; educational transformation.

With the rapid development of technology in contemporary society and the rapid speed of information dissemination, the way people access knowledge in the new era has undergone a radical change. The American cultural anthropologist Mead, through his analysis of the current state of cultural transmission in Western societies at the time, coined the term Prefigurative culture and pointed out that humanity is in the midst of a cultural change completely different from that of the past. The digital revolution has had a substantial impact on education. The evolution of the use of technology in the education sector has been progressive and diverse. At the same time, the arrival of the COVID19 pandemic virus has stimulated the development of the digital education sector, and the way people think about receiving education has begun to change. But the traditional educational transformation has not yet been able to adapt well in a society where technology is developing at a fast pace. If we can analyze the intergenerational relationship from the prefigurative cultural perspective, promote intergenerational cultural communication and apply it in the education industry, and discuss what kind of transformation needs to be made in the future in the traditional knowledge transmission system, we can provide a new idea for the education transformation model.

In the information society, people can obtain richer, more comprehensive, objective and scientific knowledge through technological means to explore the world that was once completely unfamiliar or unknown. Compared with the traditional cultural communication model, the value of educational transformation in the prefigurative cultural perspective lies in its pluralistic view of politics, education, talent, and technology, which is very meaningful for future global integration, cross-cultural communication, and sustainable development strategies.

The concept of Prefigurative culture was introduced by the American cultural anthropologist Margaret Mead. Mead pointed out that the prefigurative culture is the way in which the previous generation learns from the subsequent generation: «It is those who come after who represent the future, not their fathers or grandfathers» [1]. Rapid technological development will inevitably cause rapid cultural change, and the younger generation will dominate the emerging, future-oriented new modes of cultural transmission. Due to the rapid cultural and technological changes in the modern world, young people will be sharper than their elders in the development of innovations in all areas of society. This makes it especially important to foster the innovative abilities of young people and to develop a sense of development belonging to this era.

In describing the prefigurative cultural transmission changes, Mead also highlights the intergenerational relationship conflicts that arise due to the rapid changes in the way culture is transmitted. Intergenerational relationship is a cultural relationship between generations. Intergenerational mutual recognition, understanding, and cultural coevolution require a sense of belonging as a foundation. In the process of social development, this sense of belonging is mainly reflected in groups that share similar cultural exchanges and similar modes of social functioning. Traditional intergenerational relationships rely on cultural stability and continuity, and therefore cultural transmission usually relies on the lifestyles and social experiences of older generations.

However, when such a transmission model fails, intergenerational relationships can be conflicting due to the vast differences in cultural transmission models, and this is when the intercultural «generation gap» arises. As time progresses, the process of cultural change inevitably leads to changes in intergenerational relationships in human society. The rapid development of technology and increasingly widespread mass communication has led to cross-cultural communication and cultural change in a diverse world, making intergenerational differences an inherent cultural phenomenon in the modern world. This implies a fundamental change in the future mode of cultural transmission under the influence of prefigurative culture.

Under the current wave of rapid development of digital technology, there is an urgent need for education, as the main way of transmitting culture, to shift to the use of more advanced and effective methods for imparting knowledge. In particular, how to promote the sustainable development of the education industry, how to carry out the efficient combination of online and offline education, and how to achieve universal access to lifelong learning at the social level are all issues that need to be considered as the education industry determines the direction of transformation. In her book «Generation Gap», Margaret Mead points out that changes in the way culture is transmitted inevitably lead to changes in social culture. In particular, the complication and even erosion of intergenerational relations, traditions and innovations; the transmission of experience from child to parent (which does not mean the disappearance of the transmission of knowledge from parent to child); the increase of the role of knowledge in social, cultural and personal life when education must be transformed in an era of rapid development; the advancement of the digitalization of educational models and the increase of different forms of cultural transmission are essential.

The development of science and technology in modern society has influenced the way of social and cultural communication to a great extent, coupled with the intergenerational changes brought about by the great changes of the times, the education industry, as the main medium of knowledge transmission, is inevitably affected. At the same time, as the education industry is in the stage of digital transformation, it is very important to properly deal with the direction of educational transformation and the relationship between the various groups involved in educational change.

The necessity of exploring the educational transformation model through the lens of prefigurative culture is mainly reflected in two aspects: 1) The impact of intergenerational conflict on teacher authority and teacher-student relationships due to changing cultural transmission patterns; 2) The rapid development of technology to achieve innovation in teaching methods and the transmission of lifelong learning concepts. By analyzing the development status of the education industry in recent years and exploring the future development model of the education industry by substituting the prefigurative cultural characteristics, the intergenerational conflicts between teacher and student groups brought by cultural changes can be reduced and the future trend of education transformation can be derived.

The most significant shift in the education industry in the 21st century has been distance learning and the massive adoption of digital education. With the popularity of the Internet, the online learning mode has become a way of learning that cannot be ignored in the education industry. As a new learning field, the advantages of distance education are shining in the field of education industry. MOOCs based on open learning resources, in the context of distance education and online learning, pay special attention to the interactivity of the learning process, which also reflects that the education industry in the 21st century will be more inclined to mutual learning and communication between teachers and students. In addition to MOOCs, which are popular in universities, K-12 online education is also growing rapidly worldwide. iNACOL reports that as of 2014, about 16% of K-12 students in the United States were enrolled in at least one online course, and 86% of school districts had at least one student enrolled in a full-time online or hybrid course [2]. This means that online educational approaches are rapidly gaining popularity and that people are very comfortable using online modes of instruction to expand their knowledge.

According to Núñez-Canal et al. (2021), the impact of digital tools is exponential at all educational levels³. Digital platforms provide the opportunity to learn anytime and anywhere, and learning resources for all ages have become more abundant and accessible [3]. People are beginning to realize that learning knowledge does not just remain at a fixed stage and the concept of lifelong learning is beginning to be widely disseminated.

Therefore, in such a digital era, the compulsory education system needs to improve the necessary skills and basic knowledge of students so that they learn how to learn and accept active learning, preparing them for the lifelong learning process (Akt. Ozen, 2011) [4]. Students' learning experiences have two dimensions, not only cognitive or affective. What is more important is creative, holistic and transformative learning (Raúl et al., 2019) [5].

In fact, existing higher education has begun to be progressively computerized. In a society where digitalization is gradually expanding its influence on all walks of life, information technology and digital technologies are on a mission to develop and transform the field of education. The spread of artificial intelligence in recent years has brought about tremendous changes to the economy, culture and society as a whole. The way people get along, communicate, and teach has also changed dramatically.

However, the development of technology is too fast, and the transformation of the education industry as a traditional knowledge transfer service industry can hardly keep up with

the development of the times: 1) Digital teaching means mostly stay in changing the way of teaching. It is mainly reflected in the change from using textbooks to using PPT for lectures, and the essence of knowledge transmission has not been changed; 2) Teacher-student interaction is still in an unequal and unbalanced state. The teacher, as the initiator of the discussion, decides the content and the way of the topic. The knowledge transfer method is still traditional and single.

1.1. The Importance of Transforming Educational Models from Prefigurative Cultural Studies

Young people today have innate information literacy. 21st century students are «born digital»-they are «born speaking the digital language of computers and video and games and the Internet, and they can handle new information technologies» [6]. And in the Prefigurative Cultural Perspective, the identities of teachers and students can shift. Students can also become the decision makers of the course topics, and having the mode of deciding the topic discussion they are able to solve problems in the process of researching them with a perspective that is more in line with the trend of the times. Diversification of perspectives and increased creativity are essential for the sustainable transmission of social culture.

Under the influence of COVID19, distance education, open educational resources and pre-determined cultural context, the boundaries between institutionalized school education and non-school personalized education are gradually disappearing, the limitations of learning are starting to decrease and the time is ripe for innovative education. The information network dissolves the boundaries between countries implementing innovative education, implements the concept of lifelong learning, and the continuous integration between disciplines leads to a wide range of curricula and integrated courses. The future of education is increasingly interdisciplinary between disciplines and will gradually move towards a prefigurative cultural model of mutual and shared learning.

In terms of the teaching environment, based on open educational resources, MOOCs, as a platform for informational digital teaching, realize the ability to learn anywhere and anytime [7]. It creates a networked, digital, personalized and lifelong education system. In terms of teaching models and methods, teachers and students are beginning to gravitate toward interactive learning in the classroom as well as innovative exchanges of ideas. High-tech learning methods such as virtual labs also provide a more ideal environment for students to operate in. This means that students will have more opportunities to showcase their «whimsical» ideas, and they will have more chances to turn theory into reality, with the possibility of future realization.

The concept of Prefigurative culture means that the pattern of cultural transmission will pass from the younger to the older generation. The change in the mode of cultural transmission will lead to intergenerational conflict. The development and evolution of intergenerational conflict will influence the reform and progress of society, and the culture of the future is bound to be more diverse. In today's world and in the future, youth will assume the responsibility of the main body of cultural communication. In the rapidly developing information society, changes in cultural communication will directly affect the educational model, and with the interaction of ideas, education will be more dynamic and creative in the future. Being in this era, computers and automation technology have been able to replace human beings to complete a large number of tasks, computers and the Internet through the processing of big data information. Mere memorization, repetitive operations, and standardized single learning methods are no longer suitable for the needs of social development, and the need for lifelong personal development is becoming increasingly strong.

In order to cope with the rapid growth of students' knowledge and skills, the traditional model of education must change to keep pace with the technological development of society, making education more digital and adapting to the rapid development of the times and society.

The main innovative model of modern development is based on digital and information-based education, which is reflected in educational philosophy, teaching environment, teaching models and methods. In particular, it is necessary to truly establish the concept of student-centered educational development. As students in the 21st century begin to have a wider range of needs for knowledge. They will acquire knowledge in more diverse ways and in a wider range of fields than in past times.

The rapid development of digital technology has had a tremendous impact on the dissemination and reception of cultural information in modern society. Digitalization has enriched the diversification of modes of operation in all walks of life, and the cost of collecting, storing, and processing all kinds of data has dropped significantly as technology has advanced. The digitization of society has served to stimulate innovation, increase efficiency and improve services across all industries. In the education industry, MOOCs, a massive open online education platform, and major data sites that provide timely feedback on trends in the application of new models of education, play an important role in improving the quality of education.

The future goal of the education industry is to promote education informatization in order to achieve educational equity, boost educational innovation, improve educational quality, promote structural changes in education, and create a new education system in the information age. Based on the impact of the technological era on education, the educational relationship has changed from teacher-student interaction, where the teacher is in an authoritative position, to interpersonal interaction mediated by the computer [8]. Under this historical trend, a new model of talent training under the conditions of «Internet+» is constructed and a new model of educational services based on the Internet is developed. The education of the future is more open, equal and sustainable.

The introduction of the concept of prefigurative culture has led to the realization that the future of society is in the hands of a new generation of young people. As a generation that has been openly indoctrinated by the information society since birth, they will be able to solve the problems of today's society in ways that no one has ever thought of before. The goal of open and sustainable social progress can be achieved by them, who have new ideas and master new fields of technology.

Openness and sharing are the hallmark of the Internet and the goal of the future development of education. Increasing the openness of the education sector means that the content and methods of learning are no longer limited to the traditional classroom, but that the transformation of education is based on innovative disciplines and the diversity of teaching methods in line with the development of the times and technological progress. Interdisciplinary and inter-professional education, and even the rational combination of different disciplines to explore the future development of society. In terms of educational philosophy, the concept of lifelong learning is promoted, and under the influence of the prefigurative culture, young people, as the new generation, are expected to take part of the responsibility of education, and older people are expected to maintain lifelong learning and continuously improve their information literacy. The future transformation of the education model will also aim at a digital, personalized and lifelong education system to create a more dynamic and innovative education industry.

REFERENCES

1. *Mead M.* Culture and Commitment: A study of the generation gap. New York: Doubleday (Natural History Press). 1970. 128 p.
2. iNACOL. Fast Facts about Online Learning [EB/OL]. URL: <http://www.inacol.org/cms/wp-content/uploads/2013/11/iNACOL-Fast-Facts-About-Online-Learning-October-2013.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
3. *Núñez-Canal M., Obesso M., Pérez-Rivero C. A.* New challenges in higher education: A study of the digital competence of educators in Covid times // Technological Forecasting & Social Change. 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121270> (дата обращения: 20.03.2022).
4. *Ozen Y.* Perceptual learning theory, learning by changing and improving for a lifetime // University of Dicle. Journal of Institute of Social sciences. 2011. № 6. P.1–16.
5. *Arriba R. de, Gh. Girardi M.* VidagañThinking Contemporary art in higher education: Creative pedagogies in political economy // SkillsandCreativity. 2019. 33 p.
6. *Alvermann D. E.* Content area literacy: The spotlight shifts to teacher educators. // Multiple literacies in the 21st century. 2007. P. 14–19.
7. *Ossiannilsson E., Altinay Z., Altinay F.* Transformation of teaching and learning in higher education towards open learning arenas: A question of quality // Open Education: International perspectives in higher education, 2016. P.159–177.
8. *Collins A., Halverson R.* Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling in America // New York: Teachers College Press. 2018. P.85–99.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ, КОПИНГА, СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIO-CULTURAL ADAPTATION, COPING, SOCIAL SUPPORT AND MENTAL HEALTH IN CHINESE STUDENTS

C. TAO
S. TAO

*Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: cytao1975@Gmail.com*

В статье основываясь на теории межкультурной адаптации изучается взаимосвязь между социокультурной адаптацией, копингом, социальной поддержкой и психическим здоровьем иностранных студентов. Результаты показывают, что социокультурная адаптация имеет значимую положительную корреляцию с активным копингом и социальной поддержкой и отрицательную корреляцию с психическим здоровьем.

Based on the theory of intercultural adaptation, the article studies the relationship between socio-cultural adaptation, coping, social support and mental health of foreign students. The results show that socio-cultural adaptation has a significant positive correlation with active coping and social support and a negative correlation with mental health.

Ключевые слова: социокультурная адаптация; копинг; социальная поддержка; психическое здоровье.

Keywords: sociocultural adaptation; coping; social support; mental health.

Межкультурная адаптация является сложным процессом. Многие ученые провели обширные исследования и выдвинули различные теории и модели межкультурной адаптации. Наиболее основательной теорией является «модель процесса культурной адаптации», предложенная К. Уорд, которая представляет собой относительно всеобъемлющую и систематическую интеграцию существующих культурных адаптационных исследований. С одной стороны, «модель процесса культурной адаптации» сочетает в себя исследования «давления и адаптации» [1, с. 17] и «теорию социальных навыков» [2, с. 14] в области исследований культурной адаптации, а с другой стороны, она систематически включает в себя факторы влияния на индивидуальном и социальном уровнях [3, с. 43]. В «модели процесса культурной адаптации» процесс социокультурной адаптации начинается с культурного контакта и изменения жизни, которые могут вызвать давление на кросс-культурных субъектов, что приводит к когнитивным, поведенческим и эмоциональным реакциям, и в конечном итоге приводит к адаптации на психологическом и социокультурном уровнях. Социокультурная адаптация зависит от многих факторов, таких как продолжительность проживания, языковые способности, способы реагирования, культуральная дистанция и частота контактов с членами других культурных обществ, социальная поддержка [4, с. 172].

Когда индивид находится в чужой культуре, новая среда вызывает стресс, который, в свою очередь, может привести к физической дисфункции, что можно признать нормальной реакцией. Психологическое состояние человека влияет на физическое состояние, которое, в свою очередь, усиливает такие нежелательные эмоциональные состояния, как тревога, депрессия и беспокойство. Культурные потрясения также влияют на физическое состояние человека, например, могут появиться различные физические симптомы, такие как болезненные ощущения и телесный дискомфорт, а также снижение функции иммунной системы организма. Также могут возникать некоторые физические и психологические заболевания [5]. В частности, Ц. Чжун [6, с. 1519] обнаружил, что социокультурная адаптация иностранных студентов имеет значительную корреляцию с психическим здоровьем. В его исследованиях социокультурная адаптация объясняет 49,1 % дисперсии в общем объеме психического здоровья.

Р. Лазарус и С. Фолькман первыми обратились к проблеме адаптации к окружающей среде [7]. Они считали, что для уменьшения психологического напряжения, вызванного воздействием внешней среды необходим определенный «ответ» (копинг-стратегия), т.е. некоторые когнитивные и поведенческие усилия, когда человек понимает, что его взаимодействие с окружающей средой представляет собой некоторую нагрузку на него. Копинг часто рассматривается как промежуточный фактор между стрессором и психическим здоровьем, который может определять интенсивность и тип реакции людей на стрессовые события, а также регулировать индивидуальную приспособляемость, включая процесс адаптации и конечный результат, влияющий на ситуацию.

Копинг-стратегия используется для удовлетворения потребностей внутренней и внешней среды и решения эмоциональных проблем, возникающих в связи с окружающей средой [8, с. 237]. Копинг-стратегия в качестве промежуточных переменных для психического здоровья и источников реагирования на чрезвычайные ситуации оказывают важное влияние на психическое здоровье [9]. Результаты исследования Л. Бойтлера и коллег [10, с. 176] показывают, что позитивные и зрелые ответные меры совладания способствуют повышению уровня психического здоровья.

Копинг является важным фактором психо-социальной адаптации [11, с. 208], а также важным фактором физического и психического здоровья человека перед лицом стрессовых событий [12, с. 844]. Исследование Р. Уокера и Р. Стефенса [13] показало, что 43,3 % людей в состоянии высокого стресса подвергаются риску нарушения психического здоровья, если отсутствует надлежащее реагирование и эффективная социальная поддержка, что более чем в два раза больше, чем популяция в целом. Исследования С. Н. Ноорбахш и коллег [14] показывают, что люди, которые часто используют активный копинг в стрессовых ситуациях, демонстрируют более высокую приспособляемость, хорошие межличностные отношения и больше понимания и поддержки от своего окружения. В то же время люди, которые чаще используют пассивный копинг (уклонение), склонны к негативным эмоциональным переживаниям и физическим симптомам, таким как депрессия, тревога, раздражительность и т.д., которые сопровождаются еще и межличностными проблемами. Исследование В. Чэнь [15, с. 25] показало, что позитивные стратегии реагирования оказывают положительное прогнозируемое воздействие на психическое здоровье, а пассивный копинг не способствуют развитию психического здоровья.

Таким образом, хотя методы и объекты в проведенных исследованиях различаются, в результатах изучения взаимосвязи между психическим здоровьем и способом реагирования, исследователи пришли к примерно той же точке зрения: существует тесная связь между режимом реагирования и психическим здоровьем, позитивный ответ на

психическое здоровье, как правило, имеет положительный эффект, в то время как пассивный копинг может негативно повлиять на психическое здоровье.

Среди многих факторов, влияющих на межкультурную адаптацию, социальная поддержка является наиболее заметной. В современной культуре самой большой проблемой, стоящей перед индивидом, является сокращение или отсутствие социальной поддержки. Жизнь в иной по сравнению с собственной культуре, влечет за собой потерю системы привычной социальной поддержки.

Социальная поддержка напрямую связана с улучшением психического здоровья человека и снижением вероятности физической и психической болезни [16]. Она является относительно стабильным социальным отношением среди людей в определенном диапазоне и очень важным фактором социальной среды, влияющим на адаптацию иностранных студентов. Социальная поддержка оказывает общее влияние на индивидуальную адаптацию. Например, исследования В. Чиркова [17, с. 427] доказывают, что социальная поддержка положительно коррелирует с социокультурной адаптацией иностранных студентов – чем больше социальной поддержки она получает, тем лучше социокультурная адаптация. В тоже время, как исследование М. Адельмана [18] показало, что слишком много социальной поддержки иностранных студентов приводит к концентрации их на контактах со своими соотечественниками в ущерб контактам с местными студентами и жителями, препятствует изучению иностранных языков и приобретению межкультурных навыков, что, в свою очередь, приводит к снижению удовлетворенностью жизнью.

Китайские студенты в Беларуси в основном могут рассчитывать на ресурсы социальной поддержки соотечественников и местных студентов и жителей. М. Адельман [18] считает, что система поддержки, со стороны соотечественников, полезна с точки зрения информационной и эмоциональной поддержки. Те, кто имеет тот же опыт обучения за рубежом, могут предоставить информацию иностранным студентам, чтобы помочь им справиться с новыми условиями. Соотечественники могут также оказывать эмоциональную помощь, поддерживая их в катарсисе своих эмоций и освобождая от разочарований, с которыми они сталкиваются в новых условиях, обеспечивая тем самым защитный эффект китайских студентов, повышая их психологическую безопасность, самоуважение и чувство принадлежности, уменьшая стресс, тревогу, чувство беспомощности и отчуждения. Однако такая социальная поддержка может также препятствовать изучению местной культуры иностранцами. Исследование иностранных студентов, обучающихся в Соединенных Штатах, показало, что те, кто был близок к своим соотечественникам и проводил много времени с ними, были менее адаптивными. Исследование британских иммигрантов в Австралии также показало, что иммигранты с большим количеством друзей-соотечественников и меньшим числом местных друзей менее удовлетворены собственной жизнью. Таким образом, социальная поддержка сограждан может быть вредной или полезной.

Основываясь на теории межкультурной адаптации, предложенной К. Уордом, в настоящем исследовании изучается взаимосвязь между показателями социокультурной адаптации, активного и пассивного копинга, социальной поддержки и психического здоровья китайских студентов.

В исследовании использовалось китайский вариант «Шкалы социокультурной адаптации» [19] (RevisedSocioculturalAdaptationScale, SCAS-R) [20], которая состоит из 21 утверждения, оценивающих 5 измерений (межличностное общение; личные интересы и общественная деятельность; адаптация к окружающей среде; знание языка) по пятибалльной шкале Ликерта (1–5).

«Шкала способов реагирования» (Ways of coping questionnaire, WCQ) [21], которая состоит из 20 утверждения, оценивающих 2 измерений (Активный копинг; Пассивный копинг) по пятибалльной шкале 5 баллами Ликерта (0–4).

«Многомерная шкала социальной поддержки» (Multidimensional Scale of Perceived Social Support, MSPSS) [22] которая состоит из 12 утверждений, оценивающих 3 измерения (Поддержка семьи; Поддержка друзей; Поддержка значимых других), по Семибалльной шкале (1-7).

«Шкала самооценки симптомов» (Symptom Checklist-54, SCL-54) [23] которая состоит из 54 утверждений, оценивающих 10 измерений (соматизация, обсессивность-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, дополнительные вопросы.) по пятибалльной шкале Ликерта (0-4). Высокие показатели по шкалам свидетельствуют о наличии нарушений психического здоровья.

В исследовании приняло участие 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина), обучающихся в различных учреждениях высшего образования РБ. Для установления взаимосвязей использовался корреляционный анализ Пирсона с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics v26.0:

Взаимосвязь показателей социокультурной адаптации, копинга, социальной поддержки и психического здоровья

Факторы	М	СД	1	2	3	4	5
1. Социокультурная адаптация	3,36	0,71	1				
2. Активный копинг	23,27	5,63	0,38**	1			
3. Пассивный копинг	9,16	4,38	-0,06	-0,27**	1		
4. Социальная поддержка	5,23	0,99	0,50**	0,39**	-0,03	1	
5. Психическое здоровье	0,57	0,50	-0,31**	-0,39**	0,22**	-0,29**	1

Примечание. М– средние значения, СД– стандартное отклонение, *– $p < 0,05$; **– $p < 0,01$. **

Результаты показывают, что социокультурная адаптация китайских студентов имеет значимую положительную корреляцию с активным копингом. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что чем активнее иностранные студенты реагируют на стрессовые ситуации, тем лучше их социокультурная адаптация. Кроме того, социокультурная адаптация китайских студентов имеет значимую положительную корреляцию с социальной поддержкой, что, вероятно, может свидетельствовать о том, что лучше адаптируются к существующей новой социокультурной среде те китайские студенты, которые обеспечены более широкой социальной поддержкой. Социокультурная адаптация также отрицательно коррелирует с психическим здоровьем, что позволяет выдвинуть предположение о зависимости уровня психического здоровья китайских студентов от качества и уровня социокультурной адаптации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Berry J. H.* Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology : An International Review*. 1997. Vol. 46. – P. 1–30.
2. *Argyle M.* The nature of social skill // *Social skills and health*. London: Methuen. In M. Argyle (Ed.) 1981. P.1–30.
3. *Ward C., Bochner S., Furnham A.* The psychology of culture shock London: Routledge. M. 2001.
4. 邱珊, 颜晓敏.对Colleen Ward双维度模型中影响因素的研究 / 珊邱,晓敏颜.学理论 = Цю Шань, Ян Сяомин. Исследование факторов влияния в двухмерной модели Colleen Ward // Теория науки. 2016. № 11. С. 171–173.
5. *Berry J., Phinney D., Sam P. Vedder* Immigrant youth, Acculturation, identity and adaptation // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55 (3). P. 303–332.
6. 钟家宝, 高静, 谢钢.留学生文化适应与心理健康相关性分析 / 家宝钟,静高,钢谢.中国学校卫生 = Чжун Цзябао, Гао Цзин, Се Ган/ Анализ корреляции между культурной адаптацией и психическим здоровьем иностранных студентов // Китайская школьная гигиена. 2013. № 12. С. 1519–1521.
7. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, Appraisal, and Coping // New York: Springer Publishing. M. 1984. P. 117–126.
8. *Lazarus R.* Coping Theory and Research: Past, present, and future // *Psychosomatic Medicine*. 1998. Vol. 55 (3). P. 234–247.
9. 王卫平, 薛朝霞, 牛利, 等. 应对方式在工作压力与心理健康之间的中介作用机制.中国卫生统计 = Ван Вэйпин, Сюэ Чаося, Ниу Ли и т. д. Механизм медиации между стрессом на работе и психическим здоровьем // Статистика здравоохранения Китая. 2012. № 29 (3). С. 330–332.
10. *Beutler L., Mark H., Satoko K.* Coping style // *Journal of Clinical Psychology*. 2011. Vol. 67 (2). P. 176–183.
11. *Desmond D., Maclachlan M.* Coping strategies as predictors of psychosocial adaptation in a sample of elderly veterans with acquired lower limb amputations // *Social science & medicine*. 2006. Vol. 62 (1). P. 208–216.
12. *Endler N., Parker J.* Multidimensional assessment of coping: a critical evaluation // *Journal of personality and social psychology*. 1990. Vol. 58 (5). P. 844–854.
13. *Walker R., Stephens R.* Protective behavioral strategies mediate problem-focused coping and alcohol use in college students // *Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 39 (6). P. 1033–1037.
14. *Noorbakhsh S. N., Besharat M. A., Zarei J.* Emotional intelligence and coping styles with stress // *Procedia-Social and Behavioral*. 2010. Vol. 5. P. 818–822.
15. 陈伟珍.高中艺术生心理健康状况及应对方式的相关研究./伟珍陈.苏州:苏州大学 = Чэнь Вэйчжэнь. Исследование психического здоровья и способов реагирования студентов искусства средней школы // Сучжоу: Университет Сучжоу. 2010. С. 25–26.

16. Kim Y., Gudykunst W. Cross-cultural adaptation – Current approaches. // Newbury Park, CA. Sage Publications. M., 1988.
17. Chirkov V., Safdar S., Guzman J., Playford K. Further examining the role motivation to study abroad plays in the adaptation of international students in Canada. // International Journal of Intercultural Relations. 2008. Vol. 32. P. 427–440.
18. Mara B., Adelman M. Cross-cultural adjustment: A theoretical perspective on social support // International Journal of Intercultural Relation. – 1988. Vol. 12 (3). P. 183–204.
19. Yue H. Research on the Chinese Sojourners' Cross-cultural Adaptation in Confucius Institutes // Zhengzhou. 2016. P. 50–51.
20. Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. Wellington. 2013. P. 77–78.
21. 解亚宁. 简易应对方式量表信度和效度的初步研究 /亚宁解.中国临床心理学杂志 = Се Яньнин. Предварительное исследование достоверности и эффективности простых методов реагирования // Китайский журнал клинической психологии. 1998. № 6 (2). С. 114–115.
22. Zimet G., Powell S., Farley G., Werkman S., Berkoff K. Psychometric characteristics of the Multidimensional Scale of Perceived Social Support // Journal of Personality Assessment. 1990. Vol. 55. P. 610–617.
23. 王姿欢, 俞文兰等. 症状自评量表简化版 (SCL-54) 在女生医疗卫生人员心理测评中的信度效度评价.中国工业医学杂志 = Ван Цзихуан, Вэнь лан Юй. Упрощенная версия шкалы самооценки симптомов (SCL-54) оценивает достоверность в психологической оценке медицинского персонала девочек // Китайский журнал промышленной медицины. 2018. № 32 (5). С. 351–355.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКИХ СУБКУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

DETERMINING THE IDENTITY OF URBAN SUBCULTURES THROUGH THE PRISM OF CULTURAL VALUES

Сунь Цзисинь
SUN JIXIN

В статье описываются различные подходы к определению идентичности городских субкультур. Представлены взгляды западных ученых на процесс идентичности наций во времени и пространстве, что позволяет установить закономерности влияния городских субкультур на трансформацию городского пространства.

The article describes various approaches to defining the identity of urban subcultures. The views of Western scientists on the process of the identity of nations in time and space are presented, which makes it possible to establish patterns of influence of urban subcultures on the transformation of urban space.

Ключевые слова: городские субкультуры; культурные ценности; городское пространство; национальные особенности.

Keywords: urban subcultures; cultural values; urban space; national features.

Изменения в сфере городской культуры, с одной стороны, являются результатом преднамеренной или стихийной деятельности человека (культурных практик); с другой стороны, они создают новые условия, стимулирующие культурное творчество. Естественно, что последствия трансформации, происходящей в культурной сфере, по-разному проявляются в концепции жизни и в том, как она воспринимается конкретными социальными группами.

Особый интерес представляет анализ реакции городской молодежи на эти преобразования, и он (интерес) обусловлен рядом обстоятельств: во-первых, молодежь представляет собой социально-демографическую группу, находящуюся в ситуации присвоения и ассимиляции субъектности, что означает способность принимать самостоятельные решения, отражающие личность, и осуществлять автономные действия, влияя на поведение других.

Один из спорных вопросов изучения городских субкультур, которые были созданы вместе с процессом глобализации городов, является городская трансформация. Она определяется как процесс изменения городов с целью повышения качества пространства, которому нужно время из-за изменения текстуры [8, с. 440]. Общие цели городской трансформации – это улучшение качества жизни, повышение благоустроенности, чтобы город мог конкурировать с другими городами в национальном и глобальном масштабе. Помимо историко-географического положения, города модифицируются в зависимости от их социальной структуры, экономической и политической ситуации [3, с. 32]. Эти изменения не только физические, они также содержат динамические системы, такие как городская идентичность.

Концепция городской идентичности может быть оценена в контексте урбанизации и глобализации из-за городских преобразований и его влияния. В этой концепции отра-

жается самобытность особенностей и уникальность регионов с попыткой адаптировать его к современным условиям жизни.

Социологически идентичность представляет собой усвоенное человеком представление о себе в сочетании с чувством принадлежности, выраженным и переживаемым через ценности, этническую принадлежность, язык, национальность, местность и т. п., и тесно связана с чувством «мы – есть».

В исследованиях идентичности существует поразительное несоответствие: эмпирические исследования, основанные на опросах населения, показывают, что идентичности удивительно стабильны во времени, как это было обнаружено Европейской комиссией в 2012 г., когда она обобщила результаты нескольких крупномасштабных исследовательских проектов по взаимосвязи между регионами. В отчете была описана национальная и европейская идентичность [4].

М. Хельшер, Гельмут К. Анхейер рассматривали различные аспекты идентичности (географические, кибернетические, гражданские, культурные, экономические и религиозные) и пришли к аналогичному выводу [6, с. 363–369]. Поскольку города сложны и представляют собой жизненно важные системы, эти изменения провоцируют несколько видов различий каждого города, и изменения происходят не только за счет физических, социальных и экономических факторов. Этот процесс происходит в различных районах города с разными целями и подходами.

Все проекты требуют различных вмешательств. Возобновление, реабилитация, перепланировка, регенерация – виды и методы преобразования городов, основанные на потребностях района. Физические, политические, культурные, экономические и социальные изменения представляют собой различные измерения проектов трансформации городов. Соответственно, создание города, формирующего высокое качество повседневного жизненного опыта и благоустроенность, – это искусство. Поэтому проектировщики учитывают интеллектуальный фон городских субкультур, их идеалы, интересы и решения зависят от общественных структур [2, с. 103–104].

Ученый-социолог А. Л. Стинчкомб ввел понятие «импринтинга», согласно которому институциональные условия, преобладающие в среде основания организаций, продолжают оказывать длительное влияние на организационную культуру и поведение [11, с. 151]. Следуя этому предложению, Ч. Маркиз, А. Тильчик используют термин «отпечаток ценности» для описания того, как ценности основателей или их эквивалентов неявно или явно формируют организацию и ее культуру. Сосредоточив внимание на организационной культуре места (города) и ценностях, включая системы профессиональных ценностей, можно хотя бы частично обойти ограничения методологического национализма. Этот фокус свяжет организационные и управленческие исследования с изучением культурных ценностей, а историю городских субкультур с историей ценностей и идеологий нации [9, с. 201]. Такой подход мог бы возродить макро-мезо-микроисследования, характерные для некоторых основополагающих работ по взаимодействию между системами ценностей, институтами, организациями города и отдельными людьми.

Наряду с вниманием ученых к взаимосвязи наследия, памяти и идентичности ведутся дебаты, связывающие идентичность с судьбой западной цивилизации с точки зрения географического и культурного самоопределения. Четыре книги иллюстрируют глубину этих дискуссий.

Во-первых, книга С. П. Хантингтона 2004 г. «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» описывает природу американской идентичности, не соглашаясь с идеей о том, что Соединенные Штаты являются «нацией иммигрантов». Вместо

этого Хантингтон отмечает, что основателями были поселенцы, которые принесли с собой культурные зерна того, что стало американским кредо, уникальным детищем протестантской культуры, основанной на принципах свободы, равенства, индивидуализма, представительного правительства и частной собственности. Он утверждает, что американская идентичность начала разрушаться, начиная с 1960-х годов, в результате, среди прочего, роста глобализации, явных политических призывов к определенным группам идентичности и изменения моделей иммиграции [7].

Противореча С. П. Хантингтону, особенно его тезису о цивилизации, в книге А. Сена 2006 года «Идентичность и насилие: иллюзия судьбы» утверждается, что ложное представление об уникальной идентичности поддерживает конфликт и насилие. Он критикует «солитаристские» теории, которые игнорируют смещение и множественную идентичность. По его мнению, идентичность изменчива и многогранна; нет фиксированной идентичности, и люди включают в себя множество идентичностей, связанных с этнической принадлежностью, национальностью, полом, религией и т.п. Лучшее понимание идентичности может смягчить социальные разногласия, что приведет к более мирному обществу и миру [10].

В книге Ф. Фукуямы 2018 г. «Идентификация» утверждается, что люди цепляются за идентичность в результате экономических и социальных неурядиц, например, потери работы из-за глобализации, экономического кризиса или снижения социального статуса. Этот акцент на идентичности приводит к конфликту и политической дисфункции. В конечном итоге Фукуяма рассматривает политику идентичности как угрозу основам либеральной демократии и отвлечение от реальных проблем [5].

В книге К. А. Аппиа 2018 г. «Ложь, которая связывает» утверждается, что люди и их лидеры продолжают совершать одни и те же ошибки, когда речь заходит об основных элементах идентичности: вероисповедании (религии как наборе неизменных убеждений, а не как изменчивых практик и сообществ), стране (предполагающей принудительный выбор между глобализмом и патриотизмом), цвете кожи (конструируются расовые признаки), классе (право и обида, а не большее равенство возможностей) и культуре. Что касается последнего, она предлагает большую открытость и отказ от отождествления индивидуализма, либеральной демократии, терпимости, рациональности и науки с западной цивилизацией как таковой [1].

Ясно, что эти и другие работы предоставляют большие возможности для обсуждения предположений, оспаривать гипотезы, данные и их анализ, и, прежде всего, привести лучшие доказательства того, что культура может быть представлена как набор структур и институтов, ценностей, традиций и способов взаимодействия с социальным и несоциальным миром, которые передаются из поколения в поколение в определенное время и в определенном месте.

Таким образом, городская идентичность находится в прямой связи с городскими субкультурами, определяющими ее характер, который был получен за время ее трансформирования. Социальная идентичность и идентичность места являются основными компонентами городской идентичности. Кроме того, физические характеристики и активность пользователей играют значительную роль в развитии социальной идентичности. Каждое изменение в физической и социальной структуре городов вызывают изменения в городской личности. Следовательно, любые изменения в процессе трансформации города определяют эволюцию городских субкультур. Поэтому эти изменения влияют на социальную и местную идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Appiah K. A.* The Lies That Bind: Rethinking Identity. New York: Liveright, 2018.
2. *Chang L., Mak M. C. K., Li T., Wu B. P., Chen B. B., Lu H. J.* Cultural adaptations to environmental variability: an evolutionary account of East-West differences // *Educ. Psychol. Rev.* 2011. № 23. PP. 99–129.
3. *Norbert Elias.* Über Den Prozess der Zivilisation: Soziogenetische Und Psychogenetische Untersuchungen. Vol. 2. Wandlungen der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
4. European Commission. 2012. The Development of European Identity/Identities: Unfinished Business. Brussels: European Commission [Electronic resource]. – URL: <https://ru.scribd.com/document/313524847/Development-of-European-Identity-Identities>. (дата обращения: 02.03.2022).
5. *Fukuyama F.* Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition/ London: Profile Books, 2018.
6. *Hoelscher M., Anheier Helmut K.* Indicator Suites for Heritage, Memory, Identity // In *Heritage, Memory and Identity*, edited by Helmut K. Anheier and Yudhishtir Raj Isar, 2011. PP. 363–407.
7. *Huntington S. P.* Who Are We? America's Great Debate. London: Free Press, 2004.
8. *Kitayama S., Uskul A. K.* Culture, mind, and the brain: current evidence and future directions // *Annu. Rev. Psychol.* 2011. №62. PP. 419–449.
9. *Marquis Ch., Tilcsik A.* Imprinting: Toward a Multilevel Theory // *Academy of Management Annals.* 2013. № 7 (1). PP. 195–245.
10. *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. London: Penguin, 2006.
11. *Stinchcombe A. L.* Social Structures and Organizations // In *Handbook of Organizations*, edited by James G. March, 1965. PP. 142–193.

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

THE FORMATION OF THE COLLECTIVE IDENTITY

Н. И. ШЕВЕЛА

N. I. SHEVELA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: NickShevela@yandex.by*

В статье рассматривается специфика формирования и консолидации коллективной идентичности. Показано, что важнейшей частью процесса формирования и репрезентации коллективной идентичности является объединяющий нарратив, основой которого часто становится культурная травма.

The article deals with the specifics of the formation and consolidation of a collective identity. It is shown that the most important part of the process of formation and representation of collective identity is a unifying narrative, the basis of which is often cultural trauma.

Ключевые слова: коллективная идентичность; культурная травма; объединяющий нарратив; национализм; образ врага.

Keywords: collective identity; cultural trauma; unifying narrative; nationalism; enemy image.

Для формирования и репрезентации коллективной идентичности крайне важен объединяющий нарратив. Существуют разные виды подобных нарративов, в частности, конструирование образа общего врага. Одним из наиболее мощных объединяющих нарративов является пережитый совместно трагический, травмирующий опыт, остающийся не только в памяти участников, но и в постпамяти последующих поколений.

В целом коллективная идентичность всегда выстраивается на идее единения какой-либо группы, пусть и разными способами. Правозащитники из *JustLabs* пишут, что в идеале, нарративы коллективной идентичности должны делать упор на концепцию содействия, на слове «вместе». Например, работать вместе; смотреть футбол вместе; приходить в бар вместе. Нарратив должен подчеркивать не различия различных сообществ, а их способность кооперироваться для достижения общей цели (см.: [1]). Известный популяризатор науки *Юваль Ной Харари* в книге «*Sapiens. Краткая история человечества*» вообще приходит к оптимистичному выводу, что всю эволюцию человеческой цивилизации можно объяснить постепенным объединением людей во все большие группы, способных выполнять все более сложные задачи. Соответственно, решение текущих проблем человечества вроде глобального потепления тоже возможно при дальнейшей интеграции и кооперации государств и надгосударственных объединений (см.: [8]).

Тем не менее, нарративы, очевидно, могут быть и разделяющими, ведь это лишь отражение определенной интерпретации исторических событий. Философ-деколонист *Вальтер Миньоло* приводит следующий пример: когда в конце XV в. евреев и мусульман изгнали из Испании, была создана особая классификация, согласно которой иудаизм и ислам являлись низшими формами религиозности. Примерно тогда же был открыт Новый свет и появились новые «воображенные» идентичности «индейцев»,

«негров» и «кастильцев». Очевидно, единственно привилегированной группой, имевшей право на управление, были кастильцы. К подобному разделяющему нарративу В. Миньоло относит и деление на так называемые Первый, Второй и Третий мир, где Первый мир является не только частью классификации, но и ее создателем. Колонизация нарратива, колонизация знания и субъективности, согласно В. Миньоло, более эффективная стратегия колониальной власти, чем солдаты и пушки (см.: [11]).

С В. Миньоло и автор классической работы «Ориентализм» *Эдвард Саид* считают, что колониализм нельзя свести военному или экономическому доминированию, он обязательно должен поддерживаться особым дискурсом, своеобразной «экономикой символов», имеющей репрессивный характер по отношению к культуре подчиненных сообществ (см.: [4]).

В наше время национализм зачастую воспринимают как угрозу, ведь националистический нарратив, построенный на бинарной оппозиции «свой-чужие» и объединяющий людей вокруг образа врага, может привести к существованию режимов вроде Третьего рейха. Тем не менее, есть и точки зрения, призывающие не использовать риторику борьбы с национализмом. Так, российский историк *Андрей Тесля* отмечает, что в случае антиколониальных движений исходящая из бывших метрополий риторика угрозы национализма как бы отказывает периферии в праве на собственный голос и полноценном включении в мировое сообщество. Он пишет, что язык, акцентирующий национализм как угрозу, акцентирующий прозрачные и общеизвестные издержки национального движения, может быть прочитан в другом ракурсе – как способ в скрытом виде сохранить колониальное господство, опираясь на позитивную на первый взгляд логику свободы и равенства (см.: [5]).

Культурная травма вполне может выступать объединяющим опытом, лежать в основе нарратива коллективной идентичности, не сколько разрушать, сколько пересоздавать сообщества. Немецкая художница *Хито Штейерль* рассказывает, что во время съемок фильма о паломниках узнала, что в большинстве случаев ритуал паломничества проводится на месте совершения преступления, а первых паломников, бывших чужаками для местных, часто убивали (см.: [9]). Таким образом, насилие становится основой культуры, место совершения преступления – точкой притяжения, а память о трагических событиях – культурной травмой, вокруг которой объединяется сообщество паломников. Это перекликается с идеями *Зигмунда Фрейда* из книги «Тотем и табу», согласно которой зарождение морали и принципиально новой схемы взаимодействия между людьми – системы запретов произошло благодаря насилию – убийству отца (см.: [6]).

В другой своей работе «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» (1939) З. Фрейд утверждал, что само формирование еврейского народа укоренено в травме, правда, по Фрейду, не переосмысленной, а вытесненной и отвергнутой сознанием. Фрейд рассматривал историю еврейского народа как историю череды катастроф и отмечал, что пережить это евреи смогли лишь благодаря своей вере, вере в избранность Богом. Фактически это можно считать нарративом коллективной идентичности. С одной стороны, Фрейд приходит к выводу, что именно вера, отделяющая евреев от других народов, стала первоисточником всеобщей ненависти (см.: [7]). С другой стороны, мы также вполне достоверно можем считать, что она же, будучи основой коллективной идентичности, позволила евреям пережить и 9 Ава, и погромы, и Холокост. И Холокост, во многом поспособствовавший появлению еврейского государства спустя тысячелетия после падения Иудейского царства, стал лишь завершающим моментом в борьбе за собственную идентичность.

Стоит отметить, что в Западной Европе Холокост воспринимается как общая история, способная объединить разные страны. Это и есть переосмысление культурной травмы и использование ее как общего и политического пространства, но и общего пространства памяти, общего нарратива о прошлом для преодоления разногласий.

Для Восточной Европы же как объединяющий элемент значительно более важна память о репрессиях времен СССР, преимущественно сталинской эпохи. Холокост на этих землях тоже был и требует осмысления в том числе коллективной вины. Об этом повествуют, например, книги польского историка Яна Томаша Гросса «Соседи» и «Золотая жатва». В «Соседях», в частности, рассказывается о локальном геноциде всего еврейского населения местечка Едвабне, осуществленного непосредственно соседями-поляками (см.: [2]). Тем не менее, польское правительство, СМИ и большинство интеллектуалов предпочитает выстраивать нарратив вокруг событий, в которых поляки выступили в роли жертвы. Речь, безусловно, о массовом расстреле офицеров польской армии в Катынском лесу на территории современной Смоленской области, произошедшем в 1940 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Историк культуры Александр Эткинд в книге «Помня о Катыни» отмечает, что не только для Польши, но и в целом для стран Восточной Европы именно Катынь играет ту же роль, что Холокост в Западной Европе. Одной из причин этого Эткинд считает тот факт, что в СССР и странах Варшавского договора тему Холокоста замалчивали, его не обсуждали, про него не писали книг и не снимали фильмов. Поэтому даже после тридцати лет с развала СССР восточноевропейские общества остались в целом равнодушны к памяти о Холокосте, при этом память о репрессиях сталинской эпохи является важнейшей частью официального нарратива коллективной идентичности (см.: [10]). Уникальность нарратива о Катыни заключается еще и в том, что, несмотря на наличие официальных документов, подтверждающих вину НКВД, непосредственных свидетелей трагедии к моменту развала СССР практически не осталось. В этом состоит серьезное отличие Катыни от нацистских концлагерей и системы ГУЛАГА. А. Эткинд приходит к выводу, что память о Катыни объединила страну не только потому, что стала общим травматическим воспоминанием, но и потому, что за нее пришлось сражаться, ведь правда об этой трагедии долгое время скрывалась (см.: [10]).

Показательно также переосмысление немецкой идентичности после краха нацистской Германии. Официальной основой национальной идентичности с момента основания ФРГ в 1949 г. и до массовых молодежных протестов конца 1960-х гг. был образ так называемой «надежной нации». Трагические события эпохи нацизма в этой концепции трактовались как временное отклонение от истинного курса развития Германии. Джеффри Олик пишет, что риторический стиль лидеров того периода был защищающимся, оправдывающимся и репрессивным, а причины нацизма связывались с нестабильностью демократии. Естественно, в такой риторике в ФРГ эти проблемы уже считались решенными (см.: [3]). Частью этой концепции было и решение Аденауэра о репарационных платежах Израилю. При этом в ФРГ сопротивлялись люстрации бывших нацистов, их было довольно много на всех уровнях управления государством. Стоит понимать, что Германия долгое время была разделена на две части: ФРГ и ГДР, поэтому нарративы объединения общества в ФРГ имели и подтекст воссоединения страны. Особенно часто нарратив «возвращения отечества (*das Vaterland*)» использовал канцлер Гельмут Коль, при котором и состоялось падение Берлинской стены и объединение Германии (см.: [3]).

Таким образом, объединяющий нарратив является важнейшей частью процесса формирования и репрезентации коллективной идентичности. Основой подобного нарратива часто является и культурная травма того или иного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гомез К., Кумбс Т.* Нарратив – это вы. Как изменение нарратива может произвести революцию в правозащитной деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/5adfc952ec4eb743393ebbbd/t/5faec94624c06f5373aeb5fo/1605290328716/BeTheNarrative_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2022).
2. *Гросс Я. Т.* Соседи. История уничтожения еврейского местечка М.: Текст, 2002.
3. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. – № 1. С. 40–74.
4. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока/ СПб.: Русский Мир, 2006.
5. *Тесля А.* Национализм: как идеал гражданского общества стал синонимом ксенофобии [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/156942> (дата обращения: 08.05.2022).
6. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии М.: Эксмо, 2020.
7. *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия М.: Азбука-Аттикус, 2012.
8. *Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
9. *Штейерль Х.* По ту сторону репрезентации. М.: Красная ласточка, 2021.
10. *Etkind A.* Remembering Katyn. N. Y.: Anchor, 2003.
11. *Mignolo W. D.* Because coloniality is everywhere, decoloniality is unavoidable // *Multitudes*. 2021. Vol. 84, № 3. P. 57–67.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

PROBLEMS AND FEATURES OF BUSINESS INTERCULTURAL COMMUNICATION

А. Д. АСТАФЬЕВА

A. ASTAFEVA

*Липецкий государственный педагогический
университет им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского
институт филологии, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
ул. Ленина, 42/1, 398020, Липецк, Российская Федерация
e-mail: luska48@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности делового общения между представителями разных культур. Приводятся примеры проблемных ситуаций, возникающих между ними вследствие неосведомлённости о традициях и культурных нормах в сфере деловых отношений партнёров из других стран. Предлагаются способы решения и предотвращения подобных проблемных ситуаций.

The article considers the features of business communication between representatives of different cultures. Examples of problematic situations arising between them due to ignorance of traditions and cultural norms in the field of business relations of partners from different countries are given. The ways of solving and preventing such problematic situations are proposed.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; деловые отношения; особенности культуры; проблемная ситуация; иноязычный партнёр.

Keywords: intercultural communication; business relations; peculiarities of culture; problematic situation; foreign language partner.

В условиях глобализации международные контакты и партнёрство стали жизненно необходимым фактором преуспевания мировой экономики, укрепления политических отношений и связей. Однако с развитием межкультурного общения и сотрудничества люди столкнулись с серьёзной проблемой: с различиями собственной культуры и культурой иностранных партнёров. Оказалось, что знания только иностранного языка, на котором ведутся переговоры, недостаточно – необходимо детальное изучение и соблюдение культурных норм и традиций иноязычных участников коммуникации.

Межкультурная коммуникация как феномен возникла в XX веке и была вызвана мировым экономическим развитием. В 1954 впервые стал использоваться термин «межкультурная коммуникация», который был введён американскими исследователями Э. Холлом и Д. Трагером. Они определяли межкультурную коммуникацию как «особую область человеческих взаимоотношений» [1, с. 140]. Однако уже в семидесятых годах XX века ученые Л. Самовар и Р. Портер приводят в своей работе «Коммуникация между культурами» более расширенное и конкретизированное определение данного понятия: «Межкультурная коммуникация – это общение, осуществляемое в условиях столь значительных культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу, или неудачу коммуникативного события» [2, с. 385]. Уже на основе данного определения мы понимаем,

что для достижения успешной коммуникации, необходимо обладать особой, коммуникативной компетенцией, а не только владеть иностранным языком.

Коммуникативная компетенция представляет собой один из уровней межкультурной компетенции, в которую также входят языковая и культурная компетенции. Это следует из теории культурной грамотности Э. Хирша [3, с. 157]. Именно владение всеми тремя составляющими позволяет достичь основных целей коммуникации и избежать возникновения проблемных ситуаций в её процессе.

Рассмотрим каждый уровень компетенции подробнее.

Языковая компетенция – это адекватный выбор языковых средств, соответствующих ситуации, теме и месту общения. Если для бытового общения языковая компетенция играет наименьшую роль, в сравнении с другими составляющими, то именно в деловой коммуникации она будет значить очень многое, так как для неё требуется знание особых профессиональных терминов и знание конкретно формального языка общения. Культурная компетенция представляет собой знание и понимание традиций, обычаев, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для культурной среды общения. Другими словами, предполагается, что каждый участник межкультурной коммуникативной ситуации заранее ознакомлен и принимает во внимание культурные особенности собеседника. Наконец, коммуникативная компетенция – это приемы и умения, которые обеспечивают эффективное общение. К ним относятся: 1) умение распознавать и интерпретировать особые невербальные сигналы, говорящие о готовности собеседника начать коммуникацию или о нежелании продолжать беседу; 2) умение определять долю слушания и говорения в процессе коммуникации, понимание отношения собеседника к паузам, темпу и громкости речи; 3) понимание и соблюдение допустимой для данной культуры дистанции в процессе общения; 4) применение и использование особых вербальных и невербальных особенностей коммуникации, принятых в культуре речевого партнёра; 5) умение корректировать своё коммуникативное поведение в зависимости от ситуации.

Помимо трёх рассмотренных вышеуровней, в межкультурную компетенцию также входят следующие составные элементы: аффективный, когнитивный и процессуальный [3, с. 132]. Аффективный компонент выражается в умении проявить эмпатию и толерантность к традициям и обычаям культуры делового партнёра, готовность принять их и следовать им, несмотря на то, что они чужды родной культуре. Когнитивный компонент предполагает знания, полученные и принятые во внимание ещё до начала процесса коммуникации о специфике культуры иноязычного собеседника. Такие знания помогают не только наладить контакты и сделать коммуникацию максимально эффективной, но также минимизируют риск культурного шока, который может быть получен вследствие незнания о каких-либо особых традициях и нормах делового общения, существующих в культуре партнёра. Процессуальный компонент состоит из знания и умения применить различные коммуникативные стратегии, которые свойственны другой культуре, например, этикет приветствия, особое начало разговора, соблюдение определённой дистанции во время коммуникации, использование речевых клише. Использование данных стратегий повышает уровень доверия и эмпатии со стороны делового партнёра, так как человек сразу понимает, что его собеседник настроен серьёзно и заведомо ознакомился с культурными нормами поведения.

На основании рассмотренных уровней и компонентов межкультурной компетенции, являющейся ключевым элементом в достижении эффективной межкультурной деловой коммуникации, мы можем выделить основные аспекты, с которыми необходимо ознакомиться, прежде чем вступать в переговоры с представителем иноязычной

культуры. К этим аспектам относятся: 1) отношение к категории пространства; 2) отношение к категории времени; 3) отношение к категории межличностных отношений [4, с. 10–13; 17–19]. Мы считаем, что если все эти особенности будут учитываться при деловом общении с партнёром другой культуры, то это поможет избежать возникновения проблемных и конфликтных ситуаций.

Рассмотрим важность соблюдения данных аспектов на конкретных примерах. Под отношением к категории пространства мы будем понимать допустимые дистанции между партнёрами во время ведения переговоров. Для представителей Арабских стран и стран Латинской Америки считается допустимым, и даже приветствуется, рукопожатия в начале и в конце деловой встречи, небольшая дистанция между партнёрами во время переговоров. В их культуре преобладает тесный физический контакт, многочисленные невербальные средства общения, сокращение границ зон общения. В то же время подобное поведение будет расценено как весьма вызывающее представителями стран Западной Европы и Северной Америки. Для них личные границы и тело являются наивысшей ценностью, а нарушение личного пространства расценивается как грубость. При коммуникативной деятельности американцы и европейцы всегда придерживаются социальной дистанции. Сокращение дистанции во время беседы является жестом неуважения к партнёру. Для представителей стран Восточной Азии, особенно Японии, такое поведение и вовсе будет расценено как оскорбление и высшая степень неуважения.

Отношение ко времени в разных типах культуры так же сильно влияет на длительность переговоров, на время их начала и конца. Здесь самым популярным и показательным примером служит педантичная пунктуальность представителей Германии. По всему миру известно, что эта нация высоко ценит время, потому для них недопустимым будет считаться опоздание, трата времени впустую и несоблюдение регламента. При этом, не стоит рассчитывать, что переговоры пройдут в спешке, или очень быстро, так как немцы привыкли рассматривать все вопросы максимально детально. Однако за рамки установленного времени немцы также не заходят. Для китайцев долгие переговоры – это скорее ритуал, нежели показатель их неуверенности в партнере и сомнения в принятии решений. С представителями Японии нужно быть готовыми к долгим переговорам и обсуждению даже самых незначительных вопросов сделки. Мы можем объяснить это тем, что для японцев терпеливость – одна из главных ценностей, и они хотят видеть ее в своем собеседнике, как залог крепкого и надёжного сотрудничества. Сторонниками динамичных переговоров, быстрых темпов коммуникации, которые проявляются как во временном регламенте, так и в темпе речи, несомненно, являются американцы.

Категорию межличностных отношений мы можем обозначить, как допустимые возможности для разных наций отойти от темы переговоров во время деловой коммуникации на личные или отстранённые темы. Например, испанцы известны своей многословностью. В общем и целом, для представителей европейских культур молчание во время общения является невежливостью, и может сигнализировать о вашей некомпетентности в ведении переговоров. Американцы обычно заполняют паузы разговорами на отвлечённые темы, могут позволить себе вопросы личного характера. Англичане и французы сторонники небольших перерывов. Рассматривая данную категорию, мы чётко можем проследить отличия европейских культур от восточных, потому что для представителей Китая или Японии долгое молчание во время коммуникации считается нормой. А вот стремление заполнить паузы разговорами не по теме, или попытки поторопить представителей восточных культур будут считаться невежеством и нетерпеливостью.

Таким образом, рассмотренные примеры особенностей поведения во время деловой коммуникации представителей разных наций и культур, показывают, что учёт обычаев, традиций ведения переговоров, знание о культуре делового партнёра в целом и обладание межкультурной компетенцией являются обязательными условиями эффективной коммуникации. Это поможет не только добиться поставленных целей в деловом пространстве, но также минимизирует возможность возникновения непонимания между представителями разных культур и снизит риск появления конфликтов на почве культурных различий партнёров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Trager G., Hall E. Culture and Communication: A Model and an Analysis // Explorations and Communication. 1954. №3. P. 137–149.*
2. *Samovar L., Porter R., Stefani L. Communication between cultures Belmont, 1998.*
3. *Hirsch E. D. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know New York: Random House, 1998.*
4. *Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в современном языке // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.*

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

CULTURAL MEMORY IN POSTCOLONIAL DISCOURSE

А. А. КАРПИЕВИЧ

A. A. KARPIEVICH

*Белорусский государственный университет
филологический факультет
ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: karpievitch004@gmail.com*

В статье уделено внимание проблеме гибридизации культурной памяти в постколониальном дискурсе. Выявлено, что ревизия канона, ориентированного на европоцентричность, создает пространство для секуляризации. Местоположение «угнетенных» локализуется в момент речи и действий, они обретают способность говорить и взаимодействовать с носителями различного опыта. Доказано, что преодоление европейской парадигмы мышления связано с необходимостью смещения центра истории и культуры на периферию и демонополизацией исторического знания.

The article proves that cultural memory in postcolonial discourse becomes an object of hybridization. It is revealed that the revision of the Eurocentric canon creates an area for secularization. The location of the «subaltern» is localized at the moment of speech and actions, they acquire the ability to speak and interact with owners of various experiences. It is proved that overcoming the European paradigm is connected with the need to shift the center of history and culture to the periphery and the demonopolization of historical knowledge.

Ключевые слова: культурная память; гибридность; угнетенные; европоцентризм; постколониализм; ревизия.

Keywords: Cultural Memory; Hybridity; Subaltern; Eurocentrism; Postcolonialism; Revision.

В программном исследовании «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (*Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, 1992) ученый Ян Ассман (*Jan Assmann*, 1938) отмечает, что культура «связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чьи связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [1, с. 15]. Первичная связь между разрозненными индивидами создается благодаря мифологии и истории – так возникает конструкт «мы», способный обозначать сообщество, народ или нацию. Здесь необходимо указать на важность концепции «повторения»: циклическое воспроизведение определенных событий фиксирует их в памяти масс [2]. Например, ежегодное празднование государственных торжеств создает миф об их сакральности – так День Октябрьской революции объединяет общность бывших социалистических стран и служит идеологическим напоминанием о событии более чем столетней давности. Архаическое мировоззрение в этом случае базируется на природных явлениях, повторяющихся периодически: празднования начала весны, летнего равноденствия и сбора урожая присутствуют практически во всех культурных традициях. Я. Ассман пишет, что «культурная память образует пространство, в которое более или менее плавно переходят все три вышеназванные области [миметическая, предметная и коммуникативная память]» [1, с. 20].

Важно понимать, что культурная память подчеркнута искусственна, то есть она существует в рамках институций, как и любая культура – однако из-за функционирования в сознании индивида она «оживляется» и служит способом сохранения и развития традиций [1, с. 22]. Этим культурная память отличается от коммуникативной, которая фиксируется в момент акта речи, и в дальнейшем может быть забыта, если постоянно не дополняется и не закрепляется в устойчивых формах. Поэтому Я. Асманн пишет, что «в культурной памяти прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [1, с. 54]. Здесь необходимо уточнить, что при трансформации истории в культурную память, миф становится обоснованием для объяснения настоящего из его происхождения. Носителями и медиаторами являются жрецы, шаманы, барды, скальды, ученые, писатели и художники – те, кто способен зафиксировать человеческую память и создать носитель информации. Я. Асманн заключает: «благодаря культурной памяти человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двувременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции» [1, с. 60].

В постколониальном дискурсе приведенные схемы функционирования общества обнажаются и препарируются через взаимодействие различных форм культурной памяти. Столкновение Европы и не-Европы во время колонизации раскрывает возможность для релятивистской интерпретации традиций и обычаев. С одной стороны, Субъект-1 обладает сформированным канонем культурных практик, регулярно повторяющихся и обновляющихся в памяти. С другой, Субъект-2 обладает аналогичным по форме, но различным по содержанию списком. При первом столкновении каноны отторгают друг друга, они не могут сосуществовать. Однако длительные процессы гибридизации синкретически формируют новые традиции, приверженцем которых становится Субъект-3 (1+2). В вышеописанной процедуре намеренно не указана категория субальтерности, введенная Гаятри Чакраворти Спивак (*Gayatri Chakravorty Spivak, 1942*) [3], – описанная оппозиция Раба и Господина в дальнейших постколониальных исследованиях становится архаичной, она используется для характеристики стереотипов и субъективной оценки. Культуролог Дорис Бахманн-Медик (*Doris Bachmann-Medick, 1952*) в книге «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» (*Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften, 2006*) указывает на решающую роль смыслового изменения понятия «постколониальный» в 1980-е годы: «Из исторического понятия эпохи, критикующего империализм, термин превращается в понятие программно-политическое, опирающееся на критический дискурс-анализ. Приставка «пост-» теперь уже не тождественна «после» или концу колониализма. Напротив, она обозначает влияние колониалистских структур, продолжающееся в иных формах, не в последнюю очередь под видом культуры и экономики» [4, с. 218].

Созданный канон постколониальных авторов работает с культурной памятью нескольких народов и наций, так проводится десакрализация и сдвиг устоявшейся европоцентричной парадигмы. Салман Рушди (*Salman Rushdie, 1947*), Чинуа Ачебе (*Chinua Achebe, 1930–2013*), Нагиб Махфуз (*Naguib Mahfouz, 1911–2006*), Джон Максвелл Кутзее (*John Maxwell Coetzee, 1940*), Надин Гордимер (*Nadine Gordimer, 1923–2014*), Тони Моррисон (*Toni Morrison, 1931–2013*), Дерек Уолкотт (*Derek Walcott, 1930–2017*) – эти авторы совокупно содействуют созданию новых национальных литератур, базирующихся на традициях метрополий и колоний. Для описания их творчества Д. Бахманн-Медик использует термин «re-writing», «writingback», или «письмо в ответ», «переписывание», в соответствии с девизом С. Рушди «Писать ответ центру» («*Writing Back to the Center*») [4, с. 230]. Примером гибридного текста, ставящего под вопрос каноны различных куль-

турных традиций, является роман последнего «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988). Как отмечает Д. Бахманн-Медик, «он [С. Рушди] активно занимается гибридизацией и смешением литературных и религиозных текстов – подобный синтез позволяет увидеть ключевые религиозные тексты как «культурные», обнажая относительность их статуса «священных текстов» [4, с. 232]. Результатом десакрализации становится непринятие романа мусульманским обществом и неготовность смешения культурных традиций (европейской-постмодернистской, арабской-традиционалистской и индийской, предоставляющей пространство для гибридизации) – поэтому С. Рушди вынесли фетву через год после публикации произведения.

Здесь необходимо обратиться к понятию гибридности как к новой концепции, характеризующей культурную память в постколониальном дискурсе. Культуролог Элизабет Бронфен (*Elisabeth Bronfen*, 1958) так формулирует это понятие: «Гибридно все, что рождается в смешении традиций или означающих, что связывает различные дискурсы и технологии, что возникло через технику коллажа, семплинга, – все, что смастерили» [5, с. 14]. В концепции «гибридности» важно понимание динамичности и занимаемой позиции интеркультурности. Культурная память в постколониализме устанавливается в движении между Западом и Востоком, Европой и Африкой, авторы служат медиаторами и интерпретаторами нескольких традиций. Местоположение «угнетенных» локализуется в момент речи и действий, они обретают способность говорить и формировать гибридную идентичность, то есть, взаимодействовать с носителями различного опыта.

Можно допустить, что постколониальная теория возникает как ответ на коллективную травму. Философ и психоаналитик Франц Фанон (*Frantz Fanon*, 1925–1961) в работе «Черная кожа, белые маски» (*Peau noire, masques blancs*, 1952), исходя из клинического опыта, предполагает, что среди коренных жителей колоний существует масса людей, травмированных столкновением с Другими. Поэтому они стремятся мимикрировать под «белых» колонизаторов и забыть о собственной «черной» идентичности [6]. Данная практика не увенчивается успехом, она приводит к возникновению синдрома самозванца, нестабильности и последующей ревизии изначального опыта. Литература служит способом осмысления чужой идентичности, она ликвидирует различия между культурами и унифицирует память. Постколониальная литература представляет образец гибридизации, она смягчает углы глобализации: в фикциональном пространстве проще воссоздать будущую систему, сделав контрольной группой в этом эксперименте читателей. Как пишет Д. Махманн-Медик, «культурные знаки позволяют узнать посреди «своего» то, что ранее можно было в качестве третьего мира локализовать где-то в другом месте, обособить и вытеснить его реальность» [4, с. 243].

К вопросу ревизии культурной памяти обращается и Эдвард Саид (*Edward Said*, 1935–2003): он стремится избавить литературные тексты от однозначной трактовки, чаще всего – европоцентричной. Для этого он вводит термин контрапунктное чтение (*contrapunta reading*) [7, с. 112]. Э. Саид ставит под сомнение традиционное прочтение текстов, посвященных колонизаторской эпохе и задает закономерный вопрос: если угнетенные способны говорить, то почему их голос при рецепции описываемого произведения не учитывается? Ярким примером контрапунктного чтения является знаменитое эссе Ч. Ачебе «Образ Африки: Расизм в романе Дж. Конрада «Сердце тьмы»» (*An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of Darkness*, 1977). В нем нигерийский писатель обрушивается с критикой на устоявшееся представление романа «Сердца тьмы» как одного из программных произведений британской литературы. Ч. Ачебе подчеркивает, что роман поощряет колониальную политику, а Дж. Конрад был расистом, рассматривавшим Африку как дикое место, в котором невозможно создать цивилизацию. В моно-

графии «Провинциализируя Европу» (*Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference, 2000*) историк Дипеш Чакрабарти (*Dipesh Chakrabarty, 1948*) ставит вопрос о преодолении европейской парадигмы и подчеркивает необходимость смещения центра истории и культуры на периферию и демонаполизации исторического знания [9, с. 156].

В статье «Культурная травма и коллективная память» (*Cultural Trauma and Collective Memory, 2001*) Рон Айерман (*Ron Eyerman*) представляет рабство в США как особую форму воспоминания, лежащую в основе культурной идентичности. Он пишет, что «такие институции, как афроамериканская церковь, и такие культурные артефакты, как блюз, способны воплощать коллективные воспоминания и передавать их из поколения в поколение, но только благодаря социальным движениям эти разнообразные воспоминания обретают единообразное направление, связывая индивидов и коллективы в объединенный субъект с общим будущим и общим прошлым» [10]. В ситуации, схожей с аболиционистской борьбой за признание афроамериканцев, находятся постколониальные страны. Если исходить из теории Бенедикта Андерсона (*Benedict Anderson, 1936–2015*) о нации как о воображаемом сообществе, то параллели становятся очевидными. В книге «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» (*Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, 1983*) Б. Андерсон так описывает биографию нации, проводя аналогию с запечатлением жизнью человека: «Фотография... всего лишь самое категоричное в огромном современном скоплении документальных свидетельств (свидетельств о рождении, дневников, таблиц успеваемости, писем, медицинских карт и т. д.), которое одновременно регистрирует некоторую кажущуюся непрерывность и подчеркивает ее выпадение из памяти. Из этого отчуждения от прошлого рождается представление об индивидуальности, идентичности... о которой, поскольку о ней нельзя «помнить», необходимо рассказывать» [11, с. 326]. При конструировании нации как воображаемого сообщества в постколониальном дискурсе необходимо создать наибольшее возможное количество маркеров верификации, утверждающих культуру, оспаривающих чужой канон и фиксирующих общую память.

В заключение необходимо отметить решающую роль концепции гибридности Хоми Бхабхи (*Homi K. Bhabha, 1949*) в формировании постколониальной идентичности [12]. Исследователь считает метафорический язык иммигранта, которым пользуется, например, С. Рушди, одним из действенных способов секуляризации гомогенной культуры, неизменно распадающейся на меньшие и разрозненные национальные. Предлагаемый вариант амбивалентного взгляда на культуру открывает новые перспективы для гибридизации, который, соответственно, представляют компромиссный этап глобализации. Постколониализм, постмодернизм, посткапитализм и другие определяющие время пост-измы разворачивают оптику с европоцентричной культуры, переносят действие на периферию, и в игровой или производственной форме допускают мутации и последующий синтез культурных доминант. Возникающие при столкновении разных субъектов дифференцирующие признаки определяют развитие гибридной идентичности, сохраняющей общую культурную память и определяющейся в противопоставлении.

Таким образом, культурная память в постколониальном дискурсе становится объектом гибридизации. Ревизия канона, ориентированного на европоцентричность, создает пространство для секуляризации. Местоположение «угнетенных» локализуется в момент речи и действий, они обретают способность говорить и взаимодействовать с носителями различного опыта. Преодоление европейской парадигмы связано с необходимостью смещения центра истории и культуры на периферию и демонаполизации

ей исторического знания. При конструировании нации как воображаемого сообщества необходимо создать наибольшее возможное количество маркеров верификации, ревизионизирующих и утверждающих культурную память. Постколониальная литература представляет образец гибридизации, она смягчает углы глобализации: в фикциональном пространстве проще репрезентировать воображаемую систему. Культурная память в постколониальном дискурсе устанавливается в движении между Западом и Востоком, авторы служат медиаторами и интерпретаторами нескольких традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. *Мартысюк П. Г.* Вечное возвращение как сакральный модус цикличности в культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2016. Том 17. Вып. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 233–245.
3. *Спивак, Г. Ч.* Введение в гендерные исследования: Часть II. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
4. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре М.: Новое литературное обозрение, 2017.
5. *Bronfen E., Marius B.* Hybride Kulturen. Einleitung zur anglo-amerikanischen Multikulturalismusdebatte Tübingen: 1997. S. 1–29.
6. *Fanon F.*, Black Skin. White Masks. NY: Grove Press, 1967.
7. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский Миръ, 2006.
8. *Achebe Ch.* An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of Darkness // Massachusetts Review 18. № 4 (18), 1977. P. 782–794.
9. *Чемякин, Е. Ю.* К переводу фрагментов работы Д. Чакрабарти «Провинциализируя Европу» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. № 3 (72), 2021. С. 155–163.
10. *Eyerman R., Alexander J., Giesen B., Smelser N., Sztompka P.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkley: University of California Press, 2001. P. 60–111.
11. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
12. *Bhabha H.* The Location of Culture. NY: Routledge, 1994.

(ПОСТ)СУБКУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

(POST)SUBCULTURE: MODERN APPROACHES TO RESEARCH YOUTH SUBCULTURES

М. Е. САРАНЦЕВА
M. E. SARANTSEVA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: romashka.star@mail.ru*

В статье рассматриваются современные методы исследования молодежных субкультур, сформированные субкультурными и постсубкультурными исследованиями. Прослеживается динамика культур и ценностей современной молодежи, а также определяются современные критерии для идентичности и существования феномена постсубкультур.

The article considers the modern methods of researching youth subcultures, which were issued by subcultural and postsubcultural studies. The dynamics of culture and modern youth values are defined, as well as defined modern criteria for the identity and existence of the phenomenon of post-subcultures.

Ключевые слова: субкультурные исследования; динамика культуры; идентичность; молодежные субкультуры; постсубкультура.

Keywords: subcultural studies; The dynamics of culture; identity; youth subcultures; post-subculture.

Развитие молодежной культуры и появление феномена субкультур связано с эпохой модерна и развитием городской культуры. Актуализация субкультур в XXI веке связана с постмодернистским переосмыслением эпохи, а также устойчивой необходимостью ценностного осмысления периода фрагментации культуры. На сегодняшний день можно говорить о существовании классического и неклассического подходов к изучению феномена молодежных сообществ: субкультурный и постсубкультурный.

Многие представители субкультурных исследований воспринимают субкультурную идентичность как нарратив и фокусируются на социологических и семиотических аспектах феномена. Каждую субкультуру можно понимать, как систему нарративов, создающихся как внутри явления, так и вне его. Некоторые исследователи также обращают внимание на номадическую природу субкультур. Согласно британскому социологу Кену Гелдеру, в процессе развития субкультурных исследований сложились следующие классические подходы к пониманию феномена:

1. субкультуры как побочное явление капитализма, с точки зрения которого они воспринимаются как «паразитические», гедонистические, криминальные и т.д.;
2. субкультура как «внеклассовое образование»: оппозиция или амбивалентность по отношению к социальной классификации;
3. субкультура как территориальная идентичность, в меньшей мере относящаяся к качественным характеристикам культуры;

4. субкультура как социальная реакция, объясняющая преодоление личного кризиса и необходимость в принадлежности;
5. субкультура как эскапизм по отношению к традиционной культуре, выражающий социокультурную ситуацию эпохи;
6. субкультура как противостояние повседневности и массовой культуре [4].

Первый подход воспринимает субкультуру как отклонение от принятой экономической системы и противостояние рабочему классу. Так как многие субкультуры начала XX века не были связаны с работой и формировали свою деятельность вокруг досуга, они могли восприниматься как «паразитические», отражающие легитимные трудовые практики или даже преступные.

Второй подход вытекает из первого и понимает субкультуру как явление, отрекшееся от классовой принадлежности и создающее новые формы социального взаимодействия. С точки зрения марксистской теории субкультуры понимаются как «люмпен-пролетариат», находящийся ниже любой социальной идентичности, свободные от классового сознания и концентрирующиеся на личных интересах.

Третий подход полагает, что субкультуры территориализируют свои места и превращают территорию в качественную характеристику своей идентичности, основу выражения своей принадлежности.

В четвертом случае субкультуры формируются как реакция на личностные кризисы и необходимость эмоциональной компенсации, что выражает один из основных субкультурных нарративов – чувство принадлежности.

Пятый подход констатирует субкультуру как вызов, девиацию, эскапизм, выражающиеся экспрессивно через внешние признаки: одежду, поведение, стиль, язык и другие элементы специфической культуры.

С точки зрения шестого подхода, субкультура противопоставляется банальности форм массовой культуры, а субкультурная идентичность понимается, прежде всего, как нон-конформистская. С другой стороны, подход также понимает субкультуру как один из выходов из проблемы отчуждения, выработавшейся в массовом обществе.

Все перечисленные подходы могут взаимно дополнять друг друга и служат теоретической базой для формирования субкультурных исследований. Следует отметить, что под субкультурными исследованиями в современной науке понимается «часть социологии культуры, которая, в самом общем плане, изучает соотношение между социальным и культурным (символическим) порядками, – комментирует Н. С. Галушина. – Представления о структуре социума являются определяющей рамкой дискурса о субкультурах» [1].

Направление субкультурных исследований в рамках культурологии институционализировались примерно в 1970-е годы благодаря вниманию ученых Центра современных культурных исследований (*Centre for Contemporary Cultural Studies*, сокращенно – CCCS) в Бирмингемском университете. Ключевыми работами, положившими начало субкультурных исследований, стали «Сопротивление через ритуал: молодежные субкультуры в послевоенной Британии» (1975) Стюарта Холла и Тони Джефферсона и «Субкультура: значение стиля» (1979) Дика Хебдиджа. CCCS была основана в 1964 году под руководством Ричарда Хоггарта – английского социолога литературы и культуры и положила начало британской школе культурных исследований. Центр фундирован преимущественно вокруг марксистской парадигмы, где основным предметом исследований служит социальный класс. Это положило начало исследованию субкультур как феномену, не подвластному социальной классификации. Таким образом, классы является

относительными и определяются через конфликт, выражение которого исследователи находят в субкультурах.

Представители CCCS во многом опирались на неомарксистские труды историка литературы Ричарда Хоггарта, теоретика культуры и литературы Реймонда Вильямса и историка Эдварда Томпсона, которые постулировали некоторые аспекты субкультурных исследований: бинарная оппозиция «мы» и «они» субкультуры по отношению к классам; акцент на ритуалах, традициях, практиках и значениях, которые они транслировали – зарождение семиотического метода исследования Центра; понимание современной жизни как жизни, определяемой массовыми коммуникациями, культурными формами, развлечениями и потребительством (феноменом консьюмеризма), и угрожающей культуре, вследствие чего осмысление массовой культуры как «нового пролетариата».

Основное внимание в Центре современных культурных исследований уделяется молодежи, ее жизни и семейным отношениям, а также конфликту поколений. Центр предлагает понимать молодежные субкультуры как «мы», в то время как «они» – новый социальный класс, класс «массовой культуры» – родители участников субкультур, отображающиеся как носители традиционной культуры. Британский теоретик культуры и этнограф Фил Коэн комментирует это: «Таким образом, все можно рассматривать как вариации центральной темы – противоречия на идеологическом уровне между традиционным пуританством рабочего класса и новым гедонизмом потребления, на экономическом уровне – между будущим в составе социально мобильной элиты или в составе новых «люмпенов»... Все субкультуры по-своему представляют собой попытку восстановить элементы социальной сплоченности, разрушенные в их родительской культуре, и объединить их с элементами, отобранными из других классовых фракций» [3]. Таким образом, участники субкультур покидают свои первичные места социализации и создают альтернативные сообщества, что может рассматриваться как нон-конформизм или девиация. Альберт Коэн называет это (ре)адаптацией и понимает, как одну из черт субкультурной идентичности, являющуюся скорее социально-психологической проблемой, чем идеологическим решением.

Также Фил Коэн предлагает понимать субкультуру как символическую структуру, наполненную смыслом, смещая акцент с понимания феномена как социального мира, не вписывающуюся в классификационную систему. Это полагает начало особому вниманию к анализу стиля субкультур, который подробно исследует Д. Хебдидж, опираясь также на положения Р. Барта. Исследователь Джон Кларк, опираясь на работы К. Леви-Стросса, акцентирует внимание на категориях «бриколаж» и «гомология» и предлагает понимать, как фундаментальные в исследовании субкультур. Под бриколажем понимается альтернативное и часто импровизированное использование предметов в системе субкультуры, символическое кодирование образа и вплетение его в субкультурный нарратив. Иными словами, использование определенного символического элемента в качестве идентичности. Элемент бриколажа не имеет какого-либо символического значения вне субкультуры. Гомология же подразумевает систему символических значений, объединяющих ценности субкультуры, в некотором смысле символический мир субкультуры. Гомологию также можно понимать, как «коллективный самообраз» субкультуры, акцентирующим на групповой принадлежности явления. Таким образом, подход Центра современных культурных исследований можно считать, с одной стороны, неомарксистским, с другой – семиотическим. Анализ CCCS мало концентрировался на реальности, однако уделил большое внимание анализу символического мира субкультур.

Основным трудом субкультурных исследований с точки зрения CCCS можно считать работу Дика Хебдиджа «Субкультура: значение стиля». В ходе анализа субкультуры панков исследователь понимает субкультуру как экспрессивную, определенную таковой, в первую очередь, по символическим признакам внешнего воплощения: нон-конформистским и конфронтационным. Под влиянием Р. Барта и Ю. Кристевой, Д. Хебдидж исследовал символический мир субкультур, глобальной целью которых считал демонстрацию субверсивной, «подрывной» силы знаков субкультуры, их способности идти «против природы» и бросать вызов символическому порядку. Опираясь на слова У. Эко, Хебдидж назвал это «символической партизанской войной» и провел параллель с дадаизмом. Субкультуру, согласно Хебдиджу, следует читать через значения, которые она транслирует, а семиотическая «борьба» должна осуществляться в языке: «Наше признание операции, выполняемой в тексте на уровне означающего, может помочь нам понять, каким образом стили субкультур работают против читателя и сопротивляются любой авторитетной интерпретации» [5].

С точки зрения гомологии панк может пониматься и как «хаос на каждом уровне», и как значимое целое. Одежда субкультуры, музыка, отношения, поведение, – все может быть понято как гомологичный мир субкультуры. Однако Д. Хебдидж рассматривает это явление как риск, массовизация и упрощение которого приведет к потере идентичности представителей субкультуры и ее исчезновению. В конце исследования автор испытывает отчуждение, так как в процессе структурирования и интерпретации знаков субкультур он сталкивается с невозможностью полного семантического прочтения феномена: «Изучение субкультурного стиля, которое вначале, казалось, возвращает нас к реальному миру, воссоединяет нас с “народом”, заканчивается лишь подтверждением дистанции между читателем и “текстом”, между повседневностью и “мифологом”, которого это окружает, очаровывает, и, наконец, устраняет. Казалось бы, мы еще как Барт... обречены на некоторое время излишне говорить о “реальности”» [5]. Исследование Дика Хебдиджа породило много вопросов о методологической обоснованности семиотического подхода в изучении субкультур.

Утверждение концепции постсубкультур происходит в начале 2000-х годов и отражает изменение представления о категориях социального и культурного. М. Маффесоли объясняет это появлением нового типа социального взаимодействия, основанного на эмоциях: «смыслом социальности становятся не инструментальные аспекты, а чувство переживания общности» [1], – так называемое «божественное социальное».

Новый подход к изучению субкультур порожден постмодернистской парадигмой и предлагает понимать современные молодежные сообщества как постсубкультуры. Основными представителями этой идеи являются социолог Дэвид Маггелтон, а также этнограф и социолог культуры Сара Торнтон. В работе «Внутри субкультуры: Постмодернистское значение стиля» (2000) Д. Маггелтон спорит с подходом британского Центра современных культурных исследований и выступает за постмодернистские методы изучения субкультур. Как пишет социолог Кит Кан-Харрис: «...понятие субкультуры неуместно для использования в анализе современной культурной практики, тем не менее оно проливает свет на некоторые более сложные проблемы творчества молодежной культуры» [6].

Переходя от структуралистской точки зрения к релятивистской, исследователи все же отталкиваются от положений, оформленных CCCS: случайность, изменчивость субкультурной идентичности, а также ее трансгрессивность; соотношение воображаемого и реального в изучении, проблема примирения семиотического и социологического,

эстетического и «реального» методов исследования; акцент внимания на рабочем классе как определяющей категории для субкультур, либо полное отвержение его значимости, как в случае анализа С. Торнтон субкультуры рейверов; вопрос о «серьезности» субкультур и их игровой природе; акцент на «потребительской рефлексии» и возможности создания новой идентичности, не привязанной к системе традиции. Постсубкультурную идентичность исследователи рассматривают как сознательный выбор, где субкультура не романтизируется и понимается как образ жизни.

Таким образом, переход от подхода CCCS к постсубкультурному подходу сопоставим с переходом от модернизма к постмодернизму и представляет собой новую систему категоризации и классификации. Так, с точки зрения постсубкультурного подхода, понятия субкультуры и массовой культуры становятся диффузными и уже не может противопоставляться друг другу. Также теряет актуальность понимание субкультуры как контркультуры, так как размывается понятие доминирующей культуры. С точки зрения этого подхода, становится труднее говорить об идентичности, как она понималась в контексте категорий бриколажа и гомологии: само понятие идентичности становится более диффузным и понимается как результат личного выбора. Дэвид Маггелтон подчеркивает, что в постсубкультурном мире индивидуальное становится приоритетнее коллективного, следовательно, изменяется представление о субкультуре как о сообществе. Ценность аутентичности, самовыражения и разнородности становится выше ценности коллективной принадлежности.

Так, в постмодернистской реальности явление субкультуры устаревает, а на смену ему приходит постсубкультура – сложный феномен, отличающийся диффузностью, стремлением к аутентичности и понимающийся как осознанный. Тем не менее, за участниками современных постсубкультур остается фундирование вокруг определенной идеи и относительно гомологичная система ценностей. Вместо создания сообщества как «социального мира», постсубкультура индивидуализирует участников и сосредотачивается на мире отдельных представителей. Фрагментация культуры предлагает участие возможность быть участником нескольких субкультур одновременно, что приводит к пониманию явления как стиля или образа жизни. Однако это не отменяет социализирующей природы субкультур, а предлагает новый тип социализации – самовыражение и понимание себя как аутентичного субъекта, выбирая личное вместо общественного, оставаясь в рамках сообщества. На основании этого можно предполагать, что участники постсубкультур лично выбирают принадлежность к социальному миру, а не являются результатом выражения культурных переживаний, что может означать как кризис коллективного социального опыта, так и его трансформацию. В такой системе источниками субкультурной идентичности являются ее участники, принимающий символическую систему сообщества и формирующий ее собственной идентичкой. Представители постсубкультурной теории отходят не только от социальной классификации, но и от социальных различий и понимают постсубкультуру как гетерогенную систему, а ее участников – как саморефлективных.

Стоит также отметить, что, отходя как от семиотической, так и от функциональной трактовки, постсубкультура перестает обладать традиционными смыслами и целями. Превращаясь в «образ жизни» или «стиль жизни», явление акцентирует внимание на визуальном. Как отмечает Д. Маггелтон: «Когда-то молодежные субкультуры иронично трансформировали наиболее наглядные, уникальные и яркие черты послевоенного, «конвенционального» стиля, но в результате их ответ утратил всю остроту благодаря стилистическому и идеологическому включению в мейнстрим. Однако по мере движения от тезиса к антитезису и синтезу теряется различие между мейнстримом и субкуль-

турой, все чрезмерное, становясь обыденным, уже не шокирует; стилистическая гетерогенность доводится до своего предела, и видимость протеста становится просто другой разновидностью моды» [2].

Сары Торнтон в своих исследованиях опирается на представления о социальных различиях Пьера Бурдьё, где уделяется внимание «культурному капиталу» – культурному опыту индивида, которым он обладает в конкретной культурной практике. Британский этнограф предлагает понятие «субкультурного капитала», коммерциализирующего субкультуру за счет экономических отношений внутри нее: дизайнеры, организаторы, диджеи и другие представители сообщества живут за счет субкультурного капитала и утверждаются в мире альтернативным способом. Торнтон также акцентирует на новой форме социального взаимодействия, основанного на позиционировании субкультуры как альтернативной, находящейся в оппозиции к популярной и претендующей на элитарность, в чем видит символический фундамент формирования сообщества. Основываясь на этом можно утверждать, что постсубкультура – выражение единства стиля жизни в постсовременную эпоху.

Таким образом, на сегодняшний день можно выделить две глобальные концепции понимания субкультур: подход британского Центра современных культурных исследований, принимающий во внимание в основном ценностные и знаково-символические аспекты молодежных сообществ, и постсубкультурный подход, акцентирующий на образе жизни, визуальном воплощении и личном участии в субкультурах. Переход от субкультурного к постсубкультурному подходу можно логически обосновать существованием молодежных субкультур как в эпоху модерна, так и в эпоху постмодерна. Важным значением появления феномена постсубкультур является переосмысление форм социокультурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Галушина Н. С.* Субкультуры: языки описания в меняющихся социокультурных контекстах // Вестник РГТУ. 2016. №2. С. 120–135.
2. *Магглтон Д.* Пост-субкультуралит // «Культурка». Сайт Веры Зверевой [Электронный ресурс]. URL: http://culturca.narod.ru/Postsubcult.htm#_ftn1 (дата обращения: 03.03.2022).
3. Cohen Phil *Subcultural Conflict and Working-Class Community* Edited: Birmingham: Working Papers in Cultural Studies, No. 2, CCCS, University of Birmingham, 1972.
4. Gelder Ken *Subcultures: cultural histories and social practice* Edited: London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2006.
5. Hebdige Dick *Subculture: The Meaning of Style*. Edited: London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2002.
6. *Kahn-Harris Keith.* *Transgression and Mundanity: the Global Extreme Metal Scene* Edited: London, Goldsmith College, 2001.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГУМАННОСТИ СОВРЕМЕННЫМ ДИЗАЙНОМ

RETHINKING HUMANITY BY CONTEMPORARY DESIGN

Н. Ю. ФРОЛОВА
N. Y. FROLOVA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: frolovanu@bsu.by*

В статье рассматривается проблема социальной ответственности дизайнера в решении современных проблем при неравенстве возможностей для большинства людей. Цель данной работы – актуализировать проблему социально-ориентированного дизайна, провозглашенного В. Папанеком еще в 1960-х гг. В статье приводятся примеры инициатив, позволяющих людям развивающихся стран решать насущные проблемы.

The article is dedicated to the problem of socially responsible design in solving contemporary problems with unequal opportunities for the majority of people. The aim of this paper is to update the problem of socially responsive design, proclaimed by W. Papanek back in the 1960s. The article provides examples of initiatives that enable people in developing countries to solve pressing problems.

Ключевые слова: дизайн; социально-ориентированный дизайн; устойчивое развитие; гуманность.

Keywords: design; socially integrated design; sustainable development; humanity.

Современный мир неизбежно входит в состояние нестабильности, что сопровождается гуманитарными и экологическими катастрофами. Мы столкнулись с необъяснимыми пандемиями, которые нарушили и без того неустойчивое равновесие мира. Процессы, проходящие сегодня, представляются «снежным комом», который несется, сминая на своем пути многие гуманистические ценности. Такие процессы обострили проблемы бедности, социального неравенства, социальной незащищенности и преступности. Что в такой ситуации может и должен делать дизайнер? Нужен ли дизайн в то время, когда не могут быть решены первостепенные потребности человека? На эти вопросы пока нет ответа.

Общество дизайнеров, собственно, как и все общество разделилось на несколько частей. Одна часть считает, что ничего не изменилось, и надо продолжать работать в своем направлении, создавая продукты как для массового производства, так и для коллекций. Несмотря на пандемию и трагические последствия нынешнего года, продолжает работать дизайн-рынок, создается коллекционный дизайн, проводятся биеннале дизайна¹. В качестве примера можно вспомнить самое известное и престижное биеннале в Базеле

¹ Например, Лондонское биеннале дизайна 2022 (<https://www.londondesignbiennale.com>), Фискакское биеннале дизайна (<https://fiskarsvillagebiennale.com/article/information/>), Международное биеннале дизайна в Сант-Этене (<https://www.biennale-design.com/saint-etienne/2022/en/visit-us/>) и пр.

(Швейцария), которое проходило в июле 2022 г. под девизом «Золотой век: Укорени в прошлом», празднует устойчивость и адаптивность человечества².

Другая часть дизайн-общества серьезно задумывается над проблемой социальной ответственности дизайна и проблемой невовлеченности большего числа населения земли в процесс потребления продуктов дизайн-деятельности. Людями, которые не включены в мировые процессы потребления, является большая часть человечества, поскольку продукты дизайна рассчитаны на потребителей развитых стран. Из всего населения мира в 2016 г. (7,5 млрд человек) 6,1 млрд человек, то есть четыре пятых, проживали в странах с развивающейся экономикой, а это значит, что население этих стран не было определено как потребительское сообщество и, соответственно, не имело широкого доступа к продуктам дизайн-деятельности.

В последнее время снова стало актуальным обращение к наследию В. Папанека и его книге «Дизайн для устойчивого развития». Прошло около пятидесяти лет с момента выхода книги, а проблемы, на которые призывал обратить внимание В. Папанек, все еще не решены. Области, которые являются приоритетными для внимания дизайнеров, автор обозначал следующим образом – дизайн для третьего мира; дизайн обучающихся и тренирующих устройств для людей с отставанием в развитии, инвалидов и нетрудоспособных; дизайн для медицины, хирургии, оборудования стоматологических клиник и больниц; дизайн для экспериментальных исследований; дизайн систем поддержания жизни человека в экстремальных условиях.

В глобальном мире дизайна и доминирующей потребительской культуре должен произойти поворот к осознанию того, что нужно обратить свое внимание на тех, кто не является частью потребительской культуры. В контексте глобального капитализма необходимо понимание, что для дальнейшего развития человечества каждому человеку нужно дать возможность свободно жить и развиваться. Как завещал Папанек, каждый дизайнер, ориентированный на создание продуктов для массового потребления, должен задумываться о проектах для людей, которые не являются потребителями вообще: «Идеи, а также широкий, лишенный узкой специализации, интерактивный коллективный взгляд, который дизайнер должен дать миру, должны сегодня соединяться с чувством социальной ответственности. Во многих областях дизайнеры должны освоить искусство перепроектирования. Так нам, возможно, и удастся достичь выживание через дизайн» [1, с. 378].

Папанек утверждал, что социально ответственные дизайнеры должны организовывать свои собственные интервенции за пределами рынка, то есть обращать свое внимание на те проблемы людей, которые в контексте мировой экономики не являются потребителями. Известный современный теоретик дизайна В. Марголин, отмечает, что сегодня для дизайна является важным «оценивание возможностей дизайна для улучшения жизни малообеспеченных слоев населения, таксономию типологий новых продуктов, экономику производства социально ответственных продуктов и то, как такие продукты и услуги воспринимаются нуждающимся населением» [2, р. 28].

Многие профессионалы других областей разделяют цели изменения мира к лучшему, обращаясь к проблемам социально незащищенных людей. Дизайнеры могут найти среди них союзников в профессиях, связанных со здравоохранением, образованием, социальной работой, экологической безопасности и чрезвычайным ситуациям.

Одной из насущных вопросов человечества является проблема бедности, и мы осознаем, что это задача не столько развивающихся стран, сколько устойчивого раз-

² Биенале «Дизайн Майами/Базель 2022» (<https://shop.designmiami.com/pages/design-miami-basel-2022>).

вития всего мира. Экологические проблемы ставят все человечество в равные условия перед проблемами нехватки воды, еды, энергоресурсов. Проектирование в условиях бедности или для борьбы с нею станет, возможно, необходимым условием для развития общества.

Анализ неформального дискурса показывает, что дизайн и бедность не были связаны между собой, эти два понятия рассматриваются как взаимоисключающие. Дизайн всегда ассоциируется с красотой, удобством и даже роскошью. Но насколько он станет важным для общества, если не будут решаться проблемы устойчивого развития (*sustainable development*). Вероятнее всего, дизайну все же будет необходимо вернуться к этим проблемам, к проблемам, решающим насущные проблемы каждого жителя земли.

Одним из решений проблемы неравенства наряду с государственными проектами может стать создание дизайн-проектов, направленных на решение конкретных проблем того или иного региона. Такие проекты могут быть разделены на два направления: производство товаров, которые обеспечивают доход и генерируют развитие для местных производителей; создание дизайн-продуктов, которые позволят решить некоторые проблемы конкретного человека или группы.

Первое направление создает рабочие места и развивает местное ремесленное производство, но не может решить глобальных проблем общества. Местное производство может делать небольшое количество товаров на экспорт, и это, как правило, текстиль, гончарные изделия, изделия из дерева и т.д. Ремесленничество следует традиционным способам обработки материала и формообразованию. Однако, в таком типе производства есть масса нерешенных противоречий. Как правило, на таких предприятиях работают женщины и дети, которые не имеют возможности получать образование и достойную зарплату, их рабочие места и условия работы не отвечают никаким нормам и стандартам.

Для развития местных производств необходимо стратегическое проектирование и создание программ, которые включали бы в себя не только производство, но и прогнозирование развития потребления. Дизайн-проектирование процессов и продуктов в таком контексте позволило бы постепенно решать проблемы бедности и формировать фундамент дальнейшего развития местности или региона. Примеры таких инициатив уже существуют, но это, как правило, частные инициативы дизайнеров. Например, Лиз Гербер (*Liz Gerber*), дизайнера, профессора Северо-западного университета США, основателя агентства *Design for America*³, которое разрабатывает социальные проекты совместно со студентами.

Другое направление, наиболее важное, – это создание проектов, решающих актуальные проблемы выживания человека, а именно: проблемы нехватки воды, еды, доступности здравоохранения, обеспечения безопасности и образования. Конечно же, дизайн не способен решить все проблемы, но он способен обратиться к таким проблемам с большим вниманием.

Сегодня мы можем прочитать про частные инициативы дизайнеров для решения актуальных проблем того или иного региона, но эти проекты пока единичны. Например, международный социальный проект *Impact Design Hub*⁴, который фокусируется

³ Общественное объединение Design for America (DFA) для оказания социальной поддержки на местном уровне –(<https://watson.foundation/designforamerica>).

⁴ Impact Design Hub – это онлайн-ресурс для архитекторов, дизайнеров, создателей и других людей, стремящихся создать лучший мир (<https://urbannext.net/impactdesignhub/>).

на проектировании проектов для решения социально-значимых проблем. Конструкторы *Impact* охватывают широкий спектр дизайнерских дисциплин, но связаны общей целью создания лучшего мира с помощью инновационных, масштабируемых решений. Под идеей социально-ориентированного дизайна инициаторы строят пространство для вовлечения всех в решение социальных проблем, публикуют исследования, предоставляют ресурсы для инициатив, соединяя их с инвесторами.

Подобной инициативой можно назвать проект российской платформы «Пасека»⁵ – сообщество веб-студий, агентств, IT-компаний и независимых дизайнеров, заинтересованных в работе с некоммерческими организациями и социальными проектами. Это уникальный проект позволяет решать различные социальные проблемы при помощи безвозмездной работы студий, агентств и дизайнеров для благотворительных организаций и общественных инициатив. До сих пор социальные интервенции дизайнеров носили единичный характер, но таких инициатив становится больше.

В Бразилии группа промышленных дизайнеров и специалистов по устойчивому развитию (*Grupo de Desenho Industrial e Desenvolvimento Sustentável (GDDS)*), работающая при университете Кампина-Гранде, работает с бедными общинами над несколькими инициативами, которые вовлекают производителей и потребителей в процесс дизайна-проектирования. Идея группы такова: «Дизайнеры должны отбросить свои особые предрассудки, если они действительно серьезно относятся к улучшению положения малообеспеченных слоев населения... мы должны посвятить себя этим людям, потому что мы можем внести большой вклад в решение их проблем. Однако мы должны быть скромными и признать, что нам есть чему поучиться, взаимодействуя с этим сообществом» [цит. по: 3, р. 56]. Группа, в которую входят преподаватели и студенты специальности промышленного дизайна, работает с беднейшими слоями местного населения в различных регионах Бразилии, например с прачками или сборщиками и сортировщиками мусора. В результате работы группы изменились не только условия работы людей, но и вскрылись другие проблемы, связанные с жизнедеятельностью и социальными устоями беднейшего класса бразильцев. Эти проекты демонстрируют, что дизайнеры, ученые и студенты могут способствовать повышению благосостояния бедных людей, а также внести свой вклад в борьбу с бедностью.

Есть проекты, которые позволяют создавать образовательную среду, формирующую местную инициативу. Например, промышленный дизайнер из Сан-Франциско Патриция Мартин (*Patrice Martin*), основатель и креативный директор проекта *ideo.org*, создала платформу, чтобы обучать людей дизайну. Люди получают навыки и знания в области дизайн-проектирования, что позволяет им изменить свою жизнь и свое окружение.

Другой пример – инициатива инженера и исследователя из Руанды Кристиана Бенимана (*Christian Benimana*), который основал Африканский дизайн-центр⁶, где эксперты обучают местное население основам инженерии, архитектуры, и дизайна. Это нужно для того, чтобы местные жители смогли сами в будущем проектировать городские пространства, социальные объекты, планировать строительство новых школ и больниц в Африке. Еще один пример – это Эмили Пиллотон (*Emily Pilloton*), дизайн-

⁵ Общественная платформа по помощи некоммерческим организациям, которая развивает тематику pro bono и интеллектуального волонтерства. Это оказание профессиональных услуг благотворительным и иным некоммерческим организациям (НКО) на безвозмездной основе или с какой-то скидкой (<https://paseka.te-st.ru>).

⁶ Африканский дизайн-центр – African Design Centre (ADC) (<https://www.africandesigncentre.org>).

нер из Беркли, основатель, исполнительный директор некоммерческой организации *Project H Design*⁷. Она создала проект поддержки девочек-подростков из социально незащищенных семей, которые знакомятся с профессией инженера. Этот проект вырос в общественное движение, которое объединяет людей и проводит фестивали, мастер-классы и конференции.

Тем не менее бедные слои населения и маргиналы не включены в область интересов современного дизайна. Большая часть населения нашей планеты не является ни потребителем, ни объектом исследования потребительских нужд. А ведь дизайнеры могут улучшить жизнь многим из них, создавая простые и доступные продукты, проектируя процессы для создания взаимоотношений между людьми.

В развитых странах человек может иметь всевозможные материальные блага, созданные в соответствии с его личными желаниями: дома, одежду, бытовую технику, автомобили и т. д. Социально незащищенные слои населения развивающихся стран могут работать, чтобы производить товары, предназначенные для потребления в развитых странах и даже использовать товары, которые были разработаны и выброшены развитыми странами, но их выбор ограничен. При правильном использовании дизайна в качестве агентов перемен, можно привести в жизнь бедных людей и улучшить их существование, увеличив доход и сделав доступными для них дизайн-продукты.

В контексте всего сказанного становится важным в рамках программ подготовки дизайнеров обращать внимание студентов на решение проблем тех, кто не может считаться потребителем, и тех, кто исключен из социальной жизни. Даже в нашей стране существуют проблемы, связанные с незащищенными слоями населения, людьми, исключенными из активной социальной жизни, маргиналами. Будущим дизайнерам необходимо развивать навыки работы с такими группами населения. Студенты, изучающие дизайн, должны больше узнавать о социальных потребностях всех людей, возможно, проходить практику в больницах, общественных организациях, интернатах и социальных службах. В. Марголин в своей статье «Социальная модель» дизайна: Вопросы практики и исследований» приводит пример программы *Archeworks* частного учебного заведения в Чикаго, которое занимается продвижением социально-ответственного дизайна. Каждый год *Archeworks* знакомит небольшую группу студентов разного уровня интеллекта с процессом социального проектирования. Результатом совместной научно-исследовательской деятельности участников различных проектов стало создание устройства для людей с болезнью Альцгеймера, облегчающее им посадку в автомобиль, устройства-указателя, разработанного для людей с церебральным параличом, и новой модели общественной среды для департамента социальных служб штата Иллинойс [2, p. 29]. Однако следует отметить, что привлечение студентов к решению социальных проблем и к работе с незащищенными слоями населения, – это практически единичные случаи.

Частная инициатива, активность некоторых дизайнеров и привлечение общественных организаций к работе дизайнеров над проектами позволит сократить разрыв между дизайном и действительными потребностями людей, лишенными возможности быть в контексте мировых экономических и социокультурных процессов. Необходимо в рамках дизайн-образования вовлекать студентов в решение насущных проблем тех, кто действительно в этом нуждается, кто не является массовым потребителем, не имеет возможности реализовать свои основные потребности.

⁷ <http://studio-h.org> ; <https://girlsgarage.org>

Объектом исследования каждого дизайнера должен стать человек, и не важно, где и как этот человек живет и работает. В «Кодексе профессиональной этики дизайнера» записано: «Дизайнеры признают, что среда, объекты и услуги, созданные в результате процесса проектирования, отражают и помогают определить культурную самобытность своих стран и отдельных обществ внутри стран. Дизайнеры должны стремиться к воплощению и развитию культурных традиций своих национальных обществ, вбирая в себя лучшие характеристики международных принципов и стандартов дизайна». Это показывает, что дизайнеру необходимо работать на благо человека, решая первоочередные проблемы и позволяя каждому изменить свою жизнь к лучшему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Папанек В. Дизайн для реального мира. М.: Д. Аронов, 2008.
2. *Margolin V., Margolin S.* «Social Model» of Design: Issues of Practice and Research // *Design Issues*. 2002. № 18 (4). Pp. 24–30.
3. *Thomas A.* Design, Poverty, and Sustainable Development // *Design Issues*. 2006. Vol. 22, № 4. Pp. 54–65.

Раздел 2

Мировая
и национальная
культуры
в исторической
и современной
коммуникации

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

INTERCULTURAL AND INTERCIVILIZATION RELATIONS IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF NON-VIOLENT METHODS

А. Х. МУСТАФАЕВ
A. KH. MUSTAFAEV

*доктор философских наук, профессор
Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт философии и социологии, отдел социальной философии
Гусейн Джавид, 115, Баку, Ясамал, AZ1141*

В современном глобализированном мире изучение диалога и контактов национальных культур и цивилизаций на основе сравнительного анализа представляет собой чрезвычайно важный и закономерный процесс с точки зрения реальной ситуации и объективного ее рассмотрения. Это взаимодействие означает, что национально-нравственные ценности народов и правила нравственного поведения, формирующиеся на принципе равноправного сосуществования людей, дополняют друг друга, что позволяет осуществить сравнительный анализ этих ценностей.

In the modern globalized world, the study of the dialogue and contacts of national cultures and civilizations on the basis of comparative analysis is an extremely important and natural process from the point of view of the real situation and its objective consideration. This interaction means that the national and moral values of peoples and the rules of moral behavior, formed on the principle of equal coexistence of people, complement each other, which makes it possible to carry out a comparative analysis of these values.

Ключевые слова: культура; цивилизация; диалог; конфликты; насильственные и ненасильственные методы; война, мир.

Keywords: culture; civilization; dialogue; conflicts; violent and non-violent methods; war; peace.

Формирующийся диалог между национальными культурами и цивилизациями независимо от национальной, религиозной или расовой принадлежности позволяет людям понимать друг друга на основе взаимоуважения, взаимного сотрудничества, национального примирения, мира, уважения принципов мирного сосуществования. В целом принцип ненасилия возобладавал при разрешении противоречий и конфликтов в любом обществе в каждый исторический период. То есть, отрицая насилие, мы отдаем предпочтение ненасильственным методам, сочетающим в себе примирение, борьбу за социальную справедливость и достоинство.

Касаясь проблемы ненасилия, известный российский исследователь А. Гусейнов характеризует его, в отличие от насилия, как линию солидарности в иерархической связи человеческих волей. По мнению ученого, ненасилие объединяет людей на основе благородных отношений – доброты и дружбы, и эта почва является средством объединения людей в любви и истине. В этом смысле более примечательны три аспекта, характеризующие положительное содержание ненасилия и его прямую связь с благими целями:

оно способствует устранению ненасильственных споров путем сотрудничества и переговоров. Ненасилие требует исключительного познания, нравственной силы и нравственной выносливости» [2, с. 17]

Здесь автор также подчеркивает, что ненасилие выше конфронтации и связано с миром, стабильностью, величием, мужеством и любовью. В то же время хочется отметить, что в некоторых исследованиях роль насилия искусственно преувеличивается, а возможности ненасилия сводятся к минимуму, хотя ненасильственное, мирное урегулирование социальных конфликтов давно признано культурами и цивилизациями как наиболее успешный и справедливый путь.

Как известно, проблема ненасилия занимает особое место в системе философско-нравственных ценностей. В этом смысле в истории философской мысли, а также в системе религиозных учений были опубликованы значимые учения и теории, посвященные проблемам ненасилия. Как известно, в социальных конфликтах она носит этический характер и играет определенную роль, потому выступает как средство борьбы с социальной несправедливостью, а не против существования и развития национальных культур и цивилизаций.

Не секрет, что глобализация как процесс интеграции требует сближения всех цивилизаций и национальных культур в современном мире. Вместе с тем следует отметить, что глобализация входит в жизнь национальных культур и народов не только своими положительными сторонами, но и рядом противоречивых моментов. Дело в том, что происходящие в мире глобальные процессы, с одной стороны, сближают национальные культуры, с другой стороны, вызывают в мире новые проблемы и конфликты. К сожалению, это означает, что в наше время все еще действует правило сильнейшего. В процессе современной экономической, политической, социальной и культурной интеграции проект мондиализма (от французского слова «*monde*» – «мир») способствует исчезновению традиционных государств, народов, рас и религий и возникновению особой «всеобщей цивилизации», сводящей к минимуму различия между нациями, что, несомненно, приведет в будущем к их полной ликвидации. В этом смысле идеологической основой «универсальной цивилизации» является наиболее эффективная, прогрессивная западная цивилизация, ее либеральная идеология и рыночная экономика [3, с. 123].

Американский философ Сэмюэл Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» показывает, что мир вступил в стадию развития, в которой основным источником конфликта являются не идеологические и экономические факторы, а столкновение культур разных типов и характеристик. По Хантингтону, цивилизация – это высший уровень культурной общности. Деление на цивилизации происходит на уровне совокупности характеристик языка, истории, религии, обычаев и других институтов.

Он считает, что во время холодной войны мир был разделен на «первостепенные», «второстепенные» и «третьестепенные» государства: «После холодной войны самые важные различия между людьми в мире не являются ни политическими, ни экономическими, ни идеологическими. Это культурные различия и отличия» [5, с. 17].

Затем С. Хантингтон подчеркивает, что западная цивилизация входит в новый период развития. Незападные цивилизации хотят модернизироваться без участия западной цивилизации. Однако в настоящее время такая ситуация существует только в Японии. Хантингтон надеется, что в ближайшем будущем не возникнет единая мировая цивилизация, а будет мир разных цивилизаций, которые будут вынуждены жить бок о бок в мире.

Как подчеркивалось в начале статьи, одной из форм и принципов ненасильственного разрешения конфликтов является диалог культур и цивилизаций: на современном

этапе этот диалог стал ключевым и решающим фактором «нового мирового порядка»: «Диалог в философском смысле считается явлением культуры, проявляющимся в самых глубинных слоях как наиболее востребованная нравственная и социальная ценность, личная потребность, познавательная деятельность, средство общения» [1, с. 153].

В целом возможность межкультурного диалога возникает тогда, когда в его основе лежат общечеловеческие ценности.

По мнению многих исследователей, потребность в будущем диалоге вытекает из следующих конкретных причин:

1. роль международных институтов ослабевает;
2. в странах «третьего мира» нарастают националистические тенденции, что приводит к хаотическим процессам;
3. распад и упадок существующих государств и традиционных блоков;
4. начинается период войн малой и средней интенсивности, следствием чего является сформировавшаяся новая геополитическая ситуация;
5. угроза планетарного хаоса требует создания новых международных институтов с более высоким авторитетом;
6. необходимо решительное создание планетарного государства под эгидой новой международной инстанции [3, с. 127].

В современном «новом» мировом порядке наряду с диалогом важна и толерантность. Терпимость является неотъемлемой частью культуры мира, что означает понимание и уважение различных культур. Толерантность – это не только нравственный долг, но и политическая и правовая потребность, терпимость, миролюбие. Терпимость не следует понимать как одностороннюю уступку, милосердие. Эта концепция отражает установление прав и свобод человека, политического плюрализма, демократии, ненасильственных принципов и верховенства закона.

Так, известный азербайджанский исследователь Ильхам Мамедзаде справедливо отмечает, что «самое печальное, что надежда на войну в разрешении конфликта снижает общую возможность понимания трудностей современного мира... Тенденция к победе нормальна, но нужно выиграть войну, не прибегая к ней. Вряд ли кто-то будет возражать против того, что конфликты теоретически могут быть ненасильственными» [4, с. 87]. Можно согласиться с мнением автора о том, что проблема мира основывается прежде всего на общепринятой системе общечеловеческих ценностей и различных верованиях, независимо от национальной или религиозной принадлежности людей. Это требует от каждого из нас терпимости и сдержанности и способствует становлению социального равенства в обществе.

Иными словами, поскольку национальные и религиозные ценности тесно переплетены, они часто переходят из одной формы в другую на основе противоречий и борьбы, образуя единое содержание. Говоря о противоречивости культуры мира в современном «новом мировом порядке», С. Халилов показывает, что в новое время мир не означает полного взаимопонимания и гармонии интересов, зачастую он сменяется динамическим балансом повышенного внутреннего напряжения» [6, с. 210-211]. Автор, характеризующий такой мир как внутреннее напряжение, находится, скорее, в состоянии конфликта, чем мирного сосуществования, но считает это конфликтом, не достигшим уровня военной интервенции и войны.

Таким образом, в свете изложенного можно сказать, что насилие и ненасилие следует рассматривать не в абсолютном, а в относительном смысле. Соотношение между насилием и ненасилием дошло до критической точки современного мирового порядка.

Процесс развития современной глобализации и системы международных отношений подтверждает, что проблема ненасилия имеет приоритет над проблемой насилия. Это означает, что в будущем принципы ненасилия выйдут на первый план в разрешении конфликтов и обеспечении устойчивого развития человечества, а также глобальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Асланова Р.* Глобализация и культурное разнообразие. Баку: Элм, 2004.
2. *Гусейнов А. А.* Ненасилие в перспектив общество // Этика ненасилия. М.: 1991. С. 17-22.
3. *Дугин А.* Основы геополитики. М.: АСТ, 2003.
4. *Мамедзаде И. Р.* Об актуальности философии в условиях глобализации и модернизации. Баку: Такнур, 2009.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизации. М.: АСТ, 2005.
6. *Халилов С.* Восток и Запад: к всеобщему идеалу. Баку: AUN, 2004.

ТВОРЧАСЦЬ ЯНА ЧАЧОТА Ў ДЫЯЛОГУ КУЛЬТУР

JAN CHECHOT'S CREATIVITY IN THE DIALOGUE OF CULTURES

Т. С. КОХАН
T. S. КОКНАН

*Нацыянальная акадэмія навук Беларусі
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: tgalis@mail.ru*

У артыкуле разглядаецца творчасць Яна Чачота ў дыялогу беларускай і польскай культур. Асноўная ўвага звернута на двухмоўны беларуска-польскі цыкл уласнавясковых песень са зборніка «Вясковых песень» 1844 г., дзе яскрава праявіўся пісьменніцкі і перакладчыцкі талент аўтара. Я. Чачот не толькі перакладаў, але і пераствараў песні з улікам менталітэту, традыцый свайго патэнцыйнага чытача, рабіў зноскі з тлумачэннямі беларускіх рэалій. Усё гэта стварыла падставы для ўзнікнення плённага дыялогу культур у яго творчасці. У артыкуле разглядаецца творчасць Яна Чачота ў дыялогу беларускай і польскай культур.

The article deals with the Jan Chechot's creativity in the dialogue of the Belarusian and Polish cultures. The main attention is paid to the bilingual Belarusian-Polish cycle of so called own village songs from the collection «Village Songs» of 1844, where he clearly showed himself both as an author and as an interpreter. Jan Chechot re-created his songs taking into account the mentality and traditions of his potential reader, he made footnotes with the interpretations of Belarusian realities. All this created the basis for the emergence of a successful dialogue of cultures in his creativity.

Ключавыя словы: дыялог культур; Ян Чачот; літаратура XIX стагоддзя; білінгвізм.

Keywords: dialogue of cultures; Jan Chachot; literature of the 19th century; bilingualism.

Становішча Беларусі паміж Усходам і Захадам спрыяла нараджэнню дыялогу культур на яе тэрыторыі, сфарміравала самабытную мастацкую традыцыю, што вызначаецца поліэтнічнасцю, поліканфесійнасцю і шматмоўнасцю.

Вывучэнне творчасці *Я. Чачота* (1796–1847 гг.) было распачата ў XIX ст., аднак паранейшаму актуальным падаецца разгляд яго спадчыны ў дыялогу культур – беларускай і польскай. Адною з прычын звароту пісьменніка да польскай мовы з'яўляецца ўплыў польскай літаратуры, мовы, культуры на яго светапогляд, другая прычына – у тым, што беларуская мова была недастаткова распрацавана ні з пункту гледжання граматыкі, ні з пункту гледжання лексікі, што скоўвала думку літаратара, не дазваляла выказацца на поўную моц. Аднак, нягледзячы на ўсе стрымліваючыя фактары, першыя крокі Я. Чачота ў беларускамоўнай творчасці адносяцца да філамацкага перыяду, калі былі створаны «Яжовыя імяніны», «Да пакіньце горла драць», «Едзеш, міленькі Адам». Гэта былі творы-забаўкі, напісаныя да філамацкіх урачыстасцей. Беларускамоўная творчасць у тыя часы не насіла сістэматычнага характару.

LXXII

*U lesie takujeć ciecieruk,
U karczmie takujeć nasz Baútruk;
Ciecieruka strelec zabiú,
Baútruca alendar zhubiú;*

*W lesie cietrzew gdzieś tokuje,
W karczmie Bartek baraszkuje;
Strzelec cietrzewia zabija,
Szynkarz gubi Bartłomija;*

*Oj Baútruk, da ciecieruk!
A chata jeho da bez strechi,
U wolikoú baki jak miechi;
I koniki sakoliki
Tak chudyje jak woliki;
Oj Baútruk, da ciecieruk!
Kolkož u nas hetych Baútrukou?
Tolko Baútrukou, szto muzykou;
Oj da heto Boska kara;
Hiniem úsie u alendara Baútruki,
ciecieruki!
[1, s. 86; 88]*

*Oj Bartosz, oj cietrzew!
A chata jego bez strzechy,
U wołów boki jak miechy;
I koniki sokoliki
Takie chude jak woliki;
Oj Bartosz, oj cietrzew!
Wieluż mamy tych cietrzewi?
Ila chłopków, któż to nie wie?
Ach prawdziwie Bóg nas karze,
Giniem wszyscy przez szynkarze,
Bartosze, cietrzewie!
[1, s. 87; 89]*

Найбольш вядомыя факты звароту пісьменніка да беларускай мовы і культуры адносяцца да перыяду пасля вяртання з высылкі. У гэты час Я. Чачот апублікаваў шэсць зборнікаў «Вясковых песень»: *Piosnki wieśniacze z nad Niemna: We dwóch częściach*. Wilno, 1837; *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny*. Wilno, 1839; *Piosnki wieśniacze z nad Dźwiny: książeczka Trzecia*. Wilno, 1840; *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiej*. Wilno, 1844; *Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra*. Wilno, 1845; *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idyotyzy, w mowie sławiano-krewickiej, z postrzeżeniami nad nią uczynionemi*. Wilno, 1846.

Найбольш рэпрэзентатыўнымі ў кантэксце абранай тэмы з'яўляюцца ўласнавясковыя песні, змешчаныя ў зборніку «Вясковых песень» 1844 г. Менавіта ў гэтых творах Я. Чачот праявіў сябе і як самабытны беларускамоўны аўтар, і як перакладчык уласных твораў. Наватарства Я. Чачота ў тым, што ў неспрыяльных гістарычных умовах ён быў адным з першых, хто ажыццявіў на практыцы ў новай беларускай літаратуры польска-беларускае выданне, фактычна адрадіў беларускую мову, надаў ёй літаратурны статус. Пісьменнік арыентаваўся на фальклорную паэтыку, маніфестуючы духоўную еднасць з народным лёсам і ладам жыцця.

XCII

*Oj czemu ty zazuleczko
Swajho hniezda nie újesz,
Da u czužoje hniezdeczko
Dzietki swaje kładziesz?
Pakul malaja ptuszcza
Wykarmić ich, umre!
I swaim drobnyun dzieteczkom
Kormu nie pryniesie.
Czemu ty swajho panoczku
Domu nie zbudujesz,
Da czyży dom i wiosieczku
Sabie alendujesz?*

*Czemu kukuleczko
Nie masz gniazda swego,
Ale twe dziateczki
Kładziesz do cudzego?
Umrze małe ptaszę,
Nim je wyhoduje,
I śwych drobnych dzieteck
Już nie wypiastruje.
Czemu swego, panie
Domu nie budujesz?
Cudzy dom i wioskę
Dla się arędujesz?*

*I tolko dwa ci try hody
Pabyúszy z nami tut,
Wiesz malyje dzieteczki
U druhi czuży kut.
Kab ty let dwaccac czy tryccac
Z nami razem pażyú,
Myby ciebie bolsz lubili,
I tyb nas bolsz lubiú.
Myby da ciebie prywykli,
Tyb nas, grunt nasz paznaú,
Da jak u swajom hniezdeczku
Dzieteczki zhadawaú.
[1, s. 124; 126]
Cudzy dom i wioskę*

*Dla się arędujesz?
Tylko dwa, trzy lata
Tu pobywszy z nami,
W inny cudzy, kątek
Wleczesz się ż dziatkami.
Dwa, trzy lat dziesiątki
Gdybyśmy przeżyli,
Wzajembyśmy siebie
Więcej polubili.
Przywykli jak swoi;
Przeznałbyś tę ziemię,
Jako w swém gniazdeczku
Twe zhodował plemię.
[1, s. 125; 127]*

На першы погляд, спалучэнне ў адной асобе аўтара і перакладчыка стварае падставы максімальна адэкватнага перастварэння тэксту ў новай моўнай абалонцы, менавіта аўтару лягчэй уявіць мясцовы каларыт, перадаць этнаграфічныя асаблівасці. Аднак нават у такіх спрыяльных умовах розныя варыянты аднаго і таго ж твора маюць свае асаблівасці. Змяняючы чытацкую аўдыторыю, Я. Чачот свядома перабудоўваў твор з улікам менталітэту, культуры, нацыянальных традыцый, звычаяў і светапогляду свайго патэнцыйнага чытача.

LXXXI

*Na szto nam dym wyjedaje oczki?
Na szto nam dym maraje saroczki?
Na szto nam dym dzietki mily
Honić z domu da mahiły?
Oj na szto, na szto?
Nim haspadynia chatu nahreje,
Sama pry pieczy úsia skaleje;
Dzietki u kutku skalejuć,
Bledyje, czorny chwarejuć;
Oj na szto, na szto?
Oj na szto siedzim my jak u bory,
Oj na szto ú chacie, jak u abory?
Husi, świni i cielata,
Niezdaroúja pouna chata;
Oj na szto, na szto?
Czy nie jość u nas i szkło i hlina?
Czy my nie mozem wywieśdź
komina?*

*Oj na co nam dym wyjada oczy,
Na co koszule sadzą powłoczy?
Na co nam dym dziatki mile
Dziesiątkami szle w mogiłę?
Na cóż, na co to?
Nim gospodyni chatę ogrzeje,
Sama przy piecu zlodowacieje;
Dziecko w kącie dreszcz przejmuje,
Blade, czarne przychoruje;
Na cóż, na co to?
Na co jak myszy siedzimy w norze,
I na co w chacie, jakby w oborze?
Gęsi, świni i cieleta,
Choroba s krzykiem zamknięta;
Na cóż, na co to?
Czy nie jest u nas i szkło i glina?
Czy my nie mozem wywieśdź
komina?*

*I u światloje akonco
Upuścić miłoje sonco?
Czy nie możem, czy?
Czy my nie możem i dla skacinki,
Ź sieniach ciepłoj mieć preorynki;
Czy chleúčzyka, czy kamory,
Da nie żyć z nioju ú abory?
Czy nie możem, czy?
Oj możem, możem, tolko nie znamem,
Kolko u chacie zarazy majem
Ad úsielakoj nieczystości,
Bez komina i światłości.
Bóże! daj nam znać!
[1, s. 104; 106]*

*I we światłe okieneczko
Wpuścić kochane słoneczko?
Czy nie możem, czy?
Czy my nie możem i dla bydelka
W ciepłych sioneczkach zrobić
jasełka,
Czy chlewczyka, lub komory?
Nie sami żyć śród obory?
Czy nie możem, czy?
Oj możem, możem, tylko nie znamy,
Ile zarazy w chatach swych mamy
Od wszelakiej nieczystości,
Bez komina i światłości.
Boże! daj nam znać!
[1, s. 105; 107]*

Адбывалася трансфармацыя зыходнага тэксту, пры якой асобныя яго элементы змяняліся і дапаўняліся, а іншыя – элімінаваліся, адпаведна жаданням і магчымасцям інтэрпрэтатара. Найбольш яркаватым прыкладам з’яўляецца верш “U lesie takujeć ciecieruk”.

У беларускамоўным варыянце у трагічным лёсе Баўтрукоў Я. Чачот абвінавачвае аляндара (арандатара), у польскамоўным варыянце прычына трагедыі – шынкар. Гэтае прыныповае разыходжанне ў змесце тлумачыцца розніцай ва ўспрыняцці рэчаіснасці палякамі і беларусамі. Для беларуса – арандатар, сацыяльнае зло, сімвал прыгону. У той час як для паляка арандатар – праца, такая, як і ўсе, нават бацька паэта быў арандатарам. Таму ў польскамоўным варыянце корань усіх зол – гэта гарэлка, з-за якой сяляне кепска працуюць і бяднеюць. Толькі сам аўтар мог дазволіць сабе настолькі змяніць ідэю твора. Падобныя неадпаведнасці ў перадачы зместу не пажаданыя ў прафесійным перакладзе, аднак добра ілюструюць феномен ёміста названы М. Гарэцкім як «дзве душы»: Я. Чачот-беларус выдатна разумеў сялянскую трагедыю, але Я. Чачот-паляк не мог гаварыць пра яе адкрыта. Такім чынам, Я. Чачот трансфармуе верш для польскамоўнага чытача, змяняе нават ідэйнае напаўненне.

У іншым вершы «Oj czemu ty zazuleczko» паэт вяртаецца зноў да тэмы арандатарства. На яго думку, гэтая практыка аднолькава шкодзіць як панам, так і сялянам. Аднак сялянская трагедыя глыбейшая. Арандатар пажыў тры гады, выцягнуў усе сокі з сялян і з’ехаў, пакінуўшы пасля сябе спустошаную зямлю, як зязюлька, што падкінула сваё дзіця ў чужое гняздо.

Абодва варыянты маюць аднолькавае сэнсавое напаўненне. Каштоўнасць твора складаецца не ў асобных элементах яго архітэктонікі, а ў іх завершаным адзінстве, захаванні аўтарскай паэтыкі пры перакладзе параўнанняў і метафар. Аўтар захававу фігуру паралелізму, вакол якой пабудаваны тэкст.

Яшчэ адзін з улюбёных прыёмаў – рытарычныя пытанні, яны нанізваюцца адно на адно, ствараючы ўражанне бясконцага дыялогу паэта з чытачом, Богам, сусветам. Гэты прыём з’яўляецца канцэптэуальным, таму захоўваецца ў абодвух варыянтах верша «Na szto nam dym wyjedaje oczki?».

Унікальнасць таго ці іншага народа адлюстроўваецца ў свядомасці нацыі, аб'ектывуючыся ў мове. Для перакладу патрэбна не толькі трансляцыя сэнсаў арыгінала, але і ўлік культурных асаблівасцяў той мовы, на якую ажыццяўляецца пераклад. Так, напрыклад, у беларускамоўных тэкстах часцей сустракаем слова «чырвонцы», у польскамоўных – «дукаты», замест слова «цэркаўка» дастаткова часта ўжываецца слова «касцёл», аднак гэтыя замены маюць нерэгулярны характар. Непаслядоўны паэт і ва ўжыванні слоў «гарэлка» і «водка». Нягледзячы на добрае валоданне беларускай мовай, паэт часам выкарыстоўваў паланізмы, напрыклад, «Żaden czas nie marny!» у вершы «Jak to dobre, kali muzyk».

У польскамоўных тэкстах выразна прасочваецца пазіцыя пісьменніка: не толькі адэкватна перадаць беларускую нацыянальна-культурную спецыфіку, але і наблізіць тэкст да польскамоўнага чытача, для гэтага аўтар рабіў зноскі з тлумачэннямі беларускіх рэалій.

Такім чынам, паэтычная творчасць Я. Чачота з'яўляецца фенаменальным прыкладам арганічнага злучэння дзвюх культур – беларускай і польскай. Менавіта глыбокае разуменне Я. Чачотам традыцый і нацыянальнай спецыфікі абодвух народаў дазволіла аўтару не толькі наблізіць беларускія тэксты для польскага чытача, але і стварыць ўмовы для глыбокай узаемнай павягі і прадуктыўнага дыялогу.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Czeczot J. Pieśni chłopskie nad Niemnem i Dźwiną. Wilno: Druk Józefa Zawadzkiego, 1844.*

ТРАІЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ А. ЛЕФЕЎРА: АД МОВЫ ДА ПРАСТОРЫ

TRIPLE CONCEPT H. LEFEBVRE'S: FROM LANGUAGE TO SPACE

А. Д. КРЫВАЛАП
A. D. KRIVOLAP

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў
факультэт культуралогіі і сацыяльна-культурнай дзейнасці
вул. Рабкораўская 17, 220007, г. Мінск, Беларусь
e-mail: 2krivolap@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца першыя вынікі рэканструкцыі траічнай канцэпцыі разумення сацыяльна-культурнага вымярэння мовы і прасторы, якая была прапанавана А. Лефеўрам у 60-70 гг. XX ст. Не дыхатамія, а трохмернасць у разуменні свету дазваляюць больш глыбока інтэрпрэтаваць прастору як сацыяльны прадукт. Тэкст грунтуецца на кнігах А. Лефеўра «Мова і грамадства» (1966 г.) і «Вытворчасць прасторы» (1974 г.)

The article examines the first results of the reconstruction of the ternary concept of understanding the socio-cultural dimension of language and space, which was proposed by H. Lefebvre in the 60–70s. XX century Not dichotomy, but three-dimensionality in the understanding of the world allow a deeper interpretation of space as a social product. The text is based on the books of H. Lefebvre «Language and Society» (1966) and «Production of Space» (1974).

Ключавыя словы: вытворчасць прасторы; гарадская культура; траічнасць; сімвалічнасць мовы.

Keywords: production of space; urban culture; trinity; symbolism of language.

На сённяшні дзень імя А. Лефеўра непарыўна звязана з пераасэнсаваннем гарадской прасторы, канцэпцыяй права на горад і адкрыццём магчымасцей для працы з культурай штодзённасці. Але ж як часта здараецца, пэўныя тэмы і канцэпцыі паступова саспяваюць у творчасці аўтараў. Ён не заўсёды быў іконай урбанізму і трансфармацыі сацыяльнасці. Магчыма, што ідэя новага разумення сацыяльнай прасторы, якая была прадстаўлена ў кнізе «Вытворчасць прасторы», што пабачыла свет у 1974 г., мае пэўнае дачыненне да яго ранейшых твораў. Адным з такіх «прадвеснікаў» можна лічыць істотна менш вядомы тэкст А. Лефеўра «Мова і грамадства», выдадзенага ў 1966 г.

Мэта дадзенага артыкула – рэканструяваць магчымую версію стварэння А. Лефеўрам траічнай канцэпцыі разумення сацыяльна-культурнага вымярэння мовы і прасторы.

У кнізе «Мова і грамадства» А. Лефеўр развіваючы ідэю бінарных апазіцый Ф. де Сасюра, прапануе траічную канцэпцыю мовы, калі сінтагматычнасць і парадыгматычнасць мовы як знакавай сістэмы, дапаўняюцца сімвалічным вымярэннем. Гэта стварае патроеную структуру. Не дыхатамія, а патроеннасць ці траічнасць, якія ўтвараюць трохмернасць сэнсавай прасторы мовы. І потым, як можна заўважыць з яго творчай спадчыны, ідэя трохмернасці пераходзіць са сферы лінгвістыкі, да вывучэння гарадской прасторы, якая з'яўляецца трохмернай па вызначэнні.

Трохмернасць мовы магчыма прадставіць як класічную сістэму каардынат, з трыма восямі: «Парадыгматычная. Перарыўнасці (рэlevantныя) апазіцыі. Сістэма адметных

прыкмет і фармальных адрозненняў выбар і абмежаванні выбару ў рэальных (сапраўдных, якія існуюць) сукупнасцях. Сінтагматычная. Супрацьпастаўленні (сумежнасці, правілы зборкі, спалучэння), асацыяцыі, фармальна абумоўленыя паслядоўнасці, абмежаванні і выбар віртуальных сувязяў. Сімвалічная. Пераемнасць зыходнага характару, памяць аб мінулым, экспрэсіўнасць (спантанная, эмацыйная, афектыўная)» [1, с. 266].

Прадстаўленыя тры вымярэнні мовы абвяргае лінгвістычную тэндэнцыю не заўважаць сімвалічнага вымярэння знакавых сістэм, а звяртаць увагу выключна форму і змест. Менавіта сімвалічнае вымярэнне актуалізуецца падчас працы рэпрэзентацыі і ўключае ў сабе тры вымярэнні: «рэпрэзентацыя сабе для сябе, рэпрэзентацыя Іншых для сабе, рэпрэзентацыя сабе для Іншых» [1, с. 321]. Аднолькавыя па зместу паведамленні могуць мець абсалютна іншае сімвалічнае значэнне, калі ўключаюць асобу аўтара выказвання (хто і адкуль прамаўляе): «Звядзенне мовы да аднаго вымярэння (час, паслядоўнасці і камбінацыі значэнняў) прымушае сэнс і значэнне знікнуць. Звядзенне да двух вымярэнняў цягне за сабой рэдукцыю да аднамернага, у якім сэнс і значэнне паглынаюцца на карысць фізікалізму. Лінгвістычныя з'явы супадаюць са з'явамі прыроды: камбінацыі, атамы, малекулы, статыстычнае размеркаванне і г. д.» [1, с. 218–219]. У якасці прыклада А. Лефеўр згадвае слова агонь, што ўтрымлівае больш магчымых інтэрпрэтацый сэнсу, чым проста яго літаральнае выкарыстанні ці ўжыванне. Слова агонь нібыта аддалена кіруе сэнсамі: «Яно прадугледжвае і агонь агменю, і ахвярны агонь, і запал жыцця, і элементарны агонь ці агонь як стыхія – гэта і ёсць сімвал» [1, с. 258]. Аналіз вымярэнняў мовы як знакавай сістэмы сведчыць аб тым, што сімвалічнае вымярэнне пад уздзеяннем памяці і жыццёвага досведу стварае вобразныя успаміны мінулага з пэўнымі афектыўнымі кропкамі прывязкі. На парадыгмальным узроўні прысутнічае адсылка не да аб'ектаў, а да тэматызаваных супрацьлегласцей, якія азначаюць адзін аднаго і ўтвараюць адзінства цэлае (я і Іншы, добрае і шкоднае і інш.). Сінтагматычнае вымярэнне працуе над кампануючай наяўных і магчымых дзеянняў, абіраючы паміж напрацаванымі і засвоенымі элементамі выражэння.

Даследаванне семіялагічных палёў дазваляе зразумець месца іх сутыкнення і таго, як яны дзейнічаюць разам у сацыяльным вымярэнні часу, фармуючы сацыяльную прастору. «Любы акт камунікацыі ўкладваецца ў поле у адпаведнасці з узроўнямі, вымярэннямі, частотамі. У вымярэннях мы шукаем сімвалізм (эмацыйны змест, які перадаецца прывілеяванымі вобразамі, выразнасць, эмацыйнасць), парадыгматычнасць (супрацьлегласці, уласцівыя полю), сінтагматычнасць (спосабы сувязі, асацыяцыі паміж элементамі дадзенага поля)» [1, с. 299].

Зараз магчыма паглядзець, якім чынам гэты трохмерны падыход можа быць выкарыстаны ў працэсе вытворчасці сацыяльнай прасторы. Калі раней прастора была сінонімам пустэчы і адсутнасці, якую чалавек напаяў вынікамі ўласнай дзейнасці і сэнсамі культуры. Раней прастора была сінонімам пустэчы і адсутнасці, якую чалавек напаяў вынікамі ўласнай дзейнасці і культурным сэнсам. Адсюль і ідэя культуры як другой прыроды, што паступова стварае гэту новую прастору з дапамогай сацыяльна-культурнага вымярэння. Гэта дазваляе А. Лефеўру сфармуляваць наступны тэзіс: «Сацыяльная прастора – сацыяльны прадукт» [2, с. 40].

Але гэта не пра канкрэтны прадукт, а пра адносіны паміж людзьмі і ў дачыненні да гэтага прадукту. І сацыяльная прастора не можа быць пазбаўлена зместу ці проста існаваць як нейтральны ландшафт – яна абавязкова ўключана ў сацыяльна-культурныя адносіны і стасункі. «Калі сацыяльная прастора ўздзейнічае на спосаб вытворчасці, з'яўляючыся адначасова яго вынікам, прычынай і сэнсам, значыць, яна мяняецца разам з гэтым спосабам вытворчасці» [2, с. 11]. Сучасная прастора мае ўласныя адмет-

ныя рысы і як не дзіўна, іх таксама тры: «гамагеннасць, фрагментацыя, іерархічнасць» [2, с. 12]. Спосаб вытворчасці арганізуе – вырабляе – уласную прастору і ўласны час. Кожнае грамадства з усімі адметнасцямі і непаўторнымі рысамі стварае і ўласную прастору, можна сказаць прастору ўласнай культуры і адпаведна сэнсаў. Сацыяльная прастора адначасова стварае магчымасці для вытворчасці новых узораў і форм, а з іншага – для ўзнаўлення ўласнай непаўторнасці. Тут варта дадаць спажыванне, каб гэта сістэма адносін прыйшла ў рух: вытворчасць, ўзнаўленне, спажыванне і далей па коле. А. Лефёўру развівае гэту ідэю ў рэчышчы трыадзінства сацыяльнай прасторы: прасторавая практыка, рэпрэзентацыі прасторы і прасторы рэпрэзентацыі. Прасторавая практыка ўключае ў сабе вытворчасць і ўзнаўленне, а таксама стварае ўласную прастору ў якой уладарыць і якое прысвойвае. Рэпрэзентацыі прасторы вызначае ўсталяваны парадак і сведчыць пра тое, што існуенейкая логіка ці задума, паводле якой і будуюцца практыка рэпрэзентацыі. Гэта тое, што можа растлумачыць дзейнасць архітэктараў і ўрбаністаў. Прасторы рэпрэзентацыі прадугледжваюць складаную працу ў сімвалічным вымярэнні, што звязана са схаванай практыкай грамадскага жыцця, а таксама мастацтвам. Прасторы рэпрэзентацыі робяцца даступнымі праз перажыванне адпаведных сімвалаў, што закрываюць ці падмяняюць сабой фізічную прастору: «Сацыяльная прастора – гэта прастора грамадства. Чалавек жывы не толькі словамі; кожны «суб'ект» размяшчаецца ў прастору, дзе ён арыентуецца ці губляецца, да якой атрымлівае асалоду ад ці якую змяняе» [2, с. 48–49]. На гэтай падставе А. Лефёўр фармулюе наступную трыяду: успрыманне, асэнсаванне, перажыванне.

Веданне культурнага кантэксту і здольнасць дэкадзіраваць культурныя коды адпаведнай сацыяльнай прасторы, дазваляла адначасова жыць у ёй, разумець яе, ствараць і ўзнаўляць яе: «Сацыяльная прастора – гэта не рэальная сутнасць і не ментальная рэальнасць, яна не раскладаецца на абстракцыі і не складаецца ні ў сукупнасці рэчаў у прастору, ні ў суму занятых локусаў. Яна – не прастора-знак і не мноства знакаў, якія адносяцца да прасторы; яе рэальнасць адрозніваецца ад рэальнасці якія ўваходзяць у яе абстрактныя знакі і матэрыяльныя рэчы. Яна мае аснову, першасны падмурак – прыроду, гэта значыць прыродную, або фізічную, прастору» [2, с. 392].

Канцэпцыя вытворчасці сацыяльнай прасторы цягне за сабой іншыя наступствы, сярод якіх можна назваць маргіналізацыю практыкі прыватнай уласнасці на прастору, што робіць больш перспектыўным пераход ад панавання да прысваення і перавага выкарыстання над абменам.

Прастора робіцца галоўнай стаўкай у любой барацьбе і дзеяннях, накіраваных на дасягненне нейкай мэты. Лефёўр пісаў: «Прастора не адмяняе астатніх інструментаў і рэсурсаў сацыяльна-палітычнага механізму – ад сыравіны да самых выдасканаленых прадуктаў, ад прамысловых прадпрыемстваў да «культуры». Яно збірае іх разам і падмяняе сабой кожны з іх па асобнасці, убіраючы іх у сябе» [2, с. 400]. Дамінаванне над прасторай стварае магчымасці кіраваць усімі, хто з'яўляецца суб'ектам у ёй, але ніяк не ўплывае на кантроль за матывацыяй і логікай гэтых суб'ектаў.

Магчыма павесці першыя вынікі рэканструкцыі траічнай канцэпцыі разумення сацыяльна-культурнага вымярэння мовы і прасторы, якая была прапанавана А. Лефёўрам у 60–70 гг. XX ст.

Прастора культуры дэтэрмінавана праз выкарыстанне мовы, якая яго апісвае і робіць асэнсаваным. Важную ролю тут адыгрывае не толькі і не столькі лінгвістычная інтэрпрэтацыя сінтагматычных і парадыгматычных стасункаў, але і сімвалічнае вымярэнне выкарыстання знакавых сістэм. Не дыхатамія, а траічнасць ці трохмернасць у разуменні свету дазваляюць больш глыбока інтэрпрэтаваць прастору як сацыяльны прадукт. Са-

цьняльна прастора можа адначасова мець наступныя адметнасці: гамагеннасць, фрагментацыя, іерархічнасць. Але сацьняльная прастора не існуе без наяўнасці грамадства і праз яго практыку (успрыманне, асэнсаванне, перажыванне) робіцца даступным для індывідаў.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Lefebvre H.* Le langage et la société. Paris: Gallimard, 1966.
2. *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Стрелка, 2015.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ Б. ШУЛЬЦА

ARTISTIC ORIGINALITY OF B. SCHULZ'S PROSE

Т. А. КАШКАН

T. A. KASHKAN

*Белорусский государственный университет
Факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: kashkanbsu@gmail.com*

В статье рассматриваются два сборника повестей «Коричные лавки» и «Санатория под клепсидрой» польского писателя Бруно Шульца, ключевой фигуры литературы XX столетия. Проводится анализ художественной картины мира писателя и специфики его произведений.

The article deals with two collections of short stories «Cinnamon Shops» and «Sanatorium under the Clepsydra» by the Polish writer Bruno Schulz, who is a key figure in the literature of the 20th century. An analysis of the writer's artistic picture of the world and the specifics of his works is carried out.

Ключевые слова: художественное своеобразие; модернизма; Б. Шульц; повесть; мифология.

Keywords: artistic originality; modernism literature; B. Schulz; story; mythology.

Литература XX столетия представлена рядом различных направлений и художественных методов. Одним из таких методов является модернизм, для которого характерно отрицание и отказ от традиционных представлений, форм, идей и поиска нового представления отражения действительности.

Польский художник и писатель Бруно Шульц (*Bruno Schulz, 1892–1942*) был одним из тех писателей, который отразил в своем творчестве веяния новой зарождающейся эпохи – постмодернизма. Он писал в период ухода трехвековой эпохи классической рациональности и зарождении новой эпохи. Данное явление было обусловлено научными открытиями А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, вследствие чего последовало естественное изменение взгляда на мир философской мысли, что не могло не отразиться, в свою очередь, на художественной культуре и литературе. Несмотря на временные рамки модернизма, творчество Б. Шульца относят именно к постмодернизму.

Выдающийся писатель оставил после себя только два сборника повестей «Коричные лавки» (1934) и «Санатория под клепсидрой» (1937), которые принесли ему мировую славу. В настоящее время творчество писателя имеет колоссальный вес не только в польской, но и в мировой литературе XX в. Несмотря на небольшое писательское наследие, оно представляет огромный интерес для литературоведов и исследователей его творчества, в частности, Д. Гроссмана, Б. Хазанова, У. Риккарелли, Е. Фицовского. Стоит отметить, что проза Шульца повлияла на творчество таких писателей, как Б. Грабал, Д. Киш, Ф. Рот, И. Башевис-Зингер, Дж. С. Фоер.

По мнению Н. Каменевой, творчество Б. Шульца можно разделить на три периода:

1) 1930-е гг. – период, когда были опубликованы его сборники, которые вызвали положительный отклик у читателей и литературоведов. Последние, в свою очередь, пытались определить тип повествования, что вызывало трудности не только из-за своеобразия творчества писателя, но и вследствие неразработанности или отсутствия литературоведческих понятий на тот момент.

2) 1950–60-е гг. – период, когда литературный критик А. Сандауэр и первый биограф писателя Е. Фицовский активно продвигали его творчество.

3) 1970–90-е гг. – Б. Шульц получает признание и популярность в мире, его произведения переводят на все языки мира. ЮНЕСКО объявляет 1992 международным «Годом Бруно Шульца».

Писатель родился в семье владельца мануфактурной лавки в городе Дрогобыче, который в то время являлся окраиной Австро-Венгрии. Его небольшой родной город, улицы, лавки, гимназия и театр послужили вдохновением для шедевров автора и были описаны в его произведениях. Однако автор не просто рассказывает про свой город, а создает новый прекрасный мир, обладает уникальной способностью видеть в ужасном прекрасное: «Бруно затягивал нас в мир своего поэтического видения. Делал нереальной бесцветную, замкнутую жизнь маленького городка, протекающую вдали от руслу современной цивилизации» [1, с. 42].

Необычность и исключительность прозы писателя обусловлена сложным языком, насыщенный метафорами, а в процессе чтения кажется тяжелым и перегруженным. Но не только манера письма делает творчество Б. Шульца таким уникальным, но и уникальная способность автора через текст уводить читателя в другую реальность. Можно сказать, что писатель создал собственную вселенную детства, своей жизни, городка и его жителей.

Самый счастливый и запоминающийся период его жизни – детство – является одной из главных тем повестей Шульца. В отличие от других писателей, он не просто вспоминает, ностальгирует, а буквально возвращается в детство, окунается в него. Его сборники являются своего рода мифологической реконструкцией «книги детства» [1, с. 33]. А мифология – это главный принцип и, по мнению самого писателя, «основа словесного творчества» [2]. Сам писатель говорил, что «всякая поэзия – мифотворчество, ее задача – воссоздавать мифы о мире. Мифосозидание вселенной еще не завершено» [1, с. 35].

Тема отца также занимает важную роль в его произведениях, в которых свою безмерную любовь к нему он несет через все свое творчество. Отец является главным героем его произведений, а читатель познает не только непрямой «диалог между отцом и сыном», но диалог между «я и ты», человеком и миром, человеком и богом. В его произведениях человек и мир, материя, пространство и время едины благодаря данному постоянному диалогу.

Повесть «Коричные лавки» [3, с. 58] сам Б. Шульц называл «автобиографичной повестью», но не столько из-за «традиционного» повествования от первого лица и описанных воспоминаний из детства, сколько из-за духовного происхождения, истоки которого идут вглубь мифологии [2].

Важную роль в произведениях писателя играет тема города и его обитателей. Так, в повести «Улица крокодилов» автор описывает некогда родной город, ставший теперь чужим из-за буржуазной атмосферы: «Дух времени, механизм экономики не пощадили и нашего города, пустив алчные корни на клочке его окрестностей, где пресуществовали в паразитирующий квартал» [3, с.67]. А горожане предстают перед читателем как «молодой человек, на удивление услужливый, гибкий и податливый», «магазинные барышни, стройные брюнетки, каждая с каким-нибудь изъясцем красоты», «приказчик искательствует и жеманничает, производя временами впечатление трансвестита» [3, с. 279]. В повести «Улица крокодилов» также отчетливо прослеживается библейско-мифологический подтекст, в котором он сравнивает город с «вавилонской блудницей» [3, с. 280].

Все это позволяет сделать вывод, что художественное своеобразие прозы писателя обусловлено неповторимым стилем написания, его видением мира, которое он передает через свое творчество. Тема детства, отца, города и его жителей являются неотъемлемой частью его сборников, а мифология их основой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Фицовский Е.* Регионы великой ереси и окрестности. Бруно Шульц и его мифология. М.: Мосты культуры, 2012.
2. *Каменева Н.* Мифологическая проза Б. Шульца [Электронный ресурс]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-vostochnaya-evropa/kameneva-mifologicheskaya-proza-bruno-shulca.htm>. (дата обращения: 20.04.2022).
3. *Шульц Б.* Коричные лавки. Санатория под клепсидрой. М.: Мосты культуры, 1993.

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОГНЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛОРУСОВ

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS COMPREHENSION OF FIRE IN TRADITIONAL SAFETY CULTURE OF BELARUSIANS

В. А. КАРПИЕВИЧ

V. A. KARPIEVICH

*Белорусский государственный технологический университет
ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Республика Беларусь
e-mail: karpievich68@yandex.by*

В статье рассматриваются вопросы использования религиозных практик в традиционной культуре безопасности и их философское осмысление. Огонь всегда играл важную роль в жизни и деятельности людей. Человек стремился подчинить себе его силу, и испытывал страх перед ним. Показана связь огня с божественными силами, с их почитанием и способами защиты от огненной стихии. Это практиковалось как в языческие времена, так и в христианстве. Многие обычаи сохранили свое значение и в наши дни.

The article deals with the use of religious practices in the traditional security culture and their philosophical understanding. Fire has always played an important role in the life and work of people. Man sought to subdue his power, and felt fear of him. The connection of fire with divine forces, with their veneration and ways of protection from the fire element is shown. This was practiced both in pagan times and in Christianity. Many customs have retained their significance to this day.

Ключевые слова: огонь; стихия; религия; культура безопасности; защита; обряды; традиционная культура.

Keywords: fire; element; religion; safety culture; protection; rituals; traditional culture.

С древнейших времен, осознавая опасность, которую влечет за собой использования огня, человек стал учить своих детей, как правильно и бережно обходиться с данной стихией. В это же время в представлениях древних людей стало возникать понимание того, что детей необходимо обучать навыкам безопасности при использовании огня. Так, постепенно в обществе стала формироваться культура безопасности жизнедеятельности. Причем долгое время в сознании людей огонь приобрел особую, магическую сущность. Поэтому и все, что было связано с использованием огня, с его стихией и мощью, стало приобретать священный характер.

Обычаи почитания огня, зародившиеся тысячи лет назад, до сих пор живут в народной памяти. Огонь воспринимался людьми как сокрушающая, манящая, теплая, ласковая, сжигающая, беспощадная, согревающая сила. Огонь имеет множество граней, так как он может использоваться по-разному, и сам быть разным. Огонь может как помогать людям, так и пугать их, пробуждать страх. Это заложено как в генетической памяти человека, так и передается через культурные коды. И все потому, что огонь сопровождает человека на всем пути его существования, с первобытных времен. Поэтому действительно человеческую цивилизацию можно назвать огненной.

Очень верно отметила значение огня в жизни человека Т. И. Шамякина в своей работе «Міфалогія Беларусі»: «Асваенне агню – самае вялікае праяўленне чалавечага генію. Для таго кааб здабыць і працяглы час падтрымліваць агонь, неабходны даволі развіты інтэлект. Культ агню і сонца прыводзіў да паступовага, вельмі павольнага, але

няўхільнага выпявання перадумоў для назапашвання астранамічных, хімічных, арыфметычных, геаметрычных і біялагічных ведаў» [1, с. 65].

Огонь напоминает живое существо: он рождается, растет, крепнет, достигает расцвета, порождает себе подобных, слабеет, гаснет и умирает. Он может быть яростным и угрожающим, очищающим и согревающим. Несмотря на все это нас по-прежнему завораживает и манит к себе магия огня. Но, осознавая всю опасность, что таит в себе огонь, люди стали относиться к нему не только со страхом, но и с почтением. Постепенно в человеческой среде огонь приобретает сакральный характер. Древние люди увидели в огне духов, которые могли быть как хорошими, так и плохими. Затем в различных культурах огонь стал отождествляться с богами, соответственно наделялся божественной силой. Это все нашло свое отражение в верованиях и мифах людей, которые передаваясь из поколения в поколение, воспитывали особую культуру почитания огня, использования огня, защиты от огня.

По мере развития человеческого общества оно все больше сталкивалось с теми угрозами, которые были вызваны как природными явлениями, так и самой жизнедеятельностью людей. Наиболее остро стояла проблема, связанная с пожарами. Практически все археологические находки подтверждают, что люди еще в первобытную эпоху активно использовали в своей жизни огонь. Но эти находки очень часто содержат следы от пожаров. То есть люди с древности должны были быть готовы к тому, что огненная стихия может выйти из-под контроля и нанести непоправимый ущерб. Поэтому уже с древних времен начинает формироваться культура безопасности в обращении с огнем.

Осознание потребности в безопасности позволило сформировать специальную культуру, направленную на повышение безопасности жизни людей. Нами уже выделялись три уровня формирования потребности безопасности. Это – житейский, общественно-бытовой и социально-правовой [2, с. 662].

Непосредственно религиозные практики традиционной культуры безопасности охватывали житейский и общественно-бытовой уровень. Это было связано с тем, что люди еще не осознавали причину возникновения огня. Не всегда понимая, почему возникают пожары, особенно связанные с молниями или разгулом стихий, человек начинал приписывать это воле богов. И не в силах предотвратить пожары, люди, чтобы защититься от них, стали просить помощи и заступничества у божеств. Или пытались с помощью специальных обрядов и приношений умиловить богов, смягчить их гнев. Повсеместно стали появляться специальные обряды и действия, связанные с формированием культуры безопасности, направленной, в первую очередь, на защиту от пожаров. Эта культура включала в себя не только использование определенных обрядов, ритуалов защиты, создания оберегов, но и передачу знаний другим поколениям. Таким образом и создавалась целая культура безопасности. Она не стала исключением и для белорусов. Это отмечал белорусский этнограф А. Сержпутовский. В своем исследовании быта белорусов он писал, что «в торжественных случаях, когда требуется добыть древний священный огонь, имеющий свойство, по народным воззрениям, предохранять человека от того или иного несчастья, прибегают к особым приемам, которые передавались из рода в род и достигли нашего времени» [3, с. 40].

Добывание и использование огня являлось наиболее явным признаком превращения первобытного человека в человека разумного. Не понимая, откуда и как берется огонь, человек стал наделять его особой, священной силой. Что в дальнейшем нашло свое отражение в мифологии. В огне древний человек явственно видел воплощение божества, волю небес, указующий перст бога и т.п.

Согласно славянским преданиям, огонь на землю попал благодаря богу-громовержцу Перуну. Но сама стихия огня воплощалась в Свароге или Сварожиче [4, с. 185]. Но в представлении славян культ огня был также связан с культом предков, что нашло свое воплощение в образе домашнего божества Чура. Как указывал А. Н. Афанасьев, «Чур – это одно из древнейших названий, какое давалось домовому пенату, т. е. пылающему на очаге огню, охранителю родового достояния» [5, с. 90]. Ученый называл еще одно существо, которое у белорусов Минской губернии связано со стихией огня – Жыж. Оно живет под землей, испуская из себя пламя, согревает только землю. Однако если Жиж начинает быстро двигаться, то это вызывает пожары, истребляющие леса, сенокосы и нивы. Поговорка: «жыжунадзіўся» означает: стали частые засухи или пожары [5, с. 7–8].

У белорусов огненная стихия выражается разными словами: «агонь», «полымя», «запал», «жар», «вогнішча», «іскра» и др. В целом в славянской мифологии огонь – одна из четырех стихий мироздания. Он давал тепло и свет, а также обладал очистительной силой. Но огонь обладал разной силой. Обидевшись, он мог отомстить человеку: сжечь его дом или иссушить зловерной болезнью [6, с. 53–54].

Становясь опасной силой, которая могла уничтожить все на своем пути, не имея жалости ни к пожилым, ни к молодым, уничтожая в равной степени животных и растения, огонь не мог не вызывать страх у человека. И когда по небрежности хозяина или хозяйки начинался пожар, люди считали, что именно это их вина перед огнем. Поэтому существовало множество поверий, что огонь нужно уважать: не говорить ему дурного, не плевать в него и т. д. Белорусы в таком случае говорят: «Агонь адмсціцца, як яго ўквеліш» [7, с. 59]. Также в белорусском фольклоре сохранилось множество других пословиц и поговорок, которые предупреждают об опасности огня: «Не бойся ваўка, а бойся агня»; «Агонь – найстрашнейшы злодзей»; «З агнем жартаў няма»; «Хто іграе з агнем, дайграецца да попелу», «Агонь горш за злодзея: злодзе хоць вуглы пакіне, а агонь нічога»; «Агонь начыста прыбярэ» [7, с. 59].

С принятием христианства восточные славяне часто использовали для защиты от пожара обрядовые действия, которые выполняли охранительную функцию. По мнению некоторых исследователей, громничная свеча пользовалась особым почитанием среди белорусов: «Она стала олицетворением “живого” огня и была наделена магической и охранительной функцией» [8, с. 213]. Согласно поверьям, «во время грозы рекомендовалось зажечь большую громничную свечу и поставить на подоконник с той стороны, откуда надвигается туча, чтобы обезопасить свой дом» [8, с. 33]. У славян существовал и особый день, когда освящали громничные свечи. Это 15 (2 по старому стилю) февраля – день, который в народной традиции посвящался Перуну, или Громовнику. В христианскую эпоху он превратился в церковный праздник Сретение, но обычай освящать громничные свечи, сохранилась.

В период христианства появились новые традиции оберега домашнего добра от уничтожения. Для этого очень часто использовались громничные свечи. Ими выжигали кресты над окнами, дверями и воротами. Считалось, что такой оберег защитит от огня, а также станет непроходимой преградой для нечистой силы. Кроме свечи, использовали и специальные молитвы-обереги. Например, на Крещенской неделе следовало прочитать специальную молитву, обращенную к святым, защитникам от пожара. Похожие молитвы читались и в другие дни.

С принятием христианства появляются и специальные святые-заступники, а также чудотворные иконы. Среди святых были пророк Илья, образ которого часто ассоциировался с богом Перуном, святой Николай Чудотворец, святые Агата и Варвара, Лаврентий и Флориан. Последние больше почитались у белорусов-католиков. Также в качестве

главной иконы, заступницы от пожаров, стали почитать образ Богоматери Неопалимая Купина. В среде верующих передавались свидетельства о том, как во время разгула огненной стихии иконами обносили горящие дома и пламя чудесным образом затухало. Белорусский профессор А. М. Ненадовец в своем исследовании «Нарысы беларускай міфалогіі» описывает этот обычай. При этом он обращал внимание на факт того, что если строения загорались от удара молнии, то только хозяйка могла взять в руки икону и должна была три раза по солнцу обойти вокруг пожара, чтобы пламя само по себе угасло [9, с. 84].

Для того чтобы обезопасить себя и своих близких от частых пожаров, которые широко были распространены во всех белорусских городах, местечках и деревнях, люди собирали деньги и заказывали на них для своих храмов чудодейственные иконы. Также в специальные праздничные дни в честь святых-заступников и чудотворных икон проводились церковные службы. Способствовать прекращению огня должны были, по мнению верующих, вынесение домашних икон, молебны или крестный ход. Эти традиции дошли и до наших дней. Небесное покровительство от стихийных бедствий сохраняет и в наши дни большое значение в процессе формирования среды безопасного проживания. Религиозный компонент продолжает присутствовать в нашем миропонимании, в том числе и в восприятии природы огня. Следует согласиться с Л. Н. Луц, которая отмечает, что «поверхностный, субъективный характер обрядов, ритуалов и т.д. создавал у людей иллюзию противодействия реальной опасности» [10, с. 249].

В современном мире религиозные практики не должны быть единственным источником формирования культуры безопасности. Тем не менее, народные традиции и обряды могут стать частью работы по формированию культуры безопасности жизнедеятельности белорусов. Эти элементы народной культуры должны напомнить, насколько важно оберегать свой дом, своих родных и близких, защищать их от огня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шамякіна Т. І.* Міфалогія Беларусі (нарысы). Мінск: Мастацкая літаратура, 2000.
2. *Карпиевич В. А.* Формирование представления о безопасности жизнедеятельности: историко-правовой аспект // Комплексные проблемы техносферной безопасности. Научный и практический подходы к развитию и реализации технологий безопасности : сб. статей по мат-лам XVII Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский гос. техн. ун-т», 2021. С. 662–668.
3. *Сержпутовский А. К.* Очерки Белоруссии. 7: Добывание огня / А. К. Сержпутовский // Живая старина. 1909. Вып. 1. С. 40–46.
4. Славянская мифология: энц. словарь: А–Я / М.: Международные отношения, 2011.
5. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 2. / А. М.: Современный писатель, 1995.
6. Славянская мифология: справочник / сост. Ф.С. Капица. М.: Мегатрон, 1999.

7. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ, артыкул і камент. М.Я. Грынבלата; рэд. А.С. Фядосік. Кн 1. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
8. *Котович О., Крук И.* Золотые правила народной культуры / Минск: Адукацыя і выхаванне, 2011.
9. *Ненадавец А. М.* Каму пакланяліся продкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1996.
10. *Луц Л. Н.* Традиционные практики защиты от небесного огня (пожаров) у восточных славян // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы ; ГрГУредкол. : М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 246–249.

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE SPECIFICITY OF INTERCULTURAL INTERACTIONS IN MODERN BELARUSIAN SPACE

Е. А. КРИШТАНОСОВА

E. A. KRISHTANOSOVA

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
факультет культурологии и социокультурной деятельности
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: spirinaelena@tut.by*

В статье рассматриваются особенности межкультурных интеракций, в частности в Республике Беларусь, в контексте вариативности картин мира этнокультурных групп и титульного этноса. Приводится типология этнокультурных групп, в соответствии с которой формируются разновекторные интеракции. Автором предлагается комплекс мер для эффективного формирования и развития межкультурных интеракции в контексте поликультурности современного белорусского общества.

The article discusses the features of intercultural interactions, particularly in the Republic of Belarus, in the context of the variability of the world view of ethno-cultural groups and the priority ethnic group. A typology of ethno-cultural groups is given, in accordance with which multi-vector interactions are formed. The author proposes a set of measures for the effective formation and development of intercultural interactions in the context of the multiculturalism of modern Belarusian society.

Ключевые слова: межкультурные интеракции; этнокультурная группа; титульный этнос; мультикультурализм; картина мира.

Keywords: intercultural interactions; ethno-cultural group; multiculturalism; world view.

Сегодня все большую актуальность приобретают проблемы выстраивания межкультурных интеракции, которые наблюдаются в большинстве современных поликультурных государствах. При этом, стоит отметить, что данные проблемы возникают: 1) тенденция стирания автохтонных этнокультурных различий вследствие глобализационных процессов; 2) тенденция этнокультурных групп к сегрегации, геттоизации, автогерметизации, а также к различного рода конфликтам с целью сохранения этнокультурной самобытности. На наш взгляд, данные проблемы появились не в современном обществе, а гораздо ранее, поскольку первая тенденция исторически сформировалась как универсалистская парадигма, а вторая – в виде партикуляристской парадигмы. Но на современном этапе данные тенденции приобрели предельную остроту. С одной стороны, очень активно возрастает взаимозависимость стран, а с другой – поиск возможностей сохранения собственной самобытности (часто проявляется в насильственных формах). В настоящее время все эти вопросы усугубляются, результатом чего становится мультикультурализация государств: фактически все они на нашей планете являются мультикультурными (за исключением 11 моноэтнических и монокультурных стран) [1, с. 184]. Причиной подобного феномена является миграция вследствие глобализационных процессов. Поэтому проблема специфики межкультурных интеракции внутри каждой страны приобретает все большую актуальность. Более того, мультикультурность имеет не только положительный контекст взаимовлияния и взаимообогащения, но и негатив-

ный – межгрупповые конфликты. Вследствие этого проблема нахождения консенсуса межгрупповых интеракций является весьма важной в современном мире.

В целом Республика Беларусь имеет историко-культурный опыт позитивных межгрупповых интеракций, поскольку мультикультуралистские тенденции изначально возникли не в результате установок правящих и интеллектуальных верхов общества, а органически появились в контексте народного мировоззрения. Именно поэтому, на наш взгляд, белорусский мультикультурализм имеет высокий потенциал успешности, что весьма важно на современном этапе.

Осмысление современных проблем в контексте процессов глобализации требует ответа на вопросы: как сохранить «лицо» общности, ее этнокультурное своеобразие в свете современных интегративных тенденций и одновременно – как преодолеть взаимную недоброжелательность стран и этнокультурных групп в свете идей многополярного мира? В целом сегодня существуют три основные стратегии выстраивания будущего, к которым так или иначе примыкают все прогностико-футурологические идеи и концепции: стратегия крайней вестернизации («макдональдизации»); концепция «столкновения цивилизаций» Хантингтона, базирующаяся на фатальном противостоянии Востока и Запада, в первую очередь, с точки зрения религиозных различий. И, наконец, третья стратегия – мультикультурализм – на наш взгляд, представляет собой наиболее продуктивный вариант взаимодействия этнокультурных групп.

В качестве ведущего принципа стратегия мультикультурализма провозглашает интеграцию без ассимиляции. Возможна ли таковая? И если да, то на какой основе? Существуют ли предпосылки к этому? Мы полагаем, что ответ должен быть положительным.

Любую этнокультурную группу с долей условности можно отождествить с совокупной личностью со своими представлениями о традициях, образе жизни, религии, вкупе образующими своего рода «матрицу», в пределах которой формируется менталитет. Но в то же время любая этнокультурная группа является «ступенькой» к реализации фокальных общечеловеческих ценностей и соответствующих ценностно-смысловых установок. Тем самым в сердцевине каждой этнокультурной группы существует «золотой запас» – тяготеющий к универсальности культурный опыт. Об этом в разных терминах и в разное время говорили и К. Юнг, и К. Леви-Строс, и К. Ясперс, и многие другие ученые. Однако современный процесс сближения ценностно-смысловых установок в силу социальных, геополитических и др. факторов нередко принимает вид унификации. Вследствие этого существует необходимость в разработке стратегий межкультурных интеракций, которые обеспечили бы не только реализацию ценностно-смысловых установок конкретных этнокультурных групп внутри современных государств, но и совместную реализацию экзистенциальных ценностно-смысловых установок человечества. Это возможно лишь в случае формирования таких ценностных ориентаций, идеологий, схем поведения и т. д., которые явились бы залогом взаимопонимания представителей различных культур, с одной стороны, и в то же время стали залогом их взаимообогащения благодаря несходству, «инаковости».

Особенно это касается поликультурных общностей – в силу их внутренней, а не только внешней «пограничности», гетерогенности. В связи с этим мультикультурализм необходимо рассматривать как «золотую середину», как продуктивный опыт консенсуса в межкультурном диалоге. Основная интенция мультикультурализма – снятие напряжения и создание баланса между локальным и универсальным. Он утверждает уважение к различиям, но не путем отказа от поиска общечеловеческих «начал». Концепт мультикультурализма, возникший для дефиниции особого типа взаимодействия групп в полиэтническом пространстве, представляется плодотворным для решения

широкого ряда проблем, связанных с сегментаризацией современных культур, с их принципиальным полистилизмом и разновекторными ценностно-смысловыми установками, и в частности – с взаимодействием этнокультурных групп в поликультурном пространстве.

Современные глобализационные процессы очень сильно повлияли на расширение границ и появлению огромного потока мигрантов. Данное явление стало причиной возникновения ряда проблем политического, социального, культурного уровня, поскольку картина мира каждой этнокультурной группы имеет свою специфику, а значит, будут кардинально отличаться ценностно-смысловые установки, которые, в свою очередь, формируют межгрупповые интеракции. Исходя из разности картин мира, мы выделяем три типа этнокультурных групп. Группы-толеранты имеют схожую картину мира с титульным этносом и поэтому межгрупповые интеракции будут носить характер сотрудничества. Группы-контактеры – картины мира не имеют сходных оснований, но представители данного типа разделяют образ жизни Других, поэтому межгрупповые интеракции будут проходить положительно и без конфликтных противостояний. Группы-изоляты не имеют сходных группоопределяющих факторов картин мира с титульным этносом и намеренно изолируются, поэтому межгрупповые интеракции будут выстраиваться довольно сложно (не идут на контакт с титульным этносом).

В связи с этим мы полагаем, что в условиях миграционного кризиса весьма важным является правильность выстраивания стратегии нахождения мигрантов и беженцев на территории принимающей страны, поскольку это играет первоочередную роль в формировании межкультурных интеракции.

В современной ситуации миграционные потоки не ослабевают, а с каждым днем все больше усиливаются. Поэтому для достижения большего эффекта при реализации белорусской стратегии выстраивания межкультурных интеракций необходим следующий комплекс стратегических мер:

1. Мультикультурное образование:

- *утверждение в школьной и вузовской системах образования доктрины мультикультурности.* Она должна быть разработана Министерствами и ведомствами в соответствии с приоритетными интересами населения и их психолого-педагогическими особенностями и во всех образовательных учреждениях должна реализоваться по единой модели. Сегодня в нашей стране не существует подобной программы.
- *организация внеклассных занятий и курсов по народоведению и по истории религий мира.* Сегодня в белорусских школах такие занятия если проводятся, то единоразово и на уровне классных часов. Соответственно они разрабатываются «на местах» и не всегда отвечают необходимым требованиям. Мы убеждены, что в каждом учебном году им надо посвящать не менее шести – десяти учебных часов. Также следует включить эту тему сквозной линией в Дни информирования. В свете этого мы предлагаем на уровне Министерства образования разработать и внедрить единые программы или рекомендации по проведению разных форм мероприятий, способствующих изучению и освоению ценностей иных культур для более успешного контакта с их представителями, проживающими на территории Республики Беларусь.
- *проведение воспитательной и просветительской работы со школьниками и студентами о принципах поведения в вопросах веротерпимости и согласия.* На проведение подобных мероприятий на официальном уровне не отводится

фиксированного количества часов (как это делается, например, в Канаде). Мы полагаем, что это серьезное упущение, которое пока в нашей стране не оказало принципиально негативного воздействия в силу исторически сформированного спонтанного мультикультурализма. Однако вследствие широкой информатизации современных обществ, как и населения Республики Беларусь, и увеличивающегося притока мигрантов и других менее значимых, но оказывающих свое воздействие причин, эта проблема станет насущной уже в течение ближайшего десятилетия. Мы убеждены, что целесообразно и наиболее перспективно предупредить негативные формы взаимодействий, чем пытаться преодолеть их последствия. Тем не менее, сейчас в Беларуси такая профилактика проводится сутобо по желанию классного руководителя или учителей, что затрудняет системность и целенаправленность подобного рода мероприятий.

Мы полагаем, что на первом году обучения на всех гуманитарных специальностях белорусских вузов необходимо ввести следующие курсы по выбору: «Народная культура и национальные традиции», «Восток и Запад: взаимовлияние культур», «Религия и культура», «Этнос и культура», «История отечественной культуры», «Культурные традиции народов мира» и т.д.

Мы полагаем, что реализация всех предложенных мер даст положительный результат уже спустя небольшой период времени, т. к. необходимость мультикультурного образования в наши дни делается насущным и необходимым во всех странах мира, а особенно – в геополитических центрах, одним из которых является Республика Беларусь. На наш взгляд, мультикультурное образование имеет огромный положительный потенциал, поскольку основная цель – воспитание «мультиполярного» человека, культивирующего толерантность как приоритетную ценностно-смысловую установку в контексте межкультурных интеракций.

2. Молодежное АРТ-взаимодействие – *поддержание и развитие художественной самодетельности и декоративно-прикладного творчества, основанных на традициях и аутентичном культурном наследии этнокультурных групп.* В Республике Беларусь ежегодно выделяются существенные средства на проведение культурно-досуговых мероприятий и проектов с участием белорусов и этнокультурных групп (Всебелорусский фестиваль национальных культур, «Славянский базар», фестиваль современной хореографии в Витебске, Дни культуры и Недели культуры различных групп и т. д.). Однако необходимо усилить акцент на организации и проведении культурно-досуговых мероприятий с участием молодежи. Мы считаем, что реализация совместных молодежных культурно-досуговых мероприятий будет способствовать знакомству с другими культурами и в то же время пропаганде белорусской. Межгрупповые интеракции во время подобных мероприятий формируют у молодежи чувство сплоченности и взаимопонимания, необходимое для сглаживания противоречий.

3. «Hatespeech» – *ЗАПРЕТ – создание законов и санкций, запрещающих использование материалов, дискриминирующих этнокультурные группы или разжигающие межнациональную рознь в сфере средств массовой информации.* В большинстве стран (Канаде, Дании, Франции, Германии, Нидерландах и др.) законы, запрещающие «hatespeech», используются против тех, кто разжигает межэтническую и межконфессиональную рознь. Положительная роль этих законов заключается в создании более цивилизованной атмосферы в государствах, устранении дискриминации и ненависти.

Однако существует серьезная проблема с глобальной компьютерной сетью. По причине сложности ее регулирования государством, оперативности в доступе к информации, легкости публикации, возможности сохранять анонимность и т. д., она выступает

очень сильным инструментом разжигания межгрупповой нетерпимости и конфликтных действий. Мы убеждены, что в силу специфического характера Интернета и самой технологии его устройства, достичь его гомогенизации, в том числе в столь значимой для нас сфере отношений между этнокультурными группами запретительными мерами вряд ли возможно: будучи созданным изначально в военных целях, Интернет предполагает множество обходных каналов, благодаря которым дорогостоящие проекты по его ограничению окажутся несостоятельными. Потому мы считаем необходимыми мерами по защите чести и достоинства представителей этнокультурных групп и их самих в целом:

- воспитание и профилактику как превентивные действия;
- модерирование интернет-форумов, в том числе и пре-модерирование;
- процесс исключения наиболее одиозных интернет-пользователей из форумов («забанивание»).

Мы полагаем, что в случае, если все вышеописанные условия будут соблюдены, необходимость жестких мер станет не столь настоящей.

4. СМИ-ОТРАЖЕНИЕ – расширение каналов периодических изданий, а также теле- и радиовещания для более полного и адекватного отражения культурной мозаики страны, проблем межгрупповых отношений и межконфессионального диалога. Мы полагаем, что необходимо усилить акцент на трансляции такого рода программ по всей территории Беларуси. Для нас был бы полезен опыт Австралии, где, настроившись на волну телевизионной станции Эс-би-эс, можно посмотреть передачи на различных языках, снабженных английскими субтитрами. Кроме этого, мы считаем, что необходимо на одном из главных телевизионных каналов создать специальные «религиозные часы», в которых религиозные лидеры как православного, так и иных вероисповеданий будут читать проповеди. Для изложения современных положений отечественной науки о специфике этнокультурных традиций и межкультурного диалога необходимо создание научно-популярных программ, предметом которых станет освещение истории, жизни и культуры как белорусов, так и этнокультурных групп.

5. Научно-исследовательский мониторинг:

- налаживание подготовки специалистов и осуществление научных исследований по вопросам сосуществования этнокультурных групп в едином мультикультурном пространстве, воспитания толерантности к иным группам, поиска путей урегулирования конфликтов. Мы полагаем, что она на первичном уровне вузовского образования должна осуществляться в рамках таких дисциплин, как культурология, социальная психология, социология, политология и т.д.;
- создание центров и исследовательских групп междисциплинарного характера, а также издание специальных журналов и методической литературы по проблемам межгрупповых интеракции как для специалистов, так и в расчете на более широкую аудиторию;
- осуществление мониторинга состояния общественного мнения, межгрупповых отношений с целью выявления кризисных ситуаций на начальных стадиях и выработке прикладных рекомендаций;
- увеличение числа и расширение спектра международных и республиканских научных, научно-методических и научно-практических конференций, где ученые могут обмениваться идеями и результатами собственных исследований по мультикультурному сосуществованию и взаимообогащению групп;

- использование печати, радио и телевидения для изложения современных положений науки о роли и значении различных этнокультурных традиций и специфике выстраивания мирных межгрупповых интеракций;
- создание единого реестра этнокультурных общественных организаций Республики Беларусь, синтезирующего и координирующего информацию различных реестров, имеющую отношение к этнокультурным группам Беларуси.

Можно сделать вывод, что вышеперечисленные стратегические меры значительно снижают саму возможность распространения информации, содержащей негативную оценку этнокультурных групп, и тем самым препятствуют навязыванию негативных стереотипов, а положенный в основу нашей стратегии принцип межкультурного диалога, способствует узнаванию и освоению иных культур – и тем самым сбалансированию ценностно-смысловых установок. Важное примечание: эта стратегия должна осуществляться как целостный долговременный проект, а не как единоразовые проекты, программы и т. д.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в Республике Беларуси достаточно комфортные условия для этнокультурных групп, которые позволяют им сохранить автохтонность (спонтанный и институционализированный мультикультурализм). Но следует отметить, что с активным расширением информационного пространства и с постоянным увеличением миграционного потока существует реальная опасность «столкновения» картин мира белорусов и этнокультурных групп, и как следствие, медленное, но неуклонное «угасание» исторически сложившегося спонтанного мультикультурализма. Единственный выход – это не только сохранение исторически сложившейся на нашей территории «культуры толерантных интеракций», но и ее дальнейшее развитие и приспособление к современной социокультурной ситуации. Это возможно сделать благодаря эффективной стратегии, которая представляет собой комплекс мер, направленных на сохранение современного мультикультурного белорусского общества. Вариант такой стратегии и был предложен нами (мультикультурное образование, молодежное АРТ-взаимодействие, «hatespeech»-запрет, СМИ-отражение, научно-исследовательский мониторинг).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Янг К. Категории культурного многообразия // Этнос и политика: хрестоматия; авт.-сост. А. А. Прусаускас. М., 2000. С. 184–189.

КАТЕГОРИЯ ГИПЕРМОДЕРНА В КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

HYPERMODERN CATEGORY IN CULTURAL STUDIES

Э. А. УСОВСКАЯ
E. A. USOVSKAYA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: usouskaelina@gmail.com*

В статье рассматриваются подходы к пониманию категории гипермодерна, культуры и общества конца XX в. и первых десятилетий XXI в. Сложность развития цивилизации, новые вызовы и угрозы вызвали необходимость в поиске названия этого периода и выявлении его основных признаков. Гипермодерн рассматривается как продолжение постмодерна, с одной стороны, с другой – как его альтернатива. Среди наиболее актуальных подходов следует выделить идеи Ж. Липовецки и М. Оже, Дж. Армитаджа, В. Варга.

The article discusses approaches to understanding the category of hypermodernity, culture and society of the late twentieth century and the first decades of the 21st century. The complexity of the development of civilization, new challenges and threats made it necessary to search for the name of this period and identify its main features. Hypermodern is seen as a continuation of postmodern, on the one hand, and on the other hand, as its alternative. Among the most relevant approaches, one should single out the ideas of J. Lipovetsky and M. Auger, J. Armitage, V. Varga.

Ключевые слова: гипермодерн; постмодерн; культура; концепции; неопределенность.

Keywords: hypermodern; postmodern; culture; concepts; uncertainty.

Противоречивость развития мира конца XX в. и особенно первых десятилетий XXI в. вызвали сложность и в исследовании культуры в самом широком смысле ее понимания. Культурные исследования обратили внимание на разные факторы, процессы и последствия, приведшие к ее трансформациям, среди которых следует назвать мультикультурализацию, дигитализацию и возникновение новых глобальных вызовов, в том числе терроризма и региональных войн, пандемий, неотъемлемых от экологических проблем. Как эти факторы, культурные повороты постмодерна, сам постмодернистский тип культуры, его всеохватывающая рефлексия скажется на грядущем столетии стал, пожалуй, одним из значимых вопросов. Нельзя сказать, что постмодерн 1960–90-х гг. внес существенную ясность в пути дальнейшего развития человеческой цивилизации, но он наметил его определенные контуры, векторы, среди которых стремление к реальному равноправию, в том числе расовому, национальному, гендерному. Однако действительность второго десятилетия нового века показывает поворот в сторону авторитаризма и ультраконсерватизма, абсолютизацию понимания категорий свободы и нормы-традиции. Констатация неопределенности, текучести, зыбкости ситуации нового столетия звучала неоднократно, что не внесло ясность в саму проблему сути идущего за постмодерном периода и его наименования.

Термин «постмодерн» как синоним радикальной эмансипации или эквивалент массовой культуры, или как аналог общества потребления вызывал критику и неодобрение. Социальные науки искали ему замену в виде ультрамодерна / ультрамодернизма,

метамодернизма / метамодерна, постпостмодерна / постпостмодернизма, гипермодерна / гипермодернизма. Необходимость их появления также совпала со временем так называемого смягчения риторики постмодернизма, часто воспринимаемой как «отрицание», т. е. негативизация модерна, а также с ярко выраженной тенденцией информатизации мира и экономики, повышением роли коммуникации в самых разных ее формах и универсализации. Для нас данный период не представляет собой новую альтернативу постмодерну, а рассматривается как его второй этап – 1980–1990-х гг.

Пожалуй, ни одно из понятий не укоренилось прочно ни в социально-культурном, ни в научном дискурсах. Тем не менее популярность приобрел термин «гипермодерн/гипермодернизм», некоторые содержательные стороны которого были раскрыты Ж. Липовецки и М. Оже. Следует отметить и попытки эксплицировать альтернативное постмодерну состояние канадскими политологами А. Крокером и Д. Куком («Постмодернистская сцена. Эскрементная культура и гиперэстетика»), которые в большей степени критиковали постмодерн в разрезе художественных идей и практик, а также тела и телесности, но не предложили более или менее четкого объяснения, собственно, гипермодерна. Добавим, что временные границы гипермодерна не совсем понятны: охватывает ли он лишь два десятилетия XX в. или это период, относящийся и к первой четверти (половине) XXI в.

Исследуя современную проблематику антропологии, «событийность» рубежа XX–XXI в. – еще толком неатрибутированного периода, места и времени, называемого гипермодерном, – Марк Оже стремился найти его сущностную черту. С его точки зрения, такой чертой является избыточность. Он писал: «Новым является не то, что у мира нет смысла (или мало смысла, или же меньше смысла, чем раньше), но то, что мы явственно и интенсивно испытываем потребность в придании миру смысла – именно миру, а не той или иной деревне или роду. Эта нужда в придании смысла если не прошлому, то хотя бы настоящему есть расплата за избыток событий, характерный для ситуации, которую мы именуем “гипермодерном”, подчеркивая ее ключевую характеристику: избыточность» [1, с. 17]. Избыточность проявляется в новом ощущении и понимании времени, пространства, человека и еще только начинает осознаваться научной средой и человечеством в целом: нам еще предстоит научиться видеть мир по-новому.

С одной стороны, новые информационные (и не только) технологии, наличие крупных международных сетей в самом широком смысле этого понятия продуцируют единство мира и сужают восприятие географического пространства. С другой – рождают потребность существования в рамках «своего» места и идентичности, корней. Видимо, на пересечении этих реалий рождается феномен «не-места», столь свойственный гипермодерну, в виде аэропортов, гостиниц, магистралей, супермаркетов, центров пребывания и т. д. [1, с. 18]. Проблемность таких мест состоит в отсутствии устойчивой идентичности, антропологичности, истории времени и пространства, сопричастности к ним человека или сообществ. Идентичность как таковая не исчезает, но она существенно меняет свой характер. Ее маркером служат временная ролевая общность – пассажиров, едущих в поезде или летящих в самолете, сидящих в кинозале зрителей, людей, оказавшихся в пунктах временного нахождения (Центры помощи, беженцев и т. д.). В условиях дигитализации и массовизации культуры такие общности не прочны и распадаются, как только выполнена их задача. Поэтому, видимо, «Не-места» приводят в итоге к миру, уготованному «для одиночества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности...» [1, с. 36]. Впрочем, «не-места» не стоит относить исключительно к негативному феномену массовой культуры, поскольку они обладают характером разрыва, локализацией, рождающей новые типы связей и взаимодействий.

Концепт гипермодерна Жилия Липовецки свидетельствует о стремлении французского исследователя выявить признаки, черты новых, еще не вполне осознанных событий и явлений 1980–90-х гг. Этот период, гипермодерн, при всей своей «новизне» представляет, на его взгляд, собой некий переход к новой, или второй модерности и поэтому включает в себе настоящее, которое «непрестанно эксгумирует и “переоткрывает” прошлое» [2, р. 149.]. Подобная интерпретация дает основание полагать, что гипермодерн является частью постмодерна, возникшего еще в 1960-х гг. в контексте контркультурных движений [3, с. 157]. Экспликация постмодерна/постмодернизма, осуществленная Липовецки на основе анализа теории Д. Белла, в том числе и в рамках критики общих интенций в развитии искусства, позволяет заключить, что основной характеристикой постмодерна является потребление в самых разных его формах, а также, как ни парадоксально, «беспрецедентная персонализация личности» [3, с. 160].

В. Варга, исследуя черты гипермодерна, связывает его категорией телесности, новейшими технологиями, приводящими к возможностям изменения тела и его конструированию, отмечал, что он не представляет собой разрыв с постмодерном, а есть усиление его черт и тенденций [4, р. 210]. Гипермодерн демонстрирует феномен так называемой избыточности – явления, при котором современность (постсовременность) выходит за собственные пределы и оказывается в точке кризиса. Более того, он включает в себя не только черты современности (modern) и предмодерна (premodern) [4, р. 210].

Еще одно понимание гипермодерна было дано Дж. Армитаджем. Выразим согласие с мнением российского исследователя А. В. Павлова, который рассматривал позицию британского исследователя как в некотором роде примиряющую модернизм и постмодернизм, как отказ от оппозиционной бинарности между ними «посредством признания остроты “гипермодерна”» [5, с. 26]. Об этом свидетельствует термин «гипер», примененный Армитаджем в интервью с П. Вирильо: «Мне кажется, что ваша работа, касающаяся в первую очередь технологических, городских и социокультурных изменений – это работа кого-то, чье мышление обращается к проблеме того, что можно было бы назвать “сверх” или “гипермодернизмом”?» [6, р. 26]. Гипермодернизм, выявляемый Армитаджем из анализа творчества и деятельности Вирильо, приобрел характер культурного явления, которое относится не столько к чисто художественной проблематике, но в большей степени касается социально-культурного феномена, включающего, скажем так, достижения модернизма и постмодерна: гипермодернизм выглядит как явление, реальность, неотъемлемая от технологичности цивилизации и ее атрибутов – медиа, коммуникации, скорости; как «логика позднего милитаризма» [7, р. 9].

Заявленные концепции демонстрируют неоднозначность в формулировании черт и названия временного и содержательно культурного отрезка, идущего за постмодерном. Очевидно, что это далеко не полный перечень позиций, сосредоточивших внимание на категоризации, возможно, какой-то наступившей/наступающей новой эпохи. Тем не менее ее атрибутируют в качестве постпостмодерна, гипермодерна, второй модерности. Гипермодерн как термин, на наш взгляд, в некотором роде гиперболизирует черты постмодерна, с одной стороны, с другой – стремится показать его трансформацию с 1960–1970-х гг. Поэтому он не отражает, да и не может отражать всей полноты культуры и ее названия конца XX и первых десятилетий XXI в. Исследователи видят преемственность постмодерна в продолжении технологизации и дигитализации мира, как и связь между модерном и реалиями XXI в. Возможно, сам термин «гипермодерн» может служить экспликацией черт не столько постмодерна, сколько самого модерна. В таком случае может быть понятна мысль о милитаризации экономики и общества, поворот к ценностям и установкам, говоря словами Ф. Фукуямы, к истории в отличие от постистории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна/ М.: Новое литературное обозрение, 2017.
2. *Lipovetsky G.* Time Against Time, or The Hypermodern Society. Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2015. P. 191–208.
3. *Липовецки Ж.* Эрапустоты. Эссе о современном индивидуализме СПб., 2001.
4. *Varga V.* The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity // *Current Sociology*. 2005. Vol. 53(2). P. 209–231.
5. *Павлов А. В.* Образы современности в XXI в: гипермодернизм // *Философский журнал*. 2019. Т. 12. № 2. С. 20–33.
6. *Armitage J.* From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // *From Modernism to Hypermodernism and Beyond*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000. P. 25–56.
7. *Armitage J.* Introduction // *Paul Virilio. From Modernism to Hypermodernism and Beyond*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000. P. 1–23.

ОЦЕНКА ПРИОРИТЕТОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

ASSESSMENT OF THE PRIORITIES OF THE MODERN ERA BY THE STUDENT YOUTH

Н. А. ТЕЛЮК
N. A. TSIALIUK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tsialiuk@bsu.by*

В статье рассматриваются результаты педагогического приема по оценке мировоззренческого и культурного уровня студенческой молодежи. Анализируемые ответы респондентов относятся к области экологической психологии, затрагивающей экологическое сознание и субъективное отношение к природе.

The article discusses the results of a pedagogical reception for assessing the ideological and cultural level of student youth. The analyzed answers of the respondents belong to the field of environmental psychology, affecting the environmental consciousness and subjective attitude to nature.

Ключевые слова: 3Э-трилемма; эволюция; экология; экономика; энергия; энергетика; эмоции.

Keywords: 3E-trilemma; evolution; ecology; economy; energy; emotions.

В условиях современного этапа развития цивилизации, характеризующегося внедрением цифровых технологий во все сферы жизни, ухудшением состояния природной среды, быстрым истощением природных ресурсов, политической и социальной нестабильностью во всем мире, одной из задач современного образования является формирование мировоззренческой культуры личности. Последнее предполагает развитие у будущих специалистов способности осмысления окружающей действительности, умения рассуждать, искать новые формы самовыражения.

Безопасность жизнедеятельности человека как ни одна другая сфера деятельности не возможна без понимания человеком устройства окружающего мира и сложных взаимосвязей его образующих. Одноименная учебная дисциплина, входящая в стандарты современного высшего образования, помимо обучения конкретным алгоритмам выживания в сложных условиях современного мира, призвана формировать культурологическую платформу деятельности человека, так как часто именно «человеческий фактор» приводит к возникновению негативных явлений, угрожающих (а подчас и поражающих) его жизни.

С целью интеграции философского и профессионального мышления, желая направить рассуждения студентов в определенное, запрограммированное русло, связанное с изучением в данный момент раздела курса «основы энергосбережения», исходя из того, что «в 21 веке глобальная стратегия развития энергетике, а следовательно и всей цивилизованной жизни на Земле, строится исходя из признания существования так называемой 3Э-трилеммы» [1] студентам было предложено охарактеризовать состояние

современного общества тремя словами, начинающимися на букву «Э», обозначить приоритеты этих слов и объяснить их взаимосвязь.

Всего в опросе приняли участие 117 студентов экономических специальностей. Вопреки ожидаемой для большинства ответов триаде: «1. Энергетика – 2. Экономика – 3. Экология» было получено большое количество других триад. Ответы были сгруппированы по первому рангу значимости. Для каждой группы выборов первого ранга устанавливались приоритетные выборы второго и третьего ранга.

Анализ полученных данных позволяет констатировать следующее: по мнению студентов, наиболее характерным для современного этапа развития общества является слово «Эволюция». Такой выбор сделали более четверти участвовавших в опросе (25 %). Среди других выборов первого ранга значимости: «Экономика» – 21 %, «Экология» – 21 %, «Энергия» – 15 %, «Эмоции» – 18 %. Последняя группа выборов в нашем исследовании представляет собою определенное объединение слов: «эгоизм», «этика», «этичность», «эрудиция», «экспрессия». В эту же группу включены нами выборы – «эпидемия», «эмигранты», «электорат». Объединяя означенные понятия в общую группу с таким названием, мы исходили из понимания, что триады в той или иной степени касаются выражения чувств респондента. Хотя понятие «экспрессия» наиболее часто используется в биологии (в генетике) (это степень выраженности признака, определяемого данным геном), данный термин используется и в других областях знания и имеет ряд синонимов: выразительность, живость, рельефность, сила.

Данная работа посвящена анализу ответов респондентов, объединенных в группу «Эмоции». По нашему мнению, ответы именно этой группы студентов выступают как отражение уровня гуманитарной культуры опрошенной группы молодежи. Полагаем, что во многом ответы респондентов данной группы относятся к области экологической психологии, затрагивающей экологическое сознание и субъективное отношение к природе.

Полученные данные позволяют констатировать, что современную молодежь волнуют проблемы физиологической и демографической безопасности, проблемы деятельности и проблемы человеческих качеств при взаимоотношении с окружающим миром и другими людьми. Так, эпидемию (пандемию) как определяющее понятие современности выбрали 14 % респондентов данной группы, проблемы эмиграции (миграции) и эмигрантов (мигрантов) – 17 %, эрудицию как обязательное условия любой деятельности человека – 28 %, а человеческие эмоции (к которым мы отнесли этику, эстетику, эгоизм, экспрессия) – 41 % респондентов.

На втором по значимости месте в группе респондентов, обозначивших как первостепенные вопросы безопасности здоровья, оказались понятия «экология» и «эволюция». В объяснениях превалировал подход, что именно из-за ухудшения экологических условий появляются новые ранее не известные человеку болезни, а третьей по рангу значимости в данной группе превалировала эмиграция (появление новых групп людей, ранее не проживавших на данной территории, является дополнительным фактором распространения опасных заболеваний).

Среди респондентов, выбравших в первом ранге значимости демографические проблемы, во втором ранге значимости отмечены эпидемия, эгоизм, а экономика оказалась превалирующей в третьем ранге значимости, где также отмечены экология и эволюция.

Как показал анализ объяснений выборов, многие студенты под словом «эмигранты» понимали, как действительно эмигрантов, так и мигрантов и беженцев. Однако между этими терминами существуют отличия. Так, «трудовая иммиграция» – иностранцы, прибывшие в страну для работы. В соответствии с международными критериями, «беженец – это лицо, которое не является гражданином страны приема и которое в силу

вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие подобных опасений; не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (статья 1, Конвенция о статусе беженцев 1951 г.). «Трудовая эмиграция» – граждане страны, выехавшие за рубеж с целью работы» [2].

Данный факт обусловил необходимость разъяснения этих понятий для повышения культурологической составляющей обучающихся.

Респонденты, выбравшие эрудицию (под которой в объяснениях выборов большинством понималась общая образованность человека), во втором ранге значимости обозначили достаточно разнообразный набор понятий, среди которых экономика, эффективность, экология, эволюция, которые не сложно связать с понятием эрудиции. Но были и триады, имеющие скорее социальное объяснение. Например, триада «1. Эрудиция – 2. Эгоизм – 3. Экономика» имела такое объяснение: «наиболее эрудированные (образованные) люди эгоистичны по своей сути. Они используют свой разум для личного обогащения (объяснение понятия экономика в третьем ранге значимости). Такое объяснение вызвало оживленную дискуссию в аудитории. Аналогично, активную дискуссию породила триада «1. Эрудиция – 2. Эстетика – 3. Экология». Автор триады дал следующее объяснение выборам: «Эрудиция (образованность) порождает понимание красоты (эстетика) окружающего мира и благотворно влияет на взаимоотношения человека с окружающей средой (экология)». Мнения одnogруппников разделились – оппоненты такого объяснения утверждали, что мир слишком далек от идеала, предлагаемого автором, приводили примеры замены эстетического восприятия мира на чисто прагматическое.

Большинство респондентов данной группы, выбравших в качестве приоритетного критерия современности эмоции среди понятий второго ранга значимости, как и респонденты предыдущей группы указали экологию, экономику, эволюцию, эффективность и даже эвакуацию. В третьем ранге значимости приоритет отдан таким понятиям как экология и энергия. К примеру, объяснение триады «1. Экспрессия – 2. Эволюция – 3. Эвакуация» состояло в следующем. «Человек часто экспрессивно (в объяснениях – слишком сильно) воздействует на окружающий его мир, как физический, так и идеальный. Это влияет на скорость эволюции и может потребоваться эвакуация человека (как необходимость покинуть планету Земля)». Большинство респондентов, обозначивших триаду «1. Эгоизм – 2. Экономика – 3. Экология», в объяснениях выборов исходили из следующего: «Человеком чаще всего руководят эгоистические (прагматические) эмоции, исходя из которых, он старается получить максимальный экономический эффект. Последнее становится причиной разрушения экологического равновесия в окружающей среде. Причем данный процесс усиливается и может сказаться на эволюции».

В целом по данной группе «Эмоции» характер распределения понятий, относящихся ко второму и третьему рангу значимости, представлен в таблице (стр. 137).

Таким образом, простое, на первый взгляд, задание, вылилось в обсуждение широкого круга проблем, в том числе чисто гуманитарного плана. Использованный педагогический прием позволяет выявить мировоззренческий и культурный уровень в студенческих группах и может применяться для установления мотивации экологического поведения. Полученные результаты свидетельствуют, что в понимании студентов обучение, психическое развитие, поведение и психическое здоровье человека находятся в тесной связи с состоянием окружающей среды.

Результаты опроса студентов

Наименование понятия	II ранг значимости	III ранг значимости
эмоции	19	14
экология	14	24
экономика	10	24
эволюция	14	14
эффективность	10	-
эмиграция	-	24

*Данные представлены в процентах от числа респондентов данной группы.

Молодые люди понимают взаимосвязь экологического кризиса с состоянием психического здоровья человека и демографических процессов в обществе. Вместе с тем в молодежной среде присутствует прагматический компонент субъективного отношения к природе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шилец Е. С., Кравченко В. А. Энергетическая трилемма – основа устойчивого развития топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/energeticheskaya-trilemma-osnova-ustoychivogo-razvitiya-toplivno-energeticheskogo-kompleksa%20(1).pdf (дата обращения: 20.02.2022).
2. Статистика международной миграции: Практическое руководство для стран восточной Европы и Азии [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/RUS_International_Migration_Statistics_Practical_Guide.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ФИЛОСОФИИ Ф. ШЕЛЛИНГА

GNOSTIC TOPOS IN THE PHILOSOPHY OF F. SHELLING

Е. К. СЕЛЬЧЕНОК

E. K. SELCHENOK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь
e-mail: elena.selchenok@gmail.com*

В статье рассматриваются гностические топосы в философии Шеллинга, в объективном идеализме которого представлен синтез неоплатонизма, гностицизма и средневековой немецкой мистики. Автор констатирует актуализацию гностических топосов в философии немецкого романтизма, что повлияло на становление как самих романтиков, так и тех, кто формировался под их влиянием впоследствии.

The article deals with Gnostic topoi in the philosophy of Schelling, whose objective idealism represents the synthesis of Neoplatonism, Gnosticism and medieval German mysticism. The author states the actualization of Gnostic topoi in the philosophy of German romanticism, which influenced the formation of both the Romantics themselves and those who were formed under their influence later.

Ключевые слова: гностицизм; гностический топос; гнозис; романтизм; немецкий идеализм; философия откровения.

Keywords: Gnosticism; Gnostic topos; Gnosis; romanticism; German idealism; philosophy of revelation.

Гностицизм перестал существовать как историческое явление еще в эпоху Поздней Античности, но комплекс идей гностицизма можно выразить в ряде топосов – культурных констант, оформившихся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которые несут в себе культурно-генетический код и способны вырабатывать новые значения в ходе их усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. Можно выделить семь топосов:

1. поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) (TI);
2. многомирие – иерархическое развертывание сложной системы отдельных эонов (духовных сущностей, жизненных сфер, циклов творения и т.д.), являющихся результатом эманации и характеризующихся убывающим присутствием духа (любая творческая активность как созидание одного из таких миров);
3. неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостряемой нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TII);
4. драматически переживаемый разрыв с божеством с последующей попыткой восстановления связи с Ним через одухотворение материального (TIV);
5. стратификация человечества сообразно причастности к духу (пневматики, психики, хилики) или способности обрести/осознать таковую в процессе обретения гнозиса, повторяющая иерархию многомирия, осмысленная и целенаправленная селекция пневматиков (TV);

6. социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры эона, в рамках которого возглавляющий их мироправитель, архонт стремится к синтезу духовной и светской власти (TVI);
7. эсхатологическая мотивация индивидуальной активности: когда все избранные пневматики станут наделенными знанием гностиками и их духи будут восприняты плеромой, а материальный мир, лишившись всего духовного, погибнет в огне (TVII) (подробнее о топосах см. [7]).

XIX в. – эпоха, когда гностические топосы, веками таившиеся в толще немецкой культуры, вырываются на поверхность и причудливо адаптируются к стремительно секуляризирующемуся и эмансипирующемуся обществу. В сфере религиозной на рубеже XVIII–XIX вв. в Германии (в первую очередь в Вюртемберге) вновь стал оживать пиетизм. Одни сочетали пиетизм с теософией Бёме (последователи Иоанна Михаэля Гана), другие только лишь в силу веры считали себя абсолютно совершенными и оправданными (прегицеряне). Вюртембергские пиетисты ожидали в 1836 г. второе пришествие и наступление Тысячелетнего царства Божьего на земле. В этот же период актуализируются мистические тенденции в масонстве [2, с. 23]. Р. Кёпке показательно характеризует распространенную в то время литературу тайны и ужасов, характерную для преромантизма, а затем и самого романтизма: «Маги и волшебники, тайные мистические ордена, в темноте крадущиеся силы раскрывали здесь загадочную игру... Здесь отразились влияния масонов, розенкрейцеров, алхимиков и заклинателей духов» [цит. по: 2, с. 24]. Мистические стремления питало и развитие науки, поскольку открывались все новые, ранее невысказанные аспекты бытия и окружающего мира. Эсхатологические апокалиптические чаяния романтиков созвучны настроению эпохи Реформации, способствовавшему прорыву и укреплению идей М. Лютера и актуализации гностических констант германской культуры.

Романтики (Новалис, Шеллинг) исповедовали идею отпадения мира, подразумевая под этим отрыв человека от вселенского единства (TIV). Человек захотел быть Богом и противопоставил свой обособленный разум мировой гармонии: «...в философии Шеллинга последнего периода история самого природного существования начинается падением духов, своеволием природы в Боге. Романтики и Шеллинг объясняют мертвое из живого, ... как результат деятельности живого», – пишет В. М. Жирмунский. Природа возникает через вырождение, но в ней остаются «заглохшие остатки иного существования». Миссия человека – взрастить эти остатки иного мира (TVII) [2, с. 114–115] (подробнее о гностических топосах в немецком романтизме см. [6]).

Особого внимания в контексте рецепции гностических топосов в немецкой культуре романтизма заслуживает гностическая, по сути, «философия откровения» Ф. Шеллинга.

И «философия мифологии», и «философия откровения» Шеллинга вызревали под влиянием Я. Бёме и Каббалы, а также «под воздействием мифологическо-христианских представлений гностиков и александрийских неоплатоников о познании как откровении человеку глубочайших тайн Божественной сущности» [3, с. 23]. В объективном идеализме Шеллинга представлен синтез неоплатонизма, гностицизма и средневековой немецкой мистики.

Шеллинг считает, что мифология продолжается в искусстве, что поэт может создавать индивидуальную творческую мифологию (TII). Он утверждал фундаментальное единство души человека с Абсолютом. Абсолют в его философии – Вечная Сущность, или Идея, объективирующая себя в природе, возвращающаяся к себе в виде субъективности, а затем познающая себя в виде философской рефлексии [5, с. 136] (TIII, TIV). Абсолют как идеал проявляется или находит непосредственное выражение в Вечных Идеях. Шел-

линг сам осознает греческие истоки своей идеи (неоплатоническая теория нуса). Как отмечает Ф. Коплстон, «идеи отрицательного подхода к Абсолюту и интуитивного постижения высшей Божественности тоже восходят к неоплатонизму» [5, с. 126].

Параллельно Шеллинг обращается к идеям Я. Бёме и вводит понятие космического отпадения, разрыва, в котором и надо искать истоки происхождения мира [5, с. 156]. В работе «Философия религии» (1804) Шеллинг писал, что переход от Абсолюта к чувственному миру возможен только в результате скачка, прорыва, поэтому происхождение мира должно быть приписано свободе (дерзость одного из эонов – Софии, TIV).

Вечная Идея ведет словно двойную жизнь в качестве «второго Абсолюта», что соответствует в гностицизме отпавшему аффективному гипостазированному помышлению Софии – Ахамот: «...если смотреть на нее как на вечное отражение Абсолюта, как на вечную Идею, то ее подлинная жизнь протекает в самом Абсолюте. Но рассматриваемая в качестве реальной, в виде второго Абсолюта, души, она стремится к продуцированию и может создавать только феномены, образы образов...» [5, с. 158].

Описывая внутреннюю жизнь Бога как Самооткровение, Шеллинг пытается «представить всю историю религиозного сознания в качестве божественного самооткровения» [5, с. 173]. По наблюдению Ф. Коплстона, в складе ума Шеллинга всегда было «что-то от гностика» [5, с. 175]. Шеллинговское видение истории христианства схоже с представлениями Иоахима Флорского, рассматривавшего всю историю как последовательную смену трех эпох, соответствующих трем ипостасям Троицы. Шеллинг в свою очередь предлагал выделять петрианский (Отец) и павликанский (Сын) периоды. Третий же период грядет и должен соответствовать Святому духу.

Кроме Я. Бёме, влияние на трансформацию мировоззрения Шеллинга оказали Платон, неоплатоники, гностик и герметик Джордано Бруно, Спиноза, Лейбниц, Кант, Фихте. По мнению философа Ф. Ч. Коплстона, в последние годы Шеллинг «явно склонялся к тому, чтобы начать полет в туманный мир теософии и гностицизма» [5, с. 175]. Его теория Абсолюта как чистого тождества может рассматриваться в качестве продолжения идеи Бруно о бесконечности как «*coincidentia oppositorum*».

По наблюдению В. В. Лазарева, шеллинговской системе было свойственно внутреннее противоречие, поскольку она подразумевает дуализм (TIII), разделение Абсолюта и бытия, мира и Бога, поскольку Шеллинг поместил Абсолют за рамки мира, но переход от Абсолюта к единичным вещам он мог объяснить только через откровение [3, с. 24]. Последнее фактически является гнозисом. Поскольку в бесконечно Едином, которое надо познавать, нет противоположностей (но только ниже его), познание, которое улавливает безразличие противоположностей, является разумным, а не рассудочным познанием, и для рассудка (рационального мышления) оно недостижимо. Шеллинг определяет состояние, в котором возможно непосредственное познание, как «экстаз».

Наиболее интересной является для нас в философии Шеллинга идея отпадения мира о Бога. Происхождение зла в мире Шеллинг объясняет согласно гностицизму, но не в столь мифологизированной форме, допуская, что в самой «основе» Абсолюта появляется «воление как некоторый корень свободы, из которой проистекала бы возможность зла» (TII, TIII). Можно видеть в этом ту самую дерзость одного из эонов Софии (неотъемлемой части плеромы), которая захотела нарушить строй и вознестись к Единому (TIV). По Шеллингу, «темная» основа в Боге – это частная воля, которая способна оторваться от Божественной и создать из непокорного войска желаний и вожделий свою собственную, обособленную жизнь, возвести себя в степень самобытия» [5, с. 161]. По словам Шеллинга, эта «пробужденная самость» не является злом сама по себе, но лишь постольку, поскольку отрывается от света и вселенской воли. «Уход человека от

Божественной подавляющей воли, выраженный в первородном грехе, был, с одной стороны, необходим, чтобы человек предстал перед собой в собственной самости, с другой стороны, добровольно-случаен. Следовательно, человек не утрачивает вневременную связь с Прачеловеком», – считает Шеллинг [9, с. 9].

Шеллинг в своей системе связал единой нитью мир природы и духовный мир, представив их в виде поступательного восхождения: «Каждая ступень этого ряда есть потенция развития универсума, относительная форма выражения мирового принципа. Низшая ступень этого ряда – материя, а высшая – познающая и созидаящая мир субъективность, субъективное в его совершенном самовыражении» [3, с. 145] (ТII).

Шеллинг стремится описать историю самосознания, развития «Я», восходящее все к новым и к новым формам самосозерцания. Новалис писал о Шеллинге, что «он представляет собою в самом действенном смысле тождество субъекта и объекта» [цит по: 3, с. 126], что соответствует гностическому слиянию познающего с познаваемым. Образ «мировой души» у Шеллинга вливается в немецкую традицию софийной мистики. «Мировая душа» у Шеллинга не является просто философской метафорой, но понятием, несущим в себе «спиритуалистский оттенок» [3, с. 51].

«Именно на северогерманской почве затверделому статистическому принципу церковно-догматической картины мира новый идеалистический принцип немецкой теологии (возвещенный впервые уже Реформацией и в дальнейшем прорвавшийся с такой силой в теософии Я. Бёме) противопоставил впервые в новой истории принцип динамического живого мышления. Так впервые возникла религиозная философия в современном смысле, философия религии (или, как называл ее Шеллинг в своих лекциях по философии откровения, 1841–1842 г., «философская религия», – отмечает И. Л. Фокин [8, с. 74].

П. П. Гайденко подчеркивает, что именно через немецкий идеализм, а конкретно через философию Шеллинга русскими философами и поэтами были восприняты идеи гностицизма, в значительной мере определившие специфическую культуру русского Серебряного века [1, с. 202].

Не один только Шеллинг проникся гностическим мировоззрением. Так, познакомивший его с сочинениями Я. Бёме Франц фон Баадер в разработке своих взглядов опирался не только на Бёме, но и на труды Экхарта и предлагал различать в самом Боге высшие и низшие принципы и расценивать чувственный мир не только как самопроявление Бога, но и как отпадение. В человеке должен совершиться процесс одухотворения, с помощью которого он возвратится к Богу, так же, как и в самом Боге должна произойти победа света над тьмой (TVII).

Мы позволим себе согласиться с мнением П. Козловски, что «романтический философско-религиозный эпос пытается создать универсальный синтез, в котором было бы возможно тотальное изображение мировой истории» [4, с. 52]. Поскольку романтический эпос претендует на то, чтобы быть философским эпосом человечества и его истории, «тотальным эпосом», он «обнаруживает большую близость гностицизму, который тоже претендовал на то, чтобы быть теорией всецелой действительности, представленной в форме повествования» [4, с. 52].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гайденко П. П. Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Соловьева // Знание. Понимание. Умение. 2005 №2 С. 202–208.

2. *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика СПб.: АХИОМА, 1996.
3. *Лазарев В. В.* Шеллинг. М.: Мысль, 1976.
4. *Козловский П.* Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме // Вопросы философии. 2000. №4. С. 37–52.
5. *Коплстон Ф.* От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004.
6. *Сельченко Е. К.* Гностические топосы в литературе немецкого романтизма // Вестник академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2019. № 2(61). С. 165–179.
7. *Сельченко Е. К.* Трансформация идей гностицизма в европейской культуре // Актуальные проблемы современного образования : сб. науч. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции (Минск, БГУ, 18–19 октября 2018 г.). Минск Изд. центр БГУ, 2018. С. 474–484.
8. *Фокин И. Л.* Мартин Лютер и немецкая Реформация // 95 тезисов. СПб.: Роза мира, 2002. 720 с. С. III–XLIV.
9. *Шумкова Т. Л.* Философия Ф. В. Й. Шеллинга и мировоззренческие основания романтизма: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Урал. Гос. ун-т им. А. М. Горького, Нижневарт. Гос. пед. ин-т. Екатеринбург, 1998.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА БЕЗУМИЯ М. ФУКО В РОМАНЕ М. ЭТВУД «ОНА ЖЕ ГРЕЙС»

REPRESENTATION OF M. FOUCAULT'S CONCEPT OF MADNESS IN THE NOVEL OF M. ATWOOD «ALIAS GRACE»

Н. А. ВЕРБЕЛЬЧУК
N. VERBELCHUK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: verbelchuck.n@yandex.ru*

В статье представлена репрезентация идей М. Фуко о власти, безумии и психиатрии в романе М. Этвуд «Она же Грейс». При анализе были использованы аналитический метод, индукционный метод, структурный и функциональный методы. В ходе исследования были проанализированы работы М. Фуко и роман М. Этвуд «Она же Грейс». В результате были продемонстрированы концепция дисциплинарной власти, безумия и истерии, а также «власти-знания».

The article is devoted the representation of M. Foucault's ideas about power, madness and psychiatry in the novel «Alias Grace» by M. Atwood. Analytical method, induction method, structural and functional methods were used in the analysis. In the course of the study, the works of M. Foucault and the novel by M. Atwood «She is Grace» were analyzed. As a result, the concepts of disciplinary power, insanity and hysteria, as well as «power-knowledge» were demonstrated.

Ключевые слова: безумие; дисциплинарная власть; истерия; корабль дураков.

Keywords: insanity; disciplinary power; hysteria; ship of fools.

Книга М. Этвуд «Она же Грейс» повествует о Грейс Маркс, ирландской служанке, обвиняемой вместе с другим слугой Джеймсом Макдермоттом в убийстве своего хозяина и его экономки. Это сенсационное дело продолжает привлекать внимание общественности, роль Грейс в убийствах остается неясной по сей день, а многослойное произведение автора открывает простор для исследований: была ли безумной служанка или невинной жертвой социума того времени.

Содержание книги непосредственно пересекается с многими работами М. Фуко. Несмотря на то, что в послесловии Этвуд не указывает философа в качестве источника вдохновения, очевидно, его прямое влияние. В работе «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» Фуко рассматривает видоизменения безумия и его форм на примере изоляции из социума. Первой формой отчуждения безумцев стал знаменитый «корабль дураков», на котором умалишенных высылали подальше от общества (см. [1]).

Грейс переживает вынужденную эмиграцию из Северной Ирландии в Канаду на корабле. Описание корабля и путешествия в целом соотносится с концептом корабля безумцев. В обоих находились маргинальные элементы, которые стремились к лучшей жизни, точке, где находился идеал. Грейс описывает их в своем повествовании как «все-го лишь своего рода трущобы в движении» [2, с. 134]. Таким образом, они подвергаются определенной форме социального контроля и прикованы к кораблю, который невозможно покинуть. Сам процесс плавания является маркером переходного статуса: безум-

цы изолированы в подвижной стихии, которая может привести их в любую точку мира и в то же время служит «изнанкой» этого мира.

Постепенно начало развиваться «классическое» понятие безумия. На смену традиции отлучения прокаженных в классическую эпоху приходит изоляция. Сама практика изоляции должна была выполнять множество функций: обеспечить надзор за огромным количеством безумцев и неугодных социуму маргиналов и уменьшить процент безработицы. Справлялись они с этим с помощью домов призрения и госпиталей, при которых открывали небольшие производства. Именно в такое место попадает Грейс.

Трудно рассуждать о репрезентации тюрьмы, не рассмотрев концепцию Фуко. Он выделил три типа власти: суверенную, дисциплинарную и биовласть. Первый существовал в Средневековье и ассоциировался с сувереном, вся власть была в его руках, преобладали физические наказания, а казни проводились открыто для устрашения людей.

На смену ему в Новое время приходит дисциплинарная власть, где система наказаний более изоциренная и скрытая, а власть охватывает больше сфер. В правовой сфере распространена нормализующая санкция, порицающая не только преступления, но и мелкие проступки. Используется иерархический надзор, где происходит незаметное наблюдение за людьми. Происходит это с помощью специальных пространств, где каждый имеет свое место. Яркий пример полного воплощения дисциплинарной власти – паноптикум, концепт из произведения И. Бентама. Право на использование тела человека перешло в управление его телом и жизнью.

Третий тип власти, биовласть, начал формироваться в конце XVIII века. Он рассматривает человека как биологический организм и контролирует его жизнедеятельность с точки зрения медицины. Именно данный тип власти превратил социум в полицейское государство. Биовласть не гарантирует сохранность границ, зато она обещает поддержание здоровья человеку. Такое явление, по мнению Фуко, связано с возникновением диспозитива сексуальности (см. [3]).

Методы, с помощью которых Грейс превращается в субъект дисциплинарного пространства, многочисленны и коварны. Грейс подвергается регулярным проверкам, произвольным предписаниям и постоянному надзору, не говоря уже об играх за власть и мелком соперничестве.

В своем рассказе о Кингстонской тюрьме Грейс ясно дает понять, что заключенные спокойно нарушают правила и совершают акты мести друг другу. Оставшиеся в самом низу иерархии старательно пытаются изменить ее, причиняя вред друг другу. Тюрьма в произведении – отдельная пенитенциарная система, в которой происходит борьба за власть, где заключенные и другие соперничают за любую крошечную степень контроля, существуя в поле контролируемой государством власти.

Как описывал Фуко, тюрьма представляет собой частный образец общей системы социального контроля. Однако в его исследовании было упущено влияние социальных категорий. В произведении (как, впрочем, и в жизни) Грейс считали виновной в убийстве еще до того, как она была осуждена. Повлиял пол, класс и происхождение. Все посчитали, что, во-первых, женщина уговорила своего соратника Джеймса Макдермотта на убийство, соблазнив его. Во-вторых, в газетных отрывках того времени часто подчеркивали, что она – обычная служанка. В-третьих, ее ирландское происхождение сделало ее заочно виноватой еще до суда: «Я действительно приехала с Севера Ирландии; хотя я подумала, что это было очень несправедливо, когда они записали, что оба обвиняемых были из Ирландии, по их собственному признанию. Это звучало как преступление, и я не знала, что быть выходцем из Ирландии – это преступление; хотя я часто видела, как к этому относились как к таковому» [2, с. 116].

Пол, раса и положение Грейс в статусе прислуги ставят ее в центр дебатов о судьбе прислуги в обществе. Как отмечают историки, сенсационное дело об убийстве, «связанное с сексом, насилием и неподчинением, доведенным до крайности, ярко продемонстрировало гендерную, классовую и этническую напряженность в отношениях хозяин/госпожа-слуга. Это также выявило сложную и гендерную реакцию общественности на ирландских иммигрантов» [4, с. 133]. К тому же действие происходит в середине XIX в., когда ирландские женщины были наиболее арестовываемой группой населения.

Ссылаясь на такие идеологические тюрьмы, которые интерпретируют субъектов как преступников, Этвуд показывает, что тюрьма на самом деле не является пространством, отделенным от более широкого социального мира, из которого субъекты «удаляются», а вместо этого является зеркальным отражением неравенства, которое уже существует. Тюремное заключение Грейс лишь демонстрирует, что она все время находится в замкнутых пространствах, ведь это – часть системы: крошечные спальни на чердаке, душные корабельные трюмы, небольшие гостиные и тесные лестницы.

Канада была страной строгого классового разделения, основанного на ее верности британской короне и классу. Роман создает сильное ощущение социального разделения, в данном случае, между здравомыслящими и безумными, предполагая, что включение в эту вторую группу зависит от низкого социального происхождения, а также от того, что она женщина: «Одна из них была там, чтобы убежать от своего мужа, который избил ее, он был сумасшедшим, но никто не стал бы его сажать» [2, с. 34].

То, как описывает данные пространства М. Этвуд, пересекается с идеями Фуко о пространствах. Он отмечал, что определенные пространства можно охарактеризовать как «гетеротопии отклонений», где «размещаются индивиды, поведение которых отклоняется от требуемого среднего или нормы» [5, с. 25]. Они помогают свернуть работу, общественные места и досуг в одно здание, ограничив контакты. В случае Грейс она была такой же неоплачиваемой домашней прислужкой губернатора, выполняющей привычные обязанности по шитью, стирке и приготовлению пищи, как и обычная заключенная.

На протяжении всего романа Грейс покидает территорию исправительного учреждения только дважды: сначала в 1852 г., когда ее переводят в Провинциальный Сумасшедший дом, а затем снова в 1872 г., когда ее помиловали. Очевидно, что тюрьма – это пространство застоя и заключения, которое физически ограничивает ее передвижение. И все же Этвуд парадоксально представляет тюрьму как текучее пространство, в котором постоянно многое меняется. Так, Грейс может покинуть территорию тюрьмы, чтобы хорошо шить в губернаторской гостиной и работать на кухне; ее ценность как домашней прислуги считается выше, чем любая потенциальная угроза, которую она может представлять, как заключенная. Именно так рассматривает дисциплинарная власть любого человека – это экономически выгодный человек в слаженно работающей системе. Грейс ценнее в доме за работой, чем в тюрьме. По иронии судьбы, переход из тюрьмы в дом губернатора – самая опасная часть ее дня.

Влияние идей Фуко заметно не только в описании пенитенциарных учреждений. При размышлениях о повешении Джеймса Макдермотта Грейс отмечает, что на его казнь съехались с близлежащих городов, как на шоу. Публичной была не только смерть, но и пребывание в тюрьме. Именно таким образом Сюзанна Муди, автор «Жизни на вырубках», произведения об этом знаменитом убийстве, смогла встретиться с непосредственным объектом истории. Указывая на описания в произведении провинциальной тюрьмы в Кингстоне и сумасшедшего дома в Торонто, Этвуд объясняет, что «такие об-

ществленные учреждения посещались как зоопарки, и в обоих Муди попросил показать главную достопримечательность Грейс Маркс» [2, с. 538]. Грейс, как женщина из низшего класса, становится объектом познания женщины из среднего и высшего класса, Сюзанны Муди. Здесь мы, во-первых, видим подтверждение идеи о том, что социальный класс имел непосредственное влияние на характер дисциплинирования. Во-вторых, здесь видны элементы суверенной власти. Учитывая, что наблюдения Муди имели эмпирический характер, мы можем увидеть, что дисциплинарная власть все же использовала методы суверенной.

Размышления Грейс показывают, что она – часть системы: «Я образцовый заключенный и не доставляю никаких хлопот. Так говорит жена губернатора, я подслушала, как она это говорила» [2, с. 5]. Она начинает свои фразы с шаблонов, которые сначала кажутся прямыми заявлениями о себе, а потом меняют шаблон, указывая на кого-то другого («Я образцовый заключенный», «Так говорит жена губернатора»). Вместо того чтобы отождествлять себя с другими заключенными и формировать некую коллективную единицу, Грейс классифицирует себя как отличающуюся и в чем-то превосходящую своих сокамерников («образцовый заключенный»), который соответствует модели Фуко.

В своем первом рассказе психиатру Саймону Грейс говорит: «Вам следует спросить адвокатов, судей и газетчиков, похоже, они знают мою историю лучше, чем я сама» [2, с. 46]. Взаимосвязь между властью и знанием, как это звучит у Фуко, здесь становится ясной. Практика власти, осуществляемая в пенитенциарных учреждениях, а также юридическими и научными сообществами, направлена на то, чтобы превратить Грейс, оказавшуюся в маргинальном положении и, следовательно, в безвластии, в узнаваемую личность, подлежащую надзору и контролю.

Однако речь Грейс раскрывает не только ее мысли по поводу системы, но еще и ее безумие: «Грейс говорит на ломаном языке, где семиотика постоянно нарушает символическое и обнажает пустоту, которая скрывается в ядре языка и которая одновременно создает и рассеивает понятие “субъект”. Язык становится отсутствующим, когда он пересекает виртуальное или психическое пространство, где он превращается в простой образ самого себя. “Субъект” построен на этом пространственном отсутствии и отраженной тени, но язык нарушает и отбрасывает понятие “субъекта”, тем самым допуская возможность сумасшедшего человека» [6]. Безумие становится внутренним состоянием, которое не очевидно для остального мира. Тем не менее у Грейс есть симптомы, «крошечные трещины, крошечные шорохи, которые могут взорваться чудовищным преступлением» [3, с. 205].

Фуко выделяет три «фигуры безумия»: слабоумие, мания и меланхолия, истерия и ипохондрия. Именно благодаря третьей фигуре начинает свое развитие психиатрия, которая описывает связь психических расстройств и морального аспекта. Именно истерией была больна, по мнению врачей, Грейс. В романе Этвуд в дополнение к страданию от травматической амнезии и утверждению, что Грейс потеряла часть своей памяти, связанную с исполнением убийств, героиня подвержена ужасающим галлюцинациям, припадкам, обморокам, сомнамбулизму и эпизодам двойного сознания – симптомам, типичным для истерии. Психоаналитический метод Джордана не в состоянии проникнуть в амнезию Грейс и «разбудить ту часть ее разума, которая дремлет» [2, с. 131]. Доктор позволяет героине подвергнуться гипнозу в руках доктора Джерома Дюпона. В этой ключевой сцене Грейс находится в гипнотическом трансе, и ко всеобщему изумлению появляется альтернативная личность, утверждающая, что она дух Мэри Уитни, подруги Грейс, которая умерла несколькими годами ранее от неудачного

аборта. «Она же Грейс» подчеркивает, что болезнь истерии проявилась, когда женщины как из низшего, так и из среднего класса выходили за рамки отведенного им места в домашней сфере. Мэри Уитни, например, оказывается особенно истеричным человеком из-за демократических взглядов.

Стоит отметить следующую особенность восприятия состояния героини автором романа. Она ставит под сомнение и диагноз Грейс, и явление истерии (в особенности в отношении женщин) как таковое. Однако, как нам представляется, наличие истерии у Грейс неоспоримо. Социальная мобильность героини и всяческие потрясения могли спровоцировать у нее психическую болезнь. Также стоит помнить, что XIX век – период урбанизации, из-за чего большинство представителей низшего и среднего класса находились в состоянии аномии.

Сама медицина и психиатрия всегда будут объектами наблюдения надзирателем, как отмечает Фуко, никогда не будет происходить диалога между наблюдателем и безумцем, так и между Грейс и доктором Саймоном не было никакого диалога. Она тщательно скрывала свои мысли, а он, слушая ее рассказ о жизни, никак на него не реагировал.

Расцвет медицинского дискурса психологии в девятнадцатом веке превратил тело в главную тайну, которая скрывалась под сознательным, рациональным умом и подразумевала, что это была одна из основных причин безумия. Это обеспечило то, что Фуко считал «переплетением двух великих технологий власти: одной, которая фабриковала сексуальность, а другой, которая отделяла безумие» [7, с. 185]. Тем не менее, под видом заботы о сумасшедших два дискурса объединяются в образе доктора. Как отмечает Шоултер, «врачи в девятнадцатом веке думали, что приручение безумия в убежище перевоспитало бы сумасшедшую женщину в социальном плане и обеспечило бы ее работой» [8, с. 31]. Этот концепт раскрыт в размышлениях Саймона Джордана в отношении Грейс: «Эмоция, которую она наиболее открыто выражает по отношению к нему – это сдержанная благодарность» [2, с. 422].

Таким образом, повествование в «Она же Грейс» построено на рассказе главной героини истории ее жизни психиатру Саймону Джордану. Тонкое раскрытие Этвуд того, как дискурсы создают отношения власти и культурные идеологии, имеет много общего с работами Фуко о дискурсах, безумии, власти, знании и сексуальности. Сандра Кумамото Стэнли справедливо отметила, что в романе Этвуд «Грейс воспринимается как непокорное тело, которое должно быть определено, классифицировано, сдержано» [10, с. 374].

Во время суда и после него средства массовой информации представляли Грейс по-разному: как невинную, злую, хитрого манипулятора, сумасшедшую или просто как жертву. Люди, которые писали о Грейс, спроецировали на нее все представления девятнадцатого века о женщинах, преступности, безумии, рабстве, классе и сексуальности. Этвуд показывает Грейс пойманной в ловушку формирующих дискурсов сексуальности, религии и институционализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ М.: АСТ, 2010.
2. Этвуд М. Она же Грейс. М.: Изд-во «Э», 2018.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы М.: AD MARGINEM, 1990.

4. *Barber M., McLean L. R.* Stories of Immigrant Isolation and Despair: Canadian Novels and Memoirs Since the 1850s L.: Palgrave Macmillan, 2016.
5. *Фуко М.* Другие пространства. Гетеротопии // М.: Проект International. 2008. № 119. С. 171–179.
6. *Toron A.* The Model Prisoner. Reading Confinement in *Alias Grace* // Toronto: Canadian Literature. 2011. Spring 2011. P. 12-28.
7. *Фуко М.* Психическая болезнь и личность/ СПб.: Гуманитарная академия, 2010.
8. *Showalter E.* The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830–1980. L.: Virago, 1987.
9. *Stanley S. K.* The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's «*Alias Grace*» // Tulsa Studies in Women's Literature. 2002. Vol. 2. №2. P. 371–386.

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КИТАЯ

CHINESE TRADITIONAL FESTIVALS THE CULTURAL HERITAGE OF THE CHINESE NATION

СЮЕ ЛИНА
XUE LINA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: 898510795@qq.com*

Статья посвящена проблеме сохранения и трансляции культурного наследия Китая, которое ярко представлено в традиционной праздничной культуре. Внимание уделяется функциональному содержанию четырех основных национальных праздников. Подчеркивается их значение в системе всемирного наследия, их роль в развитие национального единства и идентичности.

The article is devoted to the problem of preserving and broadcasting the cultural heritage of China, which is vividly represented in the traditional festive culture. Attention is paid to the functional content of the four major national holidays. Their importance in the World Heritage system, their role in the development of national unity and identity is emphasized.

Ключевые слова: китайские традиционные праздники; культурное наследие; идентичность; ценности.

Key words: Chinese traditional holidays; cultural heritage; identity; values.

Культурное наследие – понятие широкое и многоплановое, в которое входит как духовная, так и материальная культура, а также процессы и механизмы их трансляции и сохранения. Понятие «культурное наследие» связано с целым рядом других категорий теории культуры (культурные ценности, традиции, новаторство и др.), но имеет свой собственный объем, содержание и значение [1]. Так, Э. А. Баллер определяет его как «совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох, а в более узком смысле слова – как совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [2, с. 56]. На информационную составляющую как базовый компонент наследия обращает внимание и М. Е. Кулешова: «...наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [3, с. 41]. Информационно-временной аспект в определении понятия наследия подчеркивался также в проекте Декларации прав культуры, понимая под ним форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества [4, с. 11].

Сам термин «культурное наследие» появился относительно недавно. Впервые детальное его обоснование появилось в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО 1972 г., согласно которой в состав культурного на-

следия входят места, ансамбли и памятники, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, эстетики, этнологии, антропологии или науки. В процессе обсуждения Списка всемирного культурного и природного наследия соответствующее внимание было уделено и нематериальному культурному наследию. В 2003 г. 32-я Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла «Конвенцию об охране нематериального культурного наследия». Объем нематериального наследия четко определен в Конвенции, среди которого праздники получили беспрецедентное внимание, а их место в нематериальном наследии было уточнено [5, с. 39–40]. Это в полной мере свидетельствует о том, что национальные традиционные праздники являются неотъемлемой частью нематериального культурного наследия человечества.

Китайское культурное наследие является важной частью мирового культурного наследия. Китай официально присоединился к «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» в 1987 г. По состоянию на 28 июля 2021 г. 56 объектов всемирного наследия в Китае утверждены для включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (в том числе 38 объектов культурного наследия, 14 объектов природного наследия, 4 объекта двойного наследия, включая 1 транснациональный проект), занимая второе место в мире по количеству [6]. Китайское культурное наследие имеет двойственную природу, оно является не только памятью о прошлой жизни китайцев, но и фундаментом современного социокультурного процесса, без которого невозможно развитие страны.

Насчитывающая более пяти тысяч лет культура Китая содержит неизмеримое по глубине и масштабу культурное наследие, среди которого выделяются четыре самых важных традиционных праздника в Китае: Весенний праздник, Цинминский праздник, праздник Лодок-драконов и праздник Середины осени. Они были официально включены правительством в национальное нематериальное культурное наследие в мае 2006 г., а в 2008 г. правительство официально объявило их государственными праздниками. В то же время китайское государство также активно работало над тем, чтобы китайские традиционные фестивали стали мировым нематериальным культурным наследием. В сентябре 2009 г. праздник Лодок-драконов стал первым праздником в Китае, который был включен в Список всемирного нематериального культурного наследия [7]. Это должно было обеспечить правовые и институциональные гарантии защиты традиционной праздничной культуры правительством Китая посредством законодательства, государственных служб и других средств.

Нематериальное культурное наследие является тем сегментом культуры, который в форме духовных конструкторов обеспечивает уникальность национальной культуры, ее идентичность, составляет основу мирового культурного разнообразия, которое, в свою очередь является источником коммуникации, инноваций и творчества. В этом смысле культурное разнообразие является общим достоянием человечества, а традиционная праздничная культура создает для него почву [5, с. 41].

Праздничная культура – важная часть национальной культуры. Китайские традиционные праздники являются продуктом развития китайской нации на протяжении тысячелетий. Они несут в себе богатые исторические и культурные смыслы и представляют собой культурные пространства, в которых концентрируются и передаются по наследству духовные мировоззренческие представления людей, их эстетические вкусы, этические отношения и потребительские привычки.

Традиционные китайские праздники воплощают космологию гармонии между человеком и природой, отражают пути и формы взаимодействия между ними. Поскольку традиционная китайская праздничная культура возникла в аграрном обществе, она

эксплицирует способ экономического производства и образ жизни аграрного общества. Установление дат, выбор ритуалов и ритуальной пищи для традиционных праздников адаптированы к регулярным изменениям естественных условий, которые отражают уважение людей к естественным законам и идеалу гармонии между человеком и природой [8, с. 68]. Традиционные китайские праздники отражают социальные и культурные ценности, единства, красоты, верности, «сыновней почтительности» и «праведности» в Китае. Во время праздников люди проводят различные праздничные церемонии – поклонение предкам, новогодние поздравления, семейные визиты и общественные собрания, которые способствуют гармоничному развитию межличностных отношений и общества. В то же время традиционные китайские праздники могут выходить за границы регионов, классов, этнических групп, времени и пространства, что способствует сплочению национальных эмоций и культивированию патриотического духа, а также усиливает центростремительную силу и сплоченность китайцев.

Несомненно, традиционные национальные праздники оказывают влияние на современное общество и культуру Китая. Они в определенном смысле обеспечивают идеологическую основу для китайского государственного управления. Традиционные ценности гармонии, доброжелательности, праведности, благопристойности, верности и сыновней почтительности, содержащиеся в китайской традиционной праздничной культуре, продолжают играть важную роль в социально-экономическом и духовном развитии нации. В ноябре 2012 г. Коммунистическая партия Китая на 18-м Национальном конгрессе Коммунистической партии официально разработала основные социалистические ценности, резюмируя и обобщая основное их содержание на трех уровнях государства, общества и личности [9]. Среди них ценности гармонии, патриотизма, честности и дружелюбия были определены как фундаментальные. Это достаточно убедительное доказательство того, что традиционное культурное наследие представляет собой устойчивую конфигурацию и является базовыми установками национальной культуры, которые обеспечивают стабильность развития страны, с одной стороны, а с другой – являются источником ее инноваций.

Духовное значение праздников раскрывается в их возможности укрепить и развить национально-культурную идентичность. Их символическое содержание, ритуалы подчеркивают принадлежность к сообществу и нации, обеспечивают кумуляцию и трансляцию культуры от поколения к поколению. Более того, сохранение универсальности ключевых для Китая праздников сочетается с уникальностью их проведения в разных регионах и этнических общностях. Это способствует взаимному обогащению, разнообразию и культурному обмену: «С помощью действий, праздничной еды и искусства праздники способствовали обмену и интеграции национальных культур, стимулировали национальную гордость и патриотизм членов общества, укрепляли национальные чувства и национальную сплоченность» [8, с. 68].

Итак, традиционная культура является для китайской ментальности основой выживания и развития общества. Культурное наследие передается из поколения в поколение и сохраняется на протяжении длительного времени, составляя основу национальной культуры, личности и самобытности. Как культурное наследие китайская традиционная праздничная культура стала духовной особенностью страны и национальной культуры с ее чрезвычайно отличительными культурными символами и богатыми культурными коннотациями, а также оказалась важным связующим звеном для поддержания интеграции и единства китайской нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кругликова Г. А.* Сохранение культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://art-oleg.blogspot.com/2015/05/blog-post.html?m=1> (дата обращения: 01.05.2015).
2. *Баллер Э. А.* Социальный прогресс и культурное наследие. М : Наука, 1987.
3. *Кулешова М. Е.* Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов; сборник научных трудов. М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1994. С. 41–44.
4. Декларация прав культуры (проект). СПб: СПбГУП, 2000.
5. *Сяо Ф.* Традиционные праздники и нематериальное культурное наследие // Сюэюань: Изд-во Пекин, 2011.
6. Список объектов всемирного наследия в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9C%8B%E4%B8%96%E7%95%8C%E9%81%BA%E7%94%A2%E5%88%97%E8%A1%A8> (дата обращения: 16.03.2022).
7. Список традиционных народных обычаев в нематериальном культурном наследии Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.maigoo.com/goomai/215100.html> (дата обращения: 16.03.2022).
8. *Мяо Ж.* Исследование культурной ценности и функции традиционных праздников // Исследование социализма с китайской спецификой. 2016. С. 67–72.
9. Синьхуа как сеть телекоммуникации. Интерпретация основных социальных ценностей. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jn001.com/paperapp/content/content_89640.html (дата обращения: 08.01.2022).

КОНФУЦИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В КИТАЙСКОЙ МЕЖДУКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

CONFUCIAN SYMBOLS IN CHINESE INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ли Вэйвэй
LI WEIWEI

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: 757132551@qq.com*

В статье рассматривается процесс создания культурных символов и отмечается, что различные культурные символы передают разные культурные ценности, а также являются одним из важных средств межкультурного обмена. В статье раскрывается связь между культурными символами и географией, национальной психологией и политикой, а также актуализируется состояние конфуцианских символов как средства межкультурной коммуникации современного Китая.

The article discusses the process of creating cultural symbols and notes that different cultural symbols convey different cultural values, and are also one of the important means of intercultural exchange. The article reveals the relationship between cultural symbols and geography, national psychology and politics, and analyzes the development process and the current state of Confucian symbols as a means of intercultural communication in China.

Ключевые слова: культурные символы; межкультурная коммуникация; Конфуцианские символы; процесс развития.

Keywords: cultural symbols; intercultural communication; Confucian symbols; development process.

Культура – это совокупность материальных и духовных богатств, созданных и накопленных всеми народами в ходе их длительной жизнедеятельности. Преемственность истории и общественного прогресса не только влияет на наследование и развитие культуры, но и заставляет культуру продолжать накапливаться. С изменением времени и непрерывным развитием национальные культуры разных стран сформировали свои собственные особенности, отражающие основные идеалы и ценности каждой этнической группы, а также стали главным содержанием национального духа разных народов. В новом столетии удобные сети и транспорт сделали страны более тесно связанными, а культурные обмены стали осуществляться более глубоко и в гораздо более широком масштабе. При такой коммуникации формирование культурных символов способствует наследованию и распространению культуры, а также демонстрирует многообразие человеческих цивилизаций.

Культурные символы имеют национальную и временную принадлежность и богатое разнообразие. С точки зрения культурной географии, различные природные географические условия могут формировать различные культурные привычки, культурные представления и культурную идентичность. Когда природный или рукотворный предмет, существующий в определенной географической среде, наделяется определенным культурным смыслом, эта объективно существующая вещь становится одним из куль-

турных символов нации. Так, в Китае такими символами являются река Хуанхэ, пик Джомолунгма и др., в Беларуси – Беловежская пуца, озеро Нарочь, река Неман и др. С точки зрения культурной психологии люди создали различные национальные культуры в процессе использования и преобразования природы. Это влияет на сознание и поведение будущих поколений, тем самым способствуя непрерывному развитию культуры и формированию культурно-психологической структуры различных этнических групп. Мифы, легенды, обычаи и культурный смысл животных и растений разных этнических групп – все это специфические культурные символы каждой этнической группы, а также уникальные культурно-психологические структуры, сформированные каждой этнической группой в культурном процессе. Например, в Беларуси, аист является символом мудрости и миролюбия, василек – символом нежности, преданности и надежности, зубр – символом храбрости и силы и т.д. В Китае феникс из мифов и легенд является символом мира и счастья, дракон считается символом благородства и успеха, а китайская панда – символом добра, мира и единства. Культурные символы также тесно связаны с политическим и историческим развитием нации. Например, цветовые символы национальных флагов разных стран имеют разные культурные репрезентации. Красный цвет у китайского народа демонстрирует борьбу и стремление людей к лучшей жизни. Желтый символизирует цвет кожи китайского народа. В древней китайской истории желтый цвет также символизировал власть и богатство.

В новом столетии вместе с непрерывным развитием Китай постоянно выступал за распространение китайской культуры и осуществил «выход» культуры в мир. Конфуций стал одним из самых влиятельных и широко известных китайских культурных символов. С момента зарождения конфуцианства до настоящего времени прошло более 2500 лет. С непрерывным распространением и растущим влиянием последователей Конфуция его учение стало официальной школой и идеологией во времена династии Западная Хань в Древнем Китае, а также основной культурой, которая затронула все уровни китайского общества и оказала глубокое влияние на китайские социальные обычаи и культуру.

В узком смысле конфуцианство – это культура Конфуция, а в широком – это общий термин для обозначения выдающейся традиционной китайской культуры, представленной конфуцианством [1, с. 32]. В межличностных отношениях конфуцианская культура утверждает, что нужно быть требовательным к себе и терпимым к другим, а также то, что люди, соблюдающие это правило, благородны и добродетельны. В семейных отношениях конфуцианская культура придает большое значение гармонии, а также делает акцент на уважении к старшим и любви к младшим. Что касается социального порядка, конфуцианство подчеркивает важность гуманности и этикета и предлагает людям заботиться друг о друге, любить других, а также сознательно придерживаться этикета и соблюдать общественный порядок. В Древнем Китае конфуцианство играло важную политическую роль и служило государственному управлению. В современном Китае конфуцианство также пережило стадию ослабления, особенно во время Культурной революции, во время которой данной философии был нанесен серьезный ущерб. Только после начала политики реформ и открытости эта символическая тенденция постепенно возобновилась. После тяжелых исторических испытаний гуманность и гармония, которые представляет конфуцианство, объединились с внешней политикой Китая, направленной на поддержание мира во всем мире и содействие общему развитию. Современный мир – это мир разнообразия. Разные страны и культуры должны учиться на лучших сторонах друг друга, искать точки соприкосновения, сохраняя при этом некоторые различия и сосуществуя в гармонии, и совместно строить лучшее будущее для человеческого сообщества.

Выбор дипломатической стратегии Китая тесно связан с традиционным конфуцианством. Будучи культурным символом Китая, конфуцианство имеет долгую историю межкультурной коммуникации со странами всего мира. Со времен династии Хань конфуцианская мысль постепенно распространилась на Японию, Корейский полуостров, Юго-Восточную Азию и другие территории и оказала глубокое влияние, сформировав конфуцианский культурный круг, независимый от западной цивилизации. Со времен династии Мин конфуцианство впервые было представлено западному миру католическими миссионерами. Таким образом, китайская и западная цивилизации встретились. Филипп Куплет из Голландии в 1687 году в Париже опубликовал книгу на латыни «Конфуций, философ китайцев, или китайское знание, объясненное на латыни», а вскоре вышли также переводы на французский и английский языки [2, с. 89–90]. В новую эпоху ЮНЕСКО включила Конфуция в список десяти крупнейших культурных знаменитостей мира, и статус Конфуция, как китайского культурного символа, еще более укрепился.

В целях дальнейшего содействия обмену китайской культуры с внешним миром и создания положительного международного имиджа роль Конфуция, как символа китайской культуры, постоянно растёт. С 1984 года, каждый год в день рождения Конфуция (28 сентября по григорианскому календарю), в китайском городе Цзинин (в городском уезде Цюйфу) проводится Международный фестиваль конфуцианской культуры в Китае, посвященный выдающемуся вкладу Конфуция в культуру и укреплению международного культурного обмена и сотрудничества. Церемония открытия фестиваля конфуцианской культуры 2008 года была приурочена к третьей церемонии вручения премии ЮНЕСКО в области образования имени Конфуция. В 2021 году в Цюйфу провинции Шаньдун в рамках Международного фестиваля конфуцианской культуры состоялся «Седьмой Нишаньский Всемирный форум цивилизаций». Также в рамках этого форума впервые был проведен отдельный Всемирный форум по проблемам традиционной китайской медицины. В связи с эпидемией состоялась дискуссия на тему «Традиционная китайская медицина в общем будущем человечества», целью которой было изучение основных ценностей традиционной китайской медицины и усиление ее влияния в мире. Этот форум собрал большое количество отечественных и зарубежных экспертов и ученых с выдающимися академическими достижениями и хорошим инновационным потенциалом для содействия академическому обмену между учеными из разных регионов. Руководствуясь символами Конфуция, Китай укрепляет культурный обмен с зарубежными странами и в определенной степени расширяет влияние и коммуникативную силу китайской культуры [3].

В рамках Международного конфуцианского культурного фестиваля, в новом столетии символ конфуцианства, как одного из важнейших средств межкультурного обмена в Китае, главным образом, отражается в создании и постоянном увеличении числа «Институтов Конфуция», названных в честь великого мыслителя. Первый Институт Конфуция был открыт в 2004 году в Южной Корее. В качестве одного из важных способов коммуникации китайской культуры с зарубежными странами государство использует «Конфуция», наиболее типичный культурный элемент с глубокой исторической традицией, как символ для внешнего проявления образа Китая. Отсюда видно, что конфуцианская культура, представленная Конфуцием, играет важную роль в процессе культурного развития Китая. Появление Института Конфуция позволило еще большему количеству людей, интересующихся китайской культурой, получить возможности для получения образования. По состоянию на апрель 2020 года в 162 странах (и регионах) по всему миру создан 541 институт Конфуция и 1170 классов Конфуция. В процессе по-

степенного развития Института Конфуция система его устройства и план размещения также совершенствовались [4, с. 99–101].

Одним из наиболее важных способов обмена китайской и зарубежных культур является распространение китайского языка. Институты Конфуция направляют продвижение китайского языка на крупномасштабный, систематизированный и нормализованный путь развития. Институт Конфуция рассматривает преподавание китайского языка в качестве своей основной работы. Одновременно с преподаванием языка он также знакомит учащихся с конфуцианством и другими выдающимися достижениями китайской традиционной культуры в различных формах, таких как конкурс «Китайский язык – мост», каллиграфия, вырезание из бумаги, песни, фильмы и т.д. Благодаря методике и содержанию обучения, духовные ценности конфуцианской культуры интегрируются и взаимодействуют с другими культурами. Вся деятельность Института Конфуция осуществляется посредством личного общения и обмена между проводником культуры и ее получателем. В этом процессе также происходит обмен и личностными качествами. Культурная передача не является односторонней. В процессе преподавания китайского языка получатель китайского языка и китайской культуры также делится историей своей страны и знакомит с культурой своего народа. Си Цзиньпин однажды отметил, что цивилизации общаются благодаря разнообразию, учатся друг у друга благодаря обмену и развиваются благодаря взаимному обучению. Ни одна культура не развивается изолированно. Обмен и взаимное обучение являются важнейшими требованиями для развития цивилизации [5]. Это также является воплощением понятия «взаимность» из конфуцианской культуры.

Существует множество китайских культурных символов, таких как китайский Новый год, боевые искусства, Пекинская опера и др., которые также могут использоваться в качестве культурных элементов для общения с другими цивилизациями. Однако культурные ценности, содержащиеся в этих культурных символах, не могут в полной мере продемонстрировать духовные ценности выдающейся традиционной и современной китайской культуры. Эти символы по своей природе не являются универсальными. Являясь представителем традиционной китайской культуры, конфуцианская культура представляет идеологические ценности, такие как «гуманность и справедливость» и «человеколюбие», которые способствуют международному распространению современной китайской культуры, избегают жестких установок и соответствуют главной идее развития современного мира, которая заключается в «гармонии и общем развитии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цзунтянь Л., Сонг Л., Кекун Ю. Полный перевод четырех книг Гуйянь: Народное изд-во Гуйчжоу, 1988.
2. Ци Ч. Исследование символов Конфуция на фоне глобализации // Журнал образовательных исследований Ланьчжоу. 2019. № 3. С. 89–90.
3. Хуа Г. 2021 Китайский (Цюйфу) Международный культурный фестиваль Конфуция Открытие 7-го Нишанского форума мировых цивилизаций [Электрон-

ный ресурс]. URL: http://www.chinakongzi.org/zt/bazhounian/lunbotu/202111/t20211122_544536.html (дата обращения: 10.03.2022).

4. *Сянъин М.* Эффект межкультурной коммуникации Института Конфуция и пути ее улучшения: дилемма и стратегия // Журнал Университета Суйхуа. 2019. № 12. С. 99–101.
5. *Цзиньпин С.* Программная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия Конференции по диалогу цивилизаций Азии [Электронный ресурс]. – URL: http://nrcxj.com/index.php/News/info/cate_id/48/id/3382.html (дата обращения: 10.03.2022).

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ШЛЯХТЫ И ГОРОЖАН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XVII В.

REFLECTION OF THE CULTURE OF EVERYDAY OF THE NOBLE AND CITIZENS IN THE WORKS OF THE 17th CENTURY

А. В. МОНЧАК
V. МОНЧАК

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: aleksandramonchak@gmail.com*

В статье рассматривается культура повседневности представителей шляхетского сословия и горожан через произведения XVII в. Утверждается, что важные сведения о быте, политической и экономической жизни Великого княжества Литовского содержатся в Могилевской хронике, Баркулабовской летописи, а также произведениях историко-мемуарной литературы. Автор отмечает, что не менее важным источником являются инвентари, например, «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. (Сморгонь)».

The article discusses the culture of everyday life of representatives of the gentry and townspeople through the works of the 17th century. It is argued that important information about the life, political and economic life of the Grand Duchy of Lithuania is contained in the Mogilev Chronicle, the Barkulabov Chronicle, as well as works of historical and memoir literature. The author notes that inventories are an equally important source, for example, «Inventories of the magnate possessions of Belarus in the 17th–18th centuries. (Smorgon)».

Ключевые слова: шляхта; горожане; Могилевская хроника; Баркулабовская летопись; инвентари; дневники.

Keywords: nobility; townspeople; Mogilev chronicle; Barkulab chronicle; inventory; diaries.

Важным источником политической, экономической жизни Великого княжества Литовского выступают городские хроники, среди которых особое внимание заслуживает хроника Сурты-Трубницких, или Могилевская хроника. Заглавие в переводе советского историка Николая Николаевича Улащика гласит: «Хроника. Эта книга его милости пана Александра Трубницкого. Списана Юрием Трубницким, регентом Могилевской городской канцелярии, в 1747 году 30 июля из разных историков, а частично из своей памяти, чтобы сохранить в памяти, что происходило в городе Могилеве и в разных [других] городах, какие вторжения, войны и другие события [происходили]. Все это без обмана записано, как было в действительности, и грядущему столетию к сведению подано в 1747 году» [4]. В ней также можно обнаружить важные сведения о том, что жители того времени использовали в быту, что любили употреблять в пищу и др.

Стол шляхтича, а также зажиточных горожан был полон различными яствами. Так, например, запись за 1682 г. гласит: «Żniwa w tym czasie były obfite, żemiarkażyta, garcy 10 w sobiemaiąca, byłaro g[rosz]ę 13 u 14» [4]. Суть предложения заключается в том, что данный год был урожайным, в особенности на рожь. Именно из нее готовились различного рода блюда. Рожь считалась самым распространенным продовольственным сырьем, из которого пекли хлеб и другие изделия. Данное хлебобулочное изделие также часто упоминается в хронике.

Помимо ржи, в летописи несколько раз упоминается овес и пшеница, на основании чего можно сделать вывод, что это также популярные культурные растения.

Из выпечки, после ржаного хлеба, были распространены ситницы («chlebsitny»), печенье («sucharze»).

Широко среди господствующего сословия, высшего слоя горожан было распространено мясо. В летописи больше всего упоминается мясо «gąski, prosięta», «swinie» и «bydłarogategosztuk» (пер. утки, поросята, свиньи и крупный рогатый скот) [4].

Особенно важным продуктом у всех сословий выступала «rybu» – рыба (в свежем виде или изготовленная впрок) [4]. В Могилевской хронике упоминается именно «jesiotra», что в переводе означает осетр. Одному из древнейших занятий белорусов – бортничеству – также уделялось не мало времени. «Miod» выступал распространенным напитком не только среди шляхтичей [4].

В XVI–XVIII вв. повсеместно на территории Беларуси занимались варкой пива. Привилегией шляхетского сословия было то, что именно ему разрешалось изготавливать вино. Во многих имениях строились так называемые «бровары», где его и производили. Шляхта, в отличие от других сословий, употребляла «winem» не только в праздники, но и в повседневном быту. Также в Великом княжестве Литовском была распространена «wodka», привезенная в конце XVI в. [4].

Изредка в летописи упоминаются предметы быта, например, бочки, тарелки, ножи, столы.

Также нельзя не отметить белорусско-литовскую летопись, составленную в конце XVI–начале XVII в. на западнорусском языке. Это так называемая Барколабовская летопись. В ней также отражаются элементы быта того времени. Так, благодаря ей, можно узнать, что входило в рацион жителей ушедшей эпохи. В летописи выделяются: «хлеб», «рыба», «жито, яри», «овсы, ячмени», «вино», «гречихи», «мед», «пива варити, горелку курити», «горох, боб, маки», «проса, репа», «капусты ведро кислое 3 грош[и]», «конопельчверть 50 грош[ей]», «ботвинье, цибуля», «кобанов 50, сал свиных 100», «куров пятсот», «ягод, яблук, иных овощей», «грибов», «чоснику» [1].

Больше сведений о том, что входило в рацион белорусских шляхтичей и шляхтянок, богатых мещан содержится только в инвентарях, а также в описаниях хозяйственных помещений для хранения продуктов, оборудования и сырья; праздничных обильных застолий, квитанциях. Так, можно выделить «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. (Сморгонь)». В них помимо вышеперечисленных продуктов также отмечаются: белые хлеба, булцата, калачи, каравай, «пампушки», лепешки-«лапуны», блины, каши, которые варили из пшеницы, гречки, ячменя, овса, словом, из всех круп, выращиваемых на территории Беларуси; морковь, редька, «бурак», перец, горчица, гвоздика, лавровый лист, кардамон, шафран, яблоки, вишни, сливы, груши, смородина, крыжовник и др. [3].

Стоит отметить, что таким разнообразием характеризовались столы шляхтичей, представителей высших слоев горожан, что нельзя сказать про низшие слои общества. Их рацион питания был довольно скуден, что нашло отражение в интермедиях, другого рода литературе, антикрепостнического характера.

Также благодаря Могилевской, Баркулабовской летописи, некоторым произведениям историко-мемуарной литературы, можно узнать и о тех или иных предметах быта. Чаще всего упоминались стол, горшки, бочонки, ножи, ложки и др. Более подробный перечень можно узнать из инвентарей, где не просто указывается название предмета, но и то, из какого материала оно изготовлено. Так, стоит отметить, что посуда у шляхтичей и шляхтянок, высших слоев мещанства была металлическая, оловянная, медная. Огромное количество серебряных и золотых сосудов; посуды из керамики (фаянсовая

посуда), стекла находилось в магнатских имениях. У крестьян и некоторых представителей мещанства же посуда была изготовлена из дерева.

Особое внимание в своей повседневной жизни шляхта, а также горожане с высоким достатком уделяли внешнему виду. Причем большие средства они тратили на вещи не только, как говорится, для «выхода в свет». Одежда стала в определенном роде символом знатного происхождения, культурным идеологическим кодом. Более того, она выступала одним из важнейших этнических признаков, в целом, стала своеобразным символическим текстом, отражающим менталитет шляхты и этноса, их характер, уровень как материальной, так и духовной культуры.

Стоит отметить, что литературные памятники XVII в. не изобилуют детальным описанием одеяний представителей той эпохи. Так, например, в Баркулабовской летописи упоминались только шапки, а также «кожух плохий, шлык баряный» [1]. Детальнее же об излюбленных одеяниях высших сословий общества можно узнать из описания их имений. Так, благодаря подобного рода документам, исследователи смогли выявить, какие ткани были в приоритете (так, использовались фалендыш, мухаяр, «камлот» или «чамлет», «каўтраш, хаба, сярмяга», «каламайка, капица, сибирка» и др.) и какие одеяния из них изготавливали (рубашки, портки, платье с рукавами и воротником, саян, андараки, безрукавки, юпки, жупан, доломан, кунтуш, ферязь, кафтан, шубы. Кроме того, можно выделить такую верхнюю одежду как «аднарадка, епанча, мятлік, капеняк, армяк, дэлія, ферэзія, чуга, бурка, кафтан, бекеша, плашч, газука, дэлюра, даламан, зіпун, сукман, катанка, ахабень, лакатуха, казакін, цегіляй, тарлоп, венгерка, чамара, кірэя, шуба, кажух, тулуп, сярмяга» и др. [5, с. 94–96]. Что же касается головных уборов, то можно выделить платки, которыми женщины повязывали голову, шапки, конфедератки, кучму, шлык и др.).

Форма одеяний, богатство тканей, обилие натурального меха – все это выступало своеобразным символическим текстом, позволяющим многое рассказать об их владельце, о его статусе, месте в обществе. Статусная роль одежды была зафиксирована законом. Так, например, в XVII в. на сеймах Речи Посполитой (1613 г., 1620 г. и 1665 г.) были приняты постановления, согласно которым только шляхта имела право носить одежду из шелка, бархата, меха, из тканей цвета пурпура. Кроме того, им позволялось иметь при себе ордынку (один из распространенных типов саблей в Восточной Европе), саблю, меч; носить всевозможные украшения из серебра, золота, жемчуга.

Большинство представителей магнатерии держали открытый стол для приехавших на некоторое время гостей, а найти повод для посещения было достаточно просто.

Так, например, на званые обеды князя Василия-Константина Острожского шляхтичей и шляхтянок приглашали со всех ближайших земель. Для развлечения присутствующих приглашали итальянских музыкантов, а также придворного обжору, который возбуждал аппетит у гостей.

На приеме у дочери волынского воеводы Анны-Алоизы-Острожской гостей забавляли двое карликов и две карлицы. Так, Альбрехт Станислав Радзивилл, князь литовский, в гостях у своего друга, магната гетмана Станислава Конецпольского летом 1643 г. стал свидетелем таких развлечений: «В костеле в Подгорцах, всем на посмешище, венчались уродливые карлик и карлица. После этой неслыханной и очень смешной церемонии молодые сели с нами за один стол и принимали участие в торжественных танцах. Что происходило между ними потом, смех не позволяет написать» [2].

В начале застолья шляхтич-хозяин пил за здоровье каждого пришедшего гостя, которые обязаны были отвечать ему взаимностью. После подачи горячих яств тосты начинали произносить и сами гости. При этом за каждого приглашенного пили стоя. Краткие

тосты на застольях не приветствовались. Напротив, в приоритете была замысловатость, насыщенность речи, обилие пожеланий, благодаря чему говорящие возвышали не только хозяина, но и демонстрировали свои способности, таланты.

Выпивки на подобных мероприятиях было очень много и нередко в конце они превращались в побоище, поэтому женщины, присутствовавшие на трапезе, уходили как-только это мероприятие превращалось в пьянство.

Важное место в жизни шляхетского сословия отводилось свадебным церемониям, которые могли длиться несколько дней, а то и несколько недель. На их подготовку и проведение уходили большие суммы. На свадьбу в качестве подарка преподносили деньги, мебель, посуду, всевозможные ткани и одеяния, украшения и др.

Званные застолья, балы, встречи в частных домах или общественных местах, свадьбы, а также путешествия и мн. др. шляхта стремилась отразить в своих дневниках.

Среди историко-мемуарной литературы того периода хочется отметить мемуары Обуховичей, а также дневник новгородского шляхтича Федора Евлашевского. Так, например, Евлашевский в своей работе точно передает не только факты из политической жизни города, но дает детальное описание своей женитьбы, рождения и смерти детей и мн. др.

Таким образом, можно сказать, что ценными памятниками, в которых нашла отражение повседневная жизнь представителей шляхетского сословия и мещан XVII в. выступают летописи, хроники, произведения историко-мемуарной литературы, а также инвентари и др., в которых представлены сведения о пище, предметах быта, некоторых видах одеяний и мн. др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баркулабовская летопись [Электронный ресурс]. URL: https://mir-knig.com/read_43389-1/ (дата обращения: 05.10.2021).
2. Даневская И. Чем развлечься галицкому шляхтичу перед восстание Хмельницкого [Электронный ресурс]. URL: <https://was.media/2018-03-27-chem-razvlechsja-galickomu-shljahtichu/> (дата обращения: 22.10.2020).
3. Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. Владение Сморгонь / Главное архивное управление при СМ БССР, Институт истории АН БССР, Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске. Минск : Наука и техника, 1977.
4. Могилевська хроніка Т. Р. Сурти й Ю. Трубницького [Электронный ресурс]. URL: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov30.htm/> (дата обращения: 29.10.2021).
5. *Парашкоў Г. П.* Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1: Абаленскі – Кадэңцыя / Рэдка л.: Г. П. Пашкоў (гал. Рэд.) і інш.; Маст. З. Э. Герасімовіч. Мінск: БелЭн, 2007.

ОБРАЗ ВОДЫ В ТРАДИЦИОННОМ РОДИЛЬНОМ ОБРЯДЕ БЕЛОРУСОВ

THE IMAGE OF WATER IN THE TRADITIONAL MATERNITY RITE OF BELARUSIANS

Е. И. НАЙМУШИНА

E. I. NAIMUSHINA

*Белорусский государственный университет
ул. Курчатова, 5, 220045, Минск, Республика Беларусь
e-mail: K2465790@yandex.by*

В статье рассматривается роль и значимость образа воды в традиционном родильном обряде белорусской культуры. Здесь вода выступает элементом, с помощью которого можно повлиять на всю дальнейшую жизнь ребенка. Через первое ритуальное купание младенец присоединялся к своему роду, принадлежность к которому, является абсолютной ценностью белорусской культуры.

The article discusses the role and significance of the image of water in the traditional birth ritual of the Belarusian culture. Here water acts as an element with which you can influence the whole future life of the child. Through the first ritual bathing, the baby joined his family, belonging to which is an absolute value of the Belarusian culture.

Ключевые слова: вода; родильная обрядность; ритуал; культура Беларуси; традиционная национальная культура.

Keywords: water; childbirth rituals; ritual; culture of Belarus; traditional national culture.

Образ воды является важным символом не только белорусской, но и всей мировой культуры. Ее духовный смысл сохраняется и транслируется через целую систему культурных образов. Многовариативность образной и символической интерпретации воды позволяет рассмотреть ее сложную и многоступенчатую структуру, которая находит свое отражение в различных культурных проявлениях и активно включена во многие области духовной культуры белорусов, такие как традиции, обряды, ритуалы и т. д. Строение образа воды обладает сложной организацией, которое получает отражение в сложной структуре тематических групп, которые ее составляют: водные пространства и водоемы; формы существования воды; характер движения воды; действия, производимые в воде, с водой, при помощи воды; состояния воды; свойства воды.

Значимость образа воды в сознании белорусов сложилась в процессе исторического развития белорусского народа и географического положения. Представить существование человека без воды невозможно. А в связи с тем, что белорусские земли не окружены крупными морями или океанами, каждый источник воды для такой территории является жизненно важным. Стоит также дополнить, что преимущественным типом хозяйственной деятельности у белорусов являлось земледелие, которое также не может успешно существовать без воды. Белорусская традиционная культура имеет большое количество песен, поговорок и ритуалов, направленных на обращение к божествам с целью вызывания дождя. Такие ритуалы являются очень древними и присущи большинству культур, которые имели языческую базу. Например, на Полесье во время засухи оплакивали мифического утопленника Макарку, с целью вызвать дождь жители размешивали воду в колодце палками и голоса: «Макарко-сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по

святой земле!». Стоит сказать, что образ воды имеет достаточно двойственную природу. С одной стороны, вода является основой человеческого организма и, следовательно, главным элементом необходимым для жизнедеятельности, с другой – вода может быть разрушающей силой, которую сложно сдержать и практически невозможно остановить.

Вода как основа человеческой жизни и дала основу сакрализации ее в качестве мощной защитной и очищающей силы. Именно в качестве оберега и защитной субстанции вода выступает в родильном обряде. Родильные обряды с использованием воды отражали не только верования белорусов, но и имели глубокий психологический смысл. Так, в классическом психоанализе вода связывается с рождением, с родами, с водами материнской утробы. З. Фрейд первым исследовал психологическую составляющую образа воды в сновидениях. По его мнению, процесс рождения в сновидении часто отождествляется с отношением к воде. Выходить из воды, входить в нее или находиться в ней означает рождать или рождаться. Фрейд подчеркивает, что такое значение образа воды также можно обосновать историей развития человека. Не только тем, что все земные живые организмы, в том числе и человек, произошли от водных организмов, но и тем, что каждый человек проходит начальную фазу своего развития в форме эмбриона, который окружен околоплодной жидкостью в организме матери, как в воде, а при процессе рождения, как бы покидает ее.

К. Г. Юнг рассматривал образ воды через теорию архетипов. Так в своем произведении «Либи́до, его метаморфозы и символы» исследователь отмечал: «Субстанциальные свойства воды, приносящей Молодость, мы реализуем лишь тогда, когда в собственных грезах обнаруживаем мифы о рождении; воду, обладающую материнским могуществом; воду, оживляющую после смерти, по ту сторону смерти» [6, с. 287]. Так же ученый называл воду «материнским символом». Смерть в воде ученый рассматривал как возврат к тому, чтобы родиться заново. Так же Юнг рассматривает воду и через символику коллективного бессознательного. В своей работе «Архетип и символ» он писал: «Вода является чаще всего встречающимся символом бессознательного. Покоящееся в низинах море – это лежащее ниже уровня сознания бессознательное по этой причине оно часто обозначается как “подсознательное”... Психологически вода означает ставший бессознательным дух» [5, с. 58]. Отсюда мы видим, что образ воды со всеми своими свойствами глубоко впечатан в культурный код всего человечества на подсознательном уровне.

В традиционной обрядности белорусов важное место занимали верования и ритуалы, связанные с рождением ребенка. Комплекс родильной обрядности можно условно разделить на несколько частей: беременность, процесс родов и послеродовые действия, которые, были направлены на защиту ребенка до крещения т.е. до приобщения его к защите Бога. Вода, как основной элемент существования была неразрывно связана с этим процессом. Обмывание водой или окунание в нее являлось важным обрядом защиты от злых духов. Купание в воде символизировала ритуальную смерть и возрождение в новом статусе. Так ребенок, который прошел процесс рождения и «переродился» (родился на этом свете), обязательно купали в воде, чтобы смыть следы прошлой (внутриутробной) жизни. Первое купание становилось отправной точкой в процессе социализации и приобщении ребенка к роду.

Важным событием послеродового периода было первое ритуальное купание новорожденного. Во время первого ритуального купания применялся целый ряд атрибутов, с помощью которых можно было сформировать будущую судьбу новорожденного. Так в купель для купания девочки клали девять или сорок зерен жита, чтобы она выросла здоровой и смогла родить детей, продолжить свой род. Также добавляли немного свежего молока, чтобы лицо было белое и чистое, использовали лекарственные травы, на-

пример, ромашка или чистотел. Под купель складывали гребень, веретено и лен, чтобы девушка была хорошей хозяйкой и умела прясть и ткать.

Во время первого ритуального купания мальчика выполняли примерно такие же действия. В купель клали зерно с той же целью, что и для девочки, для формирования способности к продолжению рода. Клали перстень отца как будущему преемнику родительского рода и как символ надёжной родовой защиты будущего охотника и воина, которому практически всю жизнь придётся быть за пределами своего жилья. Под купель мальчика клали топор или молоток, чтобы в дальнейшей жизни мальчик вырос умелым и трудолюбивым. В более поздние времена в некоторых районах Беларуси клали под купель книгу, чтобы ребёнок был умным и образованным человеком. Полагали, что тогда его жизнь будет лёгкой и богатой.

Также большое значение имело и то, что будет после завершения купания младенца. Так, воду, в которой купали мальчика, выливали под яблоню, чтобы был богатым, когда будет продолжать свой род. Воду, в которой купали девочку, выливали под вишню, чтобы она была красивой и в будущем одела белое свадебное платье. На Полесье, например, воду выливали под порог, чтобы девушка быстрее вышла замуж, т.е. «переступила порог», перешла в другой статус – статус жены.

Относительно первого ритуального купания ребёнка и всех последующих на протяжении первого года жизни существовало ещё несколько важных условий. Так, у всех славянских народов не рекомендовалось купать ребёнка после захода солнца. Если вдруг такое случалось, то воду выливали только наутро и только в сторону солнца, а также нельзя было мыть что-либо ещё в той же воде, в которой купали ребёнка. Это могло спровоцировать тяжёлые кожные заболевания. После первого купания ребёнка заворачивали в белые пелёнки и сверху перевязывали красным поясом оберегом. Первое ритуальное купание было тем рубежом, после которого ребёнок уже полностью переходил в новый социокультурный статус (с помощью купания он переходил в новое состояние – член рода). Таким образом, ребёнок проходил обряд инициации и перерождения, присоединяясь к роду.

Отсюда становится возможным выявить, что образ воды в родильном обряде белорусов играет важную роль на этапе послеродовых действий. Большое количество рекомендаций и предписаний свидетельствует о том, что это был важный момент в жизни любой семьи. Вода здесь выступает как субстанция, наполнив которую необходимыми атрибутами можно скорректировать судьбу и характер новорождённого. Ведь именно через купание в воде младенец присоединяется к своему роду, а принадлежность к роду является абсолютной ценностью для каждого белоруса. Вода является судьбоносной стихией и именно через неё ребёнку передаются те важные качества, которые будут влиять на всю его дальнейшую жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Башляр Г.* Вода и грезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
2. *Катовіч А., Крук Я.* Культура родавай памяці. Минск: Беларусь, 2017.
3. *Кухаронак, Т. І.* Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: канец XIX–XX стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
4. *Фрейд, З.* Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991.
5. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Канон+, 2019.
6. *Юнг К. Г.* Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭСТЕТИКИ ДАОСИЗМА В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

INTERPRETATION OF THE AESTHETICS OF TAOISM IN THE MUSICAL ART OF CHINA

Янь Пэнфэй
YAN PENGFEI

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: y307006988@gmail.com*

Данная статья касается проблемы сохранения и интерпретации традиционной культуры в современном музыкальном искусстве Китая. Автор, основываясь на анализе древних философских текстов показывает, какое влияние оказывает даосизм на музыкальное мышление китайского народа, как в прошлом, так и сегодня.

This article deals with the problem of preserving and interpreting traditional culture in the modern musical art of China. The author, based on the analysis of ancient philosophical texts, shows the influence of Taoism on the musical thinking of the Chinese people, both in the past and today.

Ключевые слова: музыкальное мышление; национальная самобытность; даосизм; современная китайская музыка.

Keywords: musical thinking; national identity; Taoism; modern Chinese music.

Как философская наука эстетика изучает закономерности чувственного освоения действительности. Восприятие предмета искусства способно вызывать у человека особые чувства – эстетическое удовольствие или неудовольствие. Философию всегда волновал вопрос: что находится между первым, акустическим воздействием музыки на человека и эстетической реакцией человека на прозвучавшее произведение? Дать ответ на это вопрос первыми попытались древнегреческие философы. Согласно пифагорейской традиции, душа и тело человека подвластны тем же законам, что управляют музыкой. Эти же законы лежат в основе космической гармонии. Микро- и макрокосм связаны едиными математическими и эстетическими правилами. Красота заключена в пропорции и гармонии. Именно они определяют, как архитектуру греческих храмов, так и архитектуру музыки [1, с. 55].

Позднее Шопенгауэр писал, что музыка прямо и непосредственно воплощает сущность мира, а композитор постигает её глубже и непосредственнее других художников [2, с. 127]. Однако противоречие между «между математическими предпосылками музыкального интеллекта и запросами чувственного опыта» [3, с. 148]. В западной философии не было разрешено. Слушатель фокусировал свое внимание на элементах музыкальной речи: высоте звука, интервальных, тембровых элементах, фактуре и многом другом. И после чувственного восприятия ему требовалось серьезнейшее напряжение интеллекта для анализа услышанного. Музыкальное мышление формируется в результате накопления опыта понимания музыкальных произведений. Очевидно, что у европейского человека такой опыт складывается в границах западной классической музыки, в которой анализ чувственных элементов опирается на законы математики. В каждой

культурной среде действует своя, скрытая система, позволяющая человеку воспринимать музыку, раскрывать ее художественную ценность, учиться создавать новые произведения на основе лучших образцов. «Человек приобретает опыт в культурно-детерминированной форме...» [3, с. 150].

Изучая музыку другой культуры, люди ищут элементы, схожие с привычными, в соответствии с собственными аналитическими навыками. Музыка – модель мира. Однако образ мира по-разному представлен в различных обществах, исторических периодах, культурах [3, с. 154–156]. Приведем примеры. Опыт существования в поле земного притяжения даёт европейцам ощущение возможности вертикального измерения звуковых структур, а опыт существования во времени (настоящее, прошлое, будущее) – представление о горизонтальной протяженности звука. Но такие линейные пространственные модели существуют не во всех культурах. Направление письма, в том числе, музыкальная нотация, – пример восприятия времени в западной цивилизации. Однако вспомним, что в Древней Греции направление письма изменялось с каждой строкой, а египетские и китайские иероглифы располагаются столбцами. Непрерывность – также необязательная характеристика времени. Так в V веке до н.э. Зенон Элейский сформулировал идею о дискретной и непрерывной моделях движения во времени и в пространстве [1, с. 49]. Воспринимая музыку как коммуникацию, мы должны помнить, что слушатель так или иначе воспринимает ее на основе опыта той культуры, к которой он принадлежит.

Законы математики занимали древних китайцев не меньше, чем древних греков. В философии конфуцианства также присутствует космологическая концепция природы музыки, ей отводится важная роль в развитии общества, воспитании людей и достижении социальной гармонии. Буддистское мировоззрение видело в музыке возможность постижения сути бытия, процесса духовного совершенствования человека. Чтобы понять точку зрения даосских философов на сущность и природу музыки, необходимо кратко охарактеризовать само учение о Дао. Центральным понятием философии даосизма является «неизреченное, пустое, невидимое и вечное Дао, которое предшествовало разделению Неба и Земли. Это «высший разум», определяющий существование всего сущего от момента возникновения и до момента исчезновения. Всё в нашем мире подчиняется Дао: вещи и люди, мысли и идеи, Луна и Солнце. Даже сама Вселенная имеет начало и когда-нибудь придёт к закономерному концу, подчиняясь данному принципу. «Великое совершенство похоже на несовершенное, великая полнота похожа на пустоту, но её действие неисчерпаемо». В дословном переводе с китайского Дао (道) означает «путь». Учение Дао – о пути достижения гармонии в жизни человека. Основным его правилом является следование «потoku жизни» без сопротивления. Образом Дао является вода [4, с. 150]. Легендарный китайский мудрец Лао-цзы в IV веке до н. э., проповедуя Дао, писал:

*Верный Путь Лао-цзы не делать ничего посредством делания;
Верный Путь Лао-цзы делать всё посредством бытия [5, с. 268].*

Процесс познания Дао подразумевает достижение душевной гармонии, преодоления страстей и желаний, переход на духовные источники питания. Считается, что этих элементов достаточно, чтобы достичь бессмертия души и тела. Человек, осознавший Дао, достигает совершенной мудрости. Ему присущи человеколюбие, искренность, справедливость, покой, естественность, бережливость и скромность. Понимать Дао – означает понимать опыт существования, а не неподвижные интеллектуальные программы. Следовать по пути Дао – значит видеть, чувствовать, ощущать действующие силы, подчиняться им, не сопротивляясь их воздействию [6, с. 229-230].

Другое важное понятие даосской философии – Дэ (德 – добродетель или мораль). Имеется в виду сила духа, которая должна присутствовать у человека, чтобы он мог познать Дао. Ещё одной важной концепцией учения является У-вэй – недеяние. Это отказ от целенаправленной деятельности, которая может нарушить естественный ход событий. Его суть состоит в том, что человек должен понимать, когда нужно действовать, а когда – бездействовать. Эту идею даосы считают правильной и в управлении государством. Для них лучший государь – тот, кто не делает вообще ничего. Его предназначение – вдохновлять народ, олицетворять государственную власть и предотвращать смуты [7, с. 48–49]. Вышеизложенные положения очень важны для понимания места музыки в даосской картине мира.

В «Книге перемен» («И цзин» 易經 – самый ранний из философских текстов, датируемый ок. 700 г. до н.э.) говорится о Дэ как об фундаментальной категории китайской философии Дао, которая обозначает наилучший способ существования каждого отдельного существа или вещи. Дэ – индивидуальное качество, поэтому «благодать» для одних может негативно оцениваться другими. В классическом даосском трактате «Дао Дэ Цзин» («Канон пути и благодати») Дэ понимается как «благая сила пути Дао» [8, с. 67–73]. «Создавать и воспитывать существующее; создавая, не обладать тем, что создано; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином – вот, что называется глубочайшим Дэ» («Дао Дэ Цзин», глава 10) [9, с. 74].

В трактате «Дао дэ цзин» заметно негативное отношение к конфуцианству. Основатель даосизма Лао-цзы был знаком с Конфуцием и интересовался его учением. Со временем он разочаровался в китайской государственности и понял, что идеи конфуцианства ему чужды. Это послужило причиной создания **нового учения**, которое во многом **было противоположно конфуцианству**. Главное разногласие между ними состоит в трактовке базового для обоих учений понятия «дао». Для Конфуция дао – это путь человека, его личный выбор, сделанный ради достижения всеобщего блага. **В даосизме же путь – это абсолют, естественное положение вещей**, не зависящее от человека. [10, с. 301].

Самостоятельного труда, в котором была бы сформулирована концепция музыки, у даосских мыслителей нет. Знания о том, что они думали о природе музыки и ее роли в жизни человека мы можем почерпнуть из текста, названного выше трактата «Дао Дэ Цзин». Согласно представлениям даосизма, музыка должна была содействовать проявлению естественных психоэмоциональных реакций человека, слиянию его с природой. Особого внимания заслуживает даосская идея «незавершенности совершенства». Производство искусства – это нечто незавершенное, творческий процесс, который не заканчивается никогда. Мерцание, переход из одного состояния в другое, отсутствие устойчивости, окружающий человека мир в постоянном изменении – вот предмет искусства. Отражение красоты жизни в постоянном развитии и движении есть глубинное свойство культуры и искусства Китая. Древнекитайский художник Су Ши писал: «Когда рисуешь дерево, нужно чувствовать, как оно растет». Музыка Востока культивирует незавершенность, текучесть, изменчивость – естественную жизнь звука в природе, богатую движением и красками. Не истолкование, а созерцание предлагается слушателю музыки Востока [9, с. 76].

Даосизм тесно связан с жизнью и мышлением современных китайцев. Чжоу Цзожэнь, современный китайский писатель, литературовед, переводчик, исследователь китайского фольклора в своей книге «Танхудзи: деревня и идеи даосизма» писал: «Говоря о религии в Китае, необходимо упомянуть конфуцианство, буддизм и даосизм. ...

конфуцианские идеи давно рухнули. Мышлением общества сегодня полностью управляет даосизм» [4, с. 76]. Идеи даосизма начинают влиять на современную китайскую музыку после семидесятых годов XX в. Приведем только один, но очень показательный пример этого влияния. На композитора Тан Дуна на похоронах его бабушки произвела глубокое впечатление церемония «даочан», которая вдохновила его на создание симфонии «Даосизм» (1985). Произведение было создано для оркестра с тремя тембрами: голос, бас-кларнет и фагот. В 1993 году этой симфонии было присвоено звание «Классика китайской музыки». Организация оркестра следует даосской традиции: в основном это китайские ударные и духовые инструменты, струнные инструменты симфонического оркестра используются только в качестве дополняющих. Некоторые ударные инструменты, такие как китайский гонг, колокол, барабан, являются ритуальными и символизируют общение с богами во время жертвоприношения, совершаемого чтобы освободить умершего от мучений в потустороннем мире. Кроме того, для создания мистической атмосферы даосских ритуалов композитор использовал бас-кларнет и контрафагот. Они имитируют звуки даосских ритуальных инструментов – труб куаньцзы. Тан Дун воссоздал музыкальное наполнение обряда прощания с умершим с помощью как традиционных, так и современных средств, приблизив древний религиозный обряд к реальности [11, с. 145–146].

Современный человек всё больше стремится познать языки культуры разных народов мира. Однако, не следует забывать, что существует культура, поддающаяся описанию, и скрытая культура, невидимая даже для опытного наблюдателя. Понимание языка культур других этносов является одним из важнейших условий современного международного музыкального общения. Очевидно, что одной констатации различий недостаточно. Необходимо глубокое постижение художественных особенностей культур, сохраняющих свою национальную самобытность. Неоценимую помощь в этом процессе может оказать изучение метаязыка музыкальных культур, каждая из которых существует в контексте ценностей, верований, особенностей восприятия и мышления народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дёмин Р. Н. Свидетельство Александра Полигистора о пифагорейцах и 55 параграф «Дао дэ цзина» // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии: Мат-лы Всероссийской конференции. СПб., 2006. С. 51–58.
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 28.04.2022).
3. Орлов Г. А. «Древо музыки» / Г.А. Орлов. СПб., 2005.
4. Гуревич П. С. Философия человека. Ч. 2. М., ИФРАН, 2001.
5. Ян Хин-шун. «Дао Дэ Цзин» [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/ROECHIN/lao1.txt> (дата обращения: 28.04.2022).
6. Кобзев А. И. «Дао дэ цзин» // Духовная культура Китая: энциклопедия. М., 2006. Т.1: Философия. С. 227–232.

7. Лукьянов А. Е. Дао дэ цзин: предфилософия и философия // Философские науки. 1989. № 2. С.46–54.
8. Головачёва Л. И. О реконструкции структуры «Дао Дэ Цзина» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Ч.1. М., 1988.
9. Хиншун Ян. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение / Ян Хиншун. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950.
10. От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре / Борох Л. И. (сост.) М.: Издательская фирма «Восточная литература» АН, 1998.
11. Дай Юй. Отражение традиционной философии в современной музыке Китая // Наука и мир : Международный научный журнал. 2015. № 6 (22). С. 141–149.

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЭТНОСОВ СЫЧУАНИ

TRADITIONAL MUSICAL CULTURE OF THE SICHUAN THNOUS

Лу Ся
LU XIA

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: sya.lu.91@mail.ru*

В статье анализируется жанровое многообразие традиционного музыкального искусства, созданного этническими сообществами, проживающими в провинции Сычуань, а также раскрывается уникальность и богатство музыкального инструментального и вокального творчества ряда этнических меньшинств Сычуани. Отмечается, что с помощью выразительных средств музыкального искусства этносы провинции сумели передать специфические особенности своей жизнедеятельности, ценности, принципы и самобытное восприятие мира. Акцентируется внимание на показе регионального своеобразия Сычуаньской оперы, являющейся вершиной традиционного музыкального искусства.

The article analyzes the genre diversity of traditional musical art created by ethnic communities living in Sichuan province, and also reveals the uniqueness and richness of musical instrumental and vocal creativity of a number of ethnic minorities of Sichuan. It is noted that with the help of expressive means of musical art, the ethnic groups of the province managed to convey the specific features of their life, values, principles and original perception of the world. Attention is focused on showing the regional originality of the Sichuan Opera, which is the pinnacle of traditional musical art.

Ключевые слова: выразительные средства; Китай; музыкальное искусство; опера; Сычуань; творчество; традиции; этнос.

Keywords: allocated funds; China; musical art; opera; Sichuan; creativity; tradition; ethnos.

Китай является многонациональной страной. На его территории издревле проживали десятки этнических сообществ. В настоящее время только в одной провинции Сычуань насчитывается более пятидесяти представителей наций, которые очень разнятся по численности: от нескольких тысяч до нескольких миллионов. Всего в провинции Сычуань в настоящее время проживает свыше 70 млн. человек [1]. В ходе продолжительного исторического периода развития этносы этого региона Китая создали свою неповторимую традиционную культуру, представляющую собой кристаллизацию их жизненной мудрости и воплощение гуманистических ценностей. Культура этносов Сычуани является не только концентрированным выражением их материальной и духовной цивилизации, но и продуктом, уходящим корнями в древнюю историю. Социальные отношения и ценности, сформированные в процессе материального производства и социального развития, нашли отражение во многих видах и формах традиционной культуры этнических сообществ. Наиболее ярко они представлены в музыкальном искусстве. В народном инструментальном и вокальном творчестве этнического меньшинства мяо содержатся его тысячелетние легенды о невзгодах предков, изложенные в абстрактной и яркой манере. Так, в одной из них поется: «Мы покинули мутную воду, мы прощаемся с нашим родным городом, бегая и блуждая каждый день» [2, с. 143]. В подобных песнях эмоционально передается история мяо. Богаты и разнообразны также инструментальные ме-

лодии мяо. Наиболее хорошо сохранившиеся музыкальные фрагменты включают в себя наигрыши традиционных музыкальных инструментов лушэна и суоны. Люди доверяли свои чувства музыкальному инструменту, который позволял им свободно выражать обиду, печаль, тоску, собственные мысли. Мяо до настоящего времени благодаря средствам музыкального искусства сохранили свои отличительные этнические особенности и жизненные привычки, передавая их из поколения в поколение.

Этническое сообщество *йи* также пользуется средствами музыкальной выразительности для передачи информации и эмоций. Юноши музыкальным языком сообщают свои чувства девушкам, не полагаясь на слова. До середины XX в. этносам Сычуани, помимо церемоний, запрещалось исполнять на публике народные песни – элегии, свадебные песни, песни праздника факела и песни календаря, любовные песни. Напротив, инструментальное искусство не имело ограничений. Поэтому люди посредством инструментальной музыки выражали свои эмоции и чаяния. Это незримо создало благоприятные условия для развития инструментального творчества и сформировало неповторимую историческую традицию инструментального искусства этноса *йи*. Таким образом, народная инструментальная музыка, как и другие родственные искусства *йи*, имеет свои корни в жизни и служит сообществу. Она тесно связана с бытом людей, развлечениями, религиозной деятельностью, производством и трудом [3, с. 12].

В горных селах и деревнях Сычуани многие сотни лет живет этнос *дун*, который с древности почитает природу и свои верования вплетает в художественное творчество. У дунцев нет своей письменности, поэтому их знания о мире запечатлены не в письменах, как у других народов, а в музыкальном искусстве устной традиции. Они прекрасно поют и танцуют. Их песни весьма колоритны, ничего подобного нет у других этнических меньшинств Сычуани. Хоровое искусство *дун* называют великим пением «дагэ», которое представляет собой многоголосье без аккомпанемента музыкальных инструментов и дирижирования, для этой музыки характерна диатоническая гармония.

Традиция хорового пения народности *дун* восходит к периоду Весен и Осеней (770–475 гг. до н.э.) или периоду Воюющих царств (475–221 гг. до н.э.), широкое же развитие она получила во времена династии Сун (960–1279 гг.). За продолжительный период своего существования и развития это музыкальное творчество вобрало в себя особенности мест проживания дунцев и сейчас отличается заметным региональным колоритом и развитой системой местных вокальных приемов. В полиэтнической семье Сычуани хоровое творчество *дун* считается уникальной традицией, которая отличается особой музыкальной формой и культурным наполнением. Поэтому оно в 2006 г. внесено в национальный список нематериального культурного наследия Китая, а в 2009 г. включено в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

Прекрасно поют и танцуют люди этноса *туцзя*. Свои художественные произведения они предпочитают исполнять в ансамбле. Неотъемлемой частью свадебной церемонии *туцзя* является свадебный плач. Без этого песенного жанра невесту не выдадут замуж. Считается, что чем трогательнее исполнена песня, тем более умной и сообразительней является невеста. Девушке в ее исполнении помогают девять ее незамужних подружек. Туцзя прославились своими традиционными танцами *байшоу* и *маогусы*, которые уже стали неотъемлемой частью их праздничных гуляний. Так, древний танец *маогусы* исполняется в костюме из соломы и листьев, он олицетворяет патриархальную семью этого этноса. Танцевальные движения выглядят очень свободными и комичными, выступление сопровождается гротескными куплетами и диалогами на местном диалекте. Данный танец считается одним из «реликтов китайской танцевальной и народной теа-

тральной традиции». В связи с этим он в 2006 г. решением Госсовета КНР внесен в национальный список нематериального культурного наследия китайского народа.

Красивыми и трогательными песнями, проявляющими региональные особенности, отличается *Сычуаньская опера*. Мелодичная и наполненная смыслами опера буквально пестрит поговорками, известными изречениями и байками, она сохраняет в себе жемчужины древних языков этносов и является одной из вершин традиционного музыкального искусства. Самая важная мелодия в опере *Сычуани – Гаоцян*, была привнесена в музыку *Сычуани* из других мест в эпоху позднего *Мин* и начала династий *Цин*. Постепенно *Гаоцян* объединила сычуаньский диалект, народные трудовые песни, вопрошающий рэп и другие формы. После нескольких обработок и уточнений она постепенно сформировала вокальную музыку с локальными особенностями. В Сычуаньской опере существует большое количество мелодий *Гаоцян*. Для оперы характерны наличие сольных партий, искусная актерская игра, использование перкуссионных инструментов и очень забавные сюжеты. Среди многообразия пьес сычуаньской оперы имеется несколько наиболее известных или «классических», отличающихся особой элегантностью и шармом. Классическим произведениям присущи не только уникальность и широкий размах постановки, но и наличие сценариев и диалогов, имеющих высокую литературную ценность, написанных с целью вызвать сильную эмоциональную реакцию аудитории. Некоторые опытные актеры используют различные приемы, позволяющие сделать оперные показы еще более захватывающими, например, жонглирование ножами. Оперное представление имеет инструментальное сопровождение, в котором используется более двадцати традиционных музыкальных инструментов: малые барабаны, барабаны холла, большие гонги, тарелки и маленькие гонги (петли) и др. [4].

Уникальность оперы заключается в том, что она содержит в себе несколько элементов традиционных форм народного искусства: пение, диалоги, немного акробатических боевых сцен и даже выступление кукол-марионеток. Несколько позже в оперное представление был включен элемент, ставший впоследствии одной из главных ее особенностей – ярко раскрашенные маски, которые актеры успевают менять в доли секунды незаметно для зрителя. Сначала исполнители, как правило, использовали цветную пудру, которая находилась в специальных чашах. На нее надо было подуть определенным образом, и она прилипала к покрытым маслом лицам. В начале XX века артисты стали использовать несколько слоев масок, выполненных из тонкой бумаги. Чуть позже бумажные маски заменили на шелковые, которые применяются до сих пор.

Сычуаньский оперный макияж лица – важная часть сычуаньского оперного искусства. Таким способом актер может исполнять сразу несколько ролей в постановке, сменив маску, он предстает перед зрителями в абсолютно новом облике. Артисту нужно было просто быстро снять очередной слой. В наши дни количество слоев на лице актера может достигать двадцати четырех. Отдельным исполнителям удается менять до десяти масок за двадцать секунд. При высокой технике смены лиц зрители даже не замечали, когда и как актер снял предыдущую маску. Искусство быстрой смены масок хранилось в строжайшем секрете. Оно передавалось только от отца к сыну или от учителя к ученику. Обучать девочек запрещалось из-за опасения, что после замужества они могут раскрыть секрет своему мужу и его семье. С течением времени мнение на этот счет поменялось и ради привлечения в оперу более молодого поколения в 1998 г. к обучению были допущены первые восемь студенток, а некоторые мастера свой опыт и знания решили передать своим дочерям [5, с. 106].

В традиционной сычуаньской опере использовались два основных типа масок – плоские и рельефные. Исторически сложилось так, что в *Сычуани* не было профессиональ-

ных мастеров, которые рисовали бы эскизы для грима и масок. Актеры все делали сами. По окончании представления маски начисто стирались, поэтому старые маски Сычуаньской оперы индивидуальны, разнообразны и они редко встречаются. При условии сохранения основных характеристик персонажей пьесы актерам разрешалось создавать макияж лиц в соответствии со своими субъективными представлениями, лишь бы добиться эффекта привлечения внимания публики [6, с. 124].

Цвета маски имели символический смысл и многое говорили о характере персонажа: белый символизировал доброту, черный – коварство и двуличие, красный – силу и величие, желтый – мудрость. Символизм делал характеры персонажей более выпуклыми и наглядными, и благодаря этому качеству маски традиционной оперы по-прежнему используются в постановках. В настоящее время Сычуаньская опера является достоянием китайской нации и ее тайны уже охраняются на государственном уровне. Сегодня шоу *BianLian* (смена лиц) превратилось в отдельный вид искусства. Артистов приглашают на различные торжественные официальные мероприятия, для развлечения гостей, на банкеты и свадьбы. В свои выступления актеры часто включают очень эмоциональную песню, которая так и называется – *BianLian*. При этом стоимость одного выступления ведущих актеров, по некоторым данным, может достигать несколько десятков тыс. долл. США.

Таким образом, исследование традиционной этнической культуры этносов Сычуани позволяет полагать, что каждый этнос Сычуани, несмотря на разные экономические, социальные и политические условия, в которых протекала их жизнедеятельность, смог создать свое самобытное и неповторимое музыкальное искусство, обогатившее национальную культуру Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сычуань // Энциклопедия – Вокруг света [Электронный ресурс]. URL: www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/?title=Сычуань. (дата обращения: 22.11.2021).
2. 伍新福《苗族文化史》成都：四川民族出版社，2000年，第143页 = Синьфу У. Культурная история народности мяо. Чэнду: Изда-во национальностей провинции Сычуань, 2000.
3. 吴斌《伟大的音乐国韵华章：弦织七彩（民族风）》北京：人民音乐出版社，2009年，第11-13页 = Ву Бин. Великая музыкальная национальная рифма ХуаЧжан: Красочный Сяньчжи (национальный стиль). Пекин: Народное музыкальное изд-во, 2009. С. 11–13.
4. *Ань Мин*. Краткая история Сычуаньской оперы. Чэндау: Изд-во Тианди, 1997/
5. *Чэнь Юньсянь, Инь Чжэнь*. Сычуаньское оперное сценическое искусство. Чэндау: Сычуаньское изд-во изящных искусств, 1998.
6. *Ду Ху, Лю Синмин, Фу Цзэ* / Словарь Сычуаньской оперы. Чэндау: Изд-во Китайской драмы, 1987.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В АЛЛЕГОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Р. РАО «КОТ И ШЕКСПИР: СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИИ»

CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN IN R. RAO'S ALLEGORICAL NOVEL «THE CAT AND SHAKESPEARE: A TALE OF INDIA»

Я. А. АЛЕКСЕЕНКО

Y. ALIAKSEYENKA

*Белорусский государственный университет
филологический факультет
ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: alexeenko_1999@mail.ru*

В аллегорическом романе англоязычного индийского писателя Р. Рао «Кот и Шекспир: сказание об Индии» прослеживается диалог индийской и британской культур. Национальный компонент воплощается в образах матери-кошки и Говиндана Наира, тогда как западная традиция ассоциируется с творчеством У. Шекспира. Капиталистическим ценностям и дуалистичности бытия противопоставляются религиозно-философские течения индуизма (шактизм, вишнуизм, шиваизм). Р. Рао использует черты древнеиндийских эпосов и священных текстов, противопоставляя их западным романским формам.

In Indian English writer Rao Raja's allegorical novel «The Cat and Shakespeare: A Tale of India» the dialogue of local and British cultures can be traced. The Indian component is embodied in the images of the mother cat and Govindan Nair, while the Western tradition is associated with the works of W. Shakespeare. The religious and philosophical currents of Hinduism (Shaktism, Vishnuism, Shaivism) are opposed to capitalist values and dualism of being. R. Rao uses the features of ancient Indian epics and sacred texts, contrasting them with Western novel forms.

Ключевые слова: диалог культур; Р. Раджа; У. Шекспир; колониализм; Британская Индия; индийская литература на английском.

Keywords: cross-cultural dialogue; R. Raja; W. Shakespeare; colonialism; British Raj; Indian literature in English.

Р. Рао (*Raja Rao, 1908 – 2006*) является одним из писателей, заложивших основы индийской литературы на английском языке и определивших национальный литературный процесс XX века, наряду с такими известными современниками, как М. Р. Ананд (*Mulk Raj Anand, 1905 – 2004*), Р. К. Нарайан (*Rasipuram Krishna swami Iyer Narayana swami, 1906 – 2001*) и А. Али (*Ahmed Ali, 1910 – 1994*). Литературное наследие Р. Рао составляют романы и короткие рассказы. Примечательно, что автор получил образование сначала в Мадрасском университете, а затем Университете Монпелье и Сорбонне, и писал не только на английском языке, но и на французском, не считая родного каннада, на котором были созданы ранние новеллы. Отличительной чертой прозы индийца считается ее метафизический характер: герои находятся в поиске себя и пытаются постичь божественную сущность, достичь Просветления. В предисловии к аллегорическому роману «Кот и Шекспир: сказание об Индии», который является объектом исследования настоящей статьи, Р. Партахасарати (*Rajagopal Parthasarathy, p. 1934*) определяет творчество Р. Рао следующим образом: «One of the most innovative novelist soft he twentieth century, Rao departed boldly from the European tradition of the novel, which he indigenized in the process of assimilating material from the Indian literary tradition. He put the novel to

uses to which it had not perhaps been put before, by exploring the metaphysical basis of writing itself – of, in fact, the word» [1, p. 7] («Будучи одним из передовых романистов двадцатого века, Рао смело отходит от европейской традиции романа, которую он индизирует в процессе усвоения индийской литературной традиции. Он использует жанр романа так, как, возможно, никто не использовал до него, исследуя метафизическую основу самого письма – фактически, самого слова») (Перевод с англ. здесь и далее мой – Я. А.). Индийский писатель воспринимает литературное творчество как акт познания. Эта идея воплощается в понятии «садхана», духовной практике, служащей для реализации потенциала личности, ее освобождения посредством целенаправленного действия. Истоки прозы Р. Рао, следовательно, нужно искать в индийских философских учениях. В то же время она универсальна по своей сути, так как писателя интересуют законы бытия и вечные вопросы. Более того, несмотря на отказ от европейской традиции в пользу национальных литературных форм, представляется невозможным полностью исключить западный элемент индийской культуры в силу результатов многовековых транскультурных взаимодействий.

Прежде чем приступить к анализу романа «Кот и Шекспир: сказание об Индии», необходимо обратиться к истории рецепции творчества У. Шекспира в индийском контексте. Как известно, в 1600 году указом королевы Елизаветы I создается Английская Ост-Индская компания, что не только позволяет расширить торговлю между странами, но и становится толчком к активизации межкультурных контактов, неизбежных в сложившейся ситуации. С основания акционерного общества, фактически, начинается постепенная колонизация Индии англичанами. При этом их соперниками в борьбе за территориальное влияние выступают португальцы, французы и голландцы. После Восстания сипаев – бунта против колониальной политики англичан, известного также как Первая война за независимость, или Индийское национальное восстание (1857–1859), королева Виктория упраздняет компанию и устанавливает прямой контроль монарха над азиатскими территориями, а в 1876 г. провозглашает себя императрицей Индии. Страна избавляется от британского гнета и обретает независимость только в 1947 г.

В контексте колонизации индийская культура воспринимается пришельцами как чужая и неполноценная. Иностранцы не желают принимать местные культурные и социальные модели. Свою миссию они видят в «просвещении» коренного населения, приобщения их к достижениям европейской культуры. Более того, английская литература воспринимается поселенцами как вместилище христианских ценностей. В качестве одного из проводников цивилизации и католичества в Британской Индии колонизаторы избирают литературное и театральное наследие У. Шекспира (*William Shakespeare, 1564 – 1616*), которое считается центром западного литературного канона. Процесс возрождения интереса к творчеству драматурга начинается в XVIII веке, в период предромантизма, что связано с упадком классицистических идей. Приход романтизма с характерным для него культом гения знаменует начало формирования «культы Шекспира». Пик популярности классика приходится на викторианскую эпоху (1837–1901): феномен всеобщего преклонения перед гением в то время получает название «бардопоклонничество» (*Bardolatry*). Одновременно начинается перенос лондонских театральных традиций из метрополии в азиатскую колонию. Отправной точкой считается открытие в 1775 году Калькуттского, или Нового, театра, который действовал до 1808 г., основу репертуара которого составляют пьесы У. Шекспира.

Однако ошибкой было бы рассматривать британскую культуру и творчество английского классика как инструмент угнетения индийского населения. В рамках театрального сообщества Калькутты шекспировские пьесы подвергаются различным трансформа-

циям (адаптации, апроприации, переводу и т. д.), которые можно объединить в понятии «индианизация». Это, в свою очередь, ослабляет связь трагедий и комедий драматурга с европейским наследием и западным каноном и делает их частью новой индийской культуры. Пьесы стратфордского барда обретают черты местных драматических форм, интерпретируются с точки зрения восточных реалий. Индийский литературовед и культуролог Дж. Сингх (*Jyotsna G. Singh*), в числе прочего специализирующаяся на изучении творчества У. Шекспира, в работе «Колониальные нарративы / диалоги культур: “открытие” Индии на языке колониализма» отмечает: «...The Shakespearean canon was undergoing constant metamorphosis on the Indian stage. <...> As a result, the grip of the colonial "civilizing mission" has been significantly weakened. A striking aspect of this process was the adaptation of Shakespearean dramaturgy to local theatrical traditions drawn from folk drama such as Yakshagana and classical dance forms of Kathakali. («...шекспировский канон претерпевал постоянные метаморфозы на индийской сцене. <...> В результате хватка колониальной “цивилизаторской миссии” значительно ослабла. Поразительным аспектом этого процесса была адаптация драматургии Шекспира к местным театральным традициям, заимствованным из народной драмы, такой как Якшагана, и классических танцевальных форм Катхакали») [2, р. 123]. Так, происходит процесс взаимопроникновения и взаимовлияния культур, их сближение, что выражается в понятии транскультурации. Межкультурный диалог, явление двустороннее по своей сути, становится как толчком к поиску собственной идентичности и инструментом национального самопознания, так и основой для урегулирования конфликтов между колонией и колонизаторами.

Диалог культур находит отражение в романе Р. Рао «Кот и Шекспир: сказание об Индии», о чем, на мой взгляд, свидетельствует название. Действие происходит в старинном индийском городе Тривандрам в 1941 году, поэтому в тексте встречаются отсылки к военным действиям и историческим личностям. Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, – Пай (*Ramakrishna Pai*), тридцатитрехлетний (возраст можно рассматривать как суггестивную библейскую аллюзию, отсылающую к христианской традиции) госслужащий одного из продовольственных ведомств. Мужчина одержим идеей построить в городе собственный трехэтажный дом. У героя есть жена Сароджа (*Saroja*), которую он оставил в деревне Паттанур, и двое детей. Пай состоит в отношениях с другой женщиной, Шантой (*Shantha*), беременной от него. Он забирает с собой в Тривандрум дочь, пятилетнюю Ушу (*Usha*), которая вскоре начинает обучение в католической школе при монастыре под руководством сестер-бельгиек. Сюжет строится вокруг отношений Пая с соседом Говинданом Наиром (*Govindan Nair*), семейного человека и служащего продовольственного магазина. В качестве нарративной стратегии индийский писатель избирает *storytelling*, рассказ, диалог, на что указывают такие фразы, как *you remember, as you can see, you know* и т. д.

Идейным стержнем романа Р. Рао являются духовные поиски главного героя и философия, которой придерживается его друг, выраженная в следующих словах Пая о Наире: «*The factis, to him all the world is just what he does. He does and so the world comes into being. He himself calls it: “The kitten is being carried by the cat. We would all be kittens carried by the cat. Some, who are lucky (like your hunter), will one day know it. Others live hearing “meow-meow”...*» («Дело в том, что для него весь мир – это просто то, что он делает. Он делает что-то – и возникает мир. Он сам называет это так: ‘Котенка несет кошка. Мы все были бы котятками, которых носит кошка. Те, кому повезет (как твоему охотнику), однажды узнают об этом. Другие живут, слыша лишь “мяу-мяу”...») [1, р. 30]. Речь идет о течении индуизма, в центре которого находится Шакти, богиня-Мать. Оно противопоставляется шиваизму. Согласно данной системе верований, Шакти, воплоще-

ние женского начала, наделяет космической энергией и созидательной силой. Богиня считается первопричиной всего сущего и всегда направляет людей по нужному пути. Говиндан, проповедующий данную философию, в романе «Кот и Шекспир» выполняет функцию духовного наставника. При этом с учетом иронического модуса повествования в произведении можно рассматривать этого персонажа как воплощение псевдофилософа, эксплуатирующего и искажающего ведические тексты и упанишады.

Сюжетно-композиционное строение романа Р. Рао напоминает организацию священного текста индуизма «Аштавакра-гита» (*aṣṭāvakra-gītā*), который представляет собой беседу индийского мудреца Аштавакры и царя Джанака. Автор, выступающий против интерпретации своих текстов в контексте европейской традиции, считает, что индийские писатели пишут не романы в западном понимании, а Пураны, что подтверждают слова Р. Партхасарати: «*Rao himself is of the opinion that an Indian can never write a novel; he can only write a Purana. The Puranas are sacred history included in the canon of scripture, and they tell the stories of the origin of the universe, the exploits of gods and heroes, and the genealogies of kings*» («Сам Рао придерживается мнения о том, что индиец никогда не сможет написать роман; он может написать только Пурану. Пураны – это история духовного содержания, включенная в канон священных писаний, и в них рассказывается о происхождении вселенной, подвигах богов и героев, а также о генеалогиях королей») [1, р. 9]. В повести об Индии «Кот и Шекспир» наблюдается мифологизация реальности, что является и результатом трансформации элементов древнеиндийских эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна» в современной романной форме.

Что касается рецепции наследия У. Шекспира, наличие которой подразумевается в названии романа, то в тексте нет большого количества аллюзий и цитат из пьес и сонетов классика. «Диалог» английского драматурга XVI в., которого Р. Рао называет мудрейшим из мудрецов, и индийского прозаика XX столетия происходит на идейно-тематическом уровне. Духовные поиски Пая напоминают экзистенциальные изыскания Гамлета. При этом, чтобы достичь просветления, герою индийского романа необходимо принять учение Наира, возвыситься над материализмом как колонизаторов, так и соотечественников, отказаться от дуалистической картины мира. Л. Вольна в статье «Разрушение стереотипов: мужской взгляд на женское начало в романе Раджи Рао “Коти Шекспир”» отмечает: «*This particular kind of greed for material and territorial profit and power is a capitalist value which not only destroys the houses of ‘the others’ but also runs counter to the capacity to construct one’s own metaphorical house, i.e. to achieve any personal progress. Thus power-related structures, which are all associated with destruction, are rejected, i. e. Patriarchal order, speciesism, casteism, colonization and war*» («Этот особый вид жажды материальной и территориальной выгоды и власти является капиталистической ценностью, которая не только разрушает дома “других”, но и противоречит способности построить свой собственный метафорический дом, то есть достичь любого личного прогресса. Таким образом, отвергаются структуры, связанные с властью, которые ассоциируются с разрушением, то есть патриархальный порядок, видоизменение, кастовость, колонизация и война») [3, р. 171]. Так, дом в романе Р. Рао становится символом духовности, внутреннего мира человека, пространством, в котором возможен личностный рост и религиозное познание. Такая интерпретация расходится с английским пониманием частной собственности и ее роли (воплощением которого может считаться фигура Сароджи), но при этом остается местом, главная сила которого – женское начало.

Показателен эпизод, в котором Говиндан Наир пародирует солилог Гамлета «*To be, or not to be*», превращая философские искания шекспировского персонажа в ироничный пассаж с элементами интерпретации претекста с точки зрения индийского читате-

ля. В импровизации героя-гуру прослеживается основная идея романа о матери-кошке. Смысл оригинального монолога расширяется за счет наполнения новыми смыслами. Кроме того, для индийской культуры не характерен мотив трагической вины героя, так как он имеет христианские корни, а понятие кармы, имеющее исключительную важность для индийцев, не является аналогом расплаты за вину в понимании носителей западных ценностей. Примечательно, что собеседники Наира демонстрируют владение шекспировским кодом. Героев романа Р. Рао волнует и вопрос соотношения сна и яви, иллюзии и реальности, затрагиваемый персонажем английской трагедии: «*You sleep to die. When sleep is life, where is death? Ha, ha, ha, he laughed... <...> Disease is unnatural. Death is natural. Todierightlyistowake and find one has ever been being*» («Ты спишь, чтобы умереть. Когда сон – это жизнь, где же смерть? Ха-ха-ха», – засмеялся он... <...> Болезнь противоестественна. Смерть естественна. Умереть правильно – значит проснуться и обнаружить, что ты когда-либо существовал») [1, р. 38]. Эти размышления отсылают не только к трагедии «Гамлет», но и к трагикомедии «Буря» (*The Tempest, 1610 – 1611*), а точнее – к монологу Калибана «*Be nota feard. The isle is full of noises*».

Более того, Наиру характерно восприятие действительности как игры (в индийской традиции – *lila*), как мантры. Гуру сравнивает продовольственный магазин с Датским королевством, что становится аллегорией не только для Индии, но и для всего мира. Представляется возможным провести еще одну идейную параллель между двумя пьесами У. Шекспира и романом индийского писателя. Говиндан, как и Просперо, находится на метауровне реальности. Ему, как и королю-волшебнику, доступно абсолютное знание, *The Truth*, поэтому философ становится духовным наставником окружающих. В результате Пай преодолевает стену, символизирующую грань между иллюзией, которой является земное существование, и высшей реальностью. Попадая в сад, образ которого не может не натолкнуть на мысли о библейском Рае, герой романа «Кот и Шекспир» не только видит других, но и в полной мере познает свое «Я» через контакт с Другим.

Таким образом, в аллегорическом романе англоязычного индийского писателя Р. Рао «Кот и Шекспир: сказание об Индии» прослеживается диалог индийской и британской (шире – европейской) культур, характерный для бывших колоний. Национальный компонент воплощается в образах матери-кошки и Говиндана Наира, тогда как западная традиция ассоциируется с творчеством У. Шекспира. Капиталистическим ценностям и дуалистичности бытия противопоставляются религиозно-философские течения индуизма (шактизм, вишнуизм, шиваизм). Р. Рао использует черты древнеиндийских эпосов и священных текстов, противопоставляя их западным романским формам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Rao R. *The Cat and Shakespeare*. Gurgaon: Penguin Books India, 2014.
2. Singh J. G. *Colonial narratives / cultural dialogues: «Discoveries» of India in the language of colonialism*. London : Routledge, 2005.
3. Volná L. *Breaking Stereotypes : Male View of the Female Principle in Raja Rao's «The Cat and Shakespeare» // Gender Studies*. 2013. Vol. 12. PP. 164–176.

«СЛЕДЫ НА ПЫЛЬНОЙ ДОРОГЕ» З. Н. ХЕРСТОН: АВТОБИОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ОЗНАЧИВАНИЯ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ZORA NEILE HURSTON'S «DUST TRACKS ON A ROAD»: AUTOBIOGRAPHY AS A WAY OF SIGNIFYING AFRICAN-AMERICAN IDENTITY

Ю. А. АФАНАСЬЕВА
Y. A. AFANASYEVA

*Белорусский государственный университет
филологический факультет
ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: 5902053@mail.ru*

Цель данной статьи – выявить специфические характеристики автобиографии Зоры Нил Херстон (Zora Neale Hurston, 1901–1960) «Следы на пыльной дороге» (DustTracksonaRoad, 1942).

The purpose of this article is to identify the specific characteristics of the autobiography of Zora Neale Hurston (1901 – 1960) «Dust Tracks on a Road» (1942).

Ключевые слова: автобиография; идентичность; означивание.

Keywords: autobiography; identity; signifying.

Автобиография (от греч. *Autos* – «сам», *bios* – «жизнь» и *grapho* – «пишу») как жанр документально-художественных произведений может быть охарактеризована как текст, созданный автором в определённой форме (мемуары, исповедь, дневник и т. д.) и обладающий следующими характеристиками: 1) особый тип биографического времени; 2) герой часто совпадает с нарратором, обладающим высоким уровнем саморефлексии; 3) объект фиксации – жизнь героя, её важные моменты; 4) варьирование соотношения документального и художественного начал [1, с. 16]. Так же, как и биография, она является социокультурным феноменом, определяющим этап развития культуры народа [2]. Гибридный жанр соединяет искусство и ремесло, фиктивное повествование и исторические элементы, субъективные воспоминания и использование точных данных. Связь автобиографии с реальностью фиксирует Ф. Лежён: «Автобиография – не только словесная конструкция, но и социальный поступок» [3].

Для афроамериканской литературы жанр автобиографии является одним из первичных способов репрезентации этноса в пределах (пост-) рабовладельческой американской риторики. Постоянная необходимость вписывания себя в мир, который долгое время отрицает историческое существование чернокожего «я», определяет фокус развивающейся литературы на написание правдоподобной истории о черной жизни. Невольничьи повествования (англ. *slavenarratives*), создаваемые для легитимации существования чернокожего населения с XVIII в. и фиксируемые белыми исследователями устно или письменно, концентрируются на процессе выживания угнетённого и освобождения его от рабства, характеризуются повышенным уровнем эмоциональности, стремлением к нравственным и христианским ценностям. Тексты изначально со-

держат сведения, предоставленные преимущественно белыми аболиционистами, подтверждавшими подлинность информации. В XX в. афроамериканская автобиография актуализирует личный опыт новых поколений афроамериканцев, находящихся в поисках целостной идентичности.

Гарлемский ренессанс (англ. *Harlem Renaissance, 1920–1935*) иначе представляет развитие литературного процесса этноса: в художественных произведениях необходимо обосновать его автономность. Другой игрой со стереотипами с целью принятия созданных текстов в мировую культурную парадигму. Будучи охарактеризован в качестве модернистского движения в поисках аутентичной формы репрезентации творческого потенциала и валидности нации, культурный период соответствующим образом влияет на форму и содержание автобиографии. Исследовательница Н. В. Мороженкова указывает: «Для модернистского автобиографического письма характерна подчеркнутая зыбкость границ между правдой и вымыслом, прошлым и настоящим, переплетающихся в субъективном пространстве человеческой памяти» [4, с. 196]. Важными для модернистской автобиографии как европейской, так и афроамериканской оказываются тенденции текстуализации, мифологизации, эстетизации личности. Доступность индивидуальной истории в масштабах массы предполагает её включение в коллективный нарратив, влияющий на восприятие и принятие формирующейся нации в мировой социум. В процессе создания новой интерпретации аутентичной истории и памяти афроамериканские автобиографии транслируют полифонию факта, вымысла и мифа.

Зора Нил Херстон (*Zora Neale Hurston, 1901–1960*), известная американская писательница, фольклорист и антрополог, иначе оценивает собственную позицию в условиях существования расовых противоречий и акцентуации негативного опыта афроамериканского бытия в литературе в эссе «Каково это – чувствовать себя цветной?» (*How It Feels To Be Coloured Me, 1928*): «*I am not tragically colored. There is no great sorrow dammed up in my soul, nor lurking behind my eyes. <...> I do not belong to the sobbing school of Negrohood who hold that nature somehow has given them a lowdown dirty deal and whose feelings are all hurt about it*» [5] («Но я не трагически цветная. Нет у меня великой печали, заполонившей мою душу и притаившейся в уголках глаз. <...> Я не принадлежу к рыдающим членам той негритянской школы, которая считает, что природа каким-то образом совершила с ними грязную сделку и все их чувства сосредоточены только на этом» [6]). Её жизнь, сочетающая противоречивость личной жизни и экспрессивность чёрной устной культуры, фиксируется афроамериканкой в автобиографии «Следы на пыльной дороге» (*Dust Tracks on a Road, 1942*).

После публикации автобиография была тепло принята рецензентами, однако критики и биографы З. Н. Херстон отводят тексту далеко не первое место в её литературном каноне. Так, Р. Хеменуэй назвал книгу «приводящей в замешательство» [7]. Э. Уокер, писательница, нашедшая могилу знаменитой предшественницы, отмечает причину создания текста: «эта елейность, столь несвойственная Зоре, также является результатом зависимости, признаком ее бессилия, ее неспособности вернуть свои долги чем-либо, кроме слов» (Перевод здесь и далее с англ. мой. – А. Ю.) [8, р. 91]. Современные исследователи определяют отсутствие гомогенности в тексте как неизбежный элемент нарратива. Пьер-А. Уолкер, анализируя «Следы на пыльной дороге» сквозь призму постмодернизма, пишет следующее: «Дело не в том, что у Херстон не было ни желания, ни способности раскрыть “настоящую Зору”, а скорее в том, что нет никакого единого, скрытого, внутреннего, настоящего “я”, которое можно было бы раскрыть» [9, р. 394]. Формальную неспособность зафиксировать себя в тексте подтверждает и Р. Пьетка: «Херстон не пытается обмануть своих покровителей и белых читателей так сильно, как

она пытается представить бедственное положение писательницы, которая стремится раскрыть себя, постоянно прерываемая жизнями и текстами, существовавшими до неё. В результате автобиография является свидетельством текучести её жизни» [10, р. 101].

Именно неспособность собрать целостную идентичность в книге – действительная причина сомнений З. Н. Херстон по поводу успеха автобиографии. Называя себя «закрепленным на стене коричневым мешочком для всякой всячины» [6]), она создает конвенциональный текст, предстающий перед читателем как серия перформансов, автобиографический миф, чья суть – трикстерская стратегия ускользания от интерпретации. Для этого З. Н. Херстон использует правдоподобные, но неверные факты из жизни для того, чтобы вместить себя в рамки Гарлемского ренессанса. Например, описывая детство, писательница называет местом своего рождения Итонвилл, штат Флорида, несмотря на то, что родилась в Нотасульге, штат Алабама. Таким образом, родившись в полностью афроамериканском городе, писательница доказывает собственное расовое здоровье и легитимизирует притязания на исследование культуры изнутри. Изменив реальную дату рождения, она на десять лет «ускоряет» ритм жизни и уплотняет её хромотоп. Важно отметить, что политически провокационные главы, критикующие американский империализм, миссионерскую работу и определяющие расу как этический выбор каждого, были исключены издателем, что существенно повлияло на восприятие текста не только его автором, но и читательской аудиторией. Оценивая жизнь отца с мачехой как историю токсичных отношений с позиции ребёнка, потерявшего мать, умалчивая информацию о крепких связях с племянницами или участие в Федеральном писательском проекте (англ. *Federal Writers' Project, FWP*) для их материальной поддержки [11], З. Н. Херстон сознательно конструирует желательную для неё историю, чтобы создать текстуализированную «статую» её устного творчества. Автобиография становится фиксацией процесса написания, в котором участвует расово (афроамериканец) и гендерно (женщина) маркированный автор, занимающийся письмом для преимущественно белой аудитории.

Оценивая «Пыльные следы на дороге» как автоэтнографию, исследователь Фр. Лионетт утверждает: «Это сиротский текст, который пытается создать свою собственную генеалогию, одновременно апеллируя к культурным традициям, которые он помогает переопределить, и развенчивая их» [12, р. 101]. Каждая часть автобиографии посвящена определённой культурной теме: история, география, мифология, религия, политика, дружба, любовь и т. д. Перед читателем Зора Нил Херстон последовательно предстаёт как мифическая героиня, пикаро и эссеист [13, р. 669]. Мифологические черты маленькой Зоры (сила, ставящая её в один ряд с мальчиками, желание путешествовать, двенадцать видений, определяющих пророческую избранность ребёнка и его отрешённость от общества) указывают на её соотношение с Персефоной, богиней весны и подземного мира в греческой мифологии, и Изис/Исидой, древнеегипетской богиней женственности, собирающей тело супруга Осириса, бога плодородия и смерти, по кусочкам. Последняя становится альтер-эго писательницы и появляется в рассказе «Залитая светом» (*Drenched in Light, 1924*) как Изис Ватт и дочь главных героев Изис Поттс в автобиографическом романе «Тыквенное дерево Ионы» (*Jonah's Gourd Vine, 1934*). Королева нигератти (англ. *nigeratti*) З. Н. Херстон, как и владычицы подземного мира, находится на периферии между белым и чёрным миром, научными исследованиями и художественным творчеством, религией и язычеством, традициями и новаторством. Её жизнь связана с утратой любимой матери – как Персефона, писательница обретает двуликую идентичность, способность к духовным путешествиям: «*That hour began my wanderings. Not so much in geography, but in time. Then not so much in time as in spirit.*

Mama die dats un down and changed a world» («С этого часа начались мои странствия. Не столько в географии, сколько во времени. Даже не столько во времени, сколько духовно. Мама умерла на закате и изменила мир») [14]. Как Изидыда, она стремится из кусочков фольклора собрать целостную картину «возлюбленной» нации. Объединение двух мифологий означает стремление афроамериканки разрушению воображаемых расовых и культурных границ: «*I do not wish to close the frontiers of life up on my ownself. I do not wish to deny myself the expansion of seeking into individual capabilities and depths by living in a space whose boundaries are race and nation*» («Я не хочу закрывать границы жизни для самой себя. Я не хочу отказывать себе в расширении поиска индивидуальных возможностей и глубин, живя в пространстве, границы которого – раса и нация») [14]. Как афроамериканский трикстер и европейский пикаро, писательница постоянно означает собственное присутствие в тексте, передаёт индивидуальный опыт в рамках двусмысленности и недосказанности: «*What ever I do know, I have no intention of putting it on public display*» («Что бы я ни знала, у меня нет намерения доводить так много до сведения общественности») [14]. Стремление к универсальности заметно в следующей фразе: «*I am one with the infinite and need no other assurance*» («Я едина с бесконечным и не нуждаюсь ни в каких других гарантиях») [14].

«Пыльные следы на дороге» фокусируются на воображаемой жизни З. Н. Херстон, психологической динамике взаимоотношений в семье, историях Итонвилля, личностных связях и двусмысленных высказываниях о расе [9]. В отличие от традиции невольничьих повествований и духовных автобиографий, в книге темы индивидуальной идентичности, голоса и освоения силы слова не являются ключевыми – автор формирует «коллективную» фрагментарную историю для преимущественно белой аудитории. В автобиографии деконструируются паттерны, присущие мужскому языку успеха и обладания [15]. Нарратив, в основном использующий паттерны устной речи, зафиксированные в афроамериканском вернакуляре, становится репрезентацией словесной «игры в дюжины», специфики культуры штата Флорида, где Итонвилль – сцена, на которой искусство лжи определяется в качестве витальной и креативной стратегии этноса. Главы-приложения З. Н. Херстон служат игровым означиванием приложений в невольничьих повествованиях, добавлявшиеся белыми аболюционистами для доказательства аутентичности текста, и являются политическим актом. О рабстве, предмете, важном для каждого афроамериканца, писательница говорит следующее: «*I have no personal memory of those times, no responsibility for them*» («У меня нет ни личных воспоминаний о тех временах, ни какой-то ответственности за них») [14].

Таким образом, в автобиографии «Следы на пыльной дороге» З. Н. Херстон означает традиционный жанр автобиографии следующими способами: 1) подача неверной информации в качестве истинной с целью вписать собственное «я» в культурный период Гарлемского ренессанса; 2) фрагментирование нарратива; 3) намеренное смешение эссеистики и автобиографического письма; 4) использование черт устного афроамериканского вернакуляра в письменной речи; 5) мифологизация собственной персоны (обладание «сверхспособностями», наличие видений, ассоциация с богинями Персефоной и Изидой); 6) означивание традиций невольничьих повествований (пародия структурных элементов (приложений) с целью) и мужского письма, предполагающего фиксацию автора как состоявшегося человека, чья история «захватывает» читателя. Создавая гетерогенный текст, писательница тем самым описывает многогранный опыт бытия афроамериканки в середине XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Романова Г. И. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / редкол.: А. Н. Николюкин (гл. ред.). М.: Интелвак, 2001. С. 16–17.
2. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 365–378.
3. Лежён Ф. В защиту автобиографии / пер. с фр. Б. Дубина // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 110–122.
4. Мроженкова Н. В. Модернистская автобиография: жанровые трансформации // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 1. С. 195–203.
5. Hurston Z. N. How It Feels to Be Colored Me [Electronic resource] // The World Tomorrow. 1928. URL: <http://xroads.virginia.edu/~MA01/Grand-Jean/Hurston/Chapters/how.html> (дата обращения: 27.03.2022).
6. Херстон З. Н. Каково это – быть цветной? / пер. с англ. И. В. Морозовой [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2017/7> (дата обращения: 24.03.2022).
7. *Hemenway Robert E. Zora Neale Hurston: A Literary Biography.* Urbana, University of Illinois Press, 1980.
8. *Walker, A. In Search of Our Mothers' Gardens : a Womanist Prose.* N. Y.: Harcourt, 1983.
9. *Walker Pierre A. Zora Neale Hurston and the Post-Modern Self in Dust Tracks on a Road* // African American Review. 1998. Vol. 32. № 3. 387–399.
10. *Pietka R. There Is No Me Like My Statue : Life and Text in Zora Neale Hurston's Dust Tracks on a Road* // Pacific Coast Philology. 2014. Vol. 49. № 1. – P. 99–111.
11. *Bordelon P. New Tracks on Dust Tracks: Toward a Reassessment of the Life of Zora Neale Hurston* // African American Review. 1997. Vol. 31. № 1. P. 5–21.
12. *Lionnet Fr. Autoethnography: The An-Archic Style of Dust Tracks on a Road* // Autobiographical Voices: Race, Gender, Self-Portraiture. Cornell University Press, 1989. P. 97–129.
13. *Robey J. Generic Strategies in Zora Neale Hurston's Dust Tracks on a Road* // Black American Literature Forum. 1990. Vol. 24. № 4. P. 667–682.
14. *Hurston Z. N. Dust Tracks on a Road* [Electronic resource]. URL: <https://gutenberg.ca/ebooks/hurstonzn-dusttracksonaroad/hurstonzn-dusttracksonaroad-00-h.html> (дата обращения: 27.03.2022).
15. *Krasner J. The Life of Women: Zora Neale Hurston and Female Autobiography* // Black American Literature Forum. 1989. Vol. 23. № 1. P. 113–126.

КНИГА ДАНИЭЛЯ КАК АРХЕТЕКСТ ЛИРИКИ БАЙРОНА («ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА» И «ВАЛТАСАРУ»)

THE BOOK OF DANIEL AS THE ARCHETEXT OF BYRON'S LYRICS («VISION OF BELSHAZZAR» AND «TO BELSHAZZAR»)

П. В. ШНЕЙДЕР
P. SCHNEIDER

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: pavel.schneider@aol.com*

В статье через призму библейской архетекстуальности рассматриваются стихотворения Дж. Г. Байрона «Видение Валтасара» и «Валтасару», входящие в лирический цикл «Еврейские мелодии». Байроновский Валтасар предстает как сатира на Наполеона и принца-регента (после 1820 – короля) Георга IV, в образе которого автор подчеркивает брэнность мира и разочарование в неподконтрольной власти.

Through the prism of biblical archetextuality, this study explores G. G. Byron's poems «Vision of Belshazzar» and «To Belshazzar». Byron's Belshazzar is seen as a satire on Napoleon and Prince Regent George IV. The array of emotions is expressed in a dialogue with the Book of Daniel which also serves as prime archetext.

Ключевые слова: Дж. Г. Байрон; английская поэзия; романтизм; «Еврейские мелодии»; Библия; Книга Даниэля; архетекст; библейская архетекстуальность.

Keywords: G. G. Byron; English poetry; romanticism; «Hebrew Melodies»; the Bible; the Book of Daniel; archetext; biblical archetextuality.

Для литературы английского романтизма, как и романтизма в целом, одним из важнейших «собеседников» и образцов для творчества стала Библия: ее поэтика осознается как чрезвычайно важный корректив к античному эталону. Различные книги Библии выступают, согласно определению Г. В. Синоло, как «осевые» архетексты европейской культуры и литературы (см.: [6]). Это наглядно подтверждает и два стихотворения Джорджа Гордона Байрона, основой которых стала Книга Даниэля и в целом апокалиптические настроения – «*Vision of Belshazzar*» («Видение Валтасара») и «*To Belshazzar*» (впервые было издано в 1931 г., после смерти Байрона, и не переведено на русский язык). Г. В. Синоло, говоря о жанре Книги Даниэля, пишет: «На самом позднем этапе развития древнееврейской культуры, в эпоху насильственной эллинизации и отчаянного сопротивления ей, когда наиболее пытливые, сомневающиеся и мучающиеся умы пытаются постичь роковой смысл истории, рождается еще один уникальный жанр древнееврейской литературы, оказавший огромное влияние на последующую традицию, особенно христианскую» [5, с. 411]. Байрона стоит назвать апокалиптиком, что не мешает ему оставаться оригинальным поэтом-романтиком, тем более что мышление романтизма, особенно позднего, отличается трагичностью и даже катастрофичностью. Стремление придать истории смысл объединяет древнееврейского автора и английского поэта, с чем согласился бы и Н. Бердяев: «История имеет смысл только в том случае, если она кончится, если она не будет бесконечной» [2, с. 127–128]. Краугольный камень

эстетики творчества Байрона, как пишет сам автор, – красота в завершенности: «Вообще статуи, надо сказать, обыкновенно поэтичнее, нежели природа, хотя бы уже потому, что они воплощают в себе и являют взору ту идеальную красоту и завершенность, коих не сыщешь в природе» [4, с. 321]. Байрон заимствовал у Библии ее образность и стилистику, но дал свое понимание эсхатологии – учения о конце истории. Древний апокалиптик остро переживает крах «большой» истории, то есть истории всего человечества, Байрону больше присуще переживание «малой истории», то есть истории одного человека в контексте «большой» истории:

The King was on his throne, / The Satraps thronged the hall; / A thousand bright lamps shone / O'er that high festival. / A thousand cups of gold, / In Judah deemed divine – / Jehovah's vessels hold / The godless Heathen's wine! // In that same hour and hall, / The fingers of a hand / Came forth against the wall, / And wrote as if on sand: / The fingers of a man; – / A solitary hand / Along the letters ran, / And traced them like a wand. – // The Monarch saw, and shook, / And babe no more rejoice; / All bloodless waxed his look, / And tremulous his voice. / «Let the men of lore appear, / The wisest of the Earth, / And expound the words of fear, / Which mar our royal mirth». // Chaldea's seers are good, / But here they have no skill – / And the unknown letters stood / Untold and awful still. – / And Babel's men of age / Are wise and deep in lore; / But now they were not sage, / They saw – but knew no more. // A captive in the land, / A stranger and a youth, / He heard the King's command, / He saw that writing's truth. / The lamps around were bright, / The prophecy in view; / He read it on that night, – The morrow proved it true. – // «Belshazzar's grave is made – / His kingdom passed away – / He, in the balance weighed, / Is light and worthless clay. / The shroud, his robe of state, / His canopy, the Stone; / The Mede is at his gate! / The Persian on his Throne!» [7, p. 80].

Художественный перевод Евгения Фельдмана:

Владыка на престоле; / Сатрапы; / толпы слуг; / Просторен зал, как поле; / Веселый пир вокруг. / Кошунством до основы / Здесь все осквернено: / В сосудах Иеговы / Язычников вино! // И чудо вдруг случилось: / Рука, как бы извне, / Знаменьем проявилась / На каменной стене. / И надпись крупно, броско, / Могуча, но легка, / На камне, как на воске, / Оставила рука. // И страх пришел великий, / Веселый пир поправ. / И побледнел владыка, / И молвил, задрожав: / «Зовите нам провидца. / Пускай он объяснит, / Что в надписи таится / И что нам рок сулит!» // Учеными обильна / Халдейская страна, / Но все они бессильны / Проникнуть в письма. / Жрецы, что в этой роли / Не раз дивили мир, / Здесь видели не боле / Собравшихся на пир. // Тут вышел юный пленник / К владыке всех владык. / Евреев соплеменник, / Он тайный знал язык. / И все, что он той ночью / Поведал при царе, / Увидел царь воочью / На утренней заре! // «Что создано тобою, / Растает на глазах. / Ты, взвешенный судьбою, / Увы, ничтожный прах. / Мгновениям убийцы / Уже ведут отсчет. / У врат стоят мидийцы, / И перс твой трон займет!» [1].

Стихотворение Байрона во многом повторяет картину, нарисованную Даниэлем, в которой автор отдален от героя во времени: «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и пред глазами тысячи пил вино» (Дан 1:1; здесь и далее Синод. перевод). Баллада Байрона «Видение Валтасара» имеет четкую наполеоновскую тематику, хотя сам поэт отрицал всякую связь своих произведений с современными ему событиями и людьми. Такой вывод возможен благодаря двум фактам. Первый – самый очевидный: год создания стихотворения: «Видение Валтасара» написано в 1815 г., в пе-

риод первого и второго отречения Наполеона от престола – с апреля 1814 по июнь 1815 гг. После первого отречения Наполеон попытался вернуть свой титул и власть, и ему это удалось – на 100 дней. К 1815 г. Франция была слаба, что сделало невозможным долгое правление Наполеона. Вторым фактом – выбор героев, Валтасара и Даниэля. Валтасар был наследником Навуходоносора и оказался последним царем Вавилона, о чем говорится в Библии: «В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит / И Дарий Мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет» (Дан 5:30–31). Образы Валтасара и Наполеона близки для Байрона еще по одной причине: в отличие от грехов Саула или Ирода грех Валтасара, как и Наполеона, заключается в перманентном неуважении и осквернении Другого. В своем произведении Байрон создал самобытный образ пророка Даниэля: «Пленник на земле, / Чужак и юноша, / Он услышал приказ царя, / Он увидел, что написанное – правда» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – П. Ш.). По Библии, Даниэль уже не был юношей, когда на трон взошел Валтасар, ведь он еще служил при его отце. Байрон был хорошо знаком с Библией, поэтому, скорее всего, он допустил такую трактовку сознательно, ведь широко известно, что Наполеон Бонапарт был «рожден под счастливой звездой» и верил в мистику. Одной из самых известных предсказательниц Парижа того времени была юная – всего 20 лет – Мария-Анна-Аделаида Ленорман, к которой, по легенде, и обращался Наполеон, и даже его жена – Жозефина. Или есть легенда, что в день коронации Наполеону подарили ларец с таинственной рукописью, в которой предсказывалась судьба Франции и самого императора. Все это подталкивает нас к проведению связей между образами «Видения Валтасара» и образами Наполеона и его окружения.

Похожий образ Валтасара возникает и в другом произведении Байрона – в стихотворном романе «Дон Жуан», ставшем своего рода сатирой на общество Европы:

«These Oriental Writings on the Wall, / Quite common in those Countries, are a kind / Of Monitors adapted to recall, / Like Skulls at Memphian banquets, to the Mind / The words which shook Belshazzar in his Hall, / And took his kingdom from him: You will find, / Though Sages may pour out their Wisdom's treasure, / There is no sterner Moralist than Pleasure» [7].

Стихотворение «Видение Валтасара» также могло быть адресовано и любящему веселье денди – Георгу IV. Принц-регент (после 1820 г. – король) часто становился объектом сатиры, в том числе карикатуриста Уильяма Хита и Джорджа Байрона. Хотя связь с английским принцем лучше проявлена в неопубликованном при жизни Байрона стихотворении «To Belshazzar»:

“Belshazzar! From the banquet turn, / Nor in thy sensual fullness fall; / Behold! While yet before thee burn / The graven words, the glowing wall. / Many a despot men miscall / Crowned and anointed from on high. / But thou, the weakest, worst of all – / Is it not written, thou must die? // Go! dash the roses from thy brow – / Gray hairs but poorly wreath with them; / Youth's garlands misbecome thee now, / More than thy very diadem, / Where thou hast tarnished every gem – / Then throw the worthless bauble by, / Which, worn by thee, ev'n slaves contemn; / And learn like better men to die! // Oh! early in the balance weighed, / And ever light of word and worth, / Whose Soul expired ere Youth decayed, / And left thee but a mass of earth. / To see thee moves the scorner's mirth: / But tears in Hope's averted eye / Lament that ever thou hadst birth – / Unfit to govern – love – or die. –” [7, с. 80].

«Валтасар! От пиршества отвернись / и не падай в своей чувственной полноте; / Смотри! Пока еще перед тобой горят / высеченные слова, светя-

щаяся стена. / Многие деспоты ошибочно называют себя / коронованными и помазанными свыше. / Но ты, самый слабый, худший из всех – / Разве не написано, что ты должен умереть? // Иди! сорви розы со своего лба – / Седые волосы, но плохо завитые им; / Гирлянды юности не к лицу тебе сейчас, / Больше, чем сама твоя диадема, / На которой ты запятнал каждый драгоценный камень – / Тогда брось бесполезную безделушку, / Которая, носимая тобой, презирается даже рабами; / И научись умирать, как лучшие люди! // О! рано на весах был взвешен, / И каждый свет слова и значимости, / Чья Душа испустила Дух, / И оставил тебе лишь массу земли. / Видно, что тобой движет веселье насмешника: / Но слезы в отведенных глазах Надежды, / оплакивают, что ты когда родился – умеешь управлять – любить – или умереть».

Муррей – первый издатель «Еврейских мелодий» – не опубликовал это стихотворение в 1815 г. из-за явной отсылки к принцу-регенту и, возможно, к Консервативной партии. Такого рода реминисценции можно найти в «Дон Жуане», где Байрон высмеял и правителя, и известного в те времена бизнесмена, Уильяма Куртиса:

“Teach them the decencies of good threescore; / Cure them of tours, hussar and highland dresses; / Tell them that Youth once gone returns no more, / That hired huzzas redeem no land’s distresses; / Tell them Sir William Curtis is a bore, / Too dull even for the dullest of excesses, / The witless Falstaff of a hoary Hal, / A Fool whose bells have ceased to ring at all; // Tell them, though it may be perhaps too late / On Life’s worn confine, jaded, bloated, sated, / To set up vain pretences of being great – / Tis not so to be Good; and be it stated / The worthiest kings have ever loved least State...” [7].

Дидактичность – ключевая категория поэзии Байрона – требует интеллектуализма, погружения в социокультурный контекст эпохи и знания многих культурных контекстов, в том числе и библейского. Библейская архетекстуальность помогает Байрону выразить свой взгляд на историю и роль личности в истории, сформулировать свои политические взгляды и свою нравственную позицию. Последняя так же ценна, как и поэтическая форма байроновских стихотворений, и исходит из принципа: «О человечестве суди по человеку».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Байрон Дж. Г. Видение Валтасара / пер. с англ. Е. Фельдмана [Электронный ресурс]. URL: <http://eng-poetry.ru/Поем.php?ПоемId=7495>. (дата обращения: 11.12.2021).
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989.
3. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
4. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под общ. ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1980.
5. Синило Г. В. Библия и мировая культура: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2015.
6. Синило Г. В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.

Раздел 3

Современные креативные пространства и охрана культурного наследия

СУЧАСНЫЯ ТЭНДЭНЦЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ТРАНСЛЯЦЫІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ Ў МЕДЫЯПРАСТОРЫ БЕЛАРУСКІХ МУЗЕЯЎ

MODERN TRENDS AND PROSPECTS OF BROADCASTING HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE MEDIA SPACE OF BELARUSIAN MUSEUMS

В. Ю. СЕБРУКОВІЧ
V. YU. SEBRUKOVICH

*Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў
вул. Рабкорайская, 17, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: veronikasebrukovich88@tut.by*

У артыкуле разглядаюцца актуальныя трэнды па трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны ў віртуальнай прасторы айчынных музеяў як ярскія прыклады фарміравання культурнага ландшафту беларускага грамадства.

The article discusses current trends in the translation of historical and cultural heritage in the virtual space of domestic museums as vivid examples of the formation of the cultural landscape of Belarusian society.

Ключавыя словы: музей; інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі; медыяпрастора.

Keywords: museum; information and communication technologies; media space.

Дынамічныя працэсы засваення музеямі медыяпрасторы, віртуалізацыя, дыджыталізацыя музейнай дзейнасці знаходзяць сваё адлюстраванне ў навуковых дыскусіях датычна фарміравання новага ладу музея, які «не можа быць пасіўным захавальнікам “скарбаў мінулага”, а павінен стаць актыўным удзельнікам працэсаў сацыякультурных трансфармацый» [1, с. 45].

За апошнія дзесяцігоддзі беларускія музеі назапасілі пэўны практычны досвед у напрамках выкарыстання аўдыявізуальных, мультымедычных сродкаў, дыджытал-тэхналогій. Шматлікія музеі краіны пашыраюць камунікацыйныя магчымасці не толькі пасродкам прэзентацыі сваёй дзейнасці ў на афіцыйных сайтах, у сацсетках, але і за кошт насычэння сучасных тэхналогій і спалучэння іх з фізічнай музейнай прасторай. Назіраецца агульная тэндэнцыя віртуалізацыі музейнай практыкі.

Беларускія музеі рэспубліканскага і рэгіянальнага падпарадкавання маюць трывалы досвед у выкарыстанні спецыялізаваных камп’ютарных праграм і прыкладанняў, сродкаў мультымедыя ў якасці дапаможных інструментаў для ўдасканалення ўлікова-фондавай работы (стварэнне баз даных, лічбавых выяў музейных прадметаў), ажыццяўлення рэстаўрацыйнай дзейнасці, а таксама як дапаўняльных, часам самастойных, элементаў ў арганізацыі экспазіцыйнай прасторы.

Агульная тыпалагізацыя форм актыўнасці, характэрных для айчынных музеяў, дазволіла вылучыць дзве асноўныя формы трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны ў медыяпрасторы, якіх трымаюцца сучасныя айчынныя музеі і імкнуцца развіваць:

1. трансляцыя гісторыка-культурнай спадчыны музеямі Рэспублікі Беларусь у межах іх фізічнай прасторы – выкарыстанне інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій (ІКТ) як дапаможных і самастойных элементаў у экспазіцыйна-выставачнай, культурна-адукацыйнай, рэстаўрацыйнай, навукова-фондавай, маркетынгавай дзейнасці айчынных музеяў;
2. трансляцыя гісторыка-культурнай спадчыны пасродкам выкарыстання ІКТ у віртуальнай прасторы музея – сістэматычная, мэтанакіраваная актыўнасць сучасных беларускіх музеяў пасродкам стварэння і дзейнасці афіцыйных сайтаў, суполак, старонак у сацыяльных сетках, віртуальных анлайн-праектаў.

У межах дадзенага артыкула разгледзім найбольш паказальныя музейныя практыкі трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны ў віртуальнай прасторы айчынных музеяў, як актуальныя і новыя трэнды ў фарміраванні культурнага ландшафту беларускага грамадства.

Трансляцыя гісторыка-культурнай спадчыны музеямі Рэспублікі Беларусь у межах іх фізічнай прасторы праяўляецца ў шырокім выкарыстанні ІКТ, лічбавых тэхналогій непасрэдна ў фізічнай прасторы музея. Гэта значыць, што толькі наведаўшы музейную ўстанову, можна пазнаёміцца з тым ці іншым праектам.

Кіруючыся сусветнымі тэндэнцыямі да пашырэння межаў музея па-за яго фізічнай прасторай, музей бачыць важным элеменам у сваёй камунікацыйнай стратэгіі ініцыяцыю ўстановы ў медыяпрасторы праз новы ўзровень узаемадзеяння з наведвальнікамі пры дапамозе Інтэрнэта і лічбавых тэхналогій. Тым самым, праз дыджытал-каналы адбываецца не толькі прэзентацыя музея і яго збораў, прыцягнення патэнцыйнай аўдыторыі і стымуляцыі матывацыі наведвання, але трансляцыя гісторыка-культурнай спадчыны і ўцягненне яе ў агульнакультурны кантэкст.

Важна адзначыць, што віртуальная прастора, як феномен, вызначаецца сваёй асаблівай, адрознай ад фізічнай музейнай прасторы, логікай пабудовы камунікацыйных сувязей праз стварэнне пэўнага кантэнту. Адносна форм трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны ў віртуальнай прасторы айчынных музеяў, лічым неабходным вызначыць наступныя:

- *віртуальны медыя-прадукт* (віртуальныя лекцыі, экскурсіі, майстар-класы, трансляцыя адкрыцця часовых экспазіцый, святаў, урачыстасцей; мабільныя прыкладанні, віртуальныя музеі);
- *лічбавы маркетынг* (PR і рэкламная дзейнасць: сувенірная прадукцыя; прасоўванне музея ў сацыяльных сетках; стварэнне і дзейнасць афіцыйных сайтаў музеяў; электронная камерцыйная дзейнасць музея).

Дадзеныя кампаненты найбольш яскрава дэманструюць новую стратэгію музейнай камунікацыі з прыцягненнем магчымасцей лічбавых тэхналогій і Інтэрнэту і выкарыстаннем тэхналогій маркетынгу. Гэта перш за ўсё звязана з агульнай зменай парадыхмы развіцця грамадства, адной з вызначаючых сфер якога з'яўляецца культура. Імклівы рост аб'ёмаў інфармацыі і распаўсюджванне яе пасродкам інфармацыйна-камунікатыўных каналаў закранае і змяняе ўсе сферы жыцця і дзейнасці чалавека. Асаблівасцю дзейнасці музея ў віртуальнай прасторы, нягледзячы на пераўтварэнне яго ў месца баўлення вольнага часу і рэкрэацыі, з'яўляецца стварэнне якаснага адукацыйнага рэсурсу з мэтай паглыблення ведаў пра культуру ўвогуле, альбо пра пэўную музейную калецыю ці прадмет.

ВІРТУАЛЬНЫ МЕДЫЯ-ПРАДУКТ

Айчынныя музеі, кіруючыся агульнымі тэндэнцыямі лічбавых трансфармацый музейнай практыкі, прайшлі пэўнае выпрабаванне на гатоўнасць да інтэграцыі ў медыяпрасторы. На фоне пандэміі каронавіруса Covid-19 з канца 2019 г. былі прадэманстраваны магчымасці дзяржаўных музеяў па прысутнасці ў Інтэрнэце.

Атрымалі папулярнасць такія формы лічбавых фарматаў камунікацыі як анлайн-экскурсіі, анлайн-лекцыі, анлайн-квэсты, віртуальныя майстар-класы. Анлайн-трансляцыю выставак, а таксама віртуальныя экскурсіі прапаноўваюць Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы, Віцебскі мастацкі музей, Музей гісторыі Магілёва, Мінскі абласны краязнаўчы музей, Нацыянальны полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей, Гарадоцкі раённы краязнаўчы музей і іншыя музеі краіны. Сярод айчынных музеяў таксама набылі папулярнасць анлайн-экскурсіі як па пастаяннай, так і па часовай экспазіцыям.

Традыцыйная штогадовая акцыя «Ноч у музеі» з прычыны абмежаванасці жывой камунікацыі ў сувязі з распаўсюджваннем Covid-19, ўпершыню ў Беларусі прайшла ў анлайн-фармаце ў 2020 г. Да Міжнароднага дня музеяў Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь ажыццявіў анлайн-праект «Museum backstage». У прамым эфіры супрацоўнікі музея пазнаёмілі віртуальных наведвальнікаў з працай музейных фондаў, рэстаўрацыйных майстэрняў і спецыфікай арганізацыі навуковых даследаванняў. Трансляцыя анлайн-акцыі адбывалася на афіцыйных старонках музея ў сацсетках, платформе Юцюб [2].

Анлайн-акцыі да Міжнароднага дня музеяў прайшлі ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь, Музеі «Замкавым комплексе “Мір”», Чачэрскім гісторыка-этнаграфічным музеі, Браслаўскім раённым аб’яднанні музеяў і інш.

Перспектывным тэндэмам у музейнай практыцы бачыцца таксама выкарыстанне *мабільных прыкладанняў* у арганізацыі экспазіцыйна-выставачнай, культурна-адукацыйнай дзейнасці. Некаторыя беларускія музеі таксама імкнуцца выкарыстоўваць у сваёй рабоце мабільныя прыкладанні. Так, Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь сумесна з партнёрам ААА «Сі Бі Мабайл» (СВМобіле) стварыў некамерцыйнае мабільнае прыкладанне для платформаў Android і Ios «Мастакі: Live». Яно ўяўляе сабой інтэрактыўны гід па музейных экспазіцыях Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь з магчымасцю распазнавання музейных экспанатаў у суправаджэнні анімацыі на экране мабільнага гаджэтаз выкарыстаннем тэхналогіі AR. У Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь ёсць магчымасць не толькі здзейсніць віртуальнае падарожжа па залах музея дзякуючы мабільнаму прыкладанню izi.TRAVEL, але і прайсці квэст. Напрыклад, у 2016 г. у рамках сумеснага культурна-адукацыйнага праекта Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь і кампаніі мабільнай сувязі Velcom (A1) «Музей дзецям з velcom», быў распрацаваны і прэзентаваны машабны гістарычны квэст па музеі і яго філіялах [3].

Стварэнне такіх медыя-прадуктаў як мабільныя гульні, анлайн-экскурсіі, анлайн-зьянткі, лекцыі і інш. суправаджаецца шэрагам перашкод фінансавага, арганізацыйнага характару, што ў сваю чаргу ўскладняе практыку паўсюднага іх задзейнічання ў музейнай практыцы, асабліва ў невялікіх музейных установах.

ЛІЧБАВЫ МАРКЕТЫНГ

Неабходнымі элементамі лічбавага маркетынгу, якія прадастаўляюць магчымасць для эфектыўнага ажыццяўлення трансляцыі гісторыка-культурнай спадчы-

ны і пашырэння доступу да яе ў віртуальнай музейнай прасторы з'яўляецца рэклама музея (*PR – Public Relations*). Яе можна разглядаць як сістэму прыёмаў і метадаў для ўстанаўлення ўстойлівых узаемаадносін з пастаяннай і патэнцыянальнай аўдыторыяй. Традыцыйна, да нядаўняга часу, асноўнымі спосабамі ажыццяўлення PR у музеі з'яўляліся сродкі масавай інфармацыі (радыё, тэлебачанне, перыядычны друк). Аднак, з улікам распаўсюджвання Інтэрнэту і лічбавых тэхналогій, набылі папулярнасць формы рэкламавання ў віртуальнай прасторы музея: на старонках сацыяльных сетак, афіцыйных сайтах, іншых рэкламных лічбавых пляцоўках і г.д. Для прадуктыўнага прасоўвання музейных паслуг, самага музея ў якасці культурнага брэнда, як комплексага ўяўлення наведвальнікаў аб музеі, увядзення новых штатных адзінак: дызайнераў, smm-мэнэджэраў, маркетологаў, спецыялістаў па лічбавых тэхналогіях і сувязям з грамадскасцю. Для сучаснага музея таксама стаіць задача вывучэння характарыстык рэкламы, актыўнае яе выкарыстанне і ўключэнне рэкламных сродкаў у музейны маркетынжавы план.

Базавымі элементамі ў фарміраванні культурнага брэнда акрамя самага будынку музея, каталогаў, пуцяводнікаў, экспазіцыйных залаў, культурна-адукацыйных праграм у комплексе таксама з'яўляюцца розныя формы ўзаемадзеяння з аўдыторыяй праз Інтэрнэт. Такімі формамі, характэрнымі для большасці айчынных музейных інстытуцый з'яўляюцца:

- прасоўванне музея ў сацыяльных сетках;
- стварэнне і дзейнасць афіцыйных сайтаў музеяў;
- электронная камерцыйная дзейнасць музея.

Для сучаснага музея таксама стаіць задача вывучэння характарыстык рэкламы, актыўнае яе выкарыстанне і ўключэнне рэкламных сродкаў у музейны маркетынжавы план. Пазітыўным прыкладам стварэння якаснага рэкламнага прадукту ў напрамку выкарыстання лічбавых тэхналогій з прэзентацыйнымі мэтамі на аснове музейных прадметаў, экспазіцыйных залаў, з прыцягненнем музейных супрацоўнікаў стала серыя 11 прэзентацыйных відэаролікаў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь (2020 г.). Дадзены ролік-візітоўка закліканы да прэзентацыі і папулярызацыі музея і яго збораў, а таксама прыцягнення патэнцыяльнай аўдыторыі.

Акрамя актыўнасці на музейных сайтах, якія сталі ўжо даволі звыклымі для музейнай аўдыторыі, беларускія музеі прадстаўляюць розныя фарматы лічбавых праектаў у сацыяльных сетках Інстаграм, Тэлеграм, Твітэр, Фэйсбук, ВКонтакте, стварэнне акаунтаў на платформе Юцуб, што дазваляе набліжаць характар камунікацыі з віртуальнымі наведвальнікамі да фармату жывых зносінаў, дынамічнага, нефармальнага прадстаўлення інфармацыі.

Падыход да трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны праз наратыў, апавяданне гісторыі не толькі пра сам музейны прадмет, але і апісанне абставінаў і падзей, звязаных з ім, магчымы не толькі ў фізічнай прасторы музея падчас наведвання, але і ў віртуальнай прасторы. Такое апавяданне, пададзенае ў нязмушанай форме, становіцца больш успрымальным, зразумелым, персаналізаваным і інтэрактыўным. Для музея, які па сутнасці сваёй з'яўляецца апавядальнікам, такі прыём становіцца даволі арганічным. Паказальным прыкладам музея, які пазіцыянуе ў віртуальнай прасторы менавіта як музей-апавядальнік у жанры сторытэлінга з'яўляецца Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі. Нягледзячы на профіль і спецыфіку дадзенай музейнай установы, выкарыстоўваюцца разнастайныя па тэматыцы лічбавыя копіі музейных прадметаў, архітэктурных помнікаў Гродна і г.д., якія самі па сабе

ўнікальныя, для ўключэння карыстальнікаў, суправаджаюцца лёгкаўспрымальнай, кароткай тэкставай інфармацыяй. Налажванне камунікацыі на платформе сацсетак, у дадзеным выпадку ў Інстаграм і Тэлеграм, адбываецца за кошт падачы назваў сваіх пастоў пад знакам пытання (напрыклад: «У каго лепшая барада?», «“Кого охраняют львы?», «Кто предал Кейстута?»), у форме інтэрв’ю са знакамітымі асобамі («Інтэрв’ю Элізы Ожешко»), цікавых гісторый пра Гродна, жыхароў горада і г.д. Такі фармат прыцягвае аўдыторыю, пабуджае адказаць на зададзенае пытанне, альбо прачытаць цікавыя звесткі, дзяліцца сваімі меркаваннямі. Тым самым усе, хто наведвае дадзены рэсурс, становяцца не толькі пасіўнымі назіральнікамі, глядачамі, але і актыўнымі ўдзельнікамі камунікацыі. Адбываецца наладжванне камунікацыі паміж музеем і наведвальнікамі за кошт зваротнай сувязі. Асабліва варта адзначыць стылістыку падачы пастоў Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі. Яны прывабліваюць аўдыторыю, асабліва моладзевую, сваім гумарыстычным характарам паднясення інфармацыі. Напрыклад, разважаючы над тым, якія б курсы маглі весці вядомыя дзеячы гісторыі і культуры Беларусі, супрацоўнікі музея прапануюць у якасці спікераў Бону Сфорцу з заняткамі на тэму «Курсы сямейнай псіхатэрапіі: як палепшыць адносіны з нявесткай», Рагнеду – «Пазбаўленне ад таксічных партнёраў», Караля Станіслава Радзівіла (Пане Каханку) – курсы па здароваму ладу жыцця «Скажы шкодным звычкам – не!». Такі стыль цалкам адпавядае патрэбам наведвальнікаў у жывой, вольнай камунікацыі праз гумар і цікавыя факты. Тым больш, што фармат сацыяльных сетак дазваляе зрабіць узаемадзеянне з наведвальнікамі ў нефармальнай форме.

Трэба прызнаць, што разам з агульнай тэндэнцыяй ажыўленасці беларускіх музеяў у Інтэрнэце, пераважная колькасць рэгіянальных музейных устаноў на сённяшні дзень не дастаткова поўнаасцю выкарыстоўваюць патэнцыял медыяпрасторы, у большасці, не інакш як у якасці рэкламна-інфармацыйнай дошкі. Практычна не так шмат заўважана тэматычных інтарактыўных праектаў медыя-фармату, дзе наведвальнікі з’яўляюцца б актыўнымі ўдзельнікамі. Адным з такіх нешматлікіх праектаў стаў арганізаваны на пачатку 2021 г. міжнародны флэшмоб музейных сэлфі пад хэштэгам *#MuseumSelfie*, які падтрымалі і беларускія музеі, сярод іх Музей гісторыі і культуры г. Наваполацка, Лунінецкі раённы краязнаўчы музей, Тураўскі краязнаўчы музей.

Электронная камерцыйная дзейнасць музея

Неад’емнай скадаючай маркетынгавых тэхналогій з’яўляецца вытворчасць камерцыйных прадуктаў. Аднак музейны маркетынг мае свае асаблівасці, зыходзячы з першапачатковых мэтаў, якія ставіць музей перад сабой і грамадствам. Гэтыя мэты заключаюцца ў прэваліраванні перш за ўсё некамерцыйных адукацыйных, асветніцкіх задач перад патэнцыйнай аўдыторыяй, імкненнем найбольш шырокага яе ахопу, а таксама павышэння сваёй сацыяльнай значнасці і канкурэнтаздольнасці сярод іншых культурных інстытутаў. Зыходзячы з сусветнага вопыту дзейнасці музеяў, асабліва у так званы каранцінны і посткаранцінны перыяд, якія абазначыліся ў сувязі з распаўсюджваннем пандэміі Covid-19, камерцыйная складаючая знайшла сваё даволі трывалае месца сярод прыярытэтных кірункаў дзейнасці. Яна скіравана не толькі на паляпшэнне фінансавага становішча музейных устаноў, але і, што важна, спрыяе дасягненню сацыяльных мэтаў музея.

У рэчышчы дзейнасці беларускіх дзяржаўных музеяў, электронная камерцыя пакуль што не абазначылася ў агульную тэндэнцыю. Разам з тым, апошнія падзеі, звязаныя з экспансіяй каранавіруснай інфекцыі Covid-19 сталі своеасаблівым пу-

скавым механізмам у напрамку прапаноўвання музейнага прадукту на лічбавых платформах.

На сённяшні дзень сфера электроннай камерцыі у нешматлікай колькасці музеяў Беларусі прадстаўлена функцыямі броніравання наведвання музея, альбо анлайн-пакупкі білета на экскурсію і толькі ў некаторых – стварэння камерцыйнага музейнага прадукту.

Сярод усіх музеяў Беларусі сустракаюцца толькі адзінкавыя прыклады стварэння камерцыйнага музейнага прадукту. Першапраходцам у сферы прадастаўлення паўнаважнага электроннага адукацыйнага камерцыйнага прадукту стаў Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, які з 2019 г. арганізоўвае правядзенне музейных заняткаў у анлайн-фармаце пры дапамозе праграмы Скайп (*Skype*). У першую чаргу праект разлічаны на навучэнцаў. Тэмы лекцый цалкам адпавядаюць школьнай праграме па гісторыі Беларусі, а таксама суадносяцца з пытаннямі экзаменацыйных білетаў па гісторыі Беларусі за 11 клас [4].

Стварэнне і наладжванне айчыннымі музейнымі інстытуцыямі электроннай камерцыйнай дзейнасці пашырае магчымасці атрымаць інфармацыю аб паслугах музея і, магчыма, атрымаць кансультацыю, праслухаць лекцыю ці паўдзельнічаць у занятку і іншых актыўнасцях прах Інтэрэнт не выходзячы з дому. Разам з тым, такая форма спрыяе ўзбуджэнню цікавасці да музея, яго збораў і канкрэтных музейных прадметаў. Гэта становіцца новай электроннай платформай для трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны.

Такім чынам, сучасныя беларускія музеі, асабліва ў перыяд пандэміі, паказалі ўзровень камунікацыі і прыцягнення наведвальнікаў, што пацверджана шэрагам забяспечальных, адукацыйных і іншых праектаў музейных інстытуцый [5, с. 216]. Важным аспектам таксама з'яўляецца і стварэнне пазітыўнага вобразу музея, распрацоўкі маркетынговых тэхналогій у музейнай дзейнасці. Усе адзначаныя фактары ў сукупнасці, дзякуючы разумнаму выкарыстанню ў музейнай практыцы, ствараюць перспектыву для паспяховага ажыццяўлення музейнай камунікацыі з дапамогай выкарыстання лічбавых тэхналогій.

Відавочнымі адметнасцямі тэндэнцый развіцця музеяў на сучасным этапе з'яўляюцца феномены інтэрактыўнасці і віртуальнасці. Стымулам да распаўсюджвання тэндэнцыі віртуалізацыі музейнай дзейнасці, прэзентацыі музейных збораў у анлайн-рэжыме сталі знешнія перашкоды ў камунікацыі з рэальным наведвальнікам, а менавіта – экспансія інфекцыі Covid-19, што стала сваеасаблівым маркерам гатоўнасці музейных інстытуцый да новага фармату ўзаемадзеяння. У сувязі з гэтым вылучаецца актуальная форма трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны айчыннымі музеямі ў межах віртуальнай прасторы музея. Ініцыяцыя беларускіх музеяў у віртуальнай прасторы характарызуецца шырокім дыяпазінам актыўнасцей, такіх як стварэнне віртуальнага медыя-прадукту; лічбавы маркетынг.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Определенов В.* Цифровая съемка произведений искусства // Музей. 2010. № 6. С. 42–45.
2. Онлайн-проект «Museum backstage» // Национальный художественный музей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.artmuseum.by/ru/news/night/mezhdunarodnyij-den-muzeev-v-nacziionalnom-xudozhestvennom-muzee.-museum-backstage.-2020/onlajn-proekt-museum-backstage.html> (дата обращения: 24.03.2021).

3. «Музей дзецям з велкам»: в Минске стартовал масштабный исторический квест [Электронный ресурс] // *Telegraf.by*. – Режим доступа: <https://telegraf.by/in-belarus/314884-muzei-dzeczyam-z-velkom-v-minske-startoval-masshtabnii-istoricheskii-kvest/>. – Дата доступа: 16.03.2021.
4. Онлайн-лекции [Электронный ресурс] // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. URL: <http://www.warmuseum.by/index.php/component/k2/item/1173-onlajn-lekci>. – (дата обращения: 16.04.2020).
5. *Себрукович В. Ю.* Медыяпрастора сучаснага музея: камунікатыўны аспект // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 апр. 2021 г. Минск, 2021. С. 211–217.

ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОДИЗАЙНА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ECODESIGN TRENDS IN THE MODERN CULTURAL SPACE

Т. К. ОСТАПЧИК

Т. К. ОСТАРСНУК

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Маяковского, 96, 220006, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tattian91@mail.ru*

В статье рассматривается концепция этнодизайна в междисциплинарной проектно-художественной деятельности. Анализируется ее формирование в контексте исторического развития народных промыслов. Определяется актуальность и культурная ценность направлений этнодизайна в современном культурном пространстве.

The article discusses the concept of ethnodesign, as well as its components in the form of folk crafts and their development, starting from the origin, ending with our time. The relevance and cultural value of the directions of ethnodesign in the framework of modern society is determined.

Ключевые слова: этнодизайн; ремесло; народный промысел; соломоплетение; гончарство; ткачество.

Keywords: ethnodesign; craft; folk craft; straw weaving; pottery; weaving.

Понятие «этнодизайн» используется сравнительно недавно и состоит из двух составляющих: «этнос» и «дизайн». «Этнос» (от греческого – племя, народ) – это определенная группа людей, которая проживает на одной территории на протяжении длительного периода времени. Для такой группы характерна социальная целостность, а также единый язык и культура. Дизайн (от английского *design* – проектировать, чертить, рисунок, план) – это проектирование эстетических и практических характеристик промышленных товаров и изделий, а также их создание согласно этим характеристикам [1, с. 95].

Таким образом, «этнодизайн» представляет собой художественное проектирование изделий на основе исторически сложившихся принципов. В рамках этого направления могут разрабатываться: одежда, аксессуары, составляющие интерьера и многое другое. Средствами выразительности этнодизайна являются: объем, цвет, пропорция, форма, текстура. Эти элементы комбинируются на основе средств выразительности и композиции, характерных для той или иной национальной культуры: движения и ритма, симметрии и асимметрии, равновесия и динамики. Также в основе этого принципа лежит использование определенных природных материалов и технологии производства.

Отличительными чертами белорусского этнодизайна являются многообразие техник выполнения изделий, опирающихся на глубокие исторические корни традиционных ремесел. Некоторыми народными промыслами в Беларуси занимаются ни одну тысячу лет, в результате чего были разработаны уникальные технологии создания изделий.

В качестве примеров в данной статье рассмотрены три наиболее известные направления белорусских народных промыслов: соломоплетение, керамика и ткачество, и пути их развития от зарождения до настоящего времени.

Соломоплетение – это визитная карточка белорусской культуры. Точной даты возникновения этого ремесла, к сожалению, нет, однако, известно, что традиции

белорусского соломоплетения восходят к глубокой древности и связаны с обрядами, посвященными культу хлеба и соломы. Издавна люди верили, что зерно и солома обладают божественной и животворящей силой природы, которую отдают тем, кто прикасается к ним [2, с. 19]. Именно поэтому было принято хранить последний сноп в доме всю зиму, зерном осыпали на свадьбе молодых, а невесту обязательно сажали на солому, чтобы ей передалась сила природы. Кроме того, из соломки изготавливались специальные фигурки в виде пауков, коней, птиц и кукол, которые помогали человеку обрести надежду на помощь и поддержку богов и сверхъестественных сил. Такие фигурки дарили на свадьбах молодым, а также друг другу во время других праздников.

Спустя время, ритуальные фигурки из соломы стали темой для творчества многих мастеров. Однако в разные периоды развития соломоплетение как набирало популярность, так и теряло ее. Стоит отметить особенно плодотворный период в развитии соломоплетения – это конец XVIII – начало XIX веков, когда белорусскими мастерами были созданы уникальные Царские врата, увидеть которые можно сегодня в Музее белорусского народного искусства деревни Раубичи.

С середины XIX века начинается упадок этого ремесла. В это время люди заняты тяжелым крестьянским трудом, и относятся к фигуркам из соломки (больше,) как к игрушкам, утратившим свою обрядовую значимость. Но вместе с тем начинает набирать популярность домашняя утварь из этого материала, которая, на удивление, оказалась очень прочной и долговечной. В посуде из соломы хранили десятки килограмм зерна и других круп. Соломенные стенки хорошо впитывали влагу, их не грызли мыши.

В начале XX века в соломоплетении стали появляться первые имена. Одним из них стало имя Веры Ильиничны Гаврилюк (1904-1986), работавшей на Брестской фабрике художественных изделий и возродившей древнейшие приемы изготовления фигурок из соломки. Такие приемы Вера Ильинична воссоздавала на основе воспоминаний сельских жителей, а также оставила после себя последователей.

В 2001 году в Беларусь приезжали мастера соломоплетения из Америки, Австралии, Венгрии, Англии, которые остались в большом восхищении от уровня увиденных работ наших мастеров. А в 2003 году в рамках фестиваля белорусских ремесел, посмотреть на работы национальной школы соломоплетения приехало около 40 мастеров из разных стран мира.

Сегодня соломоплетение в Беларуси вышло за рамки выставочных работ и пришло в жизнь людей. Украшения из этого материала все чаще изготавливаются белорусскими дизайнерами, а кухонная утварь стала неотъемлемой частью интерьеров в рамках все более набирающего обороты эко-стиля.

Стоит отметить, что в будущем соломоплетение ожидают самые хорошие прогнозы, так как это ремесло полностью соответствует как никогда актуальной теме экологичности и заботе об окружающей среде.

Таким образом, можно сказать, что соломоплетение, сохранившее в себе опыт и энергию, накопленные предыдущими поколениями смогло перешагнуть через века, трансформироваться и продолжить существование и в наше время.

Гончарство – одно из самых древнейших ремесел на территории Беларуси. Первые образцы керамической посуды датируются эпохой Неолита (IV–III в. до н. э.), а находки железного века позволяют говорить о том, что в то время керамику уже делали по сложным технологическим схемам, а также существовали разные категории гончаров-профессионалов. Кроме посуды, как и в соломоплетении, из глины производили специальные фигурки, которые служили оберегами и талисманами.

Особенно важный шаг в развитии гончарства случился в XVI веке, когда на нашей территории появился гончарный круг, благодаря которому изготовление посуды впервые смогло носить массовый характер.

Посуду изготавливали на ножном гончарном круге, после чего обжигали в домашней печи и производили декорирование.

Украшали посуду самыми разными способами. Вот самые распространенные из них:

- обваривание – процесс, когда глиняные предметы обваривают в овсяном тесте и получают при этом пятнистый рисунок.
- задымление – процесс получения посуды темного или черного цвета, при котором в печи использовался дым от сгорания смолистого дерева.
- глазуровка – способ получения блестящей поверхности глины с помощью нанесения специального состава.

Таким образом, мастера производили очень живописные блюда, чашки, кубышки, тарелки и другую утварь. Стоит выделить также кувшины-календари, которые стали чем-то абсолютно новым для того времени. На такие кувшины с помощью штампов наносились рисунки, соответствующие каждому месяцу в году. Кроме того, существовали сельскохозяйственные кувшины – календари, охватывавшие период с апреля по август. На таких календарях указывались праздники, а в самом кувшине хранили святую воду.

Со временем развитие гончарного дела только набирало обороты. Этому способствовал рост уровня мастеров, а также наличие в наших землях большого количества глины. Например, красная глина являлась и является одним из основных полезных ископаемых. По данным Белорусской энциклопедии под редакцией Г. П. Пашкова и др. [3, С. 42] перспективные запасы глины составляют 2,2 млн. кубометров. Любили использовать белорусские мастера также и голубую глину. Другие цвета получали с помощью привозных красителей.

Таким образом, к XIX веку гончарство стало одним из основных и востребованных видов народного промысла. Например, в Пружанах в это время проживало 150 гончаров, которые не просто изготавливали керамические изделия, а еще и старались сохранять при этом технологии, оставшиеся со времен неолита. Стоит отметить, что к началу XX века там проживало уже 240 гончаров.

В 1940 году в Радошковичах была открыта фабрика керамических изделий «Белхудожкерамика», которая работает и сегодня.

Во второй половине XX века случилось снижение популярности керамической посуды из-за широкого распространения пластиковой и металлической кухонной утвари. Однако, сегодня без сомнений можно сказать, что керамика возвращается в нашу жизнь и набирает популярность. Люди все меньше хотят пользоваться пластиком и все больше ценят аутентичность и качество. Все чаще открываются гончарные школы, а также магазины с керамической посудой ручной работы. Гончарство – одно из тех направлений этнодизайна, которое всегда было актуальным и без сомнения продолжит им оставаться.

Создание тканей – достаточно сложный и трудоемкий процесс, однако, первые признаки появления ткачества на территории Беларуси приходят из глубокой древности. Об этом свидетельствуют отпечатки ткани на керамических сосудах, датированные второй половиной I тысячелетия до н.э. Позже при раскопках в Гродно, Минске, Полоцке и Витебске были найдены челноки и другие детали ткацких станков, которыми пользовались в XI–XIII вв. Образцов тканей практически не сохранилось, поскольку натуральные материалы достаточно быстро разлагаются. Но судить о том, какие ткани изготавливали наши предки в какой-то степени можно по старым иконам и другим предметам изобразительного искусства.

Стоит отметить, что ткани и изделия из них имели не только утилитарную функцию, но также были связаны со старинными обрядами. Например, рушник был не просто куском материи, которым вытирались. Рушником украшали иконы, на рушнике подносили хлеб дорогим гостям, на рушнике принимали новорожденного.

Для каждой местности были характерны рушники с определенным орнаментом. Но, как правило, всех их объединяло белое поле в центре с красным орнаментом по краям, иногда с добавлением желтого или черного цвета. Такие орнаменты могли быть как ткаными, так и вышитыми вручную.

Не менее важным предметом была тканая скатерть. На ней ткались узоры, каждый из которых имел свое значение. Например, солнце и красный цвет – символы огня, ромбы – благополучия, белый цвет – здоровья, черный – цвет почвы, васильковый – цвет неба.

Основными материалами, с которыми работали наши предки были: лен и овечья шерсть. Ткачество было очень распространенным ремеслом, которым обязана была владеть любая крестьянка. А вытканые скатерти, постельное белье, рушники и одежда составляли большую часть приданного каждой невесты.

Нельзя также не отметить создание Слуцких поясов, которые стали достоянием белорусской культуры. Их производство было налажено в середине XVIII века. Такой пояс был элементом мужского костюма и считался признаком благородного происхождения. При его создании использовались золотые и серебряные нити, а длина составляла от 2 до 4,5 метров. Технология создания Слуцкого пояса была разработана таким образом, что он не имел изнаночной стороны. Каждая из сторон была лицевой и могла использоваться на выбор его обладателем. Сегодня Слуцкие пояса хранятся в музеях Беларуси, а также Литвы, Польши, Украины, Англии и Америки.

С течением времени ткачество всегда оставалось востребованным и не теряло своей актуальности. Технологии совершенствовались, появлялись целые фабрики, использовались новые материалы. В середине XX века, например, при создании тканей стали использовать покупные хлопчатобумажные нити, а также мулине, акрил и кое-где даже шёлк.

В настоящее время эта отрасль продолжает развиваться в разных направлениях. Проявляется интерес к технологиям ручного ткачества, в связи с чем создаются курсы, где желающие учатся ткать непосредственно так, как это делали наши предки.

В более широких масштабах стоит отметить фабрики и комбинаты, которые работают ни одно десятилетие и производят качественную продукцию, которая высоко ценится как в Беларуси, так и за рубежом.

Среди них стоит отметить Оршанский льнокомбинат, история которого началась в 1930 году. Сегодня комбинат состоит из 5 фабрик, которые совместно выпускают около 17 000 погонных метров льняных тканей в год. Также производятся домашний текстиль и одежда. 80 % всей продукции комбината успешно отправляется на экспорт, а своих покупателей товары льнокомбината нашли более чем в 40 странах мира.

Кроме того, производством тканей сегодня занимается ОАО Комволь в г. Минск. Комвольный комбинат выпустил свою первую пряжу еще в 1955 году. Сегодня предприятие является крупнейшим производителем шерстяных и полушерстяных полотен и может предложить широкий ассортимент современных костюмных, костюмно-плательных и брючных тканей. Стоит отметить, что за время работы комбинат поставил свою продукцию более, чем в 30 стран мира. Кроме того, производимые ткани с каждым годом становятся все популярнее у белорусского населения.

Среди производителей хлопчатобумажных тканей стоит выделить ОАО БПХО Барановичское Производственное Хлопчатобумажное объединение. Комбинат был запущен

в эксплуатацию в 1963 году и с тех пор выпускает самый широкий ассортимент хлопчатобумажных полотен: от бязи и сатина до марли и бинтов. Кроме того, предприятием выпускается готовая продукция, которая включает в себя домашний текстиль, а именно постельное и столовое белье, а также декоративные подушки и пледы.

На примере этих предприятий можно увидеть, какой огромный путь прошло такое ремесло, как ткачество, начиная от первых изготовленных нашими предками тканей в глубокой древности и заканчивая такими масштабными предприятиями, которые мы видим сегодня.

Белорусские ткани в своем большинстве, как и много веков назад, изготавливаются из натуральных материалов, что делает их экологичными и актуальными сегодня, а высокое качество полотен позволяет им быть все более популярными среди белорусских дизайнеров и производителей одежды.

Кроме того, тему этномоды все чаще выбирают молодые дизайнеры для создания своих творческих коллекций. Так, в 2021 году в Гомеле состоялся I открытый областной конкурс современного этнического костюма «ЭТНОМОДА 2021». Показ одежды прошел на сценической площадке летнего амфитеатра дворцово-паркового ансамбля. Инициатором, идейным вдохновителем и организатором конкурса стал «Центр моды и красоты «Хрустальная Нимфа».

Стоит отметить, что процесс обучения будущих дизайнеров одежды включает в себя многочисленные задания по исследованию техник этнодизайна. К примеру, на кафедре Дизайна моды ФСК БГУ регулярно включаются в программу задания по этнодизайну. Также подобная тематика нередко используется студентами для разработки курсовых и дипломных работ.

Белорусская школа дизайна одежды во многом опирается на тенденции этнодизайна, в этом заключается ее самобытность и оригинальность.

Рассмотренные выше тенденции развития народных промыслов позволяют с уверенностью сказать, что белорусские ремесла являются историческим наследием, несут в себе культурное богатство и веками накопленные знания народных мастеров, а также являются важными составляющими белорусского этнодизайна, который в свою очередь благодаря соответствию современным требованиям ценностям имеет самые положительные тенденции для дальнейшего роста и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Максимова З. Ю.* Применение средств дизайн-проектирования на занятиях по технологическому практикуму // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 14.10.2016). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 4 (9). С. 95.
2. *Лобачевская О. А., Кузнецова Н. М.* Плетение из соломки // Культура и традиции. 2000 С. 207.
3. *Белорусская энциклопедия* : В 18 т. / под ред. Г. П. Пашкова и др. Т. 5. Минск: БелЭн, 1996–2004.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

IMPLEMENTATION OF CHINA'S NATIONAL LEGISLATION IN THE FIELD OF INTANGIBLE HERITAGE PROTECTION

Лю Янь
LIU YAN

*Аньянский педагогический университет
г. Аньян, Китайская Народная Республика
e-mail: kafkult@buk.by*

В статье анализируется деятельность государственных институций КНР по гармонизации национального законодательства в области охраны нематериального наследия китайского народа в соответствии с международными нормативно-правовыми актами ЮНЕСКО. Подчеркивается, что административно-правовая защита культурного наследия в КНР значительно расширилась, укрепилась и масштабно распространилась на всю территорию страны.

The article analyzes the activities of the state institutions of the People's Republic of China on the harmonization of national legislation in the field of the protection of the intangible heritage of the Chinese people in accordance with the international normative legal acts of UNESCO. It is emphasized that the administrative and legal protection of cultural heritage in the People's Republic of China has significantly expanded, strengthened and spread to the entire territory of the country on a large scale.

Ключевые слова: законодательство; имплементация; Китай; нематериальное культурное наследие.

Keywords: legislation; implementation; China; intangible cultural heritage.

Гармонизация национального законодательства в области культуры и охраны нематериального культурного наследия с основополагающими принципами международного права и конвенций ЮНЕСКО является важнейшим направлением государственной политики Китайской Народной Республики. Такое внимание к сфере культуры обусловлено уникальностью материального и нематериального культурного наследия китайского народа, этническая традиция которого характеризуется разнообразием региональных и локальных особенностей, архаичностью своих элементов и форм. Принимая во внимание, что народная традиция – это не реликт и не музейный экспонат, а живое наследие, приоритетом государственной политики, является бережное сохранение и приумножение бесценных свидетельств народного культуротворчества, активное его использования в жизни современного общества. Исходя из этого, государство и общественность КНР осуществляют многогранную деятельность по ее сохранению и репрезентации. В первую очередь ведется постоянная работа по включении основных положений международного права в области охраны культурного наследия в национальное законодательство.

Основой национальных нормативно-правовых документов по культуре и охране историко-культурного наследия в Китае является всеобъемлющий юридический арсенал, созданный Организацией Объединенных Наций по вопросам образования,

науки и культуры. ЮНЕСКО во второй половине XX столетия и в первом десятилетии XXI в. приняла ряд важных Международных Конвенций, Рекомендаций и Деклараций в сфере охраны культурного разнообразия во всех его проявлениях. Такое внимание международного сообщества обусловлено тем, что сохранение культурного наследия имеет большое значение для всех народов мира, так как оно является одним из основных элементов цивилизации и культуры человечества, обогащает культурную жизнь всех наций и вызывает взаимное уважение и понимание между странами. «Нематериальное культурное наследие, считает китайский исследователь Цао Деминг, повышает чувство национальной идентичности и исторической ответственности китайских граждан, сплоченность и центристремительную силу нации, а также способствует развитию социалистической передовой культуры и гармоничному развитию личности» [1, с. 7].

В условиях кризисного развития современного мира актуализируется задача использования совокупности стратегических знаний человечества для дальнейшего его развития и возобновления интереса к культурному опыту всех народов и наций, осмысление будущего состояния нашей планеты. Защита и сохранение культурных особенностей народов и наций приобрела особую актуальность в последние годы и стала ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. Острота вопроса обусловлена угрозой глобальных процессов, стремящихся к унификации не только производственных, но и культурных процессов с одной стороны, а также деградацией и исчезновением многих всемирно известных культурных феноменов, с другой стороны. Именно этим продиктовано принятие Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии в 2001 г. [2]. Декларация 2001 г. фактически стала фундаментальным документом, закрепляющим новую этику – биоэтику, и новую культуру.

Стремлением обеспечить охрану культурного наследия человечества обусловлено принятие ЮНЕСКО в 2003 г., отдельной конвенции об охране нематериального культурного наследия (НКН) [3]. Обращение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки, и культуры к традиционным культурам вызвано тем, что они на протяжении веков являются частью повседневной жизни людей, обеспечивают живое присутствие культурного прошлого, служат свидетельством богатства и разнообразия культурного, религиозного и социального творчества. Поэтому их сохранение и интеграция в практику современного общества квалифицируется как фундаментальный фактор развития цивилизаций [3, с. 2]. В статье 2 Конвенции подчеркивается, что НКН, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаваемое сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их историей, формирует у людей чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий ЮНЕСКО ведет целенаправленную деятельность по продвижению универсальных принципов и стандартов охраны нематериального культурного наследия и их использованию в национальных законодательствах государств. Она сыграла ключевую роль в выработке и реализации международно-правовых инструментов по ряду неотложных вопросов в этой сфере. Международные документы, принятые и распространяемые этой организацией, стали прочной основой КНР для создания внутригосударственных законодательных актов, своеобразным ориентиром при формировании национальной политики в области сохранения и ревитализации культурного наследия.

Китай располагает богатыми неисчислимыми памятниками археологии, истории, архитектуры и градостроительства, декоративно-прикладного искусства, документаль-

ными источниками, отражающими исторический путь китайского народа. Приоритетом государственной политики КНР является бережное сохранение и приумножение бесценного культурного и природного наследия, активное его использование в жизни современного общества. Исходя из этого, государственные институции Китая осуществляют многогранную деятельность по сохранению и репрезентации культурного наследия. В первую очередь ведется постоянная работа по включении основных положений международного права в области охраны нематериального культурного наследия в национальное законодательство.

Исследование многогранной государственной политики в сфере культуры позволяет считать, что в первых десятилетиях XXI в. в КНР прилагаются огромные усилия правового обеспечения сохранности нематериального культурного наследия. Основная законодательная база в этой области начала формироваться с 2004 г., когда Китай стал членом Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, ратифицировав ее в августе 2004 г. Однако необходимо отметить, что работа по защите НКН в Китае началась еще в 1990-е гг. Так, в 1991 г. Государственным советом КНР был обнародован «Закон об авторском праве» и «Стратегии и основные положения защиты интеллектуальной собственности государства», официально изданные в 2008 г. [4, с. 2], в которых имелись положения о традиционных объектах интеллектуальной собственности и сохранении народной литературы и искусства, ресурсах наследства в сфере интеллектуальной собственности. В 1997 г. Государственный совет КНР утвердил «Положение об охране традиционных декоративно-прикладных изделий», где был закреплен ряд действенных мер по защите и развитию народных промыслов.

Однако изучение эффективности данных нормативно-правовых документов в области имплементации основных положений Конвенции 2003 г. в сфере нематериального культурного наследия во внутреннееправо КНР дает основание полагать, что к началу XXI в. возникла потребность в более совершенных и адаптивных правовых нормах в области сохранения и ревитализации НКН китайского народа. Практика показала, что имеющиеся в 1990-х гг. нормативная база и сфера правового воздействия законодательства в плане защиты культурного наследия были все еще достаточно ограничены. Ранее сформированное законодательство серьезно нуждалось в дополнении, уточнении, конкретизации и детальной регламентации исполнения с учетом положений международных нормативно-правовых актов, касающихся сохранения культурного разнообразия. Тем более, что сохранение НКН на законном уровне, по мнению Ван Хэюня и Гао Шаоаня, «играет незаменимую роль для поддержания международного положения страны в области культуры и поднятия значения мягкой силы» [5].

Исходя из этого, в марте 2005 г. Генеральная канцелярия Государственного совета КНР опубликовала «Предложения по усилению охраны нематериального культурного наследия в Китае», в котором были определены руководящие принципы по охране НКН: защита, спасение, рациональное использование, его развитие и передача. В данном правовом акте были намечены неотложные меры по реализации основных положений Конвенции 2003 г. Во-первых, предлагалось создать систему каталогов объектов НКН; во-вторых, постепенно сформировать систему охраны нематериального культурного наследия с китайской спецификой; в-третьих, создать согласованный и эффективный рабочий механизм защиты, объектов НКН. После опубликования текста Конвенции на китайском языке (2005 г.) Государственный совет обнародовал «Доклад о применении временных мер по оценке субъектов национального нематериального культурного наследия» (в дальнейшем именуемый как «Доклад»), где заново с учетом китайского контекста уточнялись определение нематериального культурного наследия

и понятия «субъект наследования». Определение субъекта в формулировке Конвенции как «групповое» и иногда «индивидуальное» заменялось на «народы всех национальностей». В Докладе также были предложены адаптированные к многонациональному китайскому обществу и разному уровню развития культуры и образования критерии оценки объектов НКН, соответствующие стандартам охранной структуры КНР. Принимая во внимание культурологическую особенность китайской нации, Государственный совет предложил взять традиционную культуру в качестве определения субъекта нематериального культурного наследия. Данное определение, отмечалось в Докладе, более полно отражает концепцию сохранения национальной самобытности и культуры Китая и способствует дифференциации и охране НКН.

В последующие годы принимается также ряд нормативно-правовых документов, направленных на повышение эффективности работы государственных органов в области сохранения и ревитализации НКН: «Промежуточные меры о признании и управлении национальными проектами в сфере нематериального культурного наследия», «Решение Генерального управления Государственного совета по усилению защиты нематериального культурного наследия в Китае». В «Постановлении Генеральной канцелярии Государственного совета по укреплению защиты нематериального культурного наследия в Китае» подчеркивалось, что государственным и общественным институтам необходимо «полностью понять важность и неотложность защиты нематериального культурного наследия в Китае» [6, с. 184]. В 2006 г. в КНР была принята Государственная программа развития сферы культуры на период 11-й пятилетки (2006-2010 гг.), которая явилась первым долгосрочным планом в данной области. Один из десяти ее разделов имел непосредственное отношение к защите НКН. В 2007 г. после второй поправки на 31-й сессии Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва вступил в силу «Закон о сохранении культурных памятников КНР».

Таким образом, есть основания утверждать, что в первом десятилетии XXI в. государственная административно-правовая защита НКН в КНР значительно расширилась, укрепилась и масштабно распространилась на всю территорию страны. В десяти провинциях Китая в этот период были разработаны региональные положения, касающиеся работы вопросов защиты нематериального культурного наследия с учетом местной специфики. Так, в нормативно-правовых документах, разработанных народными правительствами западной части Китая, где концентрированно проживают национальные меньшинства, особое внимание предлагалось обратить на защиту местных национально-культурных обычаев, традиций, религиозных верований. Деятельность государственных структур в начале 2000-х гг. по усилению нормативно-правовых мер, направленных на сохранение НКН, принесла определенные плоды.

Разработанные в последние тридцать лет законодательные акты заложили основы для разработки положений специального закона о нематериальном культурном наследии. Проанализировав опыт деятельности государственных структур, начиная от Государственного совета и компетентных органов народных правительств не ниже уездной ступени в области имплементации положений об охране НКН, ЦК КПК и правительство КНР признали необходимым создание закона, регламентирующего многогранную работу государства и общественности страны в сфере нематериального культурного наследия. Следствием этого явилось обсуждение и принятия на 19 сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11-го созыва 25 февраля 2011 г. «Закона о нематериальном культурном наследии Китая» [7]. Анализ основных положений данного нормативно-правового документа в сфере китайской культуры дает основание полагать, что в нем содержатся важные основания для сохранения и реви-

тализации артефактов НКН страны. В настоящее время он является базовым законом государства о защите культурного наследия в стране.

Таким образом, в исследуемый период в КНР происходил процесс институализации и легитимизации нематериального культурного наследия. В 1990-х гг. и в начале XXI в. в Китае осуществлялись как гармонизация правовой защиты культурно-исторического наследия в целом, так и принятие специальных нормативно-правовых актов, касающихся непосредственно имплементации национального законодательства в контексте Конвенции 2003 г. Так, в этот период начали действовать законы «Об авторском праве КНР», «О сохранении культурных памятников», нормативно-правовые акты «Об охране традиционных декоративно-прикладных изделий», «Об охране народной литературы и искусства» и др.

Однако решающую роль в сохранении и ревитализации объектов НКН играет Закон «О нематериальном культурном наследии Китая», вступивший в силу в 2011 г. Он предоставил государству, общественным организациям и физическим лицам юридические основания для охраны артефактов НКН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Цао Дэминь*. Опыт сохранения и изучения зарубежного нематериального культурного наследия. Пекин: Social Sciences Press (China), 2018
2. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принята на 33-й сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже в 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Konventsiya_ob_ohrane_i_pooschrenii_raznoobraziya_form_kulturnogo_samovyrazheniya.pdf (дата обращения: 08.09.2021).
3. Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия: принята 17 октября 2003 г. 32-й сессией Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. (дата обращения: 18.12.2021).
4. *Ли На*. Правовая охрана нематериального культурного наследия в Китае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 6. Ч. 2. С. 121–124.
5. *Ван Хэюнь, Гао Шаоань*. Изучение правовой системы защиты НКН Китая. Пекин: Изд-во «Право интеллектуальной собственности», 2009.
6. *Лю Чжуан, Му Яньли*. Анализ и разъяснение понятия НКН // Юго-Западный университетский журнал: гуманитарные и общественные науки. 2008. № 5. С. 180–187.
7. Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии [Электронный ресурс]. URL: <https://asia-buisiness.ru/law3/cultural/> (дата обращения: 26.09.2021).

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

CULTURAL HERITAGE IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

Е. Л. КРАСНОВА

E. L. KRASNOVA

*ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси»
ул. Академическая 1, 220072, Минск, Республика Беларусь
e-mail: krasnovavitebsk@gmail.com*

Статья раскрывает аспекты сохранения и использования культурного наследия в условиях процессов, происходящих в цифровую эпоху. Цифровое культурное наследие – явление, которое предоставляет возможность актуализировать элементы социальной памяти в условиях развития цифрового общества. Трансформация культурного наследия заключается в последовательной смене материальной и нематериальной форм объектов наследия, перевоплощаясь в новые форматы презентации в соответствии с интересами аудитории, общественными запросами, культурными трендами и другими социальными явлениями.

The article discusses aspects of the preservation and use of cultural heritage in the context of the processes taking place in the digital age. Digital cultural heritage is a phenomenon that provides an opportunity to update the elements of social memory in the context of the development of a digital society. The transformation of cultural heritage consists in a consistent change in the tangible and intangible forms of heritage objects, transforming into new presentation formats in accordance with the interests of the audience, public needs, cultural trends and other social phenomena.

Ключевые слова: цифровизация; цифровое культурное наследие; коммеморативные практики; память.

Key words: digitalization; digital cultural heritage; commemoration; memory.

Сегодня сложно представить жизнь без разнообразных ресурсов и технологий, которые позволяют быстро получать и использовать информацию. Мобильные гаджеты дают человеку возможность доступа к данным в любое время и практически в любом месте. Это делает информационные ресурсы рабочим инструментом, который активно используется для накопления знаний и формирования системы памяти.

Современное общество пересматривает возможности использования накопленного социального опыта и трансформирует данный процесс в коммеморативные практики, которые представляют собой деятельность, направленную на сохранение и репрезентацию событий прошлого в интересах настоящего [5, с. 85]. Так называемые «memogresearch» и феномен коммеморации, приводят к формированию новой траектории социально-гуманитарных исследований и появлению целого спектра работ, связанных с многогранным понятием «память», где коммеморация рассматривается как «процесс памятования через актуализацию событий, образов и персоналий прошлого в контексте современных воззрений и потребностей, кроме этого коммеморация является формой культурной памяти и передачи традиций» [1, с. 7]. Многогранность данного явления отражает актуальные интересы общества и предоставляет возможность для апеллирования им в контексте социокультурных трансформаций.

В рамках данной статьи, мы будем рассматривать, концепт «память» как сложное междисциплинарное социальное явление, которое формирует отношение к исторической реальности и обуславливает его использование в современном обществе. Другими словами, это своеобразное нематериальное проявление социального интеллекта для сохранения и использования знаний и информации о событиях прошлого. Люди апеллируют данными для создания контента, который обретает окраску актуальности и важности в соответствии с изменяющимися внешними и внутренними условиями. Ревитализация исторических фактов, обращение к проблемам трансляции культурного наследия создает целый пласт потенциальных ресурсов для постепенного внедрения в современный процесс перехода в цифровое или виртуальное пространство.

Материальным свидетельством, своеобразным концентратом памяти является культурное наследие, которое отражает особенности общества на различных этапах его исторического развития. «Наследие выполняет уникальные защитные культурные функции, функции идеологической поддержки, связывает разновременные и также разделенные географически культурные традиции; культурная память как механизм избирательна, удерживая то, что формирует ее целостный, фундаментальный феноменологический образ. Наследие «упорядочивает» культурную память, расставляя ценностные приоритеты, отсекая менее значимое» [4, с. 161]. Ориентируясь на описанные выше позиции, мы можем связать память, как не материальное проявление, с одной стороны и культурное наследие, как материальное свидетельство событий прошлого, с другой, в единую взаимосвязанную систему. Такое тесное взаимодействие составляет основу материализации и трансляции исторического прошлого.

В качестве дополнительного фактора описанного взаимодействия следует рассмотреть условия, которые вносит развитие современного цифрового медиа пространства, которое является характерным явлением цифровой эпохи. Культурное наследие, являясь материальным свидетельством памяти, подвергается трансформации в цифровой формат, что создает новый феномен «цифрового культурного наследия». Что же мы понимаем под этим явлением? Обычно под данным понятием подразумевается совокупность цифровых копий настоящих культурных ценностей, произведенных в цифровом формате или оцифрованных для целей сохранения [3]. В результате мы имеем набор информации о материальных объектах или зафиксированных нематериальных формах культуры, которые можно представить в виде глобальной базы данных. Однако, заметим, что это лишь малая часть того, что могут представлять собой объекты цифрового наследия. Многие исследователи считают, что в «цифровое культурное наследие» должны быть включены не только цифровые объекты, имеющие культурную ценность, но и способы их создания, хранения и воспроизведения, которые сами являются элементами культуры (культуры информационного общества), а также люди, которые обладая определёнными знаниями и навыками, т.е. технической культурой, создают и эксплуатируют эти средства...» [2, с.103]. Данное утверждение расширяет наше представление о понятии, выходя за рамки только объектов наследия и включая носителей информации, которыми являются сами технологии и те интеллектуальные человеческие ресурсы, которые были задействованы в процессе создания объектов цифрового наследия.

В рамках исследования темы культурного наследия и его изменений в цифровом пространстве, заметим взаимозависимость процессов трансформации материального наследия и ее нематериальных цифровых форм с феноменом их воспроизводства или сохранения, продолжением которых является обращение к упомянутым выше коммеморативным практикам. Примером такого процесса может стать некий ценный материальный

предмет, который переводится в цифровой объект (образ) и который, в последствии, либо станет элементом памяти с ее фокусом на психо-эмоциональное воздействие на зрителя, либо обернется в новую материальную форму – ретранслируемый физический объект, т.е. копияный материал, используемый в образовательных, научно-исследовательских и иных целях или коммерческой деятельности. Цикличность трансформаций заключается в последовательной смене материальной и нематериальной форм объектов наследия, перевоплощаясь в новые форматы презентации в соответствии с интересами аудитории, общественными запросами, культурными трендами и другими социальными явлениями.

Область применения цифровых объектов расширяется благодаря активному совершенствованию информационных технологий, которые находят свое применение в области фиксации, изучения, атрибуции, реставрации, презентации и сохранения материального и нематериального культурного наследия, и прежде всего того, которое находящееся под угрозой исчезновения. Многие объекты культуры со временем могут утрачивать свою целостность, подвергаться различным воздействиям, способствующим потере их физического и морального состояния. Сохранить такие объекты представляется важной задачей учреждений, институтов, в ведении которых находятся ценнейшие фонды материального наследия. К этой задаче подключаются музеи, библиотеки и архивы, постепенно включающие в работу современные подходы, связанные с оцифровкой своих коллекций. В таком случае, именно здесь пересекаются две плоскости: материальная и цифровая, где создаваемое цифровое наследие может рассматриваться как нематериальная, цифровая форма проявлений материальных объектов. Конгломерат цифровых объектов в своей совокупности представляет собой цифровую культуру, которая приобрела множество специфических черт и функций в современном социуме.

Объекты цифрового наследия при всей кажущейся надежности также подвержены воздействию множества внешних факторов, которые влияют на их целостность, доступность и сохранность. К таким факторам относятся прежде всего сами технологии (оборудование и программы), актуальность которых с каждым годом эксплуатации может угасать и в результате привести к поиску новых форм трансляции.

Итак, действенным инструментом сохранения памяти в цифровом мире является создание цифрового контента, который аккумулирует в себе свидетельства прошлого, трансформируется в современные формы медиаресурсов и транслируется в информационном пространстве. Исторические и культурные артефакты становятся проводниками знаний, своеобразными медиаторами, каналами, транслирующими информацию своей аудитории. Процесс передачи может осуществляться посредством перевода материального объекта в объект цифрового культурного наследия.

Обозначив множественность и сложность рассмотренных явлений, обозначим, что цифровые трансформации культурного наследия представляют собой процесс перевода объекта наследия в цифровой формат, с целью его хранения или дальнейшего использования. Необходимость таких трансформаций обусловлена требованием современной информационной культуры, которая включает в себя создание не только цифрового контента, но его сохранение и презентацию современному обществу посредством информационных ресурсов и технологий. Данные процессы представляют собой логичную и постепенную трансформацию, как часть перехода в мир глобальных цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Васильева Е. О.* Коммеморация в практиках современной живописи: память о постмодерне / автореф. дисс. на соиск. уч.ст.канд.фил.н.к. Саранск, 2011.
2. *Горлова И. И., Зорин А. Л., Крюков А. В.* Концептуализация и институализация понятия «цифровое культурное наследие» // Вестник Томского гос/ ун-та. 2019. № 449. С. 102–108.
3. *Петров С. Т., Тарасов А. А.* Цифровое наследие культуры: проблемы формирования, развития и безопасности [Электронный ресурс]. URL: [tsifrovoe-nasledie-kultury-problemy-formirovaniya-razvitiya-i-bezopasnosti.pdf](#) (дата обращения: 18.04.2022).
4. *Шапвалова Г. М.* Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ // Территория. Новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2017. № 4. С. 159–168.
5. *Шуб М. Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36) С. 80–85.

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР КАК ЧАСТЬ САМОПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

VIRTUAL WORLD AS A PART OF HUMAN SELF-RECOGNITION

О. Е. ГОПИЕНКО

O. E. GORIENKO

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, Минск, Республика Беларусь
e-mail: gorienko@bsy.by*

В статье анализируется современная ситуация, связанная с виртуальной реальностью. Исследуются особенности адаптации личности в техномире, а также степень влияния этого мира на самоидентификацию человека.

The article analyzes the current situation in the use of virtual reality. The ability of a person to adapt to the techno world and its influence on human self-identification is investigated.

Ключевые слова: виртуальная реальность; виртуальное пространство; самоидентификация; формирование личности.

Keywords: virtual reality; virtual space; self-identification; personality formation.

Человек всегда пытался моделировать реальность. Это уникальная творческая способность толкает его на бесконечные поиски создания «своей вселенной». Причины такого движения извечно волновали человечество и выражались изначально в мифологии у всех народов, затем перешли в научные разветвления познания мира.

В первую очередь, осознание собственной исключительности на земле заставляет каждого пережить взволнованность безмерного удивления. «Это удивление – лучшее, что выпадает на долю человека» [1, с. 19]. Во всём мире никакое создание не равнозначно человеку в поиске самоидентификации. «От всех вещей человек был бы отличен уже тем, что он живёт в смысловом измерении своей жизни. Животное, бесспорно, обладает определёнными функциями интеллекта. Но животное всё-таки не живёт с неким «смыслом», со «смыслом жизни», не имеет общего плана своего будущего, мнения о том, ладится или не ладится его жизнь, не имеет мерил, идеала, с позиции которого судит о своей ситуации, оценивает разумность или неразумность своего образа жизни. Однако всё это и составляет суть человека. Мы *всечасно* живём в распахнутости нашего бытия, в открытости «смыслу», задаче, счастьем и несчастьем... «Непонятность» жизни, о которой мы говорим, непостижимость, таинственный характер – всё это черты и моменты, которые могут встретиться только в жизненной сфере существа, в своём существовании определяемого *пониманием*. Не сначала – мы, а потом приходящее понимание – нет, мы как раз и суть *понимающие*, смысл-открытые. Человеческое существование – это пребывание, истолкованное внутри себя самого. Человеческое бытие существует в смысловом пространстве интерпретированное» [1, с. 49–50].

Отдельной глобальной темой для исследования является утверждение предопределённости жизни человека. По мнению выдающегося немецкого феноменолога Эйгена Финка, является заблуждением утверждение, что «мифологическими предстали-

ями... толкованием смысла человеческого бытия нас награждают сверхчеловеческие силы». Ученый утверждает, что миф не признаёт, что важные смысловые элементы прорастают из самого бытия, а возлагает ответственность за это на некое откровение. Существа, более совершенные, нежели человек, знающие, как обстоит дело с человеческой жизнью, предоставляли своё «высшее» знание в распоряжение смертных: «Учение о жизни, в котором обитает человеческий род, институты, на которые он опирается, домашний очаг с благословением пенат, собственность, административная власть, государство и, сверх всего, в связи с небесными Создателями, культ – всё это, с точки зрения мифа, не является творением человека» [1, с. 51]. Основным тезисом ученого проходит мысль об уникальной способности самоидентификации: «Человек обладает возможностью вырабатывать из себя тот свет понимания, в котором он обнаруживает себя, возможностью самому интерпретировать, приводить в движение свой собственный дух, свой конечный разум и не только выполнять работу понятия на вещах, но и применять эту логическую работу к самому себе» [1, с. 51].

Созидавая вокруг себя мир предметов, образов, смыслов, человек формирует зону самоидентификации, которая, в свою очередь, влияет на него же. Эта зона – сложный продукт, создающийся как из глубоко личностных понятий, так и из внешних атрибутов исторически сложившегося социума. Каждая из сфер – микро- и макроисследование внутри себя самого. При появлении новых областей деятельности с развитием технологий появляется новая грань самопознания. К горизонтальным сферам освоения физического пространства активно подступает виртуальное. Интерес к нему велик из-за множества причин. В первую очередь, это придуманный искусственно созданный мир внутри объективного мира.

Современные поколения находятся в мощном потоке технологических экспериментов, которые параллельно являются и экспериментами психологическими, и культурологическими, и социальными. На наших глазах меняются запросы людей в культурном и социальном контексте. Механическое накопление ценностей материального мира сместилось в мир цифровых объектов: завоевание цифровой аудитории, цифровых денег, цифрового здоровья и интеллекта. Скорость захвата цифровой империи пугает, но запущенный вектор движения не остановить. Возможно лишь будучи участником или зрителем развивающегося масштабного потока проводить социологические и прочие исследования для вероятно контролируемого процесса развития технологий. Скорее всего именно регулирование (власть) глобального хода, влияние на развитие какого-нибудь явления, и является целью создания «идеального мира» – мира виртуального.

Очень велики показатели отклонения от реальности в прогнозах некоторых ученых. Ведутся постоянные попытки предъявить негативные воздействия виртуальной зависимости как на отдельного человека, так и на сообщество в целом. Компьютерная сеть является опасным заменителем реальности, сравнимая зачастую с наркотической или алкогольной зависимостью. Эскапизм, манипуляция сознанием, физические проблемы со здоровьем, конфиденциальность и информационная безопасность – все эти проблемы также подвергаются всестороннему исследованию.

Всё новое пугает. Мы защищены природными инстинктами в доверии только исторически проверенным и принятым понятиям и явлениям. Видимо сейчас по-иному можно посмотреть на неодобрительное отношение к новаторским изобретениям людей во все времена – к станкам, машинам, кинематографу и т.п. И так как ход истории не остановить, и с удалённости нашего положения очевидны преимущества изобретений прежних столетий, человечество приступает к «перевариванию» современного витка технологий и уже появляются первые положительные результаты исследований, которые стали возможны благодаря виртуальному миру.

Виртуальные пространства стали служить разного рода исследовательским и образовательным целям, а также используются для изучения человеческого поведения. Например, исследуя запросы подростков (как наиболее близкое к будущему поколение), можно определить их отношение к репродуктивному здоровью или к политике. В отношении взрослых с устоявшейся психикой проводятся исследования эмоциональных воздействий – в помощь психиатрии в виртуальном мире были изучены паника и агорафобия. Созданные виртуальные личности способны помочь в развитии теории самоконтроля, самосовершенствования и других теорий личности.

Так как проблема идентичности личности, как отмечают исследователи, носит многофакторный характер и существует не сама по себе, а как часть окружающего мира, с которым она взаимодействует и к которому она приспосабливается на протяжении всей своей жизнедеятельности, чтобы лучше в нем ориентироваться и ориентировать других личностей, находящихся рядом, – всё это позволяет наблюдать влияние современных технологий на формирование будущих поколений.

Необходимо признать, что «на языке здравого смысла идентификация строится на основе признания некоторого общего происхождения или общих характеристик с другим человеком или группой, или с идеалом, а также на естественном закрытии солидарности и преданности, установленных на этом основании. В отличие от «натурализма» этого определения, дискурсивный подход рассматривает идентификацию как *конструирование*, никогда не завершённый процесс – всегда «в процессе» [2, с. 2]. Это значит, что никогда не будет «результата» или «итога», благодаря которому откроется понимание мира человека. Нас ожидает бесконечное «строительство» новых взаимосвязей. На этом же принципе созидания новых вселенных основана философия творчества. Существование творчества имеет корень – *твор-*, от которого образуются глаголы *отворить*, *затворить*, указывающие на закрытость и в то же время на выход вовне, за рамки пространственных ограничений. Это во многом объясняет семантику существительного. «Творчество – это способность человека создавать то, что не имеет аналогов в материальном мире, но способно существовать в пространстве и времени, передавая представления о красоте и гармонии, определяя духовное развитие нации и становление отдельной личности» [3].

Как мы видим, именно *внутри* каждого человека находится источник вечного двигателя, способный разорвать «обыденность», «замкнутость» и «ограниченность». Вопросы происхождения бесконечной тяги к выходу за рамки себя и видимого мира, как и вопросы формирования, влияния этого свойства на самого человека и на сообщество людей будут также бесконечно раздвигать пелену самопознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Финк Е.* Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. М: КаНОН+ РООИ «Реабилитация», 2017.
2. *Hall Stuart.* Introduction: Who Needs 'Identity'? // Questions of Cultural Identity: collection of scientific articles / Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay / SAGE Publications: London • Thousand Oaks • New Delhi, 1996.
3. *Глазунова О. И.* О творчестве и креативности // Горький Медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/o-tvorchestve-i-kreativnosti.html> (дата обращения: 25.01.2021).

ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ И КАНАЛЫ ПРОДВИЖЕНИЯ АРТ-ВЫСТАВОК

EFFECTIVE WAYS AND CHANNELS FOR PROMOTING ART EXHIBITIONS

И. В. ВОРОБЬЁВА

I. V. VOROBYOVA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ingavorobyova@mail.ru*

В статье рассматривается генезис организации и проведения выставочной деятельности, анализируются результаты проведенного анкетирования. Особое внимание уделяется социальным сетям как наиболее актуальным каналам продвижения на современном этапе.

The article discusses the genesis of the organization and conduct of exhibition activities, analyzes the results of the survey. Particular attention is paid to social networks as the most relevant promotion channels at the present stage.

Ключевые слова: выставочная деятельность; арт-выставка; социальные сети; каналы продвижения.

Keywords: exhibition activity; art exhibition; social networks; promotion channels.

Прошлое художественных выставок имеет длинную и насыщенную историю существования и развития. Арт-выставки существовали ещё в древности. Например, в Древней Греции уже функционировали общественные выставки произведений искусства.

Выставочная деятельность в ее современном понимании началась во Франции в XVIII в., когда открылись салоны, получившие такое название потому, что художники презентовали свои творения в салонах Лувра. Это новшество поражало публику и свидетельствовало об известной демократизации искусства. До этого времени искусство считалось привилегией знатоков, покровителей-меценатов и коллекционеров. С этого момента любой желающий мог прийти и оценить произведения художников. К моменту открытия выставок создавался каталог, в котором присутствовала информация о представленных произведениях и их создателях, позднее в них стали помещать репродукции выставленных работ.

В России выставки проводились при Петербургской Академии. В XIX в. на таких выставках были представлены картины таких знаменитых живописцев, как: О. А. Кипренский, С. Ф. Щедрин, К. П. Брюллов, А. А. Иванов. Однако выставки, которые приобретали всё большую и большую популярность, не могли не вызвать протеста демократически настроенных художников, в связи с чем некоторые из них решили покинуть сообщество, созданное при Петербургской Академии, и сформировали другие сообщества, например, «Мир искусства», «Голубая роза» и др. [1, с.31].

К концу XIX в. появился новый стиль, который в дальнейшем оказал огромное влияние на творческую жизнь людей – модерн; его рационализм убрал «безответственность» эклектики. Этот стиль стал основным на главной парижской выставке в 1900 г. В индустрии выставочных развлечений существовали «оптические дворцы» с лабиринтами

зеркал (которые в дальнейшем стали комнатами смеха), мареорамы, на которых было воспроизведено кругосветное путешествие – (движущаяся панорама), мизансцены со статистами в национальных костюмах различных стран, глобусы Галерона (огромная вращающаяся модель небосвода с волшебным фонарем-стереоскопом). На выставке в Чикаго большое количество людей устремило свой взгляд на целлулоидные шарики, которые потрясающим образом держались в воздухе (их поддерживала струя воздуха из пневмотормозов фирмы «Вестингауз»), на фонтан из зерна, который приводил в движение электромотор. Пожалуй, это были первые примеры динамического показа промышленного искусства.

Современные выставки организуются в галереях современного искусства, частными коллекционерами, коммерческими корпорациями, государственными художественными организациями, музеями современного искусства, арт-студиями или самими художниками в *artist-run space*. Современные художники получают финансовую поддержку за счёт грантов, наград и премий, а также получают средства от продаж своих работ [2, с.74].

Следует отметить, что, прежде чем приступать к созданию выставок, обязательно нужно знать, для чего эта выставка и какой смысл она несёт.

На современном этапе в большинстве случаев целью проведения выставок является получение прибыли. Также арт-выставка может быть проведена как социальная акция. Проблемы, которые художники поднимают своими произведениями, могут воздействовать на сознание людей, художественные полотна способны актуализировать в том числе и социальные проблемы. И в итоге организация таких выставок может быть в форме выставки-продажи. Если на такой арт-выставке будут присутствовать действительно красивые, интересные работы, которым удастся затронуть глубокие чувства человека, то присутствующие смогут приобрести их себе, а данное мероприятие может принести коммерческую выгоду не одному человеку.

Стоит учитывать, что у современного искусства нет определенных рамок. Такие картины с полотен на художественных выставках могут приобретать объем – все, что изображено, оживает и переносится на стены и чаще всего имеет трехмерную форму. Критиков современного искусства этим не удивить: «Все более востребованными становятся инсталляции, которые гармонично дополняют привычные нам формы изобразительного искусства и пока продолжают удивлять даже самую искушенную публику. Инсталляции на полу, стенах, подвешенные к потолку бывают понятны не каждому человеку, однако многие из них очень декоративны и приятны глазу» [3].

Такие художественные выставки стараются объединить в себе все виды современного искусства. Арт-выставка может носить определенный характер, но в рамках темы мероприятия, можно организовать деление площадок по эпохам, времени года и т. д. Не стоит забывать, что современное изобразительное искусство провокационно, поэтому некоторые тематические мероприятия предназначаются для определенной возрастной категории. Если просто выставить экспонаты и обеспечить безопасность мероприятию, то этого будет недостаточно. Грамотные экскурсоводы, которые будут подробно рассказывать историю создания и раскрывать содержание данного шедевра, значительно повысят значимость выставки.

Успех арт-выставки зависит и от ранее приглашенных СМИ. Площадки должны быть устроены таким образом, чтобы посетителям не пришлось тесниться с представителями телевидения и прессы.

Художественные выставки – это отличная возможность показать себя начинающему творцу. Данный вид мероприятий используется для поддержания имиджа уже прослав-

ленного художника. И, конечно, для того, чтобы продемонстрировать искусство миру. В арт-выставках, кроме живописцев, принимают участие фотографы, скульпторы, мастера декоративно-прикладного искусства и т.д. Другими словами, арт-выставка – это показ творчества в разных жанрах.

Какие возможности открываются перед современным художником сегодня? Самый обычный и простой вариант – поучаствовать в интернет-выставках, желательно на хорошо ранжированном ресурсе. Чаще всего такие выставки платные и по опыту начинающих художников малоэффективны. Действительно узнаваемым в сети произведение становится только после того, как обретет известность в реальном мире. Ценители искусства предпочитают посещать организованные в реальном мире мероприятия.

У начинающих художников есть возможность поучаствовать в тематических и групповых выставках. Тематическая выставка объединяет работы разных художников различной творческой темой: это может быть выставка последователей одного из величайших мировых художников.

Групповая выставка объединяет художников, которые вторят в едином направлении: например, в модерне. Чтобы принять участие в ярмарках и выставках такого рода, нужно самостоятельно подать заявку или получить специальное индивидуальное приглашение от создателей данной ярмарки или выставки. Но данное мероприятие не бесплатное и может требовать больших финансовых затрат, цена зависит от качества и уровня данного мероприятия. «Доступны начинающим художником региональные и периодические выставки. Существует также выставка художников передвижного искусства – они «путешествует» из города в город. Главное – доказать организаторам, что вы достойны принять участие в ней. Принимая участие в выставках, можно сделать себе имя и в дальнейшем получить дорогу на международную выставку» [1, с.142].

Также существуют персональные выставки – это выставки работ одной темы и одного художника, который уже стал известен. Персонально-монографическая выставка показывает духовность и высокий уровень в развитии своего творчества. Персонально-тематическая охватывает только работы определенной творческой темы. Ещё популярны мемориальные выставки, которые проводят в честь умершего знаменитого деятеля искусства, который внес большой вклад в культуру.

Венцом славы для любого художника будет размещение его произведений на стационарной выставке. Стационарные выставки проходят в картинных галереях и музеях.

Важным моментом организации арт-выставки является ее продвижение. Нами было проведено исследование (анкетирование и интервью) с целью выявления эффективности каналов продвижения арт-выставок «Линия любви. Эротизм в творчестве великих мастеров XX века», «Арт-Минск 2021», «Осенний салон-2021».

По результатам анкетирования можно сделать следующие выводы:

В основном возраст опрашиваемых колеблется от 20 до 25 лет (26 %) и от 25 до 35 лет (21 %). Современные арт-выставки активно посещают как подростки, достаточно взрослые люди, так и люди преклонного возраста. В этом плане арт-выставки не имеют какой-то одной конкретной целевой аудитории, так как любителями искусства могут быть люди любого возраста, поэтому организаторам нужно всегда быть нацеленными на разные целевые аудитории. Организаторы тщательно выбирают, каким способом донести информацию до людей, где её разместить, в какой бюджет нужно вложиться, как повысить эффективность каналов продвижения и получить больший охват и т. д. Для улучшения эффективности продвижения арт-выставок необходимо обращать внимание на возраст людей, так как у разного возраста разные интересы. Например, для молодого поколения эффективнее будет размещать информацию о выставках в социальных сетях

и интернете, а для старшего поколения – в газетах, на радио и телевидении. Таким образом, можно видеть, что уровень художественной компетенции и интерес к изобразительному искусству неравномерно распределяются среди различных социально-демографических категорий посетителей.

По половому соотношению большинство опрошенных женского пола (59 %) и меньшинство мужского (41 %). Большинство из мужчин сказали, что они пришли за компанию со своими девушками, женами, подругами, коллегами. Поэтому можно сказать, что арт-выставки больше интересуют женщин. Женское население в целом проявляет большую социальную активность в рамках посещения культурных мероприятий.

33 % респондентов посещают выставки периодически, когда их что-то заинтересует. 28 % – приходят, когда приведут знакомые. 26 % – приходят постоянно, как только появляется новая выставка или мероприятие. И только 13 % опрошенных посетили выставку только один раз.

Из этого можно сделать вывод, что большее количество респондентов являются постоянными посетителями и довольны выставками, которые там проводятся. Для поиска информации о выставках они чаще всего проверяют социальные сети, сайт, читают другие источники в интернете, или же случайно находят интересную рекламу и принимают решение посетить данную выставку.

Большую половину посетителей интересуют новые выставки (53 %). Это указывает на то, что их нужно продвигать эффективнее, чем мероприятия и постоянные выставки, которые проводятся. Мероприятиями интересуются 12 % респондентов, а постоянными экспозициями – 14 %.

На втором месте по количеству ответов стоит общение с посетителями, персоналом, организаторами, художниками. Респонденты объясняли этот выбор тем, что именно на таких выставках они находят новых людей, с такими же интересами и с такой же страстью к искусству, как и у них самих. Они могут общаться в уютной для них атмосфере, и проводить часы, обсуждая ту или иную картину. Посетители выставок отмечали, что если бы на выставке присутствовали разные виды напитков и закусок, и всё это находилось в отдельном уголке, где можно было бы уединиться и пообщаться, то они бы ходили на выставки чаще. Другими словами, опрос выявил, что для некоторых людей общение с персоналом или другими посетителями важнее, чем сама выставка. Это означает, что объединение людей – это лучшее назначение организации в сфере культуры. И актуально это не только касательно посетителей, но и касательно работников. Если выставочные центры хотят, чтобы людям приятно было посещать их выставки, необходимо чтобы персонал устанавливали связь и общались с людьми, а также был важным звеном между другими посетителями. И для привлечения большего количества людей, которые посещают выставки ради новых знакомств или общения, немаловажно еще в рекламе упоминать об этих возможностях и специально созданных для этого условий, которые они могут предложить.

Конечно, качество представленного материала немаловажно. Более того, познание чего-то нового – основная цель посещения культурного учреждения. Конечно, люди могут взаимодействовать друг с другом и в другом месте. Но именно содержание выставки или музея дает нам особый опыт и возможность им делиться.

Теперь перейдем к одному из самых главных вопросов: через какой же канал продвижения респонденты узнали о данных выставках?

Так как мы живем в век интернета и находимся под огромным влиянием социальных сетей, то больше половины (62 %) респондентов узнали о выставке через них. 55 % респондентов оценивают ведение социальных сетей удовлетворительно, 30 % –

не видели их социальные сети, и 15 % – оценили неудовлетворительно. Некоторые из опрошенных дали расширенные ответы, и рассказали, что социальные сети ведутся не очень активно, и что можно было бы уделять им намного больше внимания. И, по нашему мнению, если бы данные сети велись активнее, то клиентов привлечь было бы намного эффективнее. Так же в социальных сетях можно напрямую общаться с персоналом, уточнять интересующие вопросы, наблюдать каждый день новый интересный контент, благодаря чему желание посетить данную выставку будет расти всё больше. Благодаря страничкам в социальных сетях можно будет с лёгкостью найти необходимую информации, фото- и видеоматериалы. И если активно выкладывать истории в Инстаграме и фото в профиль, все подписчики будут сразу же замечать информацию и свободно делиться этим с друзьями. Для более эффективного продвижения можно указывать социальные сети на всех видах реклам и при посещении выставки. В среднем современные люди заходят проверить свои профили в социальных сетях более чем 20 раз за сутки. Неоспоримый факт: сейчас социальные сети предоставляют огромное количество сервисов и возможностей в зависимости от контента, тенденций и приемов.

Большое преимущество социальных сетей в том, что люди уже объединены в группы по интересам, и целевая аудитория уже сформирована. А минус в том, что, когда мы начинаем общение с этими людьми, их запрос еще не актуализирован, а значит, даже если вы предлагаете им интересную услугу или товар, они не купят у вас это сразу. С аудиторией социальных сетей необходимо работать на актуализацию спроса и на удержание. Для СММ активно применяют «платные и бесплатные инструменты социальных сетей: публикации, рекламные записи, баннеры, таргетинг, личное общение с потенциальными и уже существующими клиентами» [5]. Вовлечением в социальных сетях принято считать: лайки, репосты, комментарии, переходы по ссылкам. Комментарии важны для сбора обратной связи о продукте и контенте и отработки негатива, который может быть с ними связан – то, как вы общаетесь с клиентами публично, видят все. НЦСИ активнее ведёт свой инстаграм, и менее активно ведёт *ВКонтакте* и *Фейсбук*, но тем не менее, социальные сети очень помогают в привлечении клиентов и являются одним из самым эффективным каналом продвижения. Для поднятия эффективности можно вкладывать небольшую часть денег из прибыли, и каждый месяц продвигать социальные сети для привлечения регулярного потока новых посетителей.

В отношении галерей в целом, будь это персональная, сборная, юбилейная, благотворительная, то основными инструментами распространения информации о себе являются интернет (а именно, собственные сайты, через которые осуществляется обратная связь, нередко продажа картин и репродукций), буклеты, проспекты, календари, которые как продаются в самой галерее, так и распространяются бесплатно в рекламных целях. Часто устраиваются выставки, которые могут быть приурочены к какому-либо событию или юбилею. В основном в таких случаях рассылаются адресные информационные письма о том, что проводится данная выставка, или рассылаются приглашения. Как правило, у каждой галереи есть своя база данных клиентов, покупателей и просто заинтересованных, платежеспособных людей, которых и стараются завлечь на выставку.

Еще один способ проинформировать о мероприятиях галереи – персональный обзвон по телефону. Поскольку база потенциальных покупателей галереи сравнительно небольшая, то и данный вид привлечения внимания к галерее довольно эффективный. Конечно, если база перевалила, допустим, за пять сотен человек, то связываться по телефону придется, скорее всего, выборочно.

В любом деле важен системный подход. Зная основные способы продвижения сайта в Интернете, можно планировать и выбирать рекламные каналы, а значит лучше контролировать продажи и доходы. А осваивая новые инструменты продвижения и рекламы, завоевывать все новых и новых клиентов. Например, можно использовать *Type In*, прямой трафик – люди, которые попали на сайт, напрямую набрав доменное имя. Откуда они узнают точный адрес? Из книги, рекламного пакета с конференции или увидев рекламу по телевизору, на баннере или рекламном щите, в газете. Заинтересовавшись, они просто набирают ваш адрес в браузере напрямую. Плюс этого канала в том, что приходит целевая аудитория, уже, вероятнее, готовая посетить выставку. Это даже не интернет-канал, а оффлайн-реклама. В любом случае этот канал помогает именно продвижению в Интернете.

13 % человек узнали о посещаемой выставке благодаря «сарафанному радио». С помощью вирусного маркетинга можно пропихать какую-то срочную акцию или просто поработать на узнаваемость. Прежде всего, сарафанное радио может быть практически бесплатным. При грамотном построении продаж билетов или оказания услуг посетители сами будут давать рекомендации своим друзьям и знакомым. Если предоставить потребителю удобный форум на сайте, визитки и прочую рекламную продукцию, то эффект может значительно превысить результаты от обычной рекламы или пиара. Можно делать скидку, например, тем посетителям, которые прорекламируют их в своих социальных сетях. Обычно аудитория человека в социальных сетях начинается от 100 и может доходить до несколько тысяч подписчиков. Это действительно повысило бы эффективность. Или же можно ввести скидку за то, что приводишь друзей и так по цепочке. Большой плюс этого канала продвижения в том, что люди, с которыми мы общаемся, наши друзья и знакомые, в 90% случаев принадлежат к той же социальной группе, что и мы, так как мы обычно общаемся с себе подобными. А это значит, что одна такая рекламная акция с помощью «сарафанного радио» может привлечь свежую целевую аудиторию.

Другие 18 % респондентов узнали о выставках через СМИ. Средства массовой информации делятся на печатные и электронные версии:

1. Печатные: газеты, журналы, альманахи и т.д.
2. Электронные: радио, телевидение, интернет и т.д.
3. Информационные агентства.

С ростом популярности электронных СМИ печатным пророчили полное забвение. Однако до сих пор газеты, журналы и прочая периодика остаются все так же востребованными. Направление не просто не устаревает, но и продолжает развиваться. Телевизор не вытеснил газету, а мирно с ней сосуществует. Кроме того, существуют и другие печатные виды СМИ: справочники, дайджесты, корпоративные издания, бюллетени, листовки.

Всего лишь 16 % респондентов замечали, а 55 % человек не замечали информацию о выставках на радио или телевидении, 29 % – даже не смотрят телевидение и не слушают радио. Радио изобрели еще в конце XIX века, однако до настоящего времени оно не исчезло. Радио как средство массовой информации существует уже более 75 лет и является доступным и комфортным для восприятия. Но радио в последнее время перестало быть актуальным и эффективным, так как существуют другие, более действенные каналы продвижения.

Следует также отметить, что только 8 % человек узнали о выставке благодаря листовкам и буклетам. Хотя престиж листовок достаточно мал, но то, что листовки не являются дорогостоящими, может быть очень хорошим способом достижения вашей

цели путем размещения информации об организации непосредственно «из рук в руки». Листовки А7 оказались наиболее популярны, поскольку они достаточно малы, получатель легко может положить в свой кошелек. Листовки можно распространять через почтовые ящики или вставляются в местные газеты, через журналы, стёкла автомобилей, раздавать прохожим, оставлять в общественных местах и др.

Для создания эффективных листовок можно поэкспериментировать с различными заголовками, специальными предложениями, сроками, и даже методами распространения. Благодаря отслеживанию эффективности различных типов листовок убыточная форма маркетинга может стать весьма прибыльной.

Среди респондентов не оказалось людей, которые узнали о выставке через адресную рассылку и радио, это подтверждает неактуальность этих каналов продвижения в наше время.

Около 30 % опрошенных чаще обращают внимание на рекламу в интернете. Как они утверждают, в интернете они проводят большую часть времени, так как привыкли работать там или общаться. Также они следят за сайтом и ждут новых выставок через их социальные сети.

На рекламные щиты обращают внимание немного меньше – 25 % человек. Большие и заметные для всех картинки размером 3х6 имеют немало преимуществ перед другими подобными конструкциями. Среди инструментов наружной рекламы билборд довольно быстро завоевал популярность и стал развиваться стремительными темпами. Всем известно, что щиты с рекламой смотрятся внушительно и масштабно, благодаря чему их заказчики легко могут донести до людей любую информацию. Билборды, помимо обычной рекламы, также могут выполнять и функции указателей, показывающих местоположение той или иной компании.

Чтобы реклама работала, она должна находиться в правильном месте. Разместив 3 баннера на окраине города, рекламодатель не получит никакого результата. Именно по причине того, что многие люди неправильно выбирают места для размещения баннеров, они считают, что этот вид рекламы не работает. Сегодня в цене оригинальные идеи. Для повышения эффективности можно придумать необычный билборд. Например, создать дыру на стене здания, визуальную иллюзию или же просто картинку, от которой сложно будет оторвать взгляд. Так же один из плюсов баннерной рекламы – это высокая охват.

Чуть больше 5 % человек чаще обращают внимание на рекламу по телевизору. Телевизионная реклама – самая дорогая, престижная и массовая. Правда, это не означает, что она всегда самая эффективная.

Телевидение убеждает желательных клиентов силами действенных демонстраций. Телевидение дает возможность повлиять на сознание и подсознание потенциальных покупателей наибольшим количеством способов, но не всегда это работает. Так, как в последнее время в мире стало слишком много рекламы, люди перестают на неё обращать внимание, и даже высказываются негативно.

Уникальная особенность телевизионной рекламы состоит в том, что для нее характерны, во-первых, сочетание звукового и зрительного воздействий и, во-вторых, огромная, по сравнению с любым другим рекламным средством аудитория, увеличивающаяся во время демонстрации телесериалов.

Несколько респондентов узнали о выставке через сайт. Информация, расположенная на сайте выставки, позволяет оценить ее популярность, количество посетителей и участников, число стран-участниц и прочие параметры. Сайт выставки представляет собой источник всей текущей информации о мероприятии, а также историю выставочной

деятельности за все года существования. В частности, на таком ресурсе можно найти каталоги участников, программу выставок, отзывы участников и посетителей, специализированные статьи, тезисы конференций и прочую информацию по годам проведения выставки. Также через сайт и использование баннерной рекламы организаторы выставочного мероприятия обеспечивают поток целевых посетителей, которые получают всю необходимую информацию для того, чтобы решить вопрос о целесообразности посещения выставки.

29 % респондентов посещают выставки с эстетическими целями. Созерцая нечто оригинальное, красивое, необычное, человек развивает свой вкус и чувство прекрасного. Даже созерцая не совсем привычные вещи (картины с отталкивающим сюжетом, экспозиции на неприятные темы), можно много почерпнуть для формирования внутреннего понимания эстетики.

Посетители, которые определили совместное времяпрепровождение с семьей и друзьями как лучший вариант посещения выставки, сообщили как о значительно более высоком уровне удовлетворения. Более того, люди, которые считали, что совместное времяпрепровождение с семьей и друзьями является лучшим вариантом совместного досуга, также сказали, что есть большая вероятность повторного посещения по сравнению с людьми, которые указали целью своего визита насладиться выставкой, выходным днём или просто узнать что-то новое. Эти данные подтверждают роль культурных организаций как посредников в социальном взаимодействии. Культурные организации не только соединяют людей с контентом, но и соединяют людей с людьми. Учитывая эту информацию, может показаться странным, что так много ресурсов сосредоточено на содержательном аспекте опыта и, по-видимому, меньше энергии сосредоточено на аспектах опыта, которые поддерживают социальный обмен. Контент важен, но осознают ли культурные организации, что для некоторых посетителей еще важнее быть посредниками в обмене опытом и сплочении людей. В культурных организациях контент становится мостом, соединяющим людей друг с другом.

Итак, исследование подтверждает, что любители ходить на выставки, которые предпочитают проводить время с друзьями и семьей, вероятнее всего, придут туда еще раз. Поэтому стоит направлять ресурсы не только на содержание, но и на объединение людей. Для этой целевой аудитории можно создать более благоприятную атмосферу. Например, создать маленький уголок, где людям можно будет посидеть пообщаться, пообсуждать, привлечь их закусками, создать семейные квесты, чтобы людям было веселее проходить их вместе, создать стенд для любителей фото, и тем самым подарить им незабываемое воспоминание об этом моменте на выставке и благодаря этому можно прорекламировать себя в социальных сетях, если люди вас отметят.

14 % респондентов хотят получить новую информацию с целью расширения своего кругозора. Походы на выставки позволяют узнать много нового. Это способствует разностороннему развитию. Кто-то идет больше за новыми ощущениями и чувствами, нежели за контентом. Вам знакомо, когда, глядя на какую-либо картину или необычный экспонат, вас начинают переполнять эмоции, чувства (грусть, вдохновение, надежда)? Человек эмоционально очищается и внутренне заряжается, когда встречается с определенными экспонатами. Эта особая энергия даёт силы и воодушевление для деятельности в разных сферах жизнедеятельности.

12 % опрошенных посещают выставки с целью пообщаться с персоналом или организаторами, 11 % – пришли для того, чтобы насладиться своим выходным днём и провести его в необычном месте, и только 9 % – посетили выставку, чтобы просто открыть для себя новое место в городе.

42 % респондентам приходила *e-mail*-рассылка, а 58 % – нет. *E-mail*-маркетинг имеет ряд преимуществ: низкая стоимость поддержания рекламного канала; сбор собственной базы возможных или действительных клиентов; построение диалога между бизнесом и клиентом; получение необходимых целевых действий от подписчиков (например, комментарии, оформленные заказы, заявки, скачанные бесплатные материалы и другое). Но также есть и минусы. Сейчас уже это не так актуально, как было ранее, и очень часто пользователи заносят это в спам, поэтому перед тем, как заниматься такой рассылкой, следует лично пообщаться с посетителем и лично попросить его электронный адрес, чтобы не сделать своей репутации хуже. Лучше если письма будут подписаны от руки и адрес получателя тоже будет не отпечатан, а написан от руки. Если адресат получает слишком много бумажной почты, то шансы, что письмо от галереи будет прочитано, снижается. В таких случаях используются открытки, т.к. будучи не запечатанными, вероятность ознакомления с информацией, которую они содержат, увеличивается. В отношении содержания сообщения письма можно отметить, что оно должно быть коротким, ясным, информативным, с указанием дат проведения выставки, часов работы галереи, адреса, желательно приложить небольшую схему проезда, также важно иметь обращение. Если оно будет по имени и отчеству, то это больше привлекает внимание и значительно повышает симпатию со стороны адресата. Важно, чтобы был логотип галереи, визуализация, которая не должна быть сложной, чтоб легко запоминалась. И конечно же подпись, желательно самого галериста, что прибавляет вес сообщению, акцентируя значимость получателя сообщения.

Кроме того, для распространения информации о выставках можно использовать рекламу в общественном транспорте. 41 % опрошенных замечали рекламу в общественном транспорте, 15 % – не замечали, 14 % – не уверены в ответе, а 30 % – вовсе не ездят на общественном транспорте.

Огромная часть населения использует общественный транспорт в качестве средства передвижения. Зачастую такая реклама является наиболее эффективной, поскольку в это время люди не сосредоточены на какой-то важной информации и начинают обращать внимание на окружающие их вещи. Если в данный момент человек увидит вашу рекламу, она заинтересует его, и он досконально изучит тот материал, который вы сможете вложить в вашу рекламу.

25 % респондентов замечали информацию о выставках в журналах или газетах, а 20 % – нет, 55 % – вообще не читают их. Реклама в газетах и журналах имеет много плюсов: низкая стоимость, избирательность своей аудитории, читатели газет тщательнее всех обрабатывают полученную информацию, и организаторы выставки имеют большие шансы то, что читатель задумается и решит посетить выставку, читатели газет обычно люди в возрасте, а журналов, наоборот, более молодая аудитория, так что реклама охватит все возрастные категории, что однозначно организаторы получают отклик от читателей.

В рамках нашего исследования респондентам был задан вопрос, как они оценивают эффективность каналов продвижения в целом. 41 % респондентов ответили, что не очень часто замечают рекламу, и поставили от 6 до 8 баллов. 25 % – оценили рекламу на довольно высоком уровне, и сказали, что часто замечают ее, и поставили 9 – 10 баллов. 21 % респондентов сказали, что только периодически замечают их рекламу, и поставили 4 – 6 баллов. От 2 до 4 баллов поставили 5 % опрошенных, сказав, что почти никогда не видели их рекламы. И только 5 % людей никогда не видели рекламу об арт-выставках.

Средний балл оценки эффективности каналов продвижения получился 7,1. Это значит, что продвижение находится на среднем уровне, что является довольно неплохим

показателем, но также говорит и о том, что им есть куда расти, и есть множество возможностей продвигать себя ещё более эффективно, так как все затраты на проведение выставок окупятся.

Подводя итог, необходимо отметить, что при продвижении арт-выставок следует работать с разными целевыми аудиториями, используя демографический, возрастной и социальный критерии. Для каждой из целевых аудиторий нужно использовать свои каналы продвижения и технологии воздействия. Изучая аудиторию, которая посещает арт-выставки учреждение культуры может выработать свои наиболее эффективные каналы продвижения, тем самым обеспечив свое процветание и в художественном, и в материальном планах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гусев Э. Б., Прокудин В. А., Салащенко А. Г. Выставочная деятельность в России и за рубежом. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005.
2. Выставочные залы как современные арт-институты. Специфика продвижения художественных выставок [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/872305/marketing/vystavochnye_zaly_sovremennye_ (дата обращения: 17.04.2022).
3. Организация арт-выставок как специфическая форма социально-культурного сервиса (на примере арт-отеля «Trezzini») [Электронный ресурс]. URL: https://knowledge.allbest.ru/marketing/3c0a65635a2ad68b4d53a89521316c26_o.html (дата обращения: 10.04.2022).
4. Шарков Ф. И. Выставочный коммуникационный менеджмент (управление выставочными коммуникациями). М.: Альфа-Пресс, 2006.
5. Пять основных каналов продвижения в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://salesgeneration.ru/blog/other/pyat-osnovnyih-kanalov-prodvizheniya-v-internete> (дата обращения: 20.04.2022).

СПЕЦИФИКА СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА В ФЭШН-ИНДУСТРИИ

THE SPECIFICITY OF CHILDHOOD SUBCULTURE IN THE FASHION INDUSTRY

В. С. КОЗЯБО

V. S. KOZIABA

*Белорусский государственный университет
факультет социологических коммуникаций
ул. Маяковского, 96, 220006, Минск, Республика Беларусь
e-mail: valeriya.krysa@mail.ru*

В статье рассматриваются основные аспекты проявления субкультуры детства в обществе. Определяются способы выражения «детства» в моде.

The article discusses the main aspects of the manifestation of childhood subcultures in society. Cases of the appearance of "childhood" in fashion are determined.

Ключевые слова: мода, детство; субкультура детства; фэшн-индустрия.

Keywords: fashion, childhood, subculture of childhood, fashion industry.

Детство – это период жизни человека, в котором происходит познание окружающего мира, тренировка необходимых навыков, усвоение культурных ценностей общества. При этом детство – это понятие, которое в разных эпохах имеет различное социально-культурное содержание. Развитие детей протекает в определённой среде, которая связана со всеми сторонами жизни человека. Поэтому понятие детства изменяется в соответствии с историческими эпохами и культурой народов.

Сегодня одной из ветвей фэшн-индустрии стала детская мода, на которую особое влияние оказывает именно субкультура детства. В течение всего XX века в моде происходили постоянные изменения, не менялось только само слово. Мода из *arstmineurs* (буквально «малые искусства», «ремесла») превратилась в *arsgrande* («высокие искусства»). То, что раньше могли получить только высшие сословия, становится достоянием масс. На этом фоне появляются субкультуры в моде – модные молодёжные направления. Стоит отметить, что индустрия моды является одной из основных сфер, на которую всегда влияют любые изменения в обществе и культуре.

Субкультура в целом – это устойчивая совокупность специфических культурных черт, характерных для определенной социокультурной группы и влияющих на стиль жизни, мышление ее членов. Детская же субкультура – это все то, что создается обществом для детей; в узком осмыслении – это смысловое пространство с определенной системой ценностей, способов взаимодействия и общения между собой и с обществом, существующих в детских сообществах в той или иной социальной ситуации развития общества [1, с. 31].

Субкультура детства состоит из следующих компонентов: игры, фольклора, «правового кодекса», юмора, мира фантазий, специфических увлечений и др. Важную роль играют субкультурные формы, которые оказывают влияние на понимание ребенком общечеловеческих ценностей – решение определенного типа проблем, детская фило-

софия по отношению к окружающему миру, психологические аспекты, взаимодействие с другими людьми [2, с. 6].

Исходя из вышесказанного, детская субкультура является уникальным феноменом, который несет в себе сущностно-смысловой аспект и результат взаимодействия детей между собой и окружающим обществом. Благодаря детской субкультуре удовлетворяются потребности ребенка в нахождении на некоторое время вдали от родителей, в общении с другими людьми, в проявлении самостоятельности и участии в социальных изменениях [1]. Однако, к большому сожалению, детская субкультура претерпевает серьезные изменения: если ранее наблюдалась ориентация на творческое развитие детей во всех видах деятельности вплоть до познавательной сферы, то сейчас приоритет познания переходит к виртуальному миру, то есть творческий аспект в жизни ребенка уходит на второй план [3, с. 82–85].

Многие детские психологи считают, что уровень детской субкультуры, игр и непосредственно самого детского сообщества являются важными показателями развития детской личности. Поэтому для научных исследований по разработке детских товаров, в том числе и модного продукта, является важным культурным аспектом, так как создаются полноценные условия для всестороннего развития личности.

Работая в детской модной индустрии, необходимо учитывать, что дети сами создают культуру и систему общения, которая понятна им, но скорректирована обществом, то есть это своего рода культура в культуре. Любая личность проходит этап детства, в котором для каждой возрастной категории характерны свои символы, образы, представления о происходящем в обществе, то есть свое осмысление культуры окружающего мира, и, следовательно, специфическое восприятие происходящего вокруг. Необходимо учитывать, что мировоззрение ребенка отличается от восприятия мира взрослого, другими словами, между реальностью детей и взрослых существует переходный этап – взросление. Собственная система восприятия окружающего мира складывается у ребенка благодаря его взаимодействию с предметами, взрослыми людьми и сверстниками, но при этом окружающая среда дополняется фантазиями ребенка. Это накладывает своеобразный отпечаток на все сферы деятельности, связанные в той или иной мере с детьми, – фэшн-индустрия не исключение.

В настоящее время детская модная индустрия существует на равных условиях со взрослой – фэшн-показы, съемки в глянцевых журналах, бренды одежды, моделинг – созданные специально для детей, с учетом их потребностей. При работе с детьми следует учитывать, что ребенок – это не взрослый, поэтому существуют особенности работы: необходимо помогать ребенку раскрыть индивидуальность, а не пытаться сделать его одинаковым с окружающими его детьми; понимать, что ребенок хочет играть и модная индустрия для него своеобразная игра; нельзя из ребенка делать маленького взрослого, необходимо показать именно красоту детства. Фэшн-индустрия как творческая среда дает возможность ребенку проявить себя, найти свой путь и выделиться в детском социуме, раскрывает личностные особенности, помогает в общественных коммуникациях. Сегодня детская мода развивается благодаря большому количеству фэшн-журналов детской направленности. Так как взрослая индустрия уже давно сформирована, то на детском фэшн-рынке работает большая команда профессионалов – фотографы, стилисты, дизайнеры.

При всех позитивных настроениях в детской модной индустрии существует ряд негативных влияний, так как происходят изменения культурных традиций и ценностей во взрослом обществе. К таким проявлениям относятся нездоровая конкуренция среди детей, другими словами, созданная родителями завышенная самооценка детей; желание

детей походить внешне на взрослых, то есть использование большого количества косметики, откровенная одежда и фотосессии, которые не соответствуют возрасту детей; агрессия по отношению к сверстникам и т.д. Как позитивные, так и негативные стороны фэшн-индустрии отражаются на художественном вкусе детей, а соответственно и на формировании некоторых сторон детской субкультуры.

В завершении следует отметить, что на сегодняшний день фэшн-индустрия для детей – это уже не игра, а серьезный бизнес, который базируется на удобстве и комфорте одежды, красоте и эстетике окружающей среды, но с отпечатком детства. Эти аспекты следует учитывать при работе с модным продуктом для детей. Рассмотренный вопрос о влиянии моды на детскую субкультуру, как элемента детства, подтверждает тенденции к ее трансформации в современном обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Иванова Н. В.* Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. 2005. С. 31–36.
2. *Осорина М. В.* О стратагемах детской субкультуры // Традиционная культура и мир детства: мат-лы междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Ульяновск, 1998. Ч. 3. С. 5–11.
3. *Яфизова Р. И.* Проблема существования и развития детских видов деятельности современного старшего дошкольника в поликультурном пространстве изменяющейся России // Проблемы дошкольного детства в пространстве изменяющейся России: от исследования к технологиям сопровождения: сб. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. М. Герцена. 2009. С. 81–87.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ СОВРЕМЕННЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ ИСКУССТВ

COMMUNICATIVE SPACE AND TIME OF MODERN ART FESTIVALS

Ли ЧАН
LI CHANG

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
факультет культурологии и социально-культурной деятельности
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: lc15938053533@gmail.com*

В предлагаемой статье вопрос о специфике фестивалей искусств решается в контексте хроно-топологической интерпретации их коммуникативного пространства и времени. С этой точки зрения осмысливается своеобразие Международного музыкального фестиваля им. И. И. Соллертинского в Витебске. К изучению времени фестивальных мероприятий привлекается исследовательский подход Ж. Бодрийяра.

In the proposed article, the issue of the specifics of art festivals is solved in the context of the chronotopological interpretation of their communicative space and time. From this point of view, the originality of the International Music Festival. I. I. Sollertinsky in Vitebsk. The research approach of J. Baudrillard is involved in the study of the time of festival events.

Ключевые слова: время; досуг; коммуникационная деятельность; общество потребления; пространство; социальная память; фестиваль искусств; хронотоп.

Keywords: time; leisure; communication activity; consumer society; space; social memory; art festival; chronotope.

В гуманитарном дискурсе сформировалось понятие «хронотоп», определяемое учеными как слой содержания искусства, раскрывающий особенности восприятия, переживания людьми пространства и времени в тот или иной исторический период. В хронотопе свойства пространства и времени тесно взаимосвязаны. Формируется пространственно-временная картина мира, меняющаяся от эпохи к эпохе. Российским исследователем А. В. Соколовым введен в научное употребление термин «социальный хронотоп». По мнению Соколова, в современном обществе движение смыслов и значений, которыми оперирует социальная коммуникация, нельзя проследить в материальном трехмерном пространстве или измерить сверхточным хронометром (коммуникация в координатах геометрического пространства и астрономического времени), поскольку природа таких смыслов и значений идеальна. В этом случае уместно обратиться к представлениям о социальном хронотопе, структуру которого составляют социальное пространство и социальное время [1].

Движение смыслов в социальном пространстве представляет собой коммуникационную деятельность, в социальном времени – социальную память. Коммуникационная деятельность осуществляется в формах подражания, диалога и управления. Подражание как стремление к уподоблению кумиру, объекту поклонения обнаруживается в коммуникативном пространстве современных молодежных фестивалей. Диалог осуществляется в рамках фестивалей искусств. Между субъектами, вступившими в такое взаимодействие, возникает особая художественная коммуникация, тяготеющая к пониманию

и принятию иного. Наличием управленческих стратегий характеризуются фестивали с ярко выраженной идеологической направленностью. Одним из видов коммуникационной деятельности является микрокоммуникация, наряду с мидикоммуникацией и макрокоммуникацией, включающая в себя фестивальный менеджмент. Социальная память аккумулирует исторический опыт людей. В структуре социальной памяти выделяются два ее содержательных слоя – традиции и новации. Традиции в качестве коммуникационного явления обеспечивают преемственность поколений. Необходимо отметить, что никакая власть, никакой авторитет не в состоянии отменить какую-либо культурную традицию, равно как и возвести актуальную новацию в ее ранг. «Традиции охраняются общественным мнением и их принудительная сила гораздо больше принудительной силы юридических законов, ибо она непосредственно базируется на бессознательных социальных смыслах» [1, с. 82]. Понимание особенностей проявления социального хронотопа, на наш взгляд, помогает раскрыть специфику функционирования современных фестивалей в контексте положений теории коммуникации.

Коммуникативное пространство и время во многом определяют облик Международного музыкального фестиваля им. И. И. Соллертинского в Витебске. Пространство выступает как связанное со временем. Как представляется, именно таким образом можно интерпретировать следующее высказывание Н. В. Мацаберидзе: «Пространство фестиваля за всю свою историю существования не только способствовало взаимодействию национальных культур, активизировало творческое сотрудничество со многими значимыми деятелями музыкальной культуры современности, но и позволило осмыслить неразрывную художественную связь Витебска с различными музыкальными культурами и дало возможность ощутить их общие исторические и культурные корни» [2, с. 174].

Представления о динамике пространства возникают в тот момент, когда Мацаберидзе, имея в виду фестиваль, пишет о расширении «внутреннего поля собственно музыкального мира», связанного с раздвижением границ, разрастанием коммуникативной среды академической музыки и ее репрезентации, когда она обращает внимание на стремление фестиваля к открытости формы, структуры. Организация же фестивального времени, выделенного из эмпирического времени, запечатлена, на наш взгляд, в самом девизе фестиваля – «открытие новых и возрождение старых, забытых имен и страниц в различных жанрах искусства» [2, с. 174]. Традиции и новации в полной мере присущи фестивалю им. Соллертинского, который «достаточно академичен и традиционен ... и одновременно экспериментален», интересен «с позиций совмещения принципов постмодернизма и крепких устойчивых национальных и академических традиций», представляет собой «разумное сочетание классики с музыкой современности» [2, с. 174]. Отдельно взятая камерная музыка, вокруг которой был сосредоточен первоначальный смысл фестиваля, также совмещает в себе «художественно-образную самодостаточность и в тоже время возможность экспериментировать с выразительными средствами, музыкальным языком и новыми видами образности» [2, с. 174]. Время в своем движении образует пространство фестивальных мероприятий. Как отмечает Мацаберидзе, важные вехи и даты в истории музыкальной культуры формировали общую тематическую концепцию фестивальных программ. Слушателям была предоставлена уникальная возможность ознакомиться с музыкой XVI–XIX вв., звучавшей на территории современной Беларуси. «На концертах фестиваля проходила фактическая апробация заново открытых и новых явлений в музыке и исполнительском искусстве, на основании чего можно говорить об ассимиляции Витебского фестиваля в мировой художественный процесс» [2, с. 176].

Хотелось бы отметить, в Китае иероглиф 节日, обозначающий фестиваль, первоначально был взят из иероглифа 竹子, что означает бамбук. В древности быстро растущий

бамбук использовался для измерения отрезков времени. По аналогии с этим растением, фестиваль имел следующее значение – интервал, установленный китайским народом в системе наличного времени. Фестиваль запечатлевает прошедшее время, координирует отношения между людьми, природой и обществом [3].

Если коммуникативное пространство фестивалей искусств современными исследователями, в целом, осмысливается достаточно полно и продуктивно [4], то коммуникативное время фестивалей, как правило, характеризуется ими лишь вскользь. Так, В. Р. Языкович, анализируя модели межкультурного диалога, указывает на особую роль в развитии европейской цивилизации диалога культурных стилей, включающего в себя «обращение к ценностям и достижениям предшествующих эпох» [6, с. 292]. Как считает ученый, диалог между культурами часто происходит в форме распространения новых идей и ценностей, популяризации инноваций [6, с. 290]. Т. Н. Язвинская высказывается о наличии такого вида диалогического межкультурного взаимодействия как диалог с прошлыми и настоящими культурами, который предполагает одновременное бытие и общение людей разных времен и эпох [7, с. 43].

Авторский подход Ж. Бодрийяра, на наш взгляд, применим к изучению коммуникативного времени фестивальных мероприятий, посещение которых является формой организации досуга, культурного отдыха населения. По Бодрийяру, в обществе потребления на время существует особый спрос. Время сохраняет «мифическую ценность уравнивания условий человеческого существования, ценность, воспринятую и тематизированную в наши дни особенно как время досуга» [8, с. 278]. Представление о том, что все люди равны в досуге – культивируемый миф. Досуг не является царством свободы. Время в досуге может быть только продуктом определенной культуры, некоторого способа производства. В таком качестве оно с необходимостью подчинено тому же статусу, что и все другие блага, произведенные или имеющиеся в наличии в рамках данной системы производства: статусу собственности, частной или общественной, статусу присвоения, статусу объекта, свободного, находящегося во владении или отчуждаемого.

В древних обществах время ритмизировано. Его нельзя отделить от повторяемых в ритуалах труда и отдыха коллективных действий, чтобы спроецировать в будущее. Высшего своего проявления оно достигает в акте всенародного праздника. В обществе потребления и время труда, и свободное время проданы и куплены. Разного рода товары и услуги «экономят» время для тех, кто ими пользуется. Стиральная машина – это свободное время для домохозяйки, которым она распоряжается, в том числе может употребить его на удовольствие от посещения фестиваля. Законам системы производства, регулирующим время труда, подчиняется также свободное время. В цикле производства оно вписано в организацию годового времени в рамках «солнечного года», «с каникулами как солнцестоянием частной жизни» [8, с. 284]. Свободного времени каникул или отпуска отдыхающий не смог бы лишиться, даже если бы захотел кому-нибудь его подарить. Чередование времени труда и отдыха – это не ритм перемен (как последовательность естественных фаз круговорота), но функциональный механизм.

Досуг принудителен и «отчужден», поскольку необходим лишь для восстановления рабочей силы. Он не отмечен творческим характером: художественное или иное творчество, созидание никогда не осуществляются в формах деятельности досуга. Его также нельзя освободить как пустое измерение, чтобы заполнить индивидуальной свободой. Содержание досуга, является ли он «остаточным по отношению к принудительному труду или автономным, – все это становится отличительным знаком индивида группы, одного класса в отношении к другому» [8, с. 278]. Досуг выступает как фактор отбора и культурного различия. Когда-то праздность была отличительным признаком имущих

классов, воздержание от труда являлось повсеместно признанным знаком репутации и престижа. Принуждение к ничегонеделанию формировало статус привилегированных слоев общества. Производительный же труд всегда оценивался как неблагополучный. Досуг не так уж сильно посвящен наслаждению свободным временем, функциональному отдыху. Его определение – потребление непроизводительного времени, отсутствие времени труда. Время досуга экономически непродуктивно, однако оно производит необходимые обществу ценности статуса и отличия.

Актуальные вопросы, возникающие в связи с изучением коммуникативного пространства и времени фестивалей искусств, представляют собой проблемное поле фундаментальной культурологии. На наш взгляд, теоретико-методологическое осмысление пространственно-временной природы современных фестивалей позволяет лучше понять их глубинные значения и смыслы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
2. Мацаберидзе Н. В. Фестиваль как явление в контексте новых идей и национальных традиций (Международный музыкальный фестиваль им. И. И. Соллертинского в Витебске) // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. № 26. 2015. С. 172–177.
3. 许慎·说文解字·北京：中华书局·1963年 = Сюй Шэнь. Шуоуэнь Цзези (словарь иероглифов) // Пекин: Книгоиздательство Чжунхуа, 1963.
4. Жукова О. М. Потенциальные возможности обогащения и расширения фестивального пространства // Вести Института современных знаний. 2017. № 2(26). С. 14–19.
5. Широкова Е. А. Феномен музыкального фестиваля в контексте культурной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6. С. 179–181.
6. Языкович В. Р. Межкультурный диалог в контексте европейского развития // Культура. Наука. Творчество: XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 мая 2021 г. : сб. науч. ст. Минск: БГУКИ, 2021. С. 289–294.
7. Язвинская Т. Н. Фестиваль как способ организации межкультурного взаимодействия в пространстве диалога культур // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 8. С. 41–46.
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления / перевод с фр. Е. А. Самарской. М.: Изд-во АТС, 2021.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHENOMENON OF CULTURAL MEDIATION IN MODERN SOCIETY

Д. С. КИРИЧЕНКО
D. S. KIRYCHENKA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: dariamikhailava@gmail.com*

В статье рассматривается сущность феномена культурной медиации в современном обществе, ее формы, сферы практического применения. Отдельное внимание уделяется факторам, актуализирующим роль медиаторских практик.

The article is dedicated to the essence of the phenomenon of cultural mediation in modern society, its forms, areas of practical application. Special attention is paid to factors that actualize the role of mediation practices.

Ключевые слова: культурная медиация; межкультурная коммуникация; культурные искажения; глобализация.

Keywords: cultural mediation; intercultural communication; cultural distortions; globalization.

В процессе жизни человек проходит этапы социализации, аккультурации, включения в локальные сообщества. Таким образом обретается идентичность, человек принимает определенные образцы мышления и поведения, начинает себя с ними соотносить. Тем не менее прохождение подобного пути сопряжено с множеством когнитивных препятствий. Это зависит и от внутриобщественных искажений, вариативности в трактовке культурных феноменов, и от влияния локальной медиасреды. Чтобы являться членом современного глобального мира, недостаточно пройти локальную социализацию, необходимо мультикультурное образование, знакомство с «иным», навык межкультурного взаимодействия, преодоление внутренних культурных противоречий и собственных ограничений. Культурная медиация, в свою очередь, призвана стать посредником между личностью и культурными феноменами.

Термин «медиация» пришел в сферу культуры из экономической и административной среды. Под медиатором понимается посредник, третья сторона, которая должна предложить пути разрешения разногласий между компанией и клиентами. Таким образом, занимая нейтральную, позицию медиатор разрешает конфликт.

Во второй половине XX в. понятие медиации начинает активно использоваться в культурной сфере. Можно сказать, что в данном контексте медиатор представлялся преимущественно как амбассадор некой культурной институции, чаще всего музея. Именно в музейной практике медиация обрела свою новую актуальность. Вместе с тем, отмечая определенный синкретизм множества сфер общественного бытия (культурной, политической, научной), мы находим фигуру медиатора необходимой в контексте почти каждого социального института. Сам концепт медиатора – посредника становится все более актуальным. При этом, говоря о медиации в сфере культуры, необходимо

провести различие с другими посредническими практиками, например, с культурной анимацией, образованием или медиацией в сфере искусства. Культурная медиация существует на стыке культурной и социальной сфер, связывая и создавая новые контексты между политикой, культурой и общественным пространством.

Медиация охватывает широкий спектр практик, позволяющих не только модерировать взаимодействие мира культурных феноменов и социума, но и вовлекать общественность в культурный и межкультурный дискурс, предлагая каждому сформировать чувство собственной культурной идентичности и стать осознанным участником культурно-социального дискурса. Подобное посредничество ставит перед собой не просто задачи просвещения и образования, а именно взаимодействия со средой и обществом с целью преодоления противоречий и когнитивных конфликтов между культурными контекстами и частным восприятием индивидов.

Рассмотрим факторы, которые способствуют актуализации медиации в сфере культуры сегодня. Во-первых, это феномен медиатизации. Цифровизация жизни человека привела к тому, что становится все сложнее жить обособленно, невовлеченно в общую культурную, социальную, новостную повестку. Это связано с такими явлениями, как общество потребления, медиакультура, массовая культура, зависимость экономики от культурных факторов, проблема включения определенных социальных групп. Качество жизни человека начинает зависеть от множества новых контекстов, поэтому возникает необходимость определенного ориентира, проводника в этом вихре образов.

Во-вторых, образ медиатора актуализирует глобализация. Отмеченные выше массовизация и медиатизация культуры создают впечатление общего культурного контекста. Рядом с национальной культурой наравне, а может, и выступая вперед, стоит культура коммерческая. С одной стороны, это фактор позитивного характера. Массовая культура аккумулирует множество тем, образов, архетипов, которые понятны большинству и создают чувство общности. Причем, содержание массовой культуры сегодня межнационально: это своеобразная система наиболее успешно «работающих» элементов, собранных из разных национальных контекстов. Например, День Патрика уживается рядом с латиноамериканским Днем мертвых, суши рядом с пиццей, Рагнарек тибетским монашеством, высокие технологии рядом с аутентичной африканской культурой.

Тем не менее, содержание глобализации включает определенные противоречия, которые можно охарактеризовать как искажения культурной идентичности. Первым искажением может стать *обезвреживание*. Несмотря на то, что мы наблюдаем некую общность множества мультикультурных образов, как правило, они аккумулируются в рамках западной культурной индустрии. Тренд на продвижение «неамериканского» контента отчетливо наблюдается сегодня в креативной индустрии Голливуда, тем не менее, взгляд на этот контент исходит как бы сверху. В результате мы получаем в одном случае обезвреженный вариант культурного конструкта, в другом – довольно поверхностное представление о сути конкретной культуры. Примером могут стать фильмы «Черная пантера», «Шан-чи», мультфильмы «Лука», «Энканто». В частности, мультфильм «Энканто» представляет нам обобщенный латиноамериканский мир, хотя местом действия обозначена Колумбия. Вместе с тем, над созданием картины работали продюсер мексиканского происхождения, автор песен пуэрто-риканского происхождения, и никто из авторов картины не имеет собственно колумбийских корней. Таким образом, для создателей-мейджоров особенности культур «латиноамериканского» мира нивелируются.

Стоит отметить, что инклюзия национальных меньшинств в преимущественно «белый» массовый контекст тоже имеет свои особенности. Механическое включение ази-

атского, афроамериканского, латиноамериканского актера в сюжет про американское общество не является признанием культурной идентичности в полном смысле. Недостаточно давать возможность культуре существовать в обусловленном контексте. Необходимо говорить подлинно о культуре, учитывая исторические, социальные факторы ее формирования.

Следующий тип искажения культурной идентичности можно обозначить как *стереотипизация*. Известно множество стереотипов о тех или иных культурах. Стереотипы базируются как на реальных культурных фактах, исторических событиях или личностях, так и на коллективно вымышленных идеях. Стереотипы могут облегчать обывательскую ориентацию в мультикультурном мире, структурировать многообразие особенностей. Но при этом, безусловно, стереотипы становятся преградой на пути осуществления межкультурной коммуникации. Негативным следствием стереотипизации становятся приложение частного к общему, низкая чувствительность к разнообразию культурного содержания, заочно сформированное негативное или излишне восторженное впечатление.

Третий тип искажения предлагаем обозначить как *мифологизация*. Вероятно, мифологизация культурных особенностей является злейшим врагом межкультурной коммуникации, культурной медиации и формирования представления о культурной общности в целом, так как может базироваться на искусственной интерпретации. Мифологизация культуры используется зачастую намеренно: для создания образа «врага» или для формирования паттернов восприятия собственной культурной идентичности. Ярчайшим примером мифологизации являются действия немецкой пропаганды во времена Третьего Рейха: с одной стороны, арийский миф, нацеленный на формирование идентичности собственных адептов, с другой – еврейский миф, призванный сформировать образ врага. Подобная мифологичность трагична для мирового баланса, тем не менее, до сих пор ее методы актуальны, что мы можем наблюдать в отношении «мусульманского мира», манипуляций с устранением следов нацизма и формирования все новых «измов» и «центризмов». Человек, оказавшись в поле действия пропаганды, рискует сформировать ложное представление, как о внешнем мире, так и о собственной идентичности.

Собственно, третья тенденция в актуализации роли медиатора тесно связана с последним упомянутым типом искажения культурной идентичности. Глобализация оказалась сопряжена с мультикультурной энтропией. Единство медиаконтента распадается на множество контекстов, локальность вступает в борьбу с глобальностью. Данное явление характеризуется понятием *глокализации*, сохранением и усилением региональных особенностей. Внимание общества обращается на аккумуляцию, презентацию и рефлексию собственного культурного наследия.

Таким образом, мы представили факторы, актуализирующие роль культурной медиации в современном обществе. Теперь необходимо описать ее формы и поле практики.

Существует несколько стратегий в представлении формальной структуры культурной медиации: медиация как профессия, функция культуры, как политико-социальный проект.

Первая стратегия представляет медиацию как профессию, выделяя образ специалиста-медиатора, призванного частным образом осуществлять посреднические тактики в конкретной среде. Культурная медиация может применяться в различных учреждениях через тренинги, дебаты, проекты, знакомство с культурным наследием. Вместе с тем, возникают автономные профессиональные институты, комитеты, сообщества, специализирующиеся на проектах в сфере культурной медиации. Подобные образо-

вания могут быть платформой для продвижения медиаторских практик, осуществления наблюдения за культурными процессами, исследования и передачи знаний. Подобной деятельности характерен многосекторальный и междисциплинарный подход, сочетающий в себе практики социологии, философии, антропологии, истории искусства. Также медиаторские институции могут выступать местами тематических встреч, которые будут способствовать обмену опытом между людьми, обучению и взаимодействию. Как в городских, так и в региональных условиях культурная медиация поможет улучшить социальную среду, развить принятие самобытности и сформировать социокультурные связи.

Хочется отметить, что образ культурного медиатора крайне вариативен. Так, например, сегодня наблюдается определённый запрос и одновременно тренд на медиаторские практики в среде интернет-инфлюенсеров. Новостная повестка обширная за счёт развитой мировой СМИ-системы, доступности интернет-ресурсов. Общество постоянно находится в определенном ментальном очаге событий. Люди в поиске ориентира ощущают потребность в посреднике, который помог бы им понять «что происходит». В целом это уже не столько новостной сегмент, сколько просветительский или все же медиаторский, ведь запрос не просто узнать новость, а понять, как к ней относиться, сформировать многомерный образ происходящего или примирить внутренние противоречия.

Поле новостной медиации превратилось в отдельный сегмент деятельности блогеров, при этом актуализируется именно роль культуры в рефлексивных интернет-практиках. Культура в связке с историей, социологией способна стать ключом к разрешению индивидуальных внутренних и внешних противоречий.

Медиация как функция культуры актуализирует глубинные задачи самой культуры. Человек в процессе жизни формирует собственную идентичность, усваивает культурные нормы, ценности, необходимые для интеграции в общество. В данном случае медиаторские практики призваны активизировать социальные и культурные связи, взаимодействовать с целевыми социальными группами, способствовать развитию неформального образования.

Третья стратегия медиации как политико-социального проекта, главным образом, ставит перед собой цель трансформации культурной системы: обеспечение доступности культуры для общественности, поддержка разнообразия форм культурного взаимодействия, поощрение участия граждан в культурной сфере, помощь в личностном развитии людей, формирование одновременно чувств общности и мультикультурности. Как видим, культурная медиация как деятельность имеет широкий спектр приложения и может осуществляться в различных формах.

Таким образом, совокупность факторов актуализируют роль культурной медиации в современном обществе. Процессы глобализации, глокализации обнажают внешние и внутриличностные противоречия и конфликты. Медиация призвана выполнить посредническую функцию, помочь установить контакт между человеком и культурным феноменом, наладить связь с культурной памятью, отыскать ориентир в потоке лавинообразной информации, способствовать развитию культурной идентичности и способствовать устранению культурной изоляции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ангияма С.* Что такое медиация? // Рабочая тетрадь медиатора [Электронный ресурс] URL: http://manifesta10.org/media/uploads/files/workbook_mediation_rus.pdf (дата обращения: 02.04.2022).
2. *Куклинова И. А.* Культурная медиация: история и современное понимание термина // Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 5–11.
3. *Синицына А. О.* Культурная медиация и ее формы в педагогической науке и практике во Франции // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 1. С. 67–76.
4. Time for Cultural Mediation [an online publication]. – Zurich: Pro Helvetia. 2012. URL: https://prohelvetia.ch/app/uploads/2017/09/tfcm_o_complete_publication.pdf (дата обращения: 02.04.2022).

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯ

MODERN SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS IN THE SPHERE OF THE MUSIC CULTURAL INDUSTRY OF CHINA

Фу Жао
FU JAO

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108 Минск, Республика Беларусь
e-mail: jao.fzhao@yandex.by*

В статье рассматриваются проблемы подготовки музыкальных кадров в Китае. Формирование системы образования, соответствующей современным требованиям, нацелено и на развитие культурных индустрий. Корреляция классической, традиционной модели обучения с инновационными направлениями, соответствующими креативной сфере, позволяет решать и социально-экономические проблемы.

The article deals with the problems of training musical personnel in China. The formation of an education system that meets modern requirements is also aimed at the development of cultural industries. The correlation of the classical, traditional model of education with innovative directions corresponding to the creative sphere also allows solving social and economic problems.

Ключевые слова: индустрия музыкальной культуры; обучение системных специалистов; музыкальное образование.

Keywords: musical culture industry; system specialists training; music education.

Система музыкального образования является одной из составляющих музыкальной индустрии. Современная подготовка кадров насчитывает около ста лет, хотя корнями уходит в более чем тысячелетний опыт музыкального образования. В 1920-х гг. начала складываться конфигурация музыкального обучения и воспитания как общей системы. Так, были открыты консерватории в Шанхае и Пекине. После провозглашения Китайской Народной Республики был создан Союз работников музыки, открыты музыкальные школы, училища, институты и консерватории в разных городах. В качестве общегосударственной цели выдвигалась и подготовка педагогических кадров в сфере музыкального искусства, которая была успешно реализована в 1980–90-х гг. В XXI в. музыкальное образование Китая представляет собой четко организованную масштабную структуру, перед которой, тем не менее, стоят задачи обучения не только музыкантов и исполнителей, педагогов, но и менеджеров, продюсеров, маркетологов.

В настоящее время в Китае преобладает три уровня музыкального образования – любительский, профессиональный и общий. Любительское обучение основано на частных уроках сольфеджио, индивидуальных занятий ученика с педагогом и самостоятельном овладении учащимся каким-либо музыкальным инструментом. Общее музыкальное воспитание дети получают в общеобразовательной школе, которое направлено на формирование музыкального слуха и эстетического вкуса. Затем продолжают активно за-

ниматься в музыкальном училище и высшем учебном заведении, куда поступают наиболее способные учащиеся.

Одной из важных форм, выявляющих уровень профессиональной подготовки музыканта в вузах Китая, является письменный тест, включающий вопросы по теории музыки, гармонии и сольфеджио, состоящий из ряда других вопросов различного типа.

Известно, что в последние десятилетия весьма успешно на международных конкурсах выступают китайские музыканты. Это дает основание говорить об эффективности системы музыкального образования в стране. Характерной его чертой является «открытость и широкое привлечение технологий Запада в образовательном процессе, при бережном отношении к сложившимся культурным традициям» [1].

Следует отметить, что в настоящее время выходит на первый план при разработке методов обучения в высшей школе Китая культурологическое направление. В числе основных идей при их разработке следует назвать следующие тезисы:

- музыкальное образование представляет собой освоение высоких образцов музыкального искусства;
- культурно-образовательная среда служит источником всестороннего развития личности;
- культурно-образовательная среда обеспечивает расширение кругозора личности [2, с. 156].

В обучении вокальному исполнительству теоретическими основами являются следующие положения:

1. Ориентирование на совокупность теоретической и практической подготовки будущих специалистов вокального искусства;
2. Признание главенствующей роли личности в процессе обучения вокальному искусству, и, соответственно, разработка индивидуального подхода и программы, которую можно использовать к различным типам личности;
3. Паритет вокального искусства с национальной культурой Китая для сохранения традиций народной музыки;
4. Интернационализация вокального обучения в контексте глобализации и расширения межкультурного общения.

В настоящее время быстрое распространение популярной музыки в стране в определенной мере сдерживаются традиционными учебными планами образовательных учреждений. И если ранее, в конце прошлого века, музыкальные программы были сосредоточены исключительно на западной академической музыке, то в последние годы эта тенденция уходит в прошлое. На это указывает и молодой китайский исследователь Ли Чжуаньди. Он отмечает, что музыкальное образование в современной китайской школе организовано на базе следующих принципов: приобщение к культурным национальным ценностям, обращение к музыкальному фольклору и национальной песне, обогащение традиционной культуры европейскими методиками исполнения [3, с. 41].

Лучшие педагогические силы системы современного музыкального образования в своей методике и практике преподавания стремятся оживить традиционное музыкальное образование, привлекая национальные кадры и наследие, созданное китайским народом. С этой целью на музыкальных факультетах педагогических университетов вводятся новые дисциплины, например, «Прослушивание китайской и зарубежной современной музыки», «Введение в народное творчество разных стран и народов», «Введение в музыкальную культуру», «Музыкальное воспитание» [3, с. 42], «История

китайской музыки», «Китайская народная музыка», «Ансамбль народных инструментов» (университет Бейхуа).

Стремительно ворвавшись в мир XXI в., китайская музыкальная культура в целом, и ее концертный сегмент в особенности, не только стали неотъемлемой частью общемирового музыкального развития, но чем дальше, тем сильнее влияют на ход эволюции музыкального искусства нашей планеты.

Подготовка специалистов в Китае в сфере музыкальной культурной индустрии отличается большим количеством профилей. В рамках общего для всех специализаций цикла «История и теория музыкального искусства» студенты изучают эстетику и теорию искусства, историю музыки, фортепиано. Еще один общий блок – педагогические дисциплины («Музыкальная педагогика и психология», «Методика преподавания профессиональных дисциплин»). Остальные предметы варьируются в зависимости от профиля.

Так, при обучении будущих администраторов и продюсеров акцент сделан на менеджмент в искусстве, а у потенциальных аранжировщиков в системе подготовки преобладают творческие дисциплины («Композиторское искусство», «Аранжировка», «Компьютерная обработка звука») [4, с. 154].

Выпускники направления могут реализовывать себя в административной работе (продюсер, директор коллектива), педагогике (преподаватель музыки в учебных заведениях), музыкальной критике и журналистике, аранжировке и звукорежиссуре. Но чаще всего бакалавры предпочитают профессии менеджера и продюсера. Так, музыкальный продюсер занимается продвижением исполнителя или коллектива, курирует репертуар своих подопечных, заключает контракты от их имени, устраивает концерты и гастроли, обеспечивает материально-техническую базу для творческой работы. Столь широкий диапазон умений объясняет востребованность специальности.

Итак, музыкальное образование Китая соответствует общемировым тенденциям, сохраняя при этом собственный уникальный контент, опирающийся на национальные традиции. Заимствование европейских и американских методик преподавания сосуществует с бережным отношением к национальным образовательным техникам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Назарова Е. О., Ли Ч. Исполнительская подготовка вокалиста в высших учебных заведениях КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://doicode.ru/doifile/sciencerepublic/fil/spc-26-11-2019-08.pdf>. (дата обращения: 15.12.2021).
2. Сяньюй Х. Система музыкального образования в Китае / Х. Сяньюй // Вестник СПбГУКИ. 2021. № 2 (11) июнь. С. 155–159.
3. Цихэн В. Особенности современной системы музыкального образования в Китае // Научные стремления. 2020. Т. 18. С. 37–46.
4. Яо В. Проблемы развития вокального профессионального образования в современном Китае // Дискуссия. 2012. № 7 (25). С. 150–154.

АНИМАЦИЯ КАК СЕГМЕНТ КИНОИНДУСТРИИ КИТАЯ

ANIMATION AS A SEGMENT OF THE FILM INDUSTRY IN CHINA

ХУАН ИЧЭН
HUANG YI CHENG

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
ул. Рабкоровская, 21-41, 220001, Минск, Республика Беларусь
e-mail: jokerhyc@gmail.com*

В статье рассматривается многожанровое киноискусство КНР. Отмечается, что современный кинематограф Китая представляет собой своеобразную культурную индустрию, включающую многие жанры киноискусства. Акцентируется внимание на анализе жанра анимации, который достиг высокого уровня развития. Также дается обзор некоторых современных популярных жанров китайского кино.

The article examines the multi-genre cinema art of China. It is noted that modern Chinese cinematography is a peculiar cultural industry which includes many genres of cinematography. Emphasis is placed on the analysis of the animation genre, which has reached a high level of development. An overview of some of today's popular genres of Chinese cinema is also given.

Ключевые слова: анимация; жанр; индустрия культуры; киноискусство; Китай; фэнтези; хоррор.

Keywords: animation; genre; cultural industry; film art; China; fantasy; horror.

Реформирование социально-культурной сферы повлекло изменение характера и глубины вмешательства государства в отрасль культуры, которая стала шире опираться в своем становлении на внутренние и внешние инвестиции, различные механизмы взаимодействия государства и бизнес-структур. Развитие данного сотрудничества приобретает все большее значение, в итоге оно трансформируется в такое инновационное для социалистического общества КНР явление, как индустрия культуры, являющаяся продуктом сочетания науки, техники и культуры. В Постановлении «О некоторых важных вопросах относительно углубления реформы культурной системы, продвижения, развития и процветания социалистической культуры», принятом на специальном Пленуме ЦК КПК XVII созыва, подчеркивалась необходимость воплощения в жизнь новой стратегии использования культуры в качестве основной составляющей роста совокупной мощи и конкурентоспособности современного Китая в мире [1].

В настоящее время ведущие предприятия и учреждения социокультурной сферы являются главными структурными элементами индустрии культуры КНР. Они основаны на экономическом и социальном взаимодействии и органически образуют креативное пространство китайских городов и регионов. Важнейшим сегментом индустрии КНР является китайский кинематограф, представляющий собой сегодня явление мирового уровня, а также самый массовый и популярный вид современного искусства, которое представлено множеством жанров.

Популярным жанром современного киноискусства является *анимация*. Исследователи китайского кинематографа считают, что начало китайской анимации было положено в 1960–1980-е гг. В этот период были созданы такие произведения, как «Головастики ищут маму», «Нэчжа побеждает Царя драконов», «Три монаха». Анимационный

фильм «Сунь Укун: Переполюх в небесных чертогах» завоевал 73 награды на крупнейших международных кинофестивалях [2, с. 61]. Названные анимационные фильмы отличались особым стилем и на равных соревновались с американскими и японскими мультфильмами. Ими даже восхищались известные японские мультипликаторы Осаму Тэдзука и Хаяо Миядзаки.

Политика реформ и открытости способствовала стремительному проникновению на внутренний кинорынок Китая зарубежной анимация, которая развивалась в то время более быстрыми темпами. В первом десятилетии XXI в. китайская анимация пользовалась меньшей популярностью по сравнению с зарубежной. В КНР в этот период не было создано ярких китайских анимаций, и всю кассу собирали западные анимационные компании «Марвел», «Дисней», а также японские мультипликаторы. Такая ситуация, на наш взгляд, была обусловлена наличием устаревших подходов китайских мастеров анимации к творческому процессу, использованием стереотипных сюжетов, низким качеством спецэффектов, недостаточным количеством специалистов в сфере анимации.

В 2015 г., как полагают некоторые исследователи, начинается новый этап в развитии китайской анимации. Мультфильмы китайского производства качественно меняются. Мультипликаторы берут за основу классические сюжеты китайской литературы, приспособив ее персонажей под нормы современной морали, представления об эстетике. Так, в сюжете 3D-мультфильма «Король обезьян: Возвращение героя», созданного по классическому роману «Путешествие на Запад», подчеркивается тема искупления, что близко современному человеку. Сердца зрителей трепетно отзывались на историю любви, показанную в мультфильме «Большая рыба и Бегония», созданном по рассказу древнего китайского философа Чжуанцзы «В Северном океане водится рыба, имя ей – Кун».

В последние годы на сюжеты китайской классики созданы такие анимации, как «Да Хуфа», «Хорошего дня», «Белая змея», «Нэчжа». Все эти мультфильмы относятся к жанру *сянься*. Мультфильм «Хорошего дня» в 2017 г. прошел отбор и был вторым фильмом на Берлинале, он показывался в основной программе Берлинского кинофестиваля. Особенностью современных анимационных произведений Китая является то, что они по спецэффектам не уступают зарубежным. Например, мультфильм «Нэчжа» на 80 % состоит из спецэффектов, над которыми работало свыше 1600 сотрудников.

Новая анимация представляет собой современные картины, образы персонажей мультфильмов лучше прописаны, они реальнее, сюжеты более богатые и интересные. Главный герой, как правило, очень похож на китайцев, родившихся в 1990-е и 2000-е гг. Он с характером и не верит предрассудкам. Такое видение персонажей, на наш взгляд, отвечает главным ценностям современности, именно поэтому ряд современных мультфильмов «цепляет» зрителей.

Основу успеха китайских мультфильмов, по нашему мнению, составляют новое видение старой классики и качественно сделанные спецэффекты. Так, в картине «Нэчжа» только над созданием финальной сцены боя, длившейся всего 6 секунд, специалисты работали более шести месяцев. Спецэффекты «Нэчжа» не уступают голливудским.

В настоящее время анимация в КНР стала самой кассовой на китайском кинорынке. Так, масштабы индустрии мультипликационного производства в КНР увеличились с 87,6 млрд. юаней в 2013 г. до 210 млрд. юаней в 2020 г. [2, с. 62].

Несмотря на то, что китайская анимация добилась значительных успехов, перед аниматорами КНР стоит целый ряд проблем. Для дальнейшего развития мультфильмов стране не хватает квалифицированных кадров. По мнению исследователя ЛэйЧжэнмэ-

на, в Китае мало квалифицированных мультипликаторов, что значительно сдерживает производство анимационных фильмов [2, с. 62].

Тормозит развитие анимационной индустрии недостаточная индустриализация процессов анимации. Большинство мультфильмов в Поднебесной создается в семейных студиях, не имеющих командного индустриального производства, что неизбежно порождает различные дефекты в китайской анимации. Для создания качественных мультфильмов необходима надежная производственная цепочка и достаточная финансовая поддержка. На взгляд закулисного промоутера фильмов «Нэчжа» и «Большая рыба и Бегония» Ван Чантяня, «чтобы создать производственную цепочку, нужно каждый год выпускать 5–10 мультфильмов с хорошей репутацией и высокими кассовыми сборами. При этом они должны приносить примерно 15% от всего объема годовых кассовых сборов» [2, с. 63].

Проблема китайской анимации, на наш взгляд, заключается в том, что мультфильмы создаются в основном для детей. В то время как, например, в США и Японии значительное количество анимации производится для взрослого зрителя. Исходя из того, что анимационные фильмы для взрослых требуют больших финансовых затрат, инвесторы не склонны вкладывать в них свои капиталы.

Таким образом, решив вышеобозначенные проблемы, китайские мультипликаторы займут достойное место на внутреннем и внешнем анимационном рынке, как это сумели сделать представители многожанрового китайского кино.

Анализ современного китайского кинематографа дает основание утверждать, что он сегодня является глобальной силой, с которой вынуждены считаться даже ведущие мировые кинематографии, которые стремятся делать ставку на сотрудничество с Китаем. Так, эксперты предполагают, что китайское и американское кино ждет нечто вроде симбиоза. Стремление Китая расширять влияние своего кинопродукта и желание Голливуда получать прибыли за пределами большого американского рынка приведут к отношениям, которые будут являться одновременно симбиотическими и конкурентными. А если китайский кинорынок продолжит расти, то на нем окажется все больше и больше голливудских фильмов, не просто сделанных в Китае, но созданных для населения Китая. Такого рода отношения уже и сейчас оставляют след в глобальном культурном процессе. Сегодня США и Китай не просто создают совместный медийный контент, они создают культурные бренды друг друга.

Далеко за пределами Азии известны кинокартины в жанре *уся*, художественные приемы которого часто заимствуют режиссеры голливудских фантастических кинофильмов. Термин *уся* в китайском языке означает «благородный воин». Киноленты в этом жанре часто называют «кино боевых искусств». В европейском кино аналогией являются фильмы плаща и шпаги с характерным представлением об истории, в которую можно включить авантюрный сюжет с интригами, погонями, чудесными спасениями в последний момент и, разумеется, поединками на мечах. В первой четверти XXI в. известный китайский режиссер Чжан Имоу снял такие киноленты, как «Герой» (2002 г.), «Дом летающих кинжалов» (2004 г.), «Тень» (2018 г.). Среди наиболее знаменитых *уся* последнего времени – дилогия «Братство», а также *уся*-вестерн Бенни Чана «Зов героев» (2016 г.), «Тень клинков» режиссера Лю Яна. Современные китайские кинорежиссеры начали создавать фильмы в жанре *уся* с уникальным изобразительным решением в стиле монохромной живописи тушью.

Интерес к фэнтези в китайском обществе органично вписывается в общую тенденцию бурного развития киноиндустрии КНР. Новую эру в китайском кинематографе открыли кинофильмы в жанре *фэнтэзи*. Одним из них является фильм «Блуждающая

Земля» (2019 г.), повествующий о спасении нашей планеты. Картина за 90 дней проката собрала в континентальном Китае почти 4,66 млрд. юаней [3, с. 38]. Кинолента стала безальтернативным лидером всех времен по кассовым сборам и показала жителем Поднебесной принципиально новый уровень китайского кинематографа.

Свыше сотни *хорроров* и *триллеров* каждый год выпускается в Китае. Половина из них демонстрируются в кинотеатрах, остальные – распространяются через интернет. Китайские режиссеры создают свои фильмы в этом жанре в соответствии с сюжетной формулой, напоминающей мультфильмы про Скуби-Ду: в первой части картины возникает монстр и всех пугает, а в конце дается рациональное объяснение этому. Однако с каждым разом эти «научные» объяснения становились все более примитивными. Вскоре китайские режиссеры обнаружили, что на зрителей магически действует появление на экране психоаналитика, который объясняет, что на самом деле привидений не существует, а то, что вы видели, есть проекция вашего бессознательного.

В первой четверти XXI в. с киноленты «Мечь Софи» (2009 г.), снятой Евой Цзинь – бывшей оперной певицей, переквалифицировавшейся в режиссера, начался взлет *мелодрамы романтических комедий*. Фильм стал кассовым хитом. Впоследствии популярность этих жанров снизилась, но они до сих пор продолжают производиться в Китае.

Борьба с коррупцией, начавшаяся в период реформ и открытости, способствовала развитию жанра *гангстерских* и *полицейских* фильмов. Первопроходцем в этом жанре считается режиссер Фэн Сяоган, создавший фильм «Мир без воров» (2004 г.). Но лишь в 2010-е гг. гангстерские и полицейские фильмы оказались поставленными на поток. Изощренностью формы, а также увлекательностью повествования отличается кинолента «Смертельный заложник» (2012 г.) режиссера Чэна Э. Международный успех обрел фильм «Ничья земля», снятый Нин Хао в 2010 г., но выпущенный цензурой на экран только в 2013 г.

Таким образом, современный кинематограф Китая является самым массовым и популярным компонентом индустрии культуры. Он является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся мировых рынков кинопроката. Поразительные достижения китайской киноиндустрии, безусловно, являются отражением модернизации всех сфер жизнедеятельности китайского общества, его стремительной урбанизации и роста среднезажиточного класса, а также таланта, высокого профессионализма китайских кинематографистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 蔡武《筑牢文化自信之基——中国文化体制改革40年》·广州·广东经济出版社·2017年版·300页 = Цай Ву. Создание основы культурной уверенности – 40 лет реформы китайской культурной системы. Гуанчжоу: Гуандунский экономический издательский дом, 2017.
2. Ван Цян. Кризис и возможности китайского кинематографа // Китай. 2020. № 4. С. 61–64.
3. Цзин Ту. Новая жизнь старого завода // Китай. 2021. № 4 (185). С. 38–40.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КНР

COMMERCIALIZATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPHERE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND PRC

Цзя Ляльна
JIA LIANA

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
факультет культурологии и социально-культурной деятельности
ул. Рабкоровская, 17, 2200007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: jln4909@hotmail.com*

В статье обобщается опыт деятельности учреждений сферы культуры Беларуси и Китая по привлечению дополнительных источников финансирования социально-культурных проектов и программ, в частности, анализируются виды коммерческих услуг, оказываемых населению обеих стран.

The article summarizes the experience of the cultural institutions of Belarus and China in attracting additional sources of funding for socio-cultural projects and programs, in particular, it analyzes the types of commercial services provided to the population of both countries.

Ключевые слова: Беларусь; Китай; коммерческие услуги; культура; социально-культурный кластер.

Keywords: Belarus; China; commercial services; culture; socio-cultural cluster.

В первой четверти XXI в. на смену традиционной концепции экономического развития, согласно которой экономический рост рассматривался как улучшение материальных условий жизни населения, пришла более широкая концепция развития, где культуре отводится одно из центральных мест. Мировой банк в 1999 г. провозгласил, что будет выделять займы развивающимся странам в том случае, если в их программах будут учитываться культурные факторы.

Белорусский культуролог А. И. Смолик считает, что в современном обществе происходит «поворот к культуре», ибо она выходит на передний план, и даже экономика и политика испытывают ее многообразные влияния [5, с. 6]. О том, что развитие культуры – важнейшая составная часть социально-культурной политики белорусского государства, неоднократно высказывался Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Острая необходимость сохранения и укрепления современного целостного социокультурного пространства Республики Беларусь, усиление влияния глобализационных тенденций, отмечал он, выявили, что эффективность социально-экономического развития общества во многом зависит от признания государством доминантной роли культуры в динамике социальных процессов, в конечном счете – от выбора модели государственной культурной политики» [2, с. 497].

На реализацию стратегических целей и задач современной культурной политики выделялись значительные ассигнования из средств республиканского бюджета Беларуси. Так, на выполнение Государственной программы «Культура Беларуси на 2021–2025 годы» предполагается инвестировать 763 008 626,2 рубля, из них средства

республиканского бюджета составят 171 228 226 рублей, средства местных бюджетов – 481 098 764 рубля, собственные средства – 110 681 632, 2 рубля [3].

В то же время следует заметить, что в связи с переходом системы бюджетного финансирования на программно-целевой метод реализация культурной политики, ее осуществление происходят в режиме жесткой экономии средств под конкретные мероприятия. Вместе с тем государственные инвестиции не покрывают все затраты на развитие этой отрасли. В связи с этим одним из наиболее важных дополнительных источников ее развития является инвестирование со стороны частного сектора, а также доходы от предоставления социокультурными учреждениями коммерческих услуг. Анализ деятельности различных типов социокультурных учреждений Беларуси свидетельствует, что в современных условиях большинство из них все больше зависят от финансово-экономических аспектов. Их развитие во многом определяется инвестициями со стороны частного бизнеса. Инвестиционная деятельность в общем значении предполагает действия инвесторов по вложению средств в создание культурных продуктов или услуг для получения прибыли или достижения другого значимого результата.

Социально-культурные учреждения Беларуси привлекают финансовые ресурсы путем оказания различных видов маркетинговых услуг, являющихся значимым аспектом их жизнедеятельности. К услугам социально-культурной направленности, по мнению российской исследовательницы А. Г. Аванесовой, следует относить «те, которые позволяют каждому человеку развиваться как гражданину, члену современного общества, субъекту социальных отношений» [1, с. 109]. Исследование видов коммерческой социокультурной деятельности учреждений культуры позволило выявить наиболее распространенные виды коммерческих услуг, оказываемых населению Республики Беларусь. К ним относятся занятия в кружках, студиях, секциях художественного и технического творчества, организация тематических праздников и представлений, дискотек, карнавалов, концертов и спектаклей художественных коллективов, аукционов, ярмарок, лотерей, детских утренников, новогодних представлений, семейных торжеств, обрядов, ритуалов, экскурсий, выставок и др.

Широкий ассортимент коммерческих услуг предоставляют библиотеки и музеи. Ими на коммерческой основе осуществляются ксерокопирование, микрофильмирование и фотографирование текстов из книг, газет, журналов, фрагментов музейных экспонатов, документов из фондов библиотек и музеев. В последние годы у лиц, занимающихся научной деятельностью, вырос спрос на составление библиографических списков и справок, перевод литературы. В условиях пандемии резко увеличилось количество пользователей такой услуги, как доставка книг на дом или к месту работы.

Изучение деятельности учреждений социокультурной сферы свидетельствует о диверсификации видов платных услуг, востребованных молодежью, как развлекательных, так и информационно-познавательных. Так, Парк-музей интерактивной истории «Великое княжество Сула» предоставляет свои оригинальные платные услуги: экскурсии в поселение викингов, прогулку на корабле викингов (дракаре), посещение усадьбы шляхтича Ленского, мастер-классы по народным ремеслам, средневековым танцам, рыбной ловле и др. В летнее время парк-музей проводит массовые зрелища для почитателей средневековой культуры, а также календарно-обрядовых праздников.

Анализ услуг коммерческого характера, осуществляемых государственными учреждениями и предприятиями сферы культуры, свидетельствует, что ими оказывается населению свыше 200 видов и их увеличение имеет устойчивую тенденцию. Диверсификация видов услуг коммерческого характера напрямую способствует увеличению доходов, получаемых от них учреждениями культуры. Так, в 2020 г. план на платные

услуги в Ружанском дворцовом комплексе рода Сапег увеличился на 54 % к показателям предыдущего года [4, с. 35].

Таким образом, внедрение в социокультурную сферу Республики Беларусь услуг коммерческого характера создает дополнительные возможности для удовлетворения потребностей и интересов белорусов, позволяет эффективно реализовывать принцип дифференцированного подхода.

Руководствуясь законами рыночной экономики, предпринимательские структуры совместно с институтами гражданского общества создают социально-культурные кластеры, которые представляют собой совокупность географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и т.п.) и сотрудничающих с ними организаций (социально-культурные учреждения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в социокультурной сфере и взаимодополняющих друг друга. Важной отличительной чертой кластера является его инновационная ориентированность. Для сферы культуры наиболее характерны кластеры в сфере туризма, репрезентации историко-культурных ценностей и оказания маркетинговых услуг. Их фонды формируются за счет добровольных имущественных взносов организаций, учрежденных гражданами или юридическими лицами, преследующими социальные, благотворительные, культурные цели. В настоящее время среди фондов кластеров следует отметить такие, как «Спадчына Міхала Клеафаса Агінскага», «Северные Афины», «Любчанскі замак», «Прылукская спадчына», «Золотое наследие Витебска» и др.

Посредством кластеров расширяется рынок труда, возможности в дополнительном извлечении доходов от обслуживания туристов, осуществляется поиск новых целевых рынков, разрабатываются программы развития наиболее перспективных социокультурных проектов, создается система маркетинговых служб, обеспечивающих продвижение национального культурного продукта на мировом и внутреннем рынках. Все это способствует развитию региональной социокультурной отрасли, повышению уровня ее инвестиционной привлекательности и социальной устойчивости. Формы государственного участия в социально-культурных кластерах заключаются в предоставлении финансовой поддержки конкретных проектов, обеспечении налоговыми льготами, предоставлении пустующих зданий как площадок для функционирования кластера в аренду с последующим правом выкупа, организации публичных мероприятий, обеспечении коммуникации с учреждениями сферы культуры, научно-исследовательскими центрами, информационного сопровождения и др. С опорой на кластеры решается ряд региональных проблем: сохранение, возрождение и репрезентация культурного наследия, расширение возможностей для самореализации и творчества, сохранение действующей сети учреждений культуры и качественное совершенствование их деятельности и др.

Социально-культурные учреждения Беларуси стремятся эффективно использовать механизмы государственно-частного партнерства в целях реализации значимых культурных проектов. Во взаимодействии с частным бизнесом реализуются практически все кластерные инициативы в Беларуси. Так, бизнес-сообщества и общественные организации оказывают помощь культурно-туристическим кластерам в Сморгонском, Воложинском, Щучинском, Браславском, Столинском и других районах Беларуси. Уже частично реализованы такие проекты, как «Зеленое наследие Приднепровья» (Могилевская область), «Воложинские гостинцы» (Воложинский район), «Северные Афины» (Сморгонский район), «Зеленый оберег Гродно» (Гродненская область), «Полесская Амазония» (Столинский район) и др. Например, в кластере «Северные Афины», созданном с целью

популяризации наследия известного композитора и общественного деятеля Михала Клеофаса Огинского, бизнес-сообщество и общественные организации сформировали институциональную среду для организации туристической деятельности, проведения творческих конкурсов и коммерческих проектов, реализации сувенирной продукции, совершенствования социальной инфраструктуры и т.д., а местные власти обеспечили соответствующие условия для деятельности, сопровождающиеся различными льготами и преференциями, а также помогли в осуществлении маркетинговой и рекламной кампаний, обеспечили выстраивание партнерской сети с зарубежными коллегами.

В начале XXI в. партийными и государственными институциями Китайской Народной Республики были определены новые принципы и целевые задачи строительства социалистической культуры. Успешная их реализация предполагает привлечение негосударственных инвестиций в сферу культуры. В связи с этим негосударственной экономике разрешено вступать в те области культурной сферы, которые обозначены законодательством, расширяются рамки форм собственности, снимаются региональная и отраслевая блокады; поддерживается равноправное обращение с негосударственными предприятиями в социокультурной сфере. Принципы отношения к участию частного капитала в сфере культуры разделены на три основных понятия: «поощрение и поддержка», «разрешение и возможность» и «запрет» участия негосударственного капитала.

Таким образом, решения Компартии Китая и государства направлены на то, чтобы постепенно стандартизировать процесс вхождения негосударственного капитала в сферу культуры, сформировать такую структуру культурного развития, в которой будут сосуществовать элементы государственной и рыночной экономики. Государственно-частное партнерство становится одной из форм сотрудничества между государственным и частным секторами в целях предоставления культурных услуг, которые традиционно относились к государственной сфере.

Институциональное оформление развитой системы государственно-частного партнерства содействует дальнейшему развитию сферы культуры, продвижению китайских и иностранных бизнес-структур в социально-культурную отрасль.

Быстрый рост негосударственной собственности в сфере культуры, а также частных инвестиций, возникновение различных негосударственных механизмов финансовой поддержки развития культуры с участием как государственных вложений, так и частных инвестиций в отрасль культуры, спорта и туризма содействовали возникновению крупных предприятий социально-культурной сферы. Так, только в 2015 г. по всей стране было зарегистрировано 104 000 новых компаний в сфере культуры, спорта и развлечений, что на 58,5% больше, чем в предыдущем году, и намного выше, чем темпы роста вновь зарегистрированных компаний по стране (21,6%) за тот же период [7, с. 94]. Вместе с тем такие крупные интернет-компании, как Baidu, Alibaba и Tencent полностью вошли в социокультурную сферу посредством слияний и поглощений, инвестиций в акционерный капитал и делового сотрудничества. За период с 2012 по 2016 гг. добавленная стоимость культурных продуктов и услуг Китая из года в год растет с 1,8 трлн. юаней в 2012 г. до 3,1 трлн. юаней в 2016 г., что составляет 4,14% ВВП [6].

Следовательно, государственные и общественные институции Республики Беларусь и КНР рассматривают коммерциализацию сферы культуры как действенный механизм стимулирования внутреннего спроса, повышения уровня потребления культурных продуктов, показатель для измерения жизнеспособности качества жизни населения обеих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аванесова А. Г.* Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006.
2. «Вместе – за сильную и процветающую Беларусь!»: Вступительное слово и доклад Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на пятом Всебелорусском народном собрании // Советская Белоруссия. 2016. 23 июня. С. 1–4.
3. Государственная программа «Культура Беларуси на 2021–2025 годы». Постановление Совета Министров Республики Беларусь 29 января 2021 г. № 53 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 06. 02. 2021 г., 5/48756.
4. Платные услуги в сфере культуры: организационно-методические аспекты; информационно-аналитические материалы / сост. Р. В. Харитончик, Е. Б. Лапикова; Мин-во культуры Республики Беларусь, Бел. гос. ун-т культуры и искусств, Ин-т повыш. квалиф. и переподг. кадров. Минск: БГУКИ, 2020.
5. *Смолик А. И.* Модификация сущности культурной политики в странах Европы в XX – начале XXI в. // Науковы пошук у сферы сучаснай культуры і мастацтва: матэрыялы навук. канф. прафесарска-выкладчыцкага складу БДУКМ, прысвеч. Году культуры ў Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; рэдкал.: Ю. П. Бондар [і інш.]. Мінск: БДУКМ, 2018. С. 496–501.
6. 《2016年中国文化产业增加值首次突破3万亿元》·《光明日报》·2017年5月27日·第12版 = «Добавленная стоимость культурной индустрии Китая впервые в 2016 году превысила 3 триллиона юаней» // GuangmingDaily, 27 мая 2017 г. № 12.
7. 《国文化体制改革40年》·广州·广东经济出版社·2017年版·300页 = Цай Ву. Создание основы культурной уверенности – 40 лет реформы китайской культурной системы. Гуанчжоу: Гуандунский экономический издательский дом, 2017. 300 с.

«УХОД В ЛЕС» КАК СТРАТЕГИЯ ЭМАНСИПАЦИИ В ПОСТГУМАНИЗМЕ

«THE FOREST PASSAGE» AS AN EMANCIPATORY STRATEGY IN POSTHUMANISM

А. Б. СОСНОВИК

A. B. SOSNOVIK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: anya.sosnovik@mail.ru*

В статье анализируется возможность применения концепта «ухода в Лес», предложенного Э. Юнгером, для интерпретации практик постгуманизма, который понимается как современное исследовательское направление, настаивающее на отказе от антропоцентризма. «Уход в Лес» выступает стратегией освобождения, поиска неподконтрольного пространства. Выделяемые Э. Юнгером силы, помогающие совершить остановку и найти путь к преобразованию действительности, – вера, любовь и творчество, видятся как ключевые составляющие подхода постгуманизма.

The article analyses the possibility of applying E. Jünger's concept of “the Forest Passage” to interpret the practices of posthuman studies that insist on the rejection of anthropocentrism. “The Forest Passage” is a strategy of emancipation, a search for out-of-control space. The forces that Jünger singled out as the way to transform reality – faith, love and creativity – are seen as key components of the posthuman approach.

Ключевые слова: постгуманизм; Уход в Лес; Юнгер; практики освобождения; постгуманистическое искусство.

Keywords: posthumanism; the Forest Passage; Jünger; emancipatory practices; posthuman art.

Помимо наблюдающегося в современной культуре стремления к отсутствию закреплённости – территориальной, социальной, культурной, – существует и другая тенденция, выражающаяся в возврате к корням, к национальной культуре, и в поиске идентичности. Зачастую через обращение к локальности происходит протест коммодификации, подавлению, которые сопровождают распространение глобальных паттернов и установок. При этом современный мир показывает, что для многих «дом» не является определенной, неизблемой категорией, но скорее подразумевает множественность домов и множественность родственных отношений, которые могут быть созданы в любом пространстве и на любом жизненном этапе. Как отмечает Д. Виленский, «неукорененных существ не бывает, просто имеет смысл сделать понимание корней более открытым – мы движемся неизвестно куда и готовы пустить наши корни там, где мы готовы защищать наши жизни, наши смыслы и не сдвигаться, несмотря ни на что» [1].

Такой подход поддерживается в постгуманизме, понимаемом как совокупность исследовательских проектов конца XX – начала XXI вв., направленных на переоценку категории человека, субъекта и осмысление опыта существования за пределами антропоцентричной парадигмы. Постгуманизм, продолжая постмодернистскую критику «смерти человека», показывает зависимость человека от властных дискурсов, медиа и технологий, а также исследует, каким образом интернализация власти приводит к ис-

пользованию ее механизмов по отношению к другим людям и существам. Представители *posthumanstudies* пытаются помыслить постчеловеческое будущее и проанализировать настоящее, в котором все очевиднее столкновение человеческого и нечеловеческого опытов. Как отмечает Ф. Феррандо, постгуманизм – это «онто-эпистемологический, а также этический подход, который выражается в виде философии медиации, которая отказывается от любых дуализмов, служащих основанием для конфронтации, а также от унаследованных иерархий» [2, с. 49].

Постгуманизм опирается на постмодернистскую методологию и подход женских исследований о ситуативности знания, который показывает, что взгляд, мысль, действие всегда имеют источник, детерминированы окружением: не существует единого нарратива, но есть множество историй, которые важно услышать. Подчеркивается внимание к конкретным территориям, субъектам, в них существующим и имеющим уникальный опыт. К. Хейлз пишет: «Моя мечта – это такой постчеловек, который... признает и утверждает конечность как условие человеческого бытия, понимая, что человеческая жизнь включена в чрезвычайно сложный материальный мир, от которого зависит само наше выживание» [3, с. 5].

Воссоединение с пространством, возврат к материальности, в том числе и к своей собственной – стратегия, позволяющая проникнуть в сложную сеть взаимоотношений между явлениями и одновременно определить среди них свое положение. Это путь, помогающий в эпоху кризиса найти опору, принять всю степень ответственности, – метафорический или буквальный уход, который совершается, чтобы выработать творческую стратегию преобразования действительности.

Так, А. Тойнби показывал, как уход в особое ментальное или территориальное пространство становится источником развития и уходащего, и всего его сообщества. Обращая внимание на роль творческого меньшинства в культурной динамике, Тойнби исследовал культурную универсальность «ухода», подчеркивая, что для действительного изменения вектора движения уходящий должен вернуться, внедряя свои идеи: «Возврат является сущностью всего движения, равно как и его конечной целью» [4, с. 400].

Сторонник консервативной мысли Эрнст Юнгер также видел «уход» как стратегию освобождения, сохранения себя в условиях подавления и невозможности прямого высказывания. В критических эссе, рожденных в послевоенный период и вошедших в сборник «Уход в Лес» (1951 г.) (см. [5]), Юнгер выразил стремление к инакомыслию, демонстрации несогласия, что для человека является экзистенциальной потребностью. Он акцентировал, что даже одиночка способен противостоять: «Одного слова “нет” было бы достаточно; каждый, чей взгляд падал бы на это слово, знал бы наверняка, что оно означает. Это знак того, что порабощение удалось не полностью. Ведь именно на одноцветном фоне символы заметнее всего. На серой поверхности заметно самое маленькое пятнышко» [5, с. 21].

Несмотря на близость Э. Юнгера к национализму на начальном этапе его творчества, в послевоенных эссе он выражает протест и против тоталитарного общества, и против иллюзии демократии, которая захватила современный мир. Он понимал действительность XX в. как эпоху титанов, использующих технологическое совершенствование в качестве инструмента омассовления человека, дегуманизации – исключения из жизни творческого начала и способности к сопротивлению. Общество парит в опустыненном пространстве, находится на замкнутом концептуальном Корабле. Титаник, оснащенный в соответствии с последними достижениями технологии, стремительно мчится навстречу своей гибели, однако прикладывает всевозможные усилия, чтобы не сбиться с курса и не дать ни единому живому существу сойти на берег.

Альтернативой Кораблю служит топос Леса – открытого, неисследованного пространства, включающего множество троп и дающего обилие новых идей и путей трансформации. «Уход в лес – отнюдь не идиллия скрывается за этим названием. Напротив, читатель должен быть готов к рискованной прогулке не только по проторенным тропам, но и, быть может, уводящей за пределы исследованного» [5, с. 6], – пишет Юнгер, подчеркивая, что, хотя на такой радикальный шаг готов не каждый, это возможность, доступная любому, кто отважится отправиться навстречу неизведанному в мире, в другом, в самом себе.

Помогают совершить уход три силы, открывающие путь к вневременному бытию, – учение о трансценденции, эрос и творчество. Духовность, сочетаясь с любовным переживанием и творческим порывом, позволяет найти неподконтрольную зону. При этом эти силы могут быть применены и обнаружены в различных ситуациях и пространствах: в ситуации невозможности прямого высказывания и действия мысль, чувство служит опорой, их сложнее всего отнять: «Ушедший в Лес не спрашивает об оружии, насколько оно современное, сколько его в наличии и есть ли оно вообще. Это все важно на Корабле. Уход же в Лес можно совершить в любое время, в любом месте и даже в виду значительно превосходящих сил. В таком случае он тем более остается единственной формой сопротивления» [5, с. 93].

Таким образом, Э. Юнгер демонстрирует тактику переживания, которая становится и стратегией эмансипации. «Уход в Лес» при этом понимается не как тотальное отречение от существующей действительности, молчаливое принятие, но как поиск ресурса и возможного пути для возвращения и продолжения борьбы. Это, как комментирует юнгеровский проект А. Михайловский, «меморандум партизана» [5, с. 137], который знаком с таинственными лесными тропами, недоступными большинству, и находит среди них приют.

Но каким образом модернистская стратегия, сосредоточенная на опыте и эмансипации человека, может быть применена в постгуманистическом праксисе? Как «уходящий в Лес» может воссоединиться не только с собой, но и со всем нечеловеческим многообразием мира, при этом не воспринимая «Лес» в качестве ресурса, который можно потреблять и потреблять, а привнося в него нечто иное и развиваясь с ним в содружестве?

Прежде всего, «уход в Лес» – стратегия поиска неподконтрольного внешним силам пространства. «Уходящий в Лес» ускользает от всевидящего ока, переходит в слепые зоны, где возможна свобода. Он, как и кочевник-номад в концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари, существует на границе, является своего рода аномалией, которую не удастся подчинить. Однако его ускользание – это не постоянное движение, которое может приводить к потере связей и устойчивости, но путешествие на такую территорию, где можно задержаться и найти дом. «Уход в Лес» – не бесприютность, а стремление обрести приют даже в открытых, выжженных современностью пространствах. Как писал Юнгер, «Лес повсюду. Лес есть как в заброшенных местах, так и в городах, где Ушедший в Лес живет в подполье или под маской своей профессии. Лес как в пустынях, так и в маквисе. Лес как в отечестве, так и на любой другой земле, где можно вести сопротивление. Лес, прежде всего, в глубоком тылу самого врага» [5, с. 94]. Это пространство с иным течением времени, противостоящее всеобщему ускорению и мобилизации; на него не распространяется чрезвычайное положение современности.

Убежденность в вездесущности Леса является близкой к постгуманизму по своей сути, т. к. демонстрирует, что сообщества могут быть построены повсюду, в любой точке мира, пронизанного сетью связей и взаимоотношений.

Одной из форм ускользания является практика дауншифтинга, ставшая культурным трендом современности и подразумевающая обращение к локальному опыту. Она воплощает мечту трансформировать территорию, устранить оппозицию центра и периферии, что возможно благодаря обустройству малых населенных пунктов и сохранению в них жизни. Это не отшельничество, не разрыв всякого взаимодействия с социальным, но способ построения локальных сообществ, где связаны «уходящие в Лес», местные жители и окружающая среда со всеми в нее входящими. Странники движения помогают создавать рабочие места в небольших населенных пунктах путем открытия локального бизнеса, участвуют в сохранении и реставрации наследия, курируют культурные проекты и программы, направленные на развитие местного сообщества и поддержку его традиций.

Белорусский писатель А. Горват в повести-дневнике, передающей личный опыт отказа от жизни в большом городе, пишет: «Я належу да цэлага пакалення людзей – і ў вёсцы, і ў горадзе, – якія стаміліся верыць у абстрактнае. Я-мы прагнуліся, паглядзелі ў акно, убачылі, што шмат жыцця прайшло, і зрабілі свой выбар – будаваць свае маленькія хаткі на ўскрайках вялікіх сусветаў» [6, с. 235]. Это своего рода партизанская жизнь, в которой периферия, окраина трансформируется и наделяется самостоятельным смыслом, выступает источником свободы и отношений, основанных на совместном становлении. Разнородные причудливые формы, практики образы жизни таким образом защищаются от растворения и уничтожения и подпитываются спецификой территории, что соответствует концепции «Ухода в Лес» и в то же время является постгуманистическим.

Кроме того, «Уход в Лес» совершается с помощью современных практик «медленной жизни» – и особой философии, и политического акта, и стратегии существования, и ментального состояния, и поиска своего места в среде. Она помогает найти выход из стремительного потока повседневности через духовный поиск, творчество, остановку, созерцание. Отношения с собой и миром, основанные не на потреблении, но на вчувствовании, могут открываться через телесные практики – танец, медитацию, прогулки, плавание и др.; рождаются благодаря творческим проектам на стыке природо-культурного и «медленному» получению знания – вдумчивому чтению, акценту на общение и взаимодействие. «Медленная жизнь» на практике приближается к постгуманистическому состоянию, стирая границы между человеком и средой.

Силы, открывающие субъекту путь в Лес – духовность, любовь и творчество – также соотносятся с постгуманистической теорией. Важность для Э. Юнгера учения о трансцендентном не противоречит постгуманизму, снимающему оппозицию трансцендентное–имманентное. Духовный, эзотерический опыт признается возможной стратегией сопротивления, которая на протяжении истории применялась различными угнетаемыми сообществами. Эрос, любовное переживание также утверждается в качестве движущей силы, выступает способом солидаризации. Постгуманистическая любовь – не индивидуальное, замкнутое чувство, а революция и одновременно эмпатия, распространяющаяся на всех других и помогающая выстроить с ними взаимоотношения, основанные на признании их субъектности, ответственности и сопричастности.

Третья сила, творчество, по мысли Юнгера, – и есть Лес, вневременное бытие, которое доступно даже в самых чудовищных условиях. Эксперимент становится и мыслительным путешествием, и практикой, делающей другие миры и формы жизни возможными. Хотя Т. Адорно писал о «невозможности поэзии после Освенцима», в творческом акте субъект способен обнажать каждую трещину кровоточащей действительности и одновременно обнаруживать пространство для временной остановки. Творчество явля-

ется производительной силой и для постгуманизма, который на границе воображения и реальности создает возможные формы существования.

В качестве конкретного примера из визуального искусства можно привести работы белорусской художницы А. Рыдлевской, осмысляющей существование в ежесекундно трансформирующейся действительности. На многих картинах субъект переживает травмирующий опыт, сталкивается с жутким и бесчеловечным, но проводниками в иную действительность для него служат фигуры животного, природные объекты, небесные тела, мифологические существа: установив связи с миром вокруг нас, взяв ответственность за себя и других, возможно выжить.

Также произведения, пронизанные постгуманистическим ощущением, создает белорусский художник Bazinato, работающий на стыке искусства и науки, переосмысляющий территорию и соотношение человеческого и нечеловеческого. Он взаимодействует непосредственно с Лесом, внедряя в него объекты, не нарушающие существующие связи, но становящиеся частью жизненного цикла.

Способом проникнуть в шум тишины, звуки мира за пределами человеческого являются музыкальные эксперименты, обращающие внимание на сложность, неоднородность звука, которые имеет среда. Так, постгуманистические интенции имеет авангардная конкретная музыка (П. Шеффер, Дж. Кейдж и др.), где не композиции, но скорее звуковые ряды создавались путем записи шума, исходящего от природных явлений и объектов. На этой практике основаны современные «звуковые прогулки», во время которых участники вслушиваются во взаимодействие вещей и существ. Сегодня постгуманистическая музыка рождается из попыток с помощью технологий перевести трансформацию среды на человеческий язык: композиции основываются на графиках уменьшения осадков, течениях рек, излучении черных дыр и т. д.

Кроме того, стремление современного человека к уходу от невыносимой действительности, наполненной уязвимостью, травмами и страхом, выражается в литературных практиках – в частности, в прозе жанра автофикшн, где личные переживания авторов и события, имевшие место реальности, связаны единым нарративом с многообразием мира и его историей. Писательницы О. Лэнг, К. Маклир, Р. Каск, Э. Липтрот, О. Васякина и др. показывают, что уход за пределы человеческого открывает многочисленные постгуманистические связи, что способно излечить, утешить и вдохновить.

«Уход в Лес» как возможность эмансипации проявляется и в современной белорусской литературе, представители которой, в частности, Е. Вежнавец, Т. Скарынкина, А. Горват и др., обращаются к локальному опыту, «местечковой жизни», посредством чего «ўсё асуджанае на знікненне атрымлівае... апошні шанец – і ажывае...» [7].

Итак, «уход» включает в себе универсальный опыт эмансипации, потенциал которого может быть направлен на творческий поиск новых вариантов существования, в том числе, за пределами антропоцентризма, как в постгуманистическом подходе. Пространство свободы, которое возможно найти и в удалении от центра, и в сосредоточении цивилизации, выступает местом встречи с Другими. Творчество становится витальной силой, ключевой для постгуманистической теории, которая парадоксально верит в возможность иных миров, способов существования, основанных на любви между человеком и нечеловеческими другими, и стремится приблизить наступление такого будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виленский Т. Э. От номада к корням. И обратно [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/104/article/2291> (дата обращения: 21.10.2021).

2. *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.
3. *Hayles K.* How we became posthuman: virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics. London: The University of Chicago Press, 1999.
4. *Тойнби А. Д.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
5. *Юнгер Э.* Уход в лес / Э. Юнгер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
6. *Горват А.* Радзіва «Прудок»: дзённік. Мінск: «Медысонт», 2021.
7. *Скарынкіна Т. У.* Райцэнтр: эсэ. Мінск: Р.М. Цымбераў, 2022.

РОЛЯ АДУКАЦЫІ Ў ЗАХАВАННІ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ

THE ROLE OF EDUCATION IN SAFEGUARDING OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

А. Б. СТАШКЕВІЧ
A. B. STASHKEVICH

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
факультэт сацыяльнакультурных камунікацый
вул. Курчатава, 5 220108, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: as.belicom@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца пытанні інтэграцыі тэматыкі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў сістэму фармальнай і нефармальнай (дадатковай) адукацыі з мэтай забеспячэння яе пераемнасці ад пакалення да пакалення. Даследуюцца праграмныя дакументы ЮНЕСКА, сусветная практыка выкладання НКС на розных узроўнях адукацыйнага працэсу, аналізуецца беларускі вопыт ў гэтым накірунку, праблемы і перспектывы далейшага развіцця на этапе імплементацыі Канвенцыі ЮНЕСКА аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў Рэспубліцы Беларусь.

The article deals with the integration of intangible cultural heritage into the system of formal and non-formal (additional) education to ensure its continuity from generation to generation. The program documents of UNESCO, the world practice of teaching cultural heritage at different levels of the educational process, the similar Belarusian experience, the issues and prospects of further development at the stage of the implementation of the UNESCO Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic of Belarus are studied.

Ключавыя словы: нематэрыяльная культурная спадчына; фармальная і нефармальная адукацыя; устойлівае развіццё; Канвенцыя ЮНЕСКА 2003 г.; традыцыйныя веды і практыкі; традыцыйная культура.

Keywords: intangible cultural heritage; formal and non-formal education; sustainable development; the 2003 UNESCO Convention; traditional knowledge and practices; traditional culture.

Адукацыя ў сваім агульным вызначэнні разглядаецца як сацыяльны інстытут, што дзейнічае ў выглядзе фармальных дзяржаўных і недзяржаўных устаноў, а таксама на ўзроўні дадатковых адукацыйных практык, якія ажыццяўляюць складаны навучальны працэс, накіраваны на авалоданне пэўнымі ведамі, навыкамі, вопытам і нормама паводзін.

У парадыгме культурнай спадчыны адукацыя з'яўляецца дзейным сродкам перадачы грамадзянскай супольнасці каштоўнасцей інфармацыі аб іх культурнай памяці. Для нематэрыяльнай культурнай спадчыны, якая адпаведна Канвенцыі ЮНЕСКА аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – Канвенцыя 2003 г.) вызначаецца як сукупнасць пэўных нематэрыяльных праяўленняў (звычаі і абрады, іншыя формы творчага выказвання, веды і навыкі) і звязаных з імі інструментаў, артэфактаў і культурнага ландшафту, што перадаюцца з пакалення ў пакаленне і з'яўляюцца часткай ідэнтытэту адпаведных супольнасцей, груп ці асобных людзей (носьбітаў гэтай спадчыны) (Артыкул 2) [4, с. 5], пераемнасць з'яўляецца ключавым фактарам жыцця здольнасці гэтай спадчыны, якая забяспечвае яе пастаяннае аднаўленне і развіццё.

У традиційнай культуры, як вядома, пераемнасць ведаў і практыка жыцця ўяўлялася галоўным чынам праз непасрэдную камунікацыю прадстаўнікоў старэйшага пакалення з малодшымі ўнутры сям'і (рода), адной грамады ці праз узаемадзеянне ў працэсе супольнай дзейнасці. У сучасным культурным кантэксце межпакаленная перадача сацыяльна значнай інфармацыі адбываецца ў асноўным праз разгалінаваную сістэму адукацыі.

Канцэпт адукацыі на аснове нематэрыяльнай культурнай спадчыны.

У Канвенцыі 2003 г. асноўнымі мэтамі адукацыі дзеля захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – НКС) з'яўляюцца:

1. забеспячэнне прызнання і павагі гэтай спадчыны, павышэнне яе значэння ў грамадстве;
2. распаўсюджванне інфармацыі аб небяспецы, якая пагражае НКС, а таксама аб мерапрыемствах, што праводзяцца ў межах яе аховы;
3. садзейнічанне захаванню прыродных і памятных месцаў, існаванне якіх неабходна для ажыццяўлення НКС (Артыкул 14).

Мяркуюцца, што дасягненне гэтых мэтаў павінны быць рэалізавана сродкамі разнастайных адукацыйных праграм і мерапрыемстваў, прызначаных для адпаведных супольнасцей і груп, а таксама праз інтэграцыю ведаў пра НКС у фармальную і нефармальную адукацыю [4, с. 11].

Аперацыйнае кіраўніцтва да Канвенцыі 2003 г. дае больш разгорнутую характарыстыку тых мераў, якія неабходна прыняць для захавання НКС і якія, відавочна, датычацца адукацыі. Так, прапануецца інтэграваць тэматыку НКС у школьныя праграмы і распрацаваць для гэтых мэтаў неабходныя адукацыйныя матэрыялы: падручнікі, дапаможнікі, кампакт-дыскі, відэаматэрыялы, дакументальныя фільмы, брашурны. Падкрэсліваецца, што ў кожным выпадку неабходна ўлічваць лакальны кантэкст НКС. Варта таксама ўмацоўваць патэнцыял настаўнікаў у пытаннях выкладання тэматыкі НКС, далучаць бацькоў вучняў да распрацоўкі прапаноў адносна тэм і модулей у выкладанні НКС у школах. Надзвычай важным з'яўляецца далучэнне носьбітаў і практыкаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны да распрацоўкі адукацыйных праграм і для работы па тлумачэнню іх спадчыны ў школах і іншых вучэбных установах [5, с. 61].

Канвенцыя 2003 г. надае вялікую ўвагу развіццю нефармальных форм адукацыі ў дачыненні да НКС, а таксама ўкараненню практычных метадаў перадачы ведаў шляхам прамога ўдзелу ў ажыццяўленні НКС, а таксама з дапамогай гульні, хатняга настаўніцтва і інтэграцыі ў асроддзе бытавання спадчыны. Сярод іншых форм навучання, якія рэкамендуюцца, – правядзенне адукацыйных летнікаў, конкурсаў фотаздымкаў і відэаматэрыялаў; развіццё маршрутаў культурнай спадчыны, арганізацыя школьных экскурсій па мясцінах, звязаных з нематэрыяльнай культурнай спадчынай. Шырокае выкарыстанне з мэтай папулярнага НКС разнастайных інфармацыйных і камунікацыйных тэхналогій тасаму вітаецца [5, с. 62].

Адметнай рысай адукацыі дзеля захавання НКС з'яўляецца яе паслядоўны і сістэмны характар, навучанне на працягу ўсяго жыцця: ад маленства да сталасці. Працэс перадачы ведаў пра НКС пачынаецца ад дзіцячага садку і працягваецца ў школьным перыядзе, а таксама – на ўзроўні вышэйшай адукацыі. Менавіта такі падыход забяспечвае засваенне традыцыйных ведаў і практык, выпрацоўвае павагу да сваёй спадчыны і спрыяе міжкультурнаму дыялогу паміж прадстаўнікамі розных культур.

Важным аспектам адукацыйнай палітыкі ў дачыненні да НКС лічыцца актыўны ўдзел носьбітаў НКС на ўсіх этапах яе рэалізацыі: ад дапамогі ў зборы матэрыялаў, распрацоўцы дапаможнікаў і відэа-урокаў, настаўніцтва для моладзі, фасілітацыі для на-

стаўнікаў, так і ў ажыццяўленні навучальных праграм для саміх носьбітаў і практыкаў (Аперацыйнай кіраўніцтва, п. 107 (м)) [5, с. 62]. Навучанне апошніх ажыццяўляецца па некалькіх напрамках. Найперш, яно звязана з тлумачэннем значэння самага НКС, яе ролі ў развіцці грамадства і тэрыторый. Часам носьбіты нематэрыяльнай культурнай спадчыны недаацэньваюць яе каштоўнасць і неабходнасць захавання для будучых пакаленняў. Далей істотнымі і карыснымі для носьбітаў і практыкаў НКС могуць быць сучасныя веды па кіраванні прадпрыемствамі, арганізацыі турызму, маркетынгамым тэхналогіям, сацыяльнаму прадпрымальніцтву, абароне інтэлектуальнай уласнасці. Такія веды дапамогуць ім эфектыўна выкарыстоўваць іх спадчыну для атрымання дабрабыту, вырашэння праблем занятасці, развіццю невялікіх бізнэсаў на падставе традыцыйных рамёстваў і промыслаў.

Ажыццяўленне адукацыйнай палітыкі на падставе НКС выдатна карэлюецца з Парадам дня ААН па ўстойлівам развіцці і адпавядае рэалізацыі мэты 4, звязанай з якаснай адукацыяй. ЮНЕСКА заахвочвае дзяржавы-удзельніцы Канвенцыі 2003 г. «прымаць належныя юрыдычныя, тэхнічныя, адміністрацыйныя і фінансавыя меры», накіраваныя на: 1) забеспячэнне таго, каб адукацыя садзейнічала павазе да сваёй культуры, узаемапавазе да іншых культур, да носьбітаў НКС, вобраз жыцця якіх не павінен падвяргацца абразе ці мадэрнізацыі без іх згоды; 2) прызнанне значнай ролі традыцыйных спосабаў перадачы нематэрыяльнай культурнай спадчыны, якія ўсхвалены самімі супольнасцямі, групамі ці асобнымі носьбітамі; імкненне выкарыстоўваць іх патэнцыял у фармальнай і нефармальнай адукацыі [5, с. 85].

Для дасягнення вышэйадзначанай мэты рэкамендуецца «узмацніць супрацоўніцтва і ўзаемадапаўняльнасць паміж рознымі практыкамі і сістэмі адукацыі»; садзейнічаць навуковым даследаванням і распрацоўцы адпаведных педагагічных метадалогій; спрыяць адукацыі ў галіне захавання ўстойлівай біязразнастайнасці і экалагічнай бяспекі, якая непасрэдным чынам звязана з аховай НКС» [5, с. 85–86].

ЮНЕСКА таксама адзначае, што «нематэрыяльная культурная спадчына можа забяспечваць «кантэксна-спецыфічны змест і педагагічныя інструменты для разгортвання адукацыйных праграм, дзейнічаць як драйвер для павышэння актуальнасці і якасці адукацыі, паляпшэння яе вынікаў» [8]. З гэтай мэтай арганізацыяй была распрацавана і актыўна ажыццяўляецца праграма «Ахова нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў фармальнай і нефармальнай адукацыі». На падставе справаздачы па выніках двух гадоў рэалізацыі гэтай праграмы ў сямі міжсектаральных офісах ЮНЕСКА (асобных краінах Еўропы, Афрыкі, Лацінскай Амерыкі, Азіі і Ціхага Акеана) было адзначана, што інтэграцыя НКС у існуючыя навучальныя праграмы паказала сябе як эфектыўны падыход, які будзеца найперш на міждысцыплінарным супрацоўніцтве паміж рознымі ведамствамі (напрыклад, міністэрствамі культуры, адукацыі, аховы прыроды і інш.) і разгортванні шырокай праграмы падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі выкладчыкаў. Аднак кардынатарам праграмы прыйшлося сутыкнуцца з шэрагам праблем, якія галоўным чынам датычыліся наладжвання ўзаемаадносін паміж рознымі дзяржаўнымі сектарамі і сумеснага навучання экспертаў у галіне культуры і адукацыі з тым, каб у далейшым развіваць праграмную калабарацыю паміж дзейнасцю па ахове НКС і сферай адукацыі. Часам такая канцэпцыя ўзаемнага супрацоўніцтва патрабуе распрацоўкі адпаведнай палітыкі і інструментарыя ў краінах-удзельніцах, што няпроста [9].

Акрамя таго, ЮНЕСКА актыўна развівае глабальную партнёрскую сетку вышэйшых адукацыйных ўстаноў ва ўсім свеце. Лічыцца, што іх роля даволі значная ў падрыхтоўцы будучых кіраўнікоў і менеджараў у галіне нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Дзякуючы сеткаваму ўзаемадзеянню, універсітэты могуць абменьвацца рознымі па-

дыходамі і методыкамі, каб узбагаціць свае уласныя праграмы і лепш зразумець, як інтэграваць у навучальны працэс ахову нематэрыяльнай культурнай спадчыны [1].

У межах пілотнага праекта для Азіяцка-Ціхаакеанскага рэгіёна ЮНЕСКА пратэсціравала наватарскія падыходы з мэтай адаптацыі тэматыкі НКС да ўмоў звычайнай школы і накіраваных, па словах Гванг-Джо Кім, дырэктара Азіяцка-Ціхаакеанскага рэгіянальнага бюро ЮНЕСКА па адукацыі, – «на выхаванне пакалення маладых людзей, якія будуць удзельнічаць у будаўніцтве лепшага і больш устойлівага свету» [7, с. 4]. У праекце прымалі ўдзел чатыры краіны: Пакістан, Палау, Узбекістан і Вьетнам. Па выніках праекта быўраспрацаваны і выдадзены дапаможнік пад назвай: «Нематэрыяльная спадчына ў сістэме навучання дзеля ўстойлівай будучыні». Дапаможнік утрымлівае рэкамендацыі для настаўнікаў школ, выкладчыкаў каледжаў, ВНУ, а таксама – устаноў дадатковай адукацыі (музеяў, адукацыйных і культурных цэнтраў, няўрадавых арганізацый і інш.) пра тое, як ім найлепшым чынам інтэграваць веды пра НКС у сістэму навучання. У якасці арыетыра прапануецца выкарыстаць сістэму чатырох крокаў ці этапаў. На першым этапе неабходна зразумець лакальны катэкст прыктыкі НКС (сабраць разам з вучнямі інфармацыю пра нематэрыяльную культурную спадчыну рэгіёна, ідэнтыфікаваць разнастайныя элементы НКС, запісаць інтэрв'ю з носьбітамі, даследаваць публікацыі на гэту тэму). На другім этапе рэкамендуецца распрацаваць канцэпцыю інтэграцыі гэтых ведаў у план урока па сваім прадмеце. На трэцім – рэалізаваць задуманае, задакументаваць вынікі і абмеркаваць іх з калегамі. На апошнім этапе неабходна ацаніць дасягнутае і працягваць рэалізавываць гэтыя падыходы ш сваёй працы [7, с. 31]. Асабліва каштоўнасць вышэйадзначанага даведніка ў тым, што ў ім падрабязна даследуецца вопыт і прыводзяцца методыкі ўкаранення інфармацыі пра НКС у разнастайныя школьныя дысцыпліны як гуманітарнага, прыродазначага, так і навукова-тэхнічнага профіля, а таксама даюцца прыклады плнаў урокаў і падыходы да ацэнкі ведаў [7].

Беларускія адукацыйныя практыкі ў галіне НКС. Існуе некалькі спосабаў далучэння нематэрыяльнай культурнай спадчыны да сістэмы адукацыі: 1) праз перадачу ведаў пра НКС і 2) шляхам інтэграцыі НКС у фармальную і нефармальную адукацыю (адукацыя разам з НКС).

У першым выпадку гаворка ідзе ў асноўным пра арганізацыю спецыяльных урокаў па тэматыцы нематэрыяльнай культурнай спадчыны ці вылучэння асобнага прадмета навучання. Настаўнік можа распавесці пра пэўную традыцыйную практыку, сістэму жыццядзейнасці, уменні і веды, альбо пра значэнне і вытокі мясцовай традыцыі ці пра тое, як вырабляецца традыцыйнае адзенне. «Жывая» спадчына прапануе мноства прыкладаў, якімі можна падзяліцца ў класе, і пры вучэнні іншых прадметаў, напрыклад, гісторыі, мовы, літаратуры.

Навучанне разам з нематэрыяльнай культурнай спадчынай адбываецца шляхам укаранення яе зместу і значэння ў шырокі спектр прадметаў, такіх як мовы, матэматыка, фізіка, хімія, фізічная культура, грамадазнаўства, біялогія і інш. Пры гэтым фармат урокаў становіцца больш актуальным і цікавым, паколькі цесна звязаны з акаляючым асроддзем навучэнцаў, абапіраецца на веды, якія захоўваюцца ў іх сям'і ці супольнасці і ўяўляюць пэўныя асацыяцыі і сэнсы для вучняў. Натуральна, гэта можа значна палегчыць засваенне матэрыялу. Урокі, якія ўключаюць інфармацыю пра «жывую» спадчыну, заахвочваюць вучняў да большай цікавасці да яе, развіваюць трывалыя сувязі са сваімі сем'ямі, сябрамі і супольнасцямі. Інтэграцыя «жывой» спадчыны ў адукацыю злучае вучняў з іх мінулым, адзін з адным і з шырокім светам. Яна накіравана на іх самаідэнтыфікацыю і развіццё павагі да іншых культур, што надзвычай важна для разумення сябе і свайго месца ў грамадстве.

Элементы НКС¹ могут адначасова закранаць некалькі школьных прадметаў. Напрыклад, аповяд пра прыродныя аб'екты (камяні, крыніцы, дрэвы), надзеленыя сакральным зместам, можа мець месца на ўроках прыродазнаўства, геаграфіі, літаратуры, гісторыі. Гэта спрыяе супрацоўніцтву паміж настаўнікамі розных дысцыплін, пошуку новых інавацыйных падыходаў і метадаў навучання.

Як сведчыць Перыядычны (нацыянальны) справаздачны даклад Рэспублікі Беларусь 2021 г., веды пра нематэрыяльную культурную спадчыну на першай ступені навучання інтэграваны ў шэраг абавязковых школьных прадметаў, такіх як «Чалавек і свет», «Мая Радзіма – Беларусь». Дзеці знаёмяцца з беларускай міфалогіяй, тапанімікай, фальклорам, вывучаюць абрады і святы, народныя гульні, беларускія народныя строі. На уроках працы дзеці практыкуюць беларускія народныя рамёствы, такія як выцінанка, саломпляценне, вышыўка і інш. На другой і трэцяй ступені адукацыі падчас урокаў гісторыі і геаграфіі даследуюць гісторыю, прыродны і культурны ландшафт сваёй мясцовасці, дэмаграфію, сацыяльныя працэсы. Беларускія рамёствы і фальклор таксама вывучаецца ў працэсе факультатывнай і гурткавай работы ў школах [6].

Дашкольная адукацыя таксама прапануе шэраг актыўнасцей, звязаных з засваеннем ведаў пра нематэрыяльную культурную спадчыну краіны. Вывучаецца беларускі фальклор, народныя песні, але найбольш актуальным і распаўсюджаным з'яўляецца вывучэнне беларускіх народных гуляняў. Да прыкладу, у пошукавай сістэме Google можна знайсці больш 60 000 спасылак на тэму: «беларускія народныя гульні» (на беларускай і рускай мове). Сярод іх – інфармацыя з розных навучальных устаноў, ад дзіцячага садка да школ, метадычныя распрацоўкі і рэкамендацыі, жывыя прыклады і практыкі.

У сістэме вышэйшай адукацыі асобныя курсы па вывучэнні нематэрыяльнай культурнай спадчыны ёсць у Беларускім дзяржаўным універсітэце (далей – БДУ), на гістарычным і філалагічным факультэце. Яны ўключаюць заканадаўчыя і практычныя аспекты аховы НКС. На гістарычным факультэце таксама існуе спецыяльная магістарская праграма па НКС. Вывучэнне НКС уключана ў агульны курс па ахове культурнай спадчыны на факультэце сацыяльна-культурных камунікацый БДУ. Для будучых музейных работнікаў у БДУ чытаецца спецыяльны курс: «Інтэрпрэтацыя НКС у музеі». НКС як частка курса па ахове спадчыны ўключана ў праграму падрыхтоўкі спецыялістаў па традыцыйнай культуры і фальклору ў Беларускім дзяржаўным універсітэце культуры і мастацтваў (далей – БДУКМ). На факультэтах харэаграфіі і народных спеваў БДУКМ падрабязна вывучаецца беларускі народны танец, музыка і песенная творчасць. Вывучэнне НКС як рэсурса для ўстойлівага турызму ўключана ў падрыхтоўку турыстычных менеджэраў у БДУ, Інстытуце менеджменту спорту і турызму (Мінск), шэрагу рэгіянальных універсітэтаў у Гомелі, Гродне, Віцебску, Брэсце і Магілёве. Народна-інструментальная музычная культура Беларусі вывучаецца ў Беларускай Акадэміі музыкі [6].

Нягледзечы на даволі шырокі ахоп даных, звязаных з увядзеннем тэматыкі НКС у сістэму фармальнай адукацыі, рэальная практыка паказвае, што ў выкладанні НКС існуюць дзве істотныя праблемы, якія пакуль не дазваляюць гаварыць аб інтэграцыйным характары гэтых адукацыйных ініцыятыў. Першая праблема праяўляецца ў недастатковай увазе да мясцовага кантэнту НКС, а часам і ў поўным яго ігнараванні. Іншымі словамі, даецца досыць уніфікаваны вобраз беларускай традыцыйнай культуры і фальклору, без акцэнта на мясцовыя веды і практыкі, а таксама носбітаў гэтых ведаў і практык. Другая праблема наўпрост звязана з далучэннем супольнасцей, груп і асобных людзей – стваральнікаў і захавальнікаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны –

¹ Элемент НКС – прынятае ў ЮНЕСКА абзначэнне адзінкавых праяўленняў нематэрыяльнай культурнай спадчыны, эквівалента – аб'ект спадчыны (у дачыненні да матэрыяльнай спадчыны).

да працэса навучання. Між тым, прамое ўзаемадзеянне вучняў і студэнтаў з носьбітамі традыцый дэманструе вынікі больш эфектыўнай перадачы НКС, чым пры завочным і уніфікаваным навучанні. Гэта выдатна паказалі сёлетнія іспыты студэнтаў 3-га курса спецыяльнасці «этнафоназнаўства» БДУКМ, якія ў 2021 г. мелі актыўную камунікацыю з удзельнікамі мясцовых фальклорных калектываў Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці падчас летняй практыкі і экспедыцыі. ЮНЕСКА падкрэслівае, што асноўная мэта адукацыі ў кантэксце аховы НКС – гэта забеспячэнне яго пераемнасці ад пакалення да пакалення. Таму далучэнне носьбітаў НКС да стварэння адукацыйных праграм і на этапе іх выкладання з’яўляецца вельмі важным фактарам захавання гэтай спадчыны ў будучым [2].

У неформальнай (дадатковай) адукацыі Беларусі, тым не менш, існуе досыць прыкладаў інтэграцыйнага падыходу да навучання НКС. У Беларусі, дзе захавалася разгалінаваная сістэма разнастайных дамоў і цэнтраў фальклора, рамёстваў, сельскіх клубаў і гарадскіх культурных цэнтраў, устаноў дадатковай адукацыі моладзі, вядзецца рэальная праца па вывучэнню мясцовых рамёстваў і промыслаў, фальклорных традыцый. Стала звычайнай практыкай, калі выкладаннем займаюцца самі рамеснікі, носьбіты і транслятары НКС. Сярод лепшых адукацыйных практык – дзейнасць Марыны Гушчы з Гарадоцкага дома рамёстваў і фальклору, якая на працягу многіх гадоў пераймала тэхніку ажурнага ткацтва непасрэдна ў мясцовых майстрых, а сёння выкладае яе сама і актыўна прасоўвае²; ці, да прыкладу, адукацыйныя праекты па перадачы ўменняў і навыкаў, звязаных з мастацтвам выцінанкі, якія рэалізоўвае Маладзечанская школа выцінанкі, што цягам многіх гадоў існуе ў Маладзечанскім музычным каледжы імя М. К. Агінскага, і дзякуючы якой Беларусь захавала гэта старажытнае рамяство³. Курсы па розных тэмах, звязаных з НКС, сістэматычна арганізуе Студэнцкае этнаграфічнае таварыства (СЭТ). З найбольш вядомых – праграма «Шьем касцюм», якая прываблівае штогод шмат жадаючых. На курсах людзі, пад кіраўніцтвам вопытнага трэнера, праектуюць і шыюць народныя строй і затым удзельнічаюць у ім на розных народных святах і фестывалях. СЭТ таксама праводзіць курсы ў гарадах Беларусі па народных танцах, спевах. Удзельнікі таварыства ладзяць трэнінгі для прадстаўнікоў мясцовых супольнасцяў, звязаных з НКС, падчас летніх экспедыцый⁴. З 2016 г. СЭТ рэалізуе вэб-платформу ETNNO.by – анлайн-медыя-бібліятэку. Мэта праекта – сабраць найбольш поўную інфармацыю аб усіх апублікаваных матэрыялах па традыцыйнай культуры, уключаючы кнігі, навуковыя публікацыі, музычныя рэлізы, дакументальныя фільмы і тэлешоу і г. д. Цяпер база даных змяшчае каля 10 000 запісаў (не лічачы назваў населеных пунктаў) і пастаянна расце⁵. Ёсць таксама прыклады, калі прадстаўнікі мясцовых супольнасцей уцягнуты не толькі ў працэс перадачы ведаў, але і з’яўляюцца ініцыятарамі і арганізатарамі розных семінараў і курсаў. Напрыклад, Георгій Ціманаў, актывіст і пастаянны ўдзельнік абраду «Калядныя цары» в. Семежава (Мінская вобласць), уключанага ў Спіс тэрміновай НКС (ЮНЕСКА), ужо на працягу многіх гадоў праводзіць курс навучання навыкам, звязаным з практыкай элемента НКС, для мясцовай моладзі. Майстар музычных духавых інструментаў Мар’ян Скрам-

² “Ажурны” гарадоцкі брэнд/ Настаўніцкая газета, 11 верасня 2022 // <https://nastgaz.by/azhurny-garadotski-brend/>

³ Лізавета Чырвонцава Маладзечанская школа выцінанкі // <https://vytinanka.by/maladzechanskaja-shkola-vycinanki/>

⁴ <https://set.ethno.by>

⁵ <https://ethno.by>

блевіч (Гродзенская вобласць) адкрыў школу ў сваёй уласнай майстэрні для мясцовых дзяцей, перадае ім веды і вопыт па стварэнню традыцыйных музычных інструментаў, а таксама чытае лекцыі для ўсіх ахвочых па гісторыі беларускай народнай музыкі [6].

Досыць распаўсюджаным спосабам перадачы традыцыйных ведаў і вуснай народнай творчасці ў беларускім кантэнце сталі моладзевыя летнікі, напрыклад, летнік «Пятровіца»⁶, які на працягу шасці гадоў ладзіцца ў Любанскім раёне Мінскай вобласці, летнік традыцыйнага ткацтва «Кросенцы» ў Неглюбцы Веткаўскага Гомельскага раёна Гомельскай вобласці⁷ або летнік «Карагоднае кола», які сёлета прайшоў у в. Пагост Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці⁸. Адметнасцю такой формы нефармальнай адукацыі як летнікі з'яўляецца пагружэнне удзельнікаў у асяроддзе бытавання пэўнай супольнасці НКС, знаёмства з традыцыйнымі практыкамі ад кулінарыі да промыслаў і рамёстваў, прамая камунікацыя з носьбітамі традыцый, пранікненне ў культуру паўсядзённасці сучаснай беларускай вёскі, спасціжэнне і далучэнне да іх культурных каштоўнасцей. Гэта значна абагачае кругагляд моладзі, пашырае панараму іх культурнага арэолу, спрыяе іх самаідэтыфікацыі і фарміраванню нацыянальнай свядомасці.

Такім чынам, адукацыя на інстытуцыйным узроўні і на ўзроўні нефармальнай адукацыйных ініцыятыў мае выключнае значэнне для перадачы ведаў і навыкаў, звязаных з нематэрыяльнай культурнай спадчынай ад пакалення да пакалення. У сучасным грамадстве яна выконвае ролю рэтранслятара для НКС, далучаючы моладзь да спадчыны іх бацькоў і дзядоў, а таксама выступае ў ролі своеасаблівага медыятара паміж пакаленнямі, паміж носьбітамі і іншымі прадстаўнікамі грамадства. Вось чаму ЮНЕСКА, якая ініцыявала і правяла ў 2003 г. Канвенцыю аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны, заахвочвае краіны-ўдзельніцы да прыняцця адпаведных рашэнняў і разгортвання міжсектаральнай палітыкі па інтэграцыі НКС у сферу адукацыі. З гэтай мэтай ЮНЕСКА ужо прыняла і актыўна рэалізоўвае шэраг праграм і праектаў у розных краінах свету, стварае дапаможнікі і ажыццяўляе дзейнасць па нарошчванню патэнцыяла сярод настаўнікаў школ, выкладчыў універсітэтаў і спецыялістаў па ахове НКС.

Беларускі вопыт міждысцыплінарнага супрацоўніцтва паміж культурай і адукацыяй яшчэ не надта вялікі, аднак працэс далучэння нематэрыяльнай культурнай спадчыны да выкладання шэрагу афіцыйна зацверджаных дысцыплін у школах і вышэйшых навучальных установах ужо разгортваецца. На больш высокім узроўні актыўнасці адбываецца інтэграцыя НКС у нефармальным (дадаковым) сектары адукацыі, якая на сённяшні дзень сканцэнтравана ў асноўным на вывучэнні і папулярнага беларускіх рамёстваў і промыслаў, фальклору, міфалогіі. Далейшая, больш глыбокая і сістэмная інтэграцыя тэматыкі НКС у сістэму адукацыі, якая закране не толькі гуманітарныя прадметы, але і дысцыпліны прыродазнаўчага і тэхнічнага профілю, праз інтэнсіўнае даследаванне традыцыйных ведаў і практык, камунікацыю з носьбітамі гэтых практык і далучэнне іх да працэсу навучання, адбудзецца на наступным этапе імплементацыі Канвенцыі 2003 г. у Рэспубліцы Беларусь, наладжвання актыўнага супрацоўніцтва паміж рознымі ведамаствамі і арганізацыямі, выпрацоўкі агульнай міжсектаральнай палітыкі ў дачыненні аховы НКС і засваення эфектыўных сусветных практык у гэтым напрамку.

⁶ <https://piatrovica.by>

⁷ <https://www.vetka-museum.by/naviny/653-letnik-neglyubskaga-tkatstva-krosentsy-z-15-pa-20-zhniunya-2022.html>

⁸ <https://radiokultura.by/be/peredacha/belaruskaya-etnafoniya>

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Global tertiary education networking//UNESCO [Electronic resource]. –URL: <https://ich.unesco.org/en/global-tertiary-education-networking-00976> (дата обращения: 09.09.2022).
2. Живое наследие и образование. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. Брошюра. ЮНЕСКО, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/46212-RU.pdf> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Integrating intangible cultural heritage in education Intersectoral meeting with Education Institutes and Programmes 17–19 May 2017, Paris, France. Summary Report [Electronic resource] URL: https://ich.unesco.org/doc/src/Meeting_report_EN.pdf. (дата обращения: 09.09.2022).
4. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия // Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. ЮНЕСКО, 2018. С. 1–22.
5. Операционное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия // Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. ЮНЕСКО, 2018. С. 22–165.
6. Перыядычная (нацыянальная) справаздача Рэспублікі Беларусь аб выкананні Міжнароднай канвенцыі аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны, 2021 / Periodic Report on the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (Belarus, 2021) [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/en-state/belarus-BY?info=periodic-reporting#rp> (дата обращения: 09.09.2022).
7. Нематериальное наследие в системе обучения в интересах устойчивого будущего Руководство для преподавателей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ЮНЕСКО, 2019.
8. Safeguarding intangible cultural heritage in education//UNESCO [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/en/education-01017> (дата обращения: 07.09.2022).
9. Safeguarding intangible cultural heritage in formal and non-formal education. Intersectoral Meeting, 7–8 October 2019. UNESCO Summary report [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/48763-EN.pdf>. (дата обращения: 10.09.2022).